

Д. А. Гутнов

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII в.

Учебное пособие

ПРОСПЕКТ

Д. А. Гутнов

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII в.

Учебное пособие

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

•ПРОСПЕКТ•
Москва
2021

УДК 94"17"(470+571)(075.8)
ББК 63.3(2)46я73
Г97

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Автор:
Гутнов Д. А., доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и МГК им. П. И. Чайковского. Автор нескольких монографий и большого числа статей по различным аспектам истории России.

Рецензенты:
Грабельников А. А., доктор исторических наук, профессор РУДН;
Минаева О. Д., доктор филологических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

Гутнов Д. А.
Г97 Курс русской истории. XVIII в. : учебное пособие. – Москва : Проспект, 2021. – 392 с.

ISBN 978-5-392-34281-5

Книга представляет собой публикацию авторского курса лекций по русской истории, охватывающего события XVIII в. Может использоваться как учебное пособие для абитуриентов и студентов высших учебных заведений при подготовке к экзамену по отечественной истории. Обилие интересных и малоизвестных исторических фактов с учетом известных сведений, накопленных исторической наукой, вкупе с доступной формой изложения материала позволяет рекомендовать это издание всем, кто интересуется историей России.

УДК 94"17"(470+571)(075.8)
ББК 63.3(2)46я73

Учебное издание

Гутнов Дмитрий Алексеевич

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ

XVIII в.

Учебное пособие

Подписано в печать 18.02.2021. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Печать цифровая. Печ. л. 24,5. Тираж 1000 (1-й завод 200) экз. Заказ № 1310

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-392-34281-5

© Гутнов Д. А., 2021
© ООО «Проспект», 2021

НЕСКОЛЬКО ВВОДНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Перед тем, как вы перелистнете эту страницу и погрузитесь в историю XVIII века в моем изложении, я бы хотел сделать несколько предварительных замечаний, дабы предвосхитить возможное непонимание некоторых отсылок, содержащихся в данной книге. Дело в том, что она является второй частью моего лекционного курса, опубликованного чуть ранее тем же издательством[1]. К ней (см. ссылку) и следует обращаться за разъяснениями упомянутых вопросов. Это первое.

А во-вторых, коль скоро мы с вами заговорили о XVIII веке, я не мог удержаться от искушения, чтобы самым кратким образом охарактеризовать эпоху, которую нам придется изучить в контексте переживаемого нами сегодня хода событий.

Самым поверхностным образом перечислю те черты нашей жизни, которые дал нам XVIII век. Именно он сформировал важнейшие представления о ценности человеческой личности и ее правах, идею правового государства и разделения властей; им был сформулирован принцип презумпции невиновности и соразмерности наказания преступлению; сложились понятия общественной, государственной и национальной безопасности. Одновременно с этим именно в XVIII веке основополагающим принципом международных отношений стал все более подвергающийся сомнению в наши дни принцип национально-государственного суверенитета. С XVIII века начинается эпоха национальных государств. Вместе с ними XVIII век породил также и национализм как инструмент создания подобных государств — сначала как течение общественной мысли, а потом и как политическую доктрину, которая играла важную роль в мировой истории на протяжении последующих столетий. В XVIII столетии сложились также современная дисциплинарная структура научного знания и представления об образованности; оформились как самостоятельные основные виды литературы и искусства.

Правда, в оценке того, чем был этот век в памяти непосредственных его свидетелей и потомков, мы видим значительные различия. Мнения

---

[1] *Гутнов Д. А.* Курс русской истории VI–XVII вв.: учеб. пособие. М.: Проспект, 2020.

наблюдателей существенно разнятся в зависимости от того, находятся ли они на Западе или Востоке Европы. Так, на Западе основным событием, определившим весь последующий ход всемирной истории, безусловно называется Великая французская буржуазная революция. Французский философ, мыслитель и основоположник современной теории консерватизма Жозеф де Местр, бывший свидетелем революции, к примеру, стремясь осмыслить ее главные уроки, настаивал на коллективной ответственности за этот исторический катаклизм всей Франции, и вина эта, по его мнению, усугублялась той доминирующей ролью, которую французы играли в Европе. Жозеф де Местр был убежден, что на Францию была возложена Богом исключительная духовная миссия, и отказ от нее не мог не повлечь такие же исключительные страдания его родине, призванные ее очистить и возродить.

Много лет спустя над этими надеждами издевался английский историк и автор одного из первых сочинений по истории Французской революции Томас Карлейль. В своем труде, вышедшем в 1837 году, он не стеснялся в выражениях: «Посмотрите туда, где разгорается заря нового утра! Пробудитесь же от долгого сомнамбулического сна, гоните прочь тяготившие вас колдовские призраки. Пусть исчезнут они ..., и пусть навсегда вместе с ними исчезнет на Земле все глупое и нелепое. Ведь отныне на Земле воцарятся истина и справедливость — основные принципы эпохи Просвещения. Ибо можете ли вы себе представить какую-либо иную цель, кроме счастья ...? И непобедимый аналитический метод, и достижения науки — гарантия тому. Надо только, чтобы общество было устроено правильно. ... По-видимому, всеобщая доброжелательность приведет к тому, что каждый будет считать своим долгом заботу об остальных, так что не будет больше людей заброшенных и несчастных». Так передает он риторику века, названного им «бумажным» за многословную ложь, фальшь и пренебрежение реальными проблемами.

Еще двадцать лет спустя подобным же образом, но более сдержанно и взвешенно, охарактеризовал духовную ситуацию предреволюционных лет еще один известный француз — историк Алексис де Токвиль: «Религиозная терпимость, мягкость во властвовании, человеколюбие и даже доброжелательность никогда не проповедовались так широко, — писал он об этой эпохе. — И, казалось, не пользовались таким признанием, как в XVIII веке. И тем не менее в среде столь кротких нравов суждено было зародиться самой бесчеловечной революции».

Но это на Западе. У нас же в России для большинства образованных людей-современников XVIII века ключевым его событием было правление Петра Великого и его последствия. В результате осуществленных им радикальных преобразований наша страна окончательно оформилась как империя и обрела свое место в мировой истории, которое занимала на протяжении последующих столетий. В том, что

именно деятельность первого русского императора стала для России рубежом, важнейшей гранью, с которой начался собственно новый период ее истории, согласны и самые ревностные почитатели, и самые яростные критики Петра.

Петровскими преобразованиями были заложены основы великой русской культуры, уже в следующем, XIX веке приобретшей мировое значение. Сложились многие культурно-исторические стереотипы общественного поведения и сознания русских людей. Впервые заявили о себе важнейшие проблемы русской общественной и политической мысли. Реформы первой четверти XVIII века надолго предопределили вектор развития страны, а их противоречивость в значительной мере заложила основу всех особенностей этого развития, ибо именно в XVIII веке надо искать корни многих социальных, экономических, политических и иных проблем, оказывавших серьезное влияние на русскую историю последующих эпох. Поэтому не случайно, что фигура царя-реформатора изначально находилась в центре русского дискурса по истории XVIII столетия.

Официальная русская монархическая историография, естественно, ставила фигуру царя-реформатора в центр истории XVIII века. Современники и сотрудники царя А. Манкиев, П. Шафиров, Ф. Прокопович и следовавшие за ними авторы подчеркивали значение личности, воли и целеустремленности Петра в преобразовании страны и том громадном перевороте, который эти реформы произвели во всем облике страны. Исключение здесь составил младший современник Петра князь М. М. Щербатов. В отличие от большинства апологетов петровских реформ, он критиковал не просто сами петровские реформы, но и, главное, их последствия. В книге «О повреждении нравов в России», завершенной в конце 1780-х годов, незадолго до смерти, он сравнивал век нынешний и век минувший явно не в пользу первого. Главный лейтмотив сочинения Щербатова состоял в том, что, хотя реформы Петра и были необходимы, но они неизбежно привели к «повреждению нравов». Как он писал: «Мы ... исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростию бежали к повреждению наших нравов и достигли даже до того, что Вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, а гражданские узаконения презираемы стали».

Если отвлечься собственно от фигуры Петра, то одним из первых свой диагноз истекшему XVIII веку дал известный русский мыслитель, писатель и оппозиционер А. Н. Радищев. В оде «Осмьнадцатое столетие» (1801 г.) он характеризует истекшее столетие как время трагичное и страшное, но «две вознеслись скалы во среде струй кровавых: Екатерина и Петр!». Признаться, даже по истечении трех веков мне кажется сомнительным, что Радищев был искренен, прославляя Екатерину II, чей приговор обрек его на многолетнюю ссылку. Но с другой стороны,

в этой оде его мало интересуют конкретные события. Он был убежден, что человеческие идеи, ниспровергнувшие предрассудки,— «суть творения Бога». И потому они — вечны. При этом автор сетовал, что у XVIII столетия «сил недостало к изгнанию всех духов ада», и предсказывал грядущие потрясения, обусловленные этим. Таким образом, в отличие от многих своих современников, рефлексировавшихся именно на кровавых итогах «века Просвещения», Радищев видел главное достижение этого столетия в освобождении человеческого духа, а сопровождавшие его кровавые потрясения — только как фон этого позитивного процесса.

Если мыслители, рассуждавшие о XVIII веке на его исходе или в начале следующего столетия, обычно подчеркивали его разрушительный характер (неважно, с восторгом или с ненавистью), то со временем в его постепенно теряющем живую осязательность образе стали проявляться новые черты. Они становились все более явственными на фоне метаморфоз русской истории, ставших очевидными ко второй половине XIX века. И прежде всего это была ностальгия. А ассоциировалась она не с далекой Французской революцией и даже не с жестокими преобразованиями Петра I, а с «добрым старым временем» и присущими ему характерными приметами. Об этом писал еще А. С. Пушкин: «Куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — все исчезло. Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного. На всех воротах прибито объявление, что дом продается или отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает...»

Это «доброе старое время» воспринималось отнюдь не как идиллия; подчас оно вызывало недоумение и ужас, которые питались потоком новых исторических сведений, обусловленных наступлением эпохи Великих реформ 60–70-х годов XIX века. Сопутствующая ей гласность и либерализм привели к жизни целый сонм новых исторических журналов, публиковавших пребывавшие до того в безвестности документы и материалы (в первую очередь мемуары) по истории истекшего века, многие из которых к тому же еще недавно были под цензурным запретом.

По мере того, как с течением времени воспоминания о Французской революции и породивших ее идеях постепенно теряли свою болезненность, XVIII век и в Европе, и в России все чаще стал восприниматься как век «галантный», превращаясь преимущественно в объект эстетического созерцания или исторического любопытства, жадного до всевозможных курьезов. Однако Первая мировая война и последовавшие за ней события вновь сделали актуальным полузабытый исторический опыт и заставили многих задуматься: не витает ли

снова над миром призрак позапрошлого «революционного» столетия? Этот вопрос стоял перед исследователями весь XX век.

И сегодня в отечественной и зарубежной исторической науке существует множество разнообразных оценок и характеристик истории XVIII столетия и, что нас прежде всего интересует, русской истории данного периода. Так последние десятилетия очень активно обсуждается само понятие «русского XVIII века». Дело в том, что наряду с представлением о «календарном» XVIII веке (1701–1801 гг.) в науке существует также понятие «долгого XVIII века» как целостной исторической эпохи. Его нижнюю хронологическую границу принято обозначать началом самостоятельного правления Петра Великого (1694 г.), а верхнюю — либо мартом 1801 г., когда был свергнут Павел I, либо восстанием декабристов 1825 г., связывая с этими событиями завершение исторического «периода дворцовых переворотов», обладающего рядом общих отличительных черт.

Еще одним сюжетом, вокруг которой ныне ломаются копья, является вопрос о том, когда же в России начинается Новое время. На Западе его наступление ассоциируется с эпохой буржуазных революций и первого промышленного переворота XVII–XVIII вв., хотя предпосылки и складывание видятся уже в эпохе великих географических открытий. В классической советской концепции истории, в основе которой лежала марксистская теория формаций, наступление этого периода мировой истории тесно увязывается с развитием капитализма.

Развитие капитализма в России официальная советская историография относила к XIX веку — времени кризиса и слома феодальных отношений. В этой конструкции русскому XVIII столетию было уготовано место преимущественно в феодальной эпохе. Хотя одновременно высказывалась и точка зрения, согласно которой уже с XVII в. начинается «новый» период русской истории, связанный с развитием капиталистических отношений — т.н. «раннее новое время». В современной русской исторической литературе высказывается мнение, согласно которому отнесение истории России XVIII века к Средневековью, раннему новому времени или к Новому времени зависит от выбора объекта исследования. Так, например, модернизация в результате петровских реформ политической и административной системы страны в соответствии с западноевропейскими образцами действительно позволяет считать Россию вступившей в Новое время. Однако сохранение, по крайней мере до середины XIX столетия, традиционных особенностей социальной структуры российского общества и социальных отношений, прежде всего крепостного права, — аргумент в пользу отнесения всего этого периода к эпохе Средневековья.

По-разному исследователи характеризуют и политический строй русского государства XVIII века. В советское время доминировала восходящая еще к русской дореволюционной историографии точка

зрения, обозначавшая политическую природу власти в России первой половины XVIII века до екатерининского правления, как абсолютистскую, а время царствования Екатерины II (1762–1796) — как «просвещенный абсолютизм». Применение подобной терминологии к русской истории XVIII века отчасти было связано со стремлением доказать тождество основных этапов исторического развития России и большинства европейских стран, в которых, как считается, примерно в то же время сформировались абсолютистские политические режимы, а в основу политических доктрин (по крайней мере, во второй половине XVIII века) были положены принципы европейского Просвещения. Советские историки рассматривали абсолютизм как своего рода высшую стадию развития феодальной монархии, а «просвещенный абсолютизм» — как его модификацию.

Разные точки зрения высказывались в историографии и относительно содержания и хронологических рамок «просвещенного абсолютизма» в России. Так, некоторые историки склонны распространять это понятие на царствование Елизаветы Петровны (1742–1762) и даже Петра I, а другие — на эпоху Александра I (1801–1825). В настоящее время многие отечественные и зарубежные исследователи полагают, что понятие «абсолютизм» носит слишком аморфный, неопределенный характер и что, вероятно, следует воздержаться от его использования, сосредоточив усилия на изучении сущности и эволюции российского самодержавия этого периода.

Подводя некоторый итог всему вышесказанному, я хотел бы вернуться в наше время. Конец XX и первые два десятилетия XXI века прошли под знаком отказа от многих значительных приобретений, которые привнес в нашу жизнь XVIII век. Процессы экономической и политической интеграции, массовое трансграничное перемещение людей, товаров и услуг, существенно меняли сложившиеся экономические и социальные устои жизни многих стран, основанные на идеях национально-государственного суверенитета. На международной арене все большую роль стали играть наднациональные объединения типа ВТО, Европейского союза, БРИКС и пр. в ущерб национальным юрисдикциям. А после «гуманитарных» интервенций в Югославии, Ираке, Ливии и других местах могло показаться, что под угрозой находится еще один бастион, который мы унаследовали от «галантного века» — принцип суверенитета национальных государств над своими территориями. Переживаемая нами информационная революция поставила под сомнение самоценность знания и значение печатного слова, служивших непререкаемыми авторитетами со времен века Просвещения. В общем, поминая Ф. Фукуяму, можно было представить, что наступал «Конец истории».

Но стоило в 2020 году новой заразе из Уханя (кстати говоря, не самой губительной в человеческой истории) распространиться за

пределы Китая, как этот, кропотливо выстраиваемый нами «блистающий мир», буквально в течение нескольких недель превратился в блестящие, но совершенно бесполезные обломки. И из-под всех этих осколков наших вчерашних надежд, иллюзий и планов вновь возникают основания, хорошо усвоенные человечеством в XVIII веке: восстановление национального суверенитета, суверенизация экономических и информационных систем, сопровождающаяся локализацией производств в национальных границах, торговым протекционизмом, ограничением свободы перемещения, ростом популярности политической доктрины национализма, и связанным с этим ростом численности праворадикальных партий в разных частях Европы, распадом надгосударственных объединений, отказом от международной координации усилий в чем бы то ни было и т.п. и т.д.

Конечно же, XVIII век уже никогда не повторится в том виде, в котором он вошел во всемирную историю. Но проблемы, им поставленные, похоже, еще не канули в лету. Поэтому, чтобы яснее их понять, мы с вами обращаемся к истории «Века Просвещения».

Глава I
В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Ирония истории состоит в том, что переворот 1689 г., приведший к власти Петра, вопреки бытующим в многочисленных учебниках и панегирической литературе утверждениям о победе царя-реформатора над косным боярством, был не более чем консервативной реакцией русской правящей элиты на умеренно западническую политику правительства царя Федора Алексеевича и царевны Софьи. Патриарх Иоаким, служивший благодарственный молебен в честь счастливого спасения и воцарения Петра, первым делом стал печаловаться перед юным монархом о закрытии Славяно-греко-латинской академии, только-только обустроенной стараниями предшествующей власти, и об изгнании из страны иностранцев. А в своем завещании Владыка умолял царя «разорить еретические храмы» и не допускать православных к общению «содружества творити» с иноверцами. К чести Петра, он не повелся на эти сомнительные предложения. Но и кардинально рушить традиции поначалу тоже не спешил.

Он вручил бразды правления страной боярскому правительству во главе со своим родственником со стороны матери — Л. Н. Нарышкиным, а сам продолжил свои военные забавы. В подгородных подмосковных селах продолжала звучать артиллерийская и ружейная пальба, барабанный бой и топот солдатских сапог.

Два взаимосвязанных обстоятельства определили смену этого тренда. С одной стороны — это была увлеченность Петра морем. Я уже где-то упоминал, что эта страсть пробудилась еще в 1688 г., когда юный царевич в компании Лефорта и Тиммермана обнаружил в одном из амбаров подгородного села Измайлово старый английский бот, подаренный его отцу английскими купцами, и распорядился спустить его на воду в Серебряном пруду, находившемся неподалеку. Правда, судно почти не могло держаться на плаву, но было приведено в более или менее рабочее состояние усилиями еще одного обитателя Немецкой слободы — голландца Карштена Брандта. Этот человек известен в нашей истории, между прочим, тем, что был нанят на русскую службу еще в 1667 г. правительством Алексея Михайловича для строительства

первого русского корабля «Орел». Судно это было построено, но плавало по Волге совсем недолго. Оно было сожжено восставшими казаками Степана Разина в 1670 г. Брандт же, спасаясь от бунтовщиков, бежал в Москву и жил в Немецкой слободе. Ему не составило большого труда починить ботик, оснастить его мачтой и парусами. Он же и стал первым наставником Петра в морском деле. На ботике они ходили сначала по Яузе, но в узком русле было трудно лавировать и разворачивать судно. Петр приказал перевезти ботик на Серебряный пруд, где Брандт учил молодого государя технике управления судном и морским терминам. Собственно, от этого человека Петр узнал о больших кораблях, о Голландии и верфях, где такие корабли строятся. Не в последнюю очередь благодаря ему юный царь проникся морской романтикой.

Желание увидеть, наконец, море и большие корабли сподвигло Петра к путешествию в Архангельск. Там он был дважды — в 1693 и 1694 гг. В первый свой приезд царь на яхте «Святой Петр» впервые вышел в открытое море, чтобы проводить уходившие из Архангельска иностранные торговые корабли. Во второй раз летом 1694 года Петр отправился на яхте на Соловецкие острова и попал в страшный шторм. Опасность была так велика, что царь и его спутники причастились как перед смертью. Только искусство лоцмана Антипа Тимофеева спасло команду и монаршую особу от верной гибели. В память об этом спасении в восточной части Унской губы на берегу Белого моря близ Пертоминского монастыря, где путешественники сумели выбраться на сушу, был воздвигнут большой деревянный крест с памятной надписью.

Здесь я бы хотел оговориться, что при всем том, что морская романтика сохраняет свое очарование в глазах многих молодых людей и сегодня, в этой увлеченности молодого царя было зерно пусть неосознанного, но рационального выбора. Ведь, начиная с Эпохи великих географических открытий, мореплавание предполагало не только приключения и познание неизведанного. Выход к морю, овладение искусством навигации и кораблестроения сулили расширение торговли, развитие хозяйства, а, значит, рост богатства и перспективы политического могущества. В конце концов, формирующийся в передовых странах Западной Европы новый общественный строй, который мы привычно именуем капитализмом, есть открытая социально-экономическая система, которая может нормально функционировать лишь в условиях расширяющихся рынков, что вплоть до середины XX века ассоциировалось в общественном сознании с территориальным расширением. Великие мировые империи богатели, прирастая новыми колониями, а мореплавание зримо обозначало этот тренд.

Я уже не буду на этих страницах распространяться о том, что в рассматриваемую эпоху строительство кораблей (особенно военных) и портовой инфраструктуры было делом инновационным. Именно

там применялись самые передовые технологии и материалы, были востребованы наиболее грамотные инженеры и рабочие и сосредоточены значительные силы научно-технического прогресса. Тренд этот в некоторой части сохранился до сих пор, если вспомнить, каких материальных, технических, технологических, научных и человеческих затрат стоит строительство и эксплуатация современных крейсеров, авианосцев, атомных ледоколов или подводных лодок... Правда, к концу XX века у него появились очевидные конкуренты, и сейчас в фаворитах научно-технической гонки находятся космические исследования, авиация, биотехнологии. Но это, к слову. Так или иначе, но молодой царь, осознанно или нет, вступил на этот магистральный путь прогресса и стал стремиться к морю.

Второе обстоятельство, о котором мы упоминали выше, проистекало из увлечения царя военным делом. Самым крупным мероприятием того же 1694 г. стали так называемые Кожуховские маневры под Москвой — многодневные учения большого количества войск со стрельбами, перемещением массы людей и вооружений, строительством, обороной и штурмами укреплений. Причем, в маневрах участвовали как «потешные», так и настоящие стрелецкие, рейтарские и солдатские полки, Большой государев наряд (артиллерия главного калибра) и дворянская конница.

Воодушевленный результатами этих экзерсиций, молодой царь жаждал увидеть свою армию в «настоящем деле». Благо, повода и направления для этого искать не надо было. Напомню, что Россия продолжала находиться в состоянии войны с Османской империей, в которую вступила, пополнив ряды антитурецкой Священной лиги — коалиции Речи Посполитой, Венеции и Австрии. Платой за это стало признание со стороны участников данного военного союза новых западных границ России, включивших левобережную Украину. Во исполнение союзнических обязательств в 1687 г., а потом и в 1689 г. состоялись два Крымских похода русской армии, которой командовал князь В. В. Голицын. Они оказались крайне неудачными. И хотя до 1695 г. особенных военных действий не было, Россия по-прежнему находилась в состоянии войны с Крымом и с Османской империей. Союзники настаивали, чтобы боевые действия против татар и турок были продолжены, напоминая, что в обмен на участие в войне в дополнение к условиям «Вечного мира» с Речью Посполитой Россия с молчаливого согласия всех членов Священной лиги получила в свои владения еще и Киев (точнее — выкупила город за 100 000 рублей). Теперь этот приз предстояло отработать на поле боя. Чтобы не уподобляться князю Голицыну, едва унесшему ноги из-под Перекопа, было решено идти на Азов — турецкую крепость в устье Дона при впадении его в Азовское море.

Тогда, в 1695 г. Петру I казалось, что опыта Кожуховских маневров и штурмов Плесбурха будет вполне достаточно, чтобы взять Азов — небольшую, довольно старую крепость в устье Дона. Ведь в 1641 г. ее штурмовали и сумели взять даже казаки, никогда не отличавшиеся жесткой боевой организацией и военной дисциплиной, присущей регулярной армии. Но царь серьезно ошибался: ни у него, ни у его генералов не хватило умения и опыта, чтобы овладеть Азовом. Более того, смелые вылазки турок наносили чувствительный ущерб осаждавшим. Гарнизон крепости отразил все приступы превосходящих сил царского войска. Штурмовавшие город русские войска с недоумением наблюдали, как в разгар осады турецкие транспорты из Керчи по морю доставляли осажденным подкрепление и провиант, забирая обратно раненых. 20 октября 1695 г. к своему стыду и позору осаду Азова русским пришлось снять. Надвигалась трудная зима.

Именно тогда Петр I впервые проявил те качества, которые впоследствии сделали его великим государственным деятелем. Оказалось, что неудачи не приводят его в уныние, а только придают сил. Петр сумел трезво оценить собственные промахи, обдумать все обстоятельства, приведшие к поражению, и сделать необходимые выводы. Он осознал, что для взятия Азова нужны профессиональные военные инженеры, которых он срочно нанял в Австрии. Кроме того, он понял, что без флота, который мог бы блокировать Азов от моря и воспрепятствовать подвозу в крепость провианта и свежих сил, овладеть ею нельзя.

Вернувшись из похода в ноябре 1695 г., царь принял историческое решение: он повелел строить флот. Строго говоря, первые корабли русского флота были заложены и спущены на воду на верфях Плещеева озера в Переяславле-Залесском. Однако, это были корабли т.н. «потешной флотилии», не годившиеся для настоящей войны. Строить новые военные корабли там, а затем тащить их по гатям несколько тысяч верст к театру боевых действий представлялось нерациональным даже нашим косным управленцам того времени.

Поэтому зимой 1696 г. из Архангельска под Москву, в дворцовое село Преображенское в разобранном виде была доставлена голландская галера (ее заказали в Амстердаме еще в 1694 г.). После этого бригады плотников начали копировать все ее элементы и отсылать их в Воронеж, где галеры уже собирали и спускали на воду. Получилась такая «отверточная сборка» образца XVIII в.

Тем временем тысячи крестьян были согнаны в воронежские рощи. Они начали рубить лес, сплавлять его к устью реки Воронеж, где на спешно возведенных верфях голландские, английские и иные корабельные мастера начали строить корабли. Невероятно, но факт: к апрелю 1696 г. в строю было 22 галеры, галеас «Святой Петр» и 4 брандера. Во главе эскадры, спустившейся к Азову, плыла галера «Принципиум», которой командовал сам Петр I. 27 мая того же года Азовское море

впервые увидело русский флаг. И не так уж важно, что корабли были сделаны наспех для одной-единственной военной кампании, а навыки управлять ими у наскоро сколоченных, плохо обученных команд практически отсутствовали. Весь этот флот в мае 1696 года предстал перед изумленными турками, которые поленились даже разобрать русские осадные сооружения у городских стен, оставшиеся от прошлогодней кампании. Они полагали, что русский царь после горького урока надолго забудет дорогу к их крепости. Тем не менее этот флот блокировал Азов, и 19 июля 1696 г. гарнизон выкинул белый флаг.

Азовская победа воодушевила Петра. Не дожидаясь заключения мира, он предписал основать Азовский военно-морской флот, восстановить разоренный дотла Азов и заселить его, вместе с близлежащей округой, русскими переселенцами и опальными стрельцами. Во исполнение этих распоряжений 20 октября 1696 г. Боярская дума приняла историческое решение: «Морским судам быть». Стоимость кораблей была распределена в пропорции по числу налогоплательщиков в виде чрезвычайного налога, причем некоторым богатым боярам и монастырям — обладателям сотен дворов — приходилось финансировать строительство целых кораблей.

Не довольствуясь восстановлением Азова, Петр приказал основать на мысу Таганрог одноименный город и порт. Впоследствии опыт строительства нового города и порта на пустом месте оказался очень важным для будущего возведения в 1703 г. новой столицы — Санкт-Петербурга. Однако же претензии молодого царя на выход к Черному морю не нашли понимания в Стамбуле — столице Османской империи. Захватив Азов, Петр поставил свою страну перед перспективой тяжелой войны с грозным южным соседом, сил и средств на ведение которой у России не было.

Как было тут не вспомнить о союзниках в Западной Европе? Царь полагал, что Дворы Венеции, Речи Посполитой и Священной Римской империи (Австро-Венгрии. — *Д.Г.*) могли бы вспомнить о том, что не только Россия, но и они находятся в состоянии войны с османами и оказать посильную материальную, а то и военную помощь своему восточному союзнику в этой борьбе. По всей вероятности, именно это соображение стало отправной точкой для идеи Великого посольства. Правда, справедливости ради, надо сказать, что сам Петр в своих бумагах не оставил нам объяснений точных причин этой миссии.

Вообще, сам замысел Великого посольства был вызовом сложившейся в России традиции, когда первое лицо государства ни при каких обстоятельствах не покидало свою страну (разве только попав в плен, как это случилось с Василием Шуйским). Исключением можно считать имевший место в IX в. визит княгини Ольги в Константинополь или поездки Александра Невского в Орду. Но и это не все! Добавим, что начавшиеся было в конце XVII в. эпизодические появления в Ев-

ропе русских дипломатических миссий вызывали весьма смешанные чувства. Посудите сами: в 1682 г. русский дипломат Симановский, прибывший ко двору бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма, «удерживал онаго курфюрста больше полутора часов своим упрямством и домогательствами где ему, курфюрсту, встать, где шляпу снять, какие чинить самому и какие ближним его вопросы, отрицался целовать руку у курфюрста и пить про его здравие, яко некоронованной особы».

Пять лет спустя, в 1687 г. назначенный послом во Францию и Испанию Я. Ф. Долгорукий вверг в сильнейшее недоумение весь Двор Короля-Солнца Людовика XIV (включая его самого) непомерными требованиями соблюдения весьма своеобразного дипломатического протокола, который, по мнению русских, подобал представителям русского государя. К примеру, посол пытался указывать королю, когда ему надлежит встать, а когда снять шляпу при упоминании имени русского царя. После этого визита Людовик XIV и слышать не хотел об отношениях с Россией. В итоге русско-французские дипломатические контакты были заморожены на почти двадцать лет. Читая сегодня подобные истории, четко понимаешь, что допетровскую Россию уже мучил комплекс превосходства в сочетании с комплексом неполноценности. Ощущая себя «Третьим Римом», единственно истинным «православным царством» и тщетно требуя от других держав соответствующего этому статусу уважения, Россия в то же время ясно осознавала свое бессилие в отстаивании этой своей исключительности.

Теперь же царь не просто изъявил желание ехать за границу, но возжелал ехать инкогнито под именем бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева. Уже это обстоятельство свидетельствовало о качественно изменившейся цели данной миссии. Формально же сформированное посольство возглавляли: генерал-адмирал Франц Лефорт, руководитель главного дипломатического ведомства — Посольского приказа — боярин Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Предполагалось побывать в Австрии, Голландии, Дании, Англии, Бранденбурге (так до 1699 г. называлась Пруссия), Венеции и в Ватикане. Программа Великого посольства была обширна: переговоры, приемы, беседы.

Настоящие причины, по которым Петр выбрал столь экстравагантную форму своего заграничного путешествия, до конца не ясны и разными авторами объясняются по-разному. Некоторые пишут, что в таком «неофициальном» статусе Петру было удобнее знакомиться с повседневной жизнью стран, которые посещало посольство. Другие говорят о том, что, не являясь формально лицом, уполномоченным вести переговоры, царь таким образом сохранял себе свободу рук для многочисленных неформальных контактов и договоренностей, которые в дипломатии всегда играли и играют не менее важную роль, чем официальные переговоры.

Во всех случаях, это обстоятельство оказалось очень удобным цедентом для нашей государственной пропаганды, которая всяче эксплуатировала образ царя-ремесленника, кораблестроителя, рый, будучи неузнанным, нанимался на работу на голландских верф не чурался трудиться в качестве подмастерья корабельного плотни учился часовому делу, постигал сапожное ремесло и вообще жил стой жизнью голландского (английского, немецкого и т.д.) обывате и т.д. и т.п. И при этом он как-то успевал еще и вершить государстве ные дела: покупать корабли для будущего флота, нанимать офицер на русскую службу и вообще руководить своим посольством, пер которым стояли очень сложные задачи, о чем я скажу несколько ниж Даже великий русский поэт А. С. Пушкин испытал на себе обаян этого мифа. Как он писал в стихотворении «Стансы»,

Самодержавною рукой,
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник.
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Многое в этом образе великого самодержца вполне справедливо, но кое-что требует известных корректив, без которых понять историческую реальность просто невозможно. Начнем с того, что личность человека, скрывавшегося под личиной Петра Михайлова, в Великом посольстве не была тайной ни для монарших особ, через земли которых следовал караван, ни для многих простых смертных. И в этом смысле, главные проблемы испытывали, как бы мы сегодня сказали, службы протокола стран, по которым пролегал путь путешественников. Им предстояло отвечать на довольно щекотливый вопрос. Что делать, если через твою территорию проезжает русский царь, который не хочет, чтобы кто-либо знал о его статусе (и оказывал ему монаршие почести!)? Стоит ли играть с царем в его игру и притвориться, что пресловутый Петр Михайлов есть простой бомбардир, как он себя называет? Не обидит ли это царя? А может все же стоит оказать этому Петру Михайлову царские почести? Но как тогда объяснить своим подданным, почему эти почести оказываются простому бомбардиру, одному из многих членов пышной свиты русских послов? Чем таким он отличается от других чинов посольства (в т.ч. офицеров Преображенского полка)? Перечень этих проблем можно продолжать еще долго. Такая ситуация приводила к многочисленным казусам.

Буквально накануне отбытия посольства из Москвы произошло два события, которые явственно свидетельствовали о формировании

оппозиции к намерениям и действиям молодого царя. В келье старца Авраамия в подмосковном Андреевском монастыре сложился кружок единомышленников, осуждавших образ действий и манеру правления монарха. Авраамий обратился с посланием к Петру, в котором сообщал ему о недовольстве подданных его непотребным поведением и просил о личной встрече. Однако вместо царя, Авраамий оказался на аудиенции у начальника Преображенского приказа князя Ф. Ю. Ромодановского и окончил свои дни в застенке. Остальные келейники отделались высылкой в дальние скиты и пустыни.

Второе событие тесно связано с активным участником событий 1689 года стрелецким полковником Цыклером. В ходе мятежа он вовремя сориентировался и перешел на сторону Петра, за что удостоился чина думного дворянина и был отправлен воеводой в Верхотурье. После возвращения в Москву Цыклер участвовал во втором Азовском походе, строил Таганрог. До конца неясно, что толкнуло Цыклера, делавшего успешную карьеру, на организацию заговора с целью убийства царя. Он нашел единомышленников в лице родственников по линии жены — окольничего Алексея Соковнина и боярина Матвея Пушкина, которые в свою очередь привлекли к заговору еще несколько человек из числа своей родни. Непосредственных исполнителей заговора стрелецкий полковник пытался найти среди своих прежних сослуживцев в Стрелецкой слободе. Однако же, не желавшие повторять горькие уроки 1689 г. бывшие однополчане донесли на него властям.

Узнав про заговор, Петр лично принял участие в его расследовании. Цыклера, Соковнина и Пушкина приговорили к смертной казни через четвертование. Накануне экзекуции бывший стрелецкий голова признался, что в свое время Софья и покойный боярин Иван Милославский подговаривали его убить Петра. Тогда Петр велел выкопать гроб с прахом Милославского, привезти его на свиньях в Преображенское и поставить раскрытым под эшафот, где ждали казни приговоренные к смерти Цыклер и Соковнин. Их четвертовали, а кровь их стекала в раскрытый гроб Милославского. Матвей Пушкин в последний момент избежал смерти. Его лишили боярского чина и сослали в Енисейск. Имущество всех репрессированных отошло в казну. Кроме того, Петр велел усилить надзор за Софьей, находившейся в заключении в Новодевичьем монастыре.

Великое посольство двинулось в путь весной 1697 г. 1 апреля оно прибыло в Ригу — тогда столицу шведской провинции Лифляндия. Шведы оказали посольству торжественный прием, но сделали вид, что не заметили среди посольских чинов русского царя. Генерал-губернатор Эрик Дальберг даже запретил высокому русскому дворянину со свитой рассматривать и замерять крепостные оборонительные сооружения Риги. Петр был не на шутку оскорблен таким приемом. Это обстоятельство, между прочим, аукнулось в истории тем, что ста-

ло одним из формальных поводов для начала Северной войны. Зато высшие сановники и коронованные особы других государств, через которые ехал раздосадованный Петр — Курляндии, Бранденбурга, такой ошибки не допустили и, публично приняв послов, отдельно, секретно и с большим почетом принимали Петра, удивляясь этому необычному человеку.

Не останавливаясь, Великое посольство проследовало через немецкие земли в Голландию. Петр отделился от посольства и в компании Лефорта с рядом приближенных прибыл в Амстердам на две недели раньше. Однако, в голландской столице он не задержался, а направился в небольшой город Заандам, славящийся своими верфями и фабриками. Там он устроился плотником к голландскому корабелу Линсту Роббе. Поселился же царь в доме у другого голландского мастера, кузнеца Геррита Криста, с которым был знаком еще со времени строительства кораблей на верфях в Воронеже.

Дом этот в голландском Заандаме сохранился до наших дней и сегодня является музеем. Его посетители могут по достоинству оценить демократизм русского царя, который квартировал в маленькой каморке под сеновалом, а спал, согласно бытовавшей тогда в Голландии моде, в спальном шкафу (был такой предмет интерьера. — *Д.Г.*) полусидя. Считалось, что в таком положении кровь не притекает к голове, что очень полезно для здоровья (видимо, мода на здоровый образ жизни была распространена у европейцев уже в начале XVIII в. — *Д.Г.*). Кроме того, бытовало убеждение, что дьявол обычно забирает души людей именно во время сна. Особенно это касалось спящих лежа, т.к. нечистый мог принять их за покойников. Чтобы не попасть в руки сатаны, рекомендовалось проснуться и открыть глаза. Как казалось тогдашним голландским обывателям, в сидячем положении это сделать было проще, чем лежа. Да и дьявол не ошибется... В любом случае эти предрассудки, вероятно, стоили Петру больших неудобств, особенно если вспомнить, что рост царя был 204 см, а размер его ложа в доме Криста где-то 150x80x160 см (если верить музейному проспекту в Заандаме).

Русский царь честно отрабатывал свой плотницкий хлеб на голландских верфях, но долго в Заандаме не задержался. Слух о том, что у мастера Роббе в подмастерьях ходит сам русский царь, стал привлекать в город тысячи зевак, которые ежедневно глазели на высокого молодого человека в рабочей одежде, махавшего топором наравне с простыми местными работягами, и живо обсуждали увиденное. Любопытствующая публика повсюду сопровождала Петра: и когда он с другими работниками верфи ходил в местную таверну выпить пива, и когда направлялся на окрестные фабрики изучать производство, и когда возвращался домой. Через две недели участие в этом реалити-шоу царю порядком надоело, и он в компании А. Меншикова и А. Кикина

перебрался в Амстердам. Столица Нидерландов была больше и затеряться там было легче, чем в небольшом, провинциальном Заандаме.

Но и тут инкогнито русского царя было относительным. Петр нанялся плотником на верфь Ост-Индской компании, где шло строительство корабля «Петр и Павел». Его ничем не отличали от других мастеров, называя попросту «плотник Питер». Как-то раз двое английских вельмож пришли посмотреть на царя и спросили у мастера, кто же в этой рабочей толпе у стапеля русский царь? Мастер крикнул: «Плотник Питер, ты почему не помогаешь своим товарищам?» И англичане увидели, как высокий человек в кожаном фартуке, не говоря ни слова, отложил свой топор и подставил плечо под бревно, которое тащили плотники.

По поручению правительства Нидерландов Петра I опекал бургомистр Амстердама Николас Витзен. В свободное от плотницкой работы время царь вместе с бургомистром посещал фабрики, госпитали, мастерские, лаборатории и музеи, встречался с инженерами, учеными и художниками. За время этих походов царь выучился чинить собственную одежду, постиг основы ремесла сапожника, а у одного из местных зубодеров напрактиковался ловко выдергивать зубы, чем впоследствии приводил в ужас своих придворных. Одновременно посольство успешно занималось наймом специалистов для работы в России. Всего было нанято около 700 человек. Было закуплено и оружие. Витсен познакомил Петра с нидерландским натуралистом, изобретателем микроскопа Антони ван Левенгуком. Во время своей поездки в Утрехт Петр встретился с Вильгельмом III, принцем Оранским — правителем Нидерландов и королем Англии. Между ним и королем установились дружеские отношения, что обусловило скорый визит Великого посольства в Великобританию.

В январе 1698 года русские дипломаты перебрались через Ла-Манш. Я не буду рассказывать здесь подробности этого путешествия. Скажу лишь, что Вильгельм III прислал за посольством маленькую эскадру под командованием адмирала Митчелла. Членов посольства взял на борт флагманский фрегат «Йорк». Петр никогда не плавал на таком большом военном судне, и пока длился суточный переход в Дувр, с интересом наблюдал, как управляют кораблем. Штормило, но царь оставался на палубе, непрерывно задавая вопросы. Несмотря на то, что громадные волны швыряли фрегат во все стороны, царь настоял, чтобы ему разрешили взобраться на реи и осмотреть оснастку.

В Дувре посольство пересело на корабль поменьше, а в устье Темзы их ждала королевская барка. На ней путешественники проплыли вверх по течению реки и пристали на набережной Странда, где их встречал камергер Букингемского дворца. И тут Петр не изменил своему правилу. Он отделился от посольства вместе с Лефортом, Меншиковым и Кикиным, чтобы поселиться в небольшом домике у реки по адресу

ул. Норфолк, 21. Через два дня король нанес Петру неофициальный визит. Он приехал в незаметном экипаже и застал царя одетым по-домашнему, в спальне. Монархи начали беседовать, но вскоре Вильгельм почувствовал, что в крохотной комнатке слишком жарко и душно — он страдал астмой, и болезнь напомнила о себе. Дело в том, что Петр, едва приехав, сразу же по московскому обыкновению закрыл все окна, чтобы тепло не выходило. Борясь с удушьем, Вильгельм попросил распахнуть окно и полной грудью вдохнул чистый, холодный воздух.

После этого эпизода Вильгельм уговорил своего визави перебраться в более пристойное жилище, которое более соответствовало высокому статусу русского царя. В итоге Петр переехал в Дептфорд и поселился в Сэйес-Корте — большом, изящно обставленном особняке, который был арендован английскими властями у Джона Эвлина — известного английского писателя (и садовода!) своего времени. Дом в Сэйест-Корте был гордостью хозяина. Он потратил 45 лет на то, чтобы разбить и вырастить прекрасный сад с лужайкой для игры в шары, с посыпанными гравием дорожками, с живописными рощицами. Чтобы освободить место для Петра и его спутников, пришлось попросить выехать из дома не только хозяина, но и его жильца адмирала Бенбоу, а все помещения заново отделать. Петра в этом доме устраивала его вместительность, позволявшая ему и всей его свите жить под одной крышей, сад, где можно было отдыхать вдали от любопытных глаз, и калитка в конце сада, выходившая прямо на верфь и реку.

На беду Эвлина, для русских ничего не значило ни то, что он был почтенным и известным человеком, ни то, что он всю жизнь трудился над прекрасным домом и садом. Они разнесли его жилище вдребезги. Вернувшись в родные пенаты спустя три месяца пребывания там русского посольства, Эвлин увидел полный разгром. Потрясенный хозяин поспешил к королевскому контролеру сэру Кристоферу Рену и к королевскому садовнику мистеру Лондону с просьбой оценить размеры ущерба. В итоге был составлен полный перечень уничтоженного или разгромленного имущества, который я не решаюсь поместить на этих страницах не столько из-за его обширности, сколько из нежелания ронять авторитет российской государственности и олицетворявшего ее монарха. О мертвых, как известно, либо хорошо, либо ничего... Впрочем, эти исторические документы английским государством давно рассекречены. Они опубликованы как на английском, так и на русском языке. Есть они и в интернете. Упомяну лишь, что приглашенные королевские чиновники зафиксировали погром, возмещение которого из средств английской казны потребовало огромной по тем временам суммы — 350 фунтов и 9 пенсов.

Все свободное время русский царь пропадал на верфях, или в сопровождении приставленного к нему адмирала Митчела носился по Лондону и его окрестностям, стараясь увидеть все достопримечательности.

Он побывал в Гринвичском военно-морском госпитале и в Кенсингтонском дворце, где тогда жил Вильгельм III. Петру понравилось простое жилище английского короля. Побывал царь и в месте упокоения английских монархов в Вестминстерском аббатстве, в Виндзорском замке и в Хэмптон-Корте, но королевские дворцы были ему не так интересны, как действующие научные или военные учреждения.

В Гринвичской обсерватории он беседовал о математике с королевским астрономом. В Вулиджском арсенале (в то время главном пушечно-литейном заводе Англии) обсуждал приемы артиллерийской стрельбы и устройство фейерверков с начальствующим на заводе магистром Ромни. В лондонском Тауэре тогда размещался арсенал, зверинец, музей и королевский монетный двор. Самой интересной частью из этого перечня для Петра оказался монетный двор. Царь, пораженный качеством английской монеты и техникой чеканки, снова и снова туда возвращался. Петра очень заинтересовала реформа английской монеты, проведенная смотрителем монетного двора сэром Исааком Ньютоном и Джоном Локком. Дело в том, что по их предложению, чтобы предупредить постоянную порчу монет из-за злонамеренного обрезания ценного металла, ребро английских монет стали обрабатывать насечкой. Через два года, приступив к наведению порядка в российском монетном деле, Петр взял за образец именно английскую чеканку. К сожалению, Ньютон в то время уже занимался научной работой в Тринити-колледже в Кембриджском университете. Тем не менее и английские, и российские ученые полагают, что у них была возможность встретиться. Однако вопрос, состоялась ли такая (секретная) встреча, остается открытым.

2 марта 1698 г. Петр получил королевский подарок — яхту «Ройял транспорт». Он вышел на ней в плавание на следующий же день и в дальнейшем делал это при каждом удобном случае. Сверх того, Вильгельм распорядился, чтобы Петру показывали все, что заинтересует его в английском флоте. Апофеозом же стало приглашение присутствовать на специальном смотре флота и наблюдать учебный морской бой у мыса Спитхед вблизи острова Уайт. Военно-морская эскадра приняла Петра и его свиту на борт в Портсмуте и вышла в пролив Солент. Там Петр перешел на флагман адмирала Митчелла — фрегат «Хамбер». Корабли поставили паруса и построились в боевом порядке. Рявкнули бортовые залпы, суда окутались дымом и пламенем, совершенно как в настоящем бою, только что ядра не летели. И все равно Петр ликовал, глядя сквозь дым, как под свист боцманских дудок орудуют с парусами матросы, а корабли перестраиваются и дружно разворачиваются на различные галсы, чтобы атаковать друг друга.

Вильгельм пригласил Петра и на заседание Парламента. Не желая, чтобы на него глазели, Петр избрал своим наблюдательным пунктом окошко верхней галереи и оттуда созерцал короля на троне в окруже-

нии английских пэров, восседавших на скамьях. Этот эпизод вызвал шутку какого-то неизвестного очевидца, обошедшую весь Лондон: «Сегодня я видел редчайшее зрелище на свете: одного монарха на троне, а другого на крыше».

Петр прослушал дебаты при помощи переводчика, после чего заявил своим русским спутникам, что хотя считает неприемлемым ограничение самодержавной власти парламентами, все-таки *«весело услышать, когда подданные открыто говорят своему государю правду. Вот чему надо учиться у англичан!»*

Все время, пока он был в Англии, царь неутомимо отыскивал специалистов для службы в России. Он провел собеседования со множеством людей и, по подсчетам английских историков, уговорил приехать в Россию в общей сложности примерно шестьдесят англичан. Среди них были майор Леонард ван дер Штамм — старший корабельный плотник из Дептфорда, капитан Джон Перри — инженер-гидравлик, которому Петр поручил впоследствии сооружение Волго-Донского канала, и профессор Генри Фарварсон — математик из Абердинского университета в Шотландии, будущий основатель Школы математических и навигацких наук в Москве.

Тем временем той части Великого посольства, которая дожидалась царя в Амстердаме, стали известны нелицеприятные подробности участия Вильгельма III в подготовке подписания сепаратного мира между основным участником Священной лиги — Священной Римской империей германской нации и турецким султаном. Я не буду здесь характеризовать очередной внутренний европейский кризис, который в учебниках именуется «войной за испанское наследство». Скажу лишь, что Британская корона была кровно заинтересована в том, чтобы австрийские войска, сконцентрированные на Балканах, были скорее передислоцированы к французским рубежам... А поскольку официальная цель Великого посольства состояла в укреплении антитурецкого союза, весть о грозящем ему распаде не могла обрадовать русских. Словом, под давлением обстоятельств, Петр засобирался в обратный путь. 18 апреля Петр нанес королю прощальный визит. Последняя их встреча в Кенсингтонском дворце была дружественной. Царь раздал 120 гиней в качестве подарков королевской челяди, адмирал Митчел был одарен сорока соболями и шестью кусками узорчатого шелка — щедрый подарок по тем временам. Тогда же Петр, якобы, вынул из кармана маленький сверток в коричневой бумаге и вручил его королю в знак дружбы и признательности. Говорят, развернув его, Вильгельм обнаружил великолепный неограненный алмаз.

2 мая Петр, скрепя сердце, покинул Лондон. В день отъезда он в последний раз наведался в Тауэр и на монетный двор, а когда яхта пошла вниз по реке, велел бросить якорь в Вулидже, чтобы проститься с Ромни в Арсенале. Затем царь и сопровождавшие его лица напра-

вились в военно-морской порт Чатем и уже оттуда в сопровождении эскадры под командованием все того же адмирала Митчела взяли курс на Голландию. Переход был бурный — на вкус большинства русских на борту острых ощущений могло бы быть и поменьше, но Петр наслаждался видом волн, с шипением захлестывавших палубу[1].

Петр вернулся в Голландию весной 1698 г. и уже вместе с Великим посольством отправился в Вену. Их путь лежал через Лейпциг, Дрезден и Прагу. К тому времени инкогнито царя стало общеевропейским «секретом Полишинеля» и посольство встречали толпы зевак. Это внимание бесило Петра. Князь Фюрстенберг, принимавший царя от имени курфюрста Саксонии, как мог старался смягчить царский гнев. Когда, невзирая на поздний час, Петр выразил желание посетить знаменитый дрезденский музей — Кунсткамеру и сокровищницу саксонских правителей — так называемый «Зеленый свод», Фюрстенберг тут же согласился. Кунсткамера, или «кабинет редкостей», была устроена примерно за сто лет до этого для хранения и демонстрации как необычных творений природы, так и рукотворных диковинок. Здешнее собрание драгоценностей, затейливых часов, технических приспособлений, шахтерского и токарного инструмента наряду с редкими книгами, парадными доспехами и портретами, открытое для всех ученых и знати, не могло не поразить воображение Петра. Он до зари разглядывал все подряд, а для себя решил когда-нибудь создать подобный музей в России.

На следующий вечер Фюрстенберг дал небольшой обед для узкого круга, который превратился в одну из тех буйных вечеринок, которые были по душе русским гостям. Призвали музыкантов и дам. Веселье длилось до трех часов утра, причем Петр все время норовил завладеть барабанными палочками и, по отзывам одного из саксонских придворных, «играл куда искуснее, чем немецкие барабанщики». Наутро посольство продолжило свой путь в Вену.

Вена была столицей государства, официально именовавшегося тогда Священной Римской империей германской нации. Оно представляло собой довольно обширное, хотя и непрочное объединение двух в принципе независимых политических образований. Это соб-

---

[1] Судьба подарка Вильгельма III — яхты «Ройял Транспорт», увы, сложилась несчастливо. В Амстердаме ее нагрузили собранием редкостей и инструментами, которые Петр накупил в Европе, и отправили в Архангельск. Там ее по приказу царя встречал Франц Тиммерман, который должен был провести яхту по рекам до Ярославля, а оттуда вниз по Волге. Петр предполагал, что когда будет построен Волго-Донской канал, эта яхта может быть спущена к Черному морю. Но осадка «Ройял Транспорт» не позволила Тиммерману добраться даже до Ярославля. Поэтому судно вернулось в Архангельск и простояло там у стенки 15 лет. В 1715 г. Петр приказал починить яхту и доставить на Балтику. Но при переходе судно, обогнув мыс Норкап, попало в сильный шторм и затонуло.

ственно Священная Римская империя, включавшая разрозненные немецкие курфюрства и княжества и северо-итальянские королевства и герцогства, связь с которыми Габсбурги унаследовали от империи Карла Великого. Второе, вполне отдельное и самостоятельное образование состояло из традиционных владений Габсбургов в Центральной Европе (эрцгерцогство Австрия, королевство Богемия, Венгерское королевство и недавно отвоеванные у османов земли на Балканах). Наименование «Священная Римская империя германской нации», давало императору его титул и огромный престиж.

Но на деле титул был лишь вывеской. Номинально подчиненные венскому суверену правители этого пестрого скопления государств — наследственные курфюрсты, маркграфы, ландграфы, принцы, князья и герцоги самостоятельно выбирали религию для своих подданных, определяли численность своих армий, а в случае войны решали, стоит ли им драться за императора, против него, или сохранять нейтралитет. Ни один из этих властителей не принимал сколько-нибудь всерьез своих обязательств перед австрийской короной, когда речь шла о принципиальном политическом выборе. Они сами или их представители заседали в имперском сейме в Регенсбурге, который первоначально служил законодательным собранием империи, а к рассматриваемому времени превратился в чисто совещательный, декоративный орган. Император не мог принять ни одного закона без согласия сейма, но ни одно обсуждение здесь и не приводило к согласию, так как депутаты непрестанно спорили о старшинстве. Если император умирал, сейм немедленно собирался и автоматически избирал его преемника — следующего главу дома Габсбургов.

Я специально подробно обрисовал в самом общем виде принципы устройства государства, с главой которого Петру надо было вести переговоры о войне и мире. В это время престол в Вене занимал Его Католическое Величество, император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрийский, король Богемский и Венгерский Леопольд I. Хотя императорский титул и был чистой формальностью, император все же пользовался широким влиянием в европейской политике. Сила династии Габсбургов складывалась из ее авторитета (это была одна из древнейших королевских династий Европы), а также из мощи ее вооруженных сил и доходов казны. А это целиком определялось теми государствами и землями, которыми она правила. При этом Габсбурги притязали на трон Испании и, следовательно, на испанские владения в Европе (а это собственно Испания, Испанские Нидерланды, Неаполь, Сицилия и Сардиния). И, наконец, главное: империя Габсбургов подобно барьеру, отделяла Западную Европу от Балкан, и, соответственно, от той угрозы, которую несла европейцам экспансия Османской империи. Временами Священной Римской империи германской нации действительно приходилось несладко. В 1683 г.

турецкие войска стояли у Вены и чуть не взяли ее. К слову сказать, крепостные сооружения австрийской столицы к моменту прибытия туда Петра продолжали хранить на себе следы этой осады и царь имел возможность с ними внимательно ознакомиться.

Престарелый Леопольд I (1640–1705 гг.) к 1689 г. пребывал на престоле уже больше сорока лет. И он, между прочим, не признавал равным себе ни одного смертного, кроме Папы Римского. В глазах его Двора даже король Франции, всесильный Людовик XIV был всего лишь выскочкой посредственного происхождения с нелепыми и наглыми замашками. Московский же царь также едва ли далеко ушел от прочих азиатских правителей, обитавших в шатрах каких-нибудь монгольских племен. Императорские советники и герольдмейстеры жарко спорили из-за тонкостей церемониала встречи посольства, дабы не уронить достоинство своего августейшего повелителя. Московский царь, сколь бы огромны ни были его владения, разумеется, не мог быть принят как венценосец, равный императору, наместнику самого Бога на земле. Дело еще больше осложнялось неизвестным статусом дикого московита (ведь по официальной версии царя в составе делегации вообще-то и не было). Но все же следовало каким-то образом оказать внимание высокому молодому человеку, именовавшему себя Петром Михайловым. Для решения столь серьезных проблем требовалось время. На то, чтобы разработать детали въезда посольства в Вену, ушло четыре дня, и целый месяц — чтобы договориться с послами относительно протокола приема. Петр между тем с нетерпением ждал личной встречи с Леопольдом. Австрийские придворные чиновники твердо стояли на том, что Его Императорское Величество не может публично принять царя странствующего под чужим именем, однако упорство Лефорта принесло свои плоды в виде согласия на частную встречу.

Свидание состоялось на вилле Фаворит — летней резиденции Леопольда на окраине Вены. Петра, уважая его инкогнито, провели через садовую калитку, затем по черной винтовой лестнице — в приемный покой. Лефорт старательно проинструктировал царя, ознакомив его с условленным протоколом встречи: обоим монархам предстояло войти в длинный аудиенц-зал одновременно — из дверей в противоположных его концах. Медленно двигаясь навстречу друг другу, они должны были встретиться точно посредине, возле пятого окна. К несчастью, Петр, открыв дверь и увидев Леопольда, забыл все наставления, устремился к императору широкими, быстрыми шагами и подошел к нему, когда тот добрался только до третьего окна. У австрийских придворных перехватило дух. Протокол нарушен! Что же будет? Но когда двое властителей удалились для беседы в нишу окна, сопровождаемые только Лефортом в роли переводчика, придворные с облегчением увидели, что царь выказывает их повелителю большое уважение и держится почтительно. Встреча, в сущности, свелась к обмену любезностями

и продолжалась всего пятнадцать минут, но она определила атмосферу всего двухнедельного визита Петра в Вену.

Пребывание русского царя в Вене сопровождалось массой протокольных, церемониальных мероприятий и раутов. Так, в дни визита Петра Леопольд дал один из знаменитых костюмированных балов, которыми славился Венский Двор. Действие разворачивалось в декорациях деревенской таверны, хозяев которой изображали император и императрица, а придворные и приглашенные иностранные послы были одеты в крестьянские костюмы. Петр был в наряде фрисландского крестьянина, а доставшаяся ему по жребию партнерша, девица Иоганна фон Турн, нарядилась его подружкой-фрисландкой. За обедом отбросили все церемонии, и император с императрицей сели за стол, где пировал Петр. Тосты звучали, один за другим, и Леопольду пришла в голову мысль, каким образом можно провозгласить тост за здоровье высокого гостя, который присутствовал на маскараде негласно. Он поднялся с места и, обратившись к молодому человеку в маске напротив, произнес: «Если не ошибаюсь, вы знакомы с русским царем, выпьем же за его здоровье!»

Отвечая на гостеприимство хозяев, русское посольство устроило в день Святого Петра бал на тысячу гостей, длившийся целую ночь. Фейерверки, которые зажигал сам царь, танцы, вино, беготня по летнему ночному саду придали этому приему в Вене привкус забав московской Немецкой слободы.

Несмотря на то, что прием Великого посольства в Вене был вполне дружелюбным, его дипломатическая миссия потерпела неудачу. Вместо того, чтобы стимулировать австрийцев к возобновлению боевых действий против турок, пришлось прилагать отчаянные усилия, чтобы помешать им принять турецкие мирные предложения, весьма выгодные для Австрии, но не для России. По условиям предложенного мира все воюющие стороны соглашались признать статус-кво, причем каждая из них сохраняла за собой все территории, захваченные на момент подписания договора. Для Габсбургов это было хорошее решение, так как под их властью остались бы и Венгрия, и часть районов Трансильвании. Кроме того, на западе, как я уже говорил ранее, маячила тень войны за «испанское наследство». Леопольд I был не прочь закончить боевые действия на востоке, чтобы развязать себе руки не западе. Тем более, что основным противником его в деле же этого самого испанского наследства был сам французский Король-Солнце — Людовик XIV. Единственным, кого не устраивало возможное примирение, был Петр.

Царь высказал императору свои нужды через имперского министра иностранных дел графа Франца Фердинанда Кинского. Сознавая, что австрийцы твердо намерены пойти на мировую, русские дипломаты сосредоточились на условиях готовящегося мира. Петру нужны были

заверения в том, что император будет настаивать на передаче России турецкой крепости Керчь, являвшейся ключом от пролива между Азовским и Черным морями. Без этого новый флот Петра не сумел бы войти в Черное море, и остался бы запертым в стратегически бесполезном море Азовском. Кинский отвечал, что мирный конгресс, на который, разумеется, пригласят и Россию, еще не начался, и если Петру нужна Керчь, то пусть он ее поскорее захватит, пока не подписан договор, так как сомнительно, чтобы удалось заставить Турцию отдать ее за столом переговоров. В конце концов от австрийцев было получено заверение, что император не подпишет договора, не познакомив прежде царя со всеми его условиями. Большего добиться не удалось, и Петр заторопился с отъездом.

Посольство еще предполагало попасть в Венецию, где планировалось закупить 15 галер для русского флота. Все формальности с проездом на территорию Венецианской республики были улажены в десятых числах июля 1698 г. и часть посольства уже выехала из Вены. Однако накануне своего отъезда, когда царь вернулся с прощальной аудиенции у императора, пришла свежая почта из Москвы со срочным и тревожным письмом от начальника Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановского. В нем сообщалось, что четыре стрелецких полка, получившие приказ следовать из Азова на польскую границу, взбунтовались и вместо этого выступили походом на Москву. Когда Ромодановский писал свое письмо, они уже находились в шестидесяти верстах от столицы, и верные правительству войска под началом Алексея Шеина и Патрика Гордона выступили им навстречу. Исход их противостояния из послания Ромодановского был неясен. Письмо шло месяц, и Петр понял, что, пока он отплясывал на маскараде в костюме австрийского поселянина, стрельцы, быть может, уже заняли Кремль, сестра Софья захватила русский престол, а он сам объявлен изменником.

14 июля царь в сопровождении Лефорта и Головина спешно покинули Вену и направились в Москву. Царь скакал день и ночь, не жалея лошадей. Он уже достиг Кракова, когда его нагнала депеша оставленного в Вене посла Возницына с утешительными известиями. Правительственные войска в бою под Новым Иерусалимом одолели бунтовщиков. Более того, Ромодановский даже успел провести следствие и суд. 130 человек по его приговору были казнены, 1860 — взяты под стражу. У Петра отлегло от сердца, но он не повернул назад, продолжив путь к дому, хотя и без прежней поспешности.

Проезжая город Рава в Галиции, царь был представлен курфюрсту Саксонскому (во владениях которого он был на пути в Вену), а также недавно избранному (при поддержке австрийского императора) на престол Речи Посполитой Августу II.

Я уже неоднократно характеризовал внутренние порядки государства Речь Посполитая, которое у нас в России в просторечии часто именуется Польша (что с точки зрения историко-юридической не совсем верно, но не суть). Так вот, одной из отличительных черт этого государства были выборы короля на Сейме, где заседали представители польско-литовской шляхты. Поэтому после смерти очередного монарха, там разворачивались довольно бурные предвыборные кампании, в которые были вовлечены многие европейские дворы (включая русский). В 1696 г. умер польский король Ян III Собеский и предстояли очередные выборы. На этот раз они происходили на фоне обострения борьбы между империей Габсбургов и Францией.

Король-Солнце в разворачивавшейся борьбе за «испанское наследство» мечтал увидеть, как дружественная Франции Польша поднимается за спиной Габсбургов. Кандидатом Людовика XIV на польских выборах был Франсуа Луи де Бурбон, принц де Конти, французский принц крови, который сделался любимцем версальского двора благодаря своим воинским подвигам, неотразимому обаянию и альковным победам. Сам Конти не испытывал восторга от перспективы сделаться польским монархом, но король стоял на своем и крупно раскошелился, выделив три миллиона ливров на подкуп необходимого числа голосов в сейме. И поначалу его усилия принесли успех. При поддержке большинства польской знати, Конти был избран королем и его спешно отправили морем в Данциг (Гданьск) в сопровождении сильной эскадры под командованием знаменитого французского адмирала Жана Бара. Однако, противостоящая ему австрийская партия не дремала. Ее ставленником и был Август II. Стремясь усилить свои позиции в борьбе за польский престол, он даже тайно сменил протестантскую веру на католичество. Остальное решили доблестные саксонские войска, австрийские и русские деньги.

Прибыв в Польшу, Конти узнал, что он уже низложен. Август Саксонский — отвергнутый претендент, отказался признать решение Сейма и вступил в Польшу во главе саксонской армии. Опередив конкурента, он на штыках своих войск въехал в Варшаву и, вынудив Сейм изменить прежнее решение, был коронован 15 сентября 1697 г. Конти с легким сердцем возвратился в Версаль, и в Польше началось тридцатишестилетнее правление Августа.

Итак, когда Петр встретился с Августом, тот не просидел еще на польском троне и года. Тем не менее оба венценосца понравились друг другу. Польский король был моложе тех монархов, с которыми Петру пришлось общаться в Европе. Ему было всего 28 лет, он был высок, строен, и обладал мощным телосложением. Изощренные в лести польские придворные даже прозвали своего нового суверена Августом Сильным и говорили, будто он может руками согнуть подкову. Новый король отличался грубоватым прямодушием и дружелюби-

ем, был общителен, румян, голубоглаз, не женат (его жена, Кристиана Эбергардина Бранденбург-Байрейтская, оставила его, когда он перешел в католичество). Пользуясь своим статусом и положением, Август коллекционировал женщин и, согласно слухам, распространенным при польском и саксонском дворах, был отцом 354 незаконнорожденных детей. В этом молодом, шумном, веселом, добродушном здоровяке Петр тотчас признал родственную душу. Они провели в Раве четыре дня, вместе обедали, производили смотры пехоты и кавалерии, а вечерами пировали. Петр выражал свою привязанность к новому другу, то и дело обнимая и целуя его. «Я едва ли был бы в состоянии изобразить вам объятия, имевшие место между обоими государями», — писал один из членов петровской свиты.

Именно Август, пользуясь расположением и привязанностью своего нового друга, подал Петру идею о совместной военной кампании против Швеции. Король Швеции Карл XI умер в 1697 г., оставив трон пятнадцатилетнему сыну, тоже Карлу, который взошел на престол под именем Карла XII. Момент казался подходящим для попытки отобрать у скандинавского королевства прибалтийские провинции, которые преграждали России и Польше выход к Балтийскому морю. Август был проницателен и хитер: со временем он снискал репутацию обманщика и двурушника, не знавшего равных среди правителей всей Европы. Поэтому вполне в его духе было предложить на всякий случай готовиться к нападению тайно и нанести удар внезапно. Двадцать пять лет спустя, составляя вступление к официальной русской «Истории Свейской войны», царь подтвердил, что первоначальная договоренность о выступлении против Швеции была достигнута именно в Раве.

Однако же, покинув Раву и распрощавшись с ее любезным хозяином, Петр продолжил путь к Москве. «Великое посольство» заканчивалось. Каковы же были существенные его итоги? С точки зрения официально стоявших перед ним целей — оживления и расширения союза против Османской империи, посольство провалилось. Европа готовилась к новым войнам на Западе, а на Востоке наступал мир. Куда бы ни направлялся Петр в поисках помощи — в Гаагу, Лондон, Вену — всюду он ощущал присутствие новой европейской угрозы. И это был не турецкий султан, а Король-Солнце — Людовик XIV. Вот кто более всех страшил Европу. Европейская дипломатия, финансы, морские флотилии и армии изготовились в преддверии кризиса, который должен был неминуемо разразиться, как только опустеет испанский трон. России предоставили в одиночку сражаться с турками или мириться с ними, и у нее не оставалось другого выхода, кроме как заключить мир.

Но с точки зрения осязаемых практических результатов, посольство надо признать весьма успешным. Петру и его послам удалось привлечь на русскую службу более восьмисот европейских специалистов, многие из которых долгие годы прожили в России и внесли

весомый вклад в модернизацию страны, навсегда вписав свои имена в историю России. Еще более важным оказалось впечатление, которое произвела на царя сама Европа. Он поехал, чтобы научиться строить корабли, и с этой задачей прекрасно справился. При этом любознательный царь открыл для себя и целый ряд неизвестных прежде областей знания — он изучал устройство микроскопов и барометров, вникал в технологию изготовления монет, занимался препарированием трупов в анатомическом театре, научился удалять больные зубы, не говоря уж о строительстве крепостей, кораблестроении и артиллерийском деле. Все, что он увидел, узнал от ученых, изобретателей, купцов, ремесленников, инженеров, печатников, солдат и матросов, подтверждало его убеждение, сформировавшееся еще в Немецкой слободе: русские в техническом отношении отстали от Запада. И это положение вещей надо было менять.

25 августа 1698 г. Петр без лишней огласки прибыл в первопрестольную и сразу нанес визит Патрику Гордону, от которого узнал подробности подавления стрелецкого бунта. Весть о приезде царя разнеслась по Москве лишь утром следующего дня. В Преображенское, где он остановился, потянулись придворные и бояре, дабы засвидетельствовать почтение и поздравить с благополучным возвращением. И тут случилось непредвиденное: вместо того, чтобы просто отдать дань вежливости, Петр велел подать ему ножницы и стал собственноручно обрезать бороды подданным. Первым, между прочим, лишился бороды воевода Алексей Шеин, который явился в Преображенское ранее всех, справедливо рассчитывая на вознаграждение за подавление бунта мятежников. Впрочем, Петр не делал поблажек никому. Бород лишились и ближние бояре, и даже местоблюститель царского престола за время отсутствия Петра в России, всесильный начальник Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский. Чуть позже Петр объявил брадобритие обязательным для всего населения страны, за исключением духовенства и крестьян.

Следующим важным действием Петра было решение порвать отношения с законной женой — Евдокией Лопухиной. Уладить этот щекотливый вопрос царь поручил все тому же Ромодановскому, но ни угрозы, ни увещевания не заставили Евдокию добровольно принять схиму. 28 августа Петр лично виделся с женой, имел с ней продолжительный разговор. Никто не знает, о чем они говорили, но три недели спустя скромная карета без всякой свиты доставила царицу из Кремля в Суздаль, где она приняла постриг в стенах женского Покровского монастыря под именем Елены.

После доклада Ромодановского об обстоятельствах стрелецкого бунта Петр остался недоволен тем поспешным розыском, который был учинен над участниками мятежа. Поэтому было начато новое расследование. Были назначены новые следователи. Кроме начальника Преоб-

раженского приказа допросы вели: М. А. Черкасский, В. Д. Долгорукий, П. И. Прозоровский и др. Часто присутствовал и вел допросы сам царь. В ходе следствия была вскрыта причастность к мятежу царевен Софьи Алексеевны и ее сестры Марфы. Правда, прямых улик у следствия не было, а обе женщины дружно отрицали свою связь с заговорщиками. По итогам следственных действий смертный приговор был вынесен уже не 130, а 799 осужденным. Голов лишились 4 стрелецких полковника. 30 сентября и 11 октября состоялись массовые экзекуции, причем делалось это максимально публично, а местом казни было определено Лобное место на Красной площади. Не довольствуясь услугами штатных палачей, Петр заставил рубить головы и своих приближенных: Меншикова, Лефорта, Гордона, Ромодановского и др. В исторической литературе бытует утверждение, что царь собственноручно в эти два дня казнил 30 человек, а А. Д. Меншиков впоследствии похвалялся, что отрубил головы 20 приговоренным.

Гнетущее впечатление от тех массовых казней, кажется, надолго пережило их инициаторов. Данной теме посвящено первое самостоятельное полотно русского живописца В. И. Сурикова, представленное на суд публики во время очередной выставки Товарищества Передвижников в 1881 г. Картина имела громкий успех и сделала молодого художника знаменитым. Этому событию также посвящены стихи известного советского поэта Арсения Тарковского и др.

После казней Петр распорядился повесить перед кельей Софьи в Новодевичьем монастыре три трупа стрелецких полковников. В одеревеневшие руки каждого был вложен лист бумаги, что должно было напоминать Софье о ее письме, якобы написанном стрельцам (следствие не нашло оригинала письма, но слухи о его существовании ходили). Затем Софья была пострижена в монахини под именем Сусанны.

Наконец, в феврале 1699 г. последовало распоряжение царя о расформировании оставшихся стрелецких полков. Стрельцы, как часть русской армии, после этого навсегда ушли в историю. Собственно, здесь мы с вами можем остановиться и перевести дух перед изложением последующих, весьма бурных и драматических событий начавшегося царствования.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. М., 1997.
2. *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. М.-Л., 1947.
3. *Богданов А.П.* Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М., 2008.
4. *Буганов В.И.* Московское восстание конца XVII века. М.: Наука, 1969.

5. *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989.
6. *Буганов В.И.* Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. М., 1969. С. 45–53.
7. *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 гг. М., 1897.
8. *Доценко В.Д.* Флот Петра Великого. Азовский флот. Великое посольство. Керченский поход // Морской альманах. 1992. № 1.
9. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1990.
10. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.

Глава II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В итоге сложных переговоров в Раве Русской (Речь Посполитая), Москве (Россия) и Дрездене (Саксония) к 30 апреля 1699 г. между Данией, Саксонией и Россией (Речь Посполитая формально присоединилась к альянсу только в 1704 г.) был подписан оборонительный договор против Швеции, получивший название «Северного союза». Он предусматривал «верную и постоянную дружбу и соседство», а также взаимные обязательства в общей войне против шведов. В частности, предусматривалась ликвидация шведского господства над восточной Прибалтикой, передача Лифляндии и Эстляндии Августу II, а Ингрии и Карелии — России.

12 августа 1700 г. саксонские войска под командованием Августа II провели успешный десант в Риге. Однако, ливонская знать и местное население не поддержали высадку и продвижение саксонцев вглубь Ливонии было остановлено. В том же месяце датский союзник поддержал Августа II, начав боевые действия в Гольштейн-Готтопском герцогстве к югу от своих границ. Однако Карл XII во главе 15-тысячного шведского корпуса под прикрытием флота неожиданно высадился в Копенгагене и принудил Фредерика IV к капитуляции. Дания была выведена из войны и вынуждена была подписать Травендальский мирный договор (1700 г.).

19 августа 1700 г. Россия официально объявила войну Швеции, и 24 числа того же месяца русские войска пересекли границу шведской Ингрии (нынешняя Ленинградская область). Главным шведским опорным пунктом в этом регионе была крепость Нарва, которая и стала основной целью русского вторжения.

К началу боевых действий русская армия в силу своей неопытности имела весьма ограниченную боеспособность. Петр двинул к Нарве около 40 000 солдат, 5 000 человек конного корпуса П. Шереметева и около 10 000 человек еще дореформенного дворянского ополчения. Войска поддерживал весь наличный состав артиллерийского парка, которым командовал грузинский царевич А. Имеретинский. Общее

командование войсками осуществлял Ф. А. Головин. Среди офиц был велик удельный вес нанятых на русскую службу иностранцев. следний момент к штабу русской армии по рекомендации Авгус присоединился герцог де Круа с группой офицеров. По самым обі подсчетам к Нарве подошла армия в составе 60 000 человек.

Им противостоял гарнизон крепости под командованием генер майора Р. Горна, который насчитывал 1300 пеших и 200 конных сол а также 400 ополченцев.

20 октября 1700 г. русская артиллерия начала регулярный обст крепости. Зарядов хватило только на две недели, а эффективность оказалась минимальной. Обстрел не нанес крепости почти никаких вреждений. Основной причиной этого были проблемы планирован большая часть орудий, доставленных к Нарве, была малокалиберн и не наносила вреда толстым крепостным стенам. Кроме этого, и ский порох, и сами пушки на поверку оказались низкокачественным что резко снижало эффективность артподготовки.

Незадолго до того, 5 октября Карл XII с корпусом численность 10 000 человек высадился в Пернове (Пярну) и Ревеле. Получив об это известие, Петр выслал навстречу шведским войскам конный отря Шереметева. Под эстонской деревней Пурц Шереметев был разби и отступил к Нарве. Когда известия об этом достигли русского лагеря ряд иностранных офицеров бежали из расположения своих подраз делений и перешли на сторону противника. Узнав о подходе шведов к Нарве, Петр 18 ноября в сопровождении генерал-фельдмаршала Ф. А. Головина и поручика А. Д. Меншикова уехал в Новгород, оставив командование генерал-фельдмаршалу герцогу де Круа.

В состоявшемся 30 ноября 1700 г. сражении русские войска потерпели сокрушительное поражение. Командующий герцог де Круа со всем штабом сдался в плен. Совокупные потери составили от 8 тыс. до 10 тыс. человек, 700 человек, включая 10 генералов и 56 офицеров, попали в плен, было потеряно 179 из 184 пушек. Единственными боевыми подразделениями, которые на протяжении всего сражения оказывали организованное сопротивление шведам, оказались Семеновский Преображенский полки. Из уважения к их стойкости Карл XII разрешил им покинуть поле боя под своими знаменами. Впоследствии Петр признал героизм своих гвардейцев. В память о том, что оба полка, сражаясь под Нарвой по колено в крови, сохраняли стойкость и верность долгу, в парадном мундире Семеновского и Преображенского полков появился новый аксессуар: красные гольфы, бывшие частью униформы вплоть до расформирования в 1918 году.

По случаю победы в нарвском сражении в Стокгольме было организовано шествие пленных московитов, а шведская пропаганда распространила в Европе слух о том, что Петр сбежал с поля боя из трусости. Для вящего унижения русского царя, сообщалось также, что

он бежал в слезах. В Швеции даже была выпущена медаль с изображением плачущего Петра, бегущего от Нарвы. Сам Петр позже объяснял свое бегство из-под Нарвы необходимостью собрать дополнительные резервы и встретиться с союзником — Августом II.

После поражения под Нарвой в Европе русскую армию на несколько лет перестали воспринимать как серьезную силу, а Карл XII получил славу великого полководца. С другой стороны, эта тактическая победа посеяла семя будущего поражения Швеции — Карл XII поверил, что разбил русских всерьез и надолго и сильно недооценивал их возможности вплоть до Полтавы. Петр I, напротив, после поражения под Нарвой, осознал необходимость военных реформ и сделал упор на подготовку национальных командных кадров.

Тогда под влиянием указанных причин, Карл XII принял решение не продолжать активные военные действия против русской армии и перенес основное внимание на войска Августа II. Он намеревался сместить Августа с престола Речи Посполитой и установить там власть выгодного ему монарха, превратив польско-литовское государство в своего рода буферную зону между Швецией и Россией. В июле 1701 г. шведские войска, не встретив серьезного сопротивления, форсировали Двину, заняли Ливонию и затем нанесли ряд серьезных поражений Августу II уже на территории Польши.

Зиму 1703–1704 гг. главные силы шведов провели в польской части Пруссии. Тем временем 14 января 1704 г. часть депутатов польского Сейма низложили Августа II с престола Речи Посполитой. Летом 1704 г. новым королем был провозглашен шведский ставленник Станислав Лещинский. Но в этом избирательном сейме участвовал лишь один епископ и один воевода — сам Лещинский. Поэтому новоизбранный монарх выглядел откровенной марионеткой. Из-за этого значительная часть депутатского корпуса объединилась вокруг Августа II и на Сандомирской конференции в 1704 г. объявила о непризнании Станислава Лещинского королем. Август II и Карл XII тем временем продолжали метаться друг за другом по Польше. Пока Карл брал Львов, Август совершил круговой маневр и отбил у шведов Варшаву, взяв при этом полторы тысячи шведов пленными.

19 августа 1704 г. между Россией и членами Сандомирской конфедерации был заключен Нарвский договор о союзе против Швеции. Согласно ему, Речь Посполитая официально вступала в войну на стороне Северного союза. Россия совместно с Саксонией и польскими войсками, поддерживавшими Августа II, развернула военные действия на польской территории. В 1705 г. была одержана победа над войсками Лещинского у Варшавы. В конце 1705 г. основные русско-польские силы под командованием короля Августа II остановились на зимовку в Гродно.

Неожиданно в январе 1706 г. Карл XII выдвинул в этом направлении крупные силы и 2 февраля нанес сокрушительное поражение саксонской армии в битве при Фрауштадте. Оставшись без надежды на подкрепление, русская армия была вынуждена отступить из Гродно в направлении Киева. Карл простоял с основными силами в Пинске около месяца, пережидая распутицу и подтягивая отставшие полки, а затем направился в Польшу, преследуя саксонцев. В августе 1706 г. шведская армия перешла Вислу. На этот раз шведы не остановились в Польше, а пройдя через австрийскую Силезию, в начале сентября вторглись уже на территорию самой Саксонии. 13 сентября 1706 г. Август II втайне заключил мирное соглашение со Швецией. По договору он отказывался от польского престола в пользу Станислава Лещинского, разрывал союз с Россией и обязывался выплатить контрибуцию на содержание шведской армии. Таким образом, Россия лишилась всех своих союзников в войне со Швецией.

25 июня 1706 г. шведский флот под командованием адмирала Шебалда в составе 1 яхты, 2 фрегатов и 4 линейных кораблей попытался высадить десант в Архангельске. Однако благодаря самоотверженности и героизму лоцмана Ивана Седунова (Рябова) и крестьянина Дмитрия Борисова, которые посадили на мель яхту и фрегат напротив недостроенной Новодвинской крепости под огонь русских пушек, это нападение было отбито.

Воспользовавшись тем, что основные силы шведов приняли участие в боях против Саксонии и Речи Посполитой, Петр I в 1701 г. приказал начать новое наступление на севере. 27 сентября 1702 г. русские войска под командованием Б. П. Шереметева осадили шведскую крепость Нотебург (старое название Орешек), расположенную у выхода Невы из Ладожского озера. 11 октября 1702 г. состоялся штурм и крепость пала. Весной 1703 г., после недельной осады, русскими войсками была взята крепость Ниеншанц, находившаяся при впадении реки Охты в Неву. Причем в этом бою русские войска взяли на абордаж два шведских военных корабля, оказавшихся в непосредственной близости от крепости. Это событие стало прологом будущих морских побед молодого русского флота. Таким образом и устье, и истоки Невы оказались в руках России.

27 мая 1703 г. на Заячьем острове в устье Невы была заложена Петропавловская крепость, вокруг которой предполагалось строительство новой столицы, получившей название Санкт-Петербург. Санкт-Петербург стал вторым русским городом, который строился по предварительному плану (как вы помните из моего предыдущего рассказа первый опыт нового градостроительства Петр получил, возводя порт и крепость Таганрог на берегу Азовского моря). Петр I лично участвовал в проектировании будущей столицы. Однако этот статус Санкт-Петербург получил лишь 15 лет спустя в 1719 г.

Незадолго до описываемых событий в 1702 г. русские войска под командованием Б. П. Шереметева овладели крепостью Мариенбург (ныне Алуксне, Латвия). Этот эпизод Северной войны известен тем, что в плен к Шереметеву попал протестантский пастор Глюк со своей воспитанницей Мартой Скавронской, ставшей после ряда чудесных превращений любовницей, а затем и женой Петра I.

В 1704 г. русские войска вторично осадили Нарву. Нарвским гарнизоном командовал все тот же генерал-майор Р. Горн, который не понял качественных изменений, произошедших с русской армией за истекшие три года. Эта ошибка ему дорого стоила. После правильной осады и артиллерийской подготовки, длившихся с 20 июня по 8 августа, русские войска пошли на штурм и ворвались в крепость. Комендант, 3 полковника и около тысячи солдат попали в плен. Потери шведов составили 1500 человек убитыми, было захвачено 500 артиллерийских орудий и большое количество снаряжения.

К 1705 г. русские войска захватили практически всю территорию Прибалтики. В 1706 году отдельный русский корпус под командованием Александра Меншикова разгромил шведов под Калишем (недалеко от Кракова). Однако Карл XII не придавал этому особенного значения. Разгромив Августа II, он был уверен в том, что последний оставшийся его противник — царь Петр будет легко повержен. В случае победы шведский король предполагал лишить Петра трона и передать корону России польскому магнату Якубу Собескому.

Лишь весной 1707 г. появились первые слухи о том, что он готовит свою главную армию, расквартированную в капитулировавшей Саксонии, к походу на Россию. Выступление ожидалось в мае-июне. За 11 месяцев пребывания в Саксонии Карлу XII удалось восполнить потери и существенно укрепить свои войска. 1 сентября 1707 г. шведская армия выступила из Саксонии в направлении Польши. Перейдя Одер, Карл соединился с подкреплениями, подошедшими из Швеции у Познани, а затем повел свою армию к Торуни, около которого в ноябре по льду перешел Вислу. Обойденные с севера русские войска под командованием Меншикова отступили от Варшавы к реке Нарев. Однако главные силы шведской армии совершили тяжелый переход по фактическому бездорожью через Мазурские болота и в феврале 1708 г. вышли к Гродно. Русская армия снова без боя отступила уже к Минску. В июне 1708 г. шведы двинулись в направлении Смоленска.

3 июля 1708 г. войска Карла XII форсировали Березину. Навстречу им выдвинулась русская армия под командованием А. И. Репнина. В произошедшем вслед за тем сражении под Головачевым Репнин был разбит, а Карл XII занял Могилев и переправы через Днепр. Однако русским удалось перегруппироваться и после ряда попыток прорваться с боями к Смоленску, шведский король в конце концов согласился с мнением своего нового союзника Ивана Мазепы, что

зиму необходимо провести на Украине, где можно было бы дождаться подкреплений и перезимовать. В это время в Риге высадился корпус генерала Левенгаупта с большим обозом, который получил приказ идти на соединение с основными шведскими силами на Украину.

Таким образом, Левобережная Украина становилась театром боевых действий, что не могло обрадовать союзника и вассала России гетмана Запорожской Сечи Ивана Степановича Мазепу (1639–1709 гг.), оставившему о себе весьма неоднозначную память как в России, так и на Украине.

Иван Степанович Мазепа родился в украинской православной шляхетской семье. Его отец Адам-Степан Мазепа, был одним из соратников Богдана Хмельницкого, участвовал в Переяславской Раде, а после смерти Богдана и отстранения от гетманства его сына Юрия вместе с гетманом Выговским пытался (неудачно) создавать Русское княжество в составе Речи Посполитой. В 1662 г. польским королем Адам-Степан Мазепа был назначен на должность подчашего[1] Черниговского и занимал ее вплоть до своей смерти в 1665 г.

И. С. Мазепа получил соответствующее положению отца образование. Он окончил Киево-Могилянскую академию и Иезуитский коллегиум во Львове. Близость семьи к королю позволила Мазепе поучиться и за границей: он побывал в Голландии, Италии, Германии и Франции. Изучал артиллерию и фортификацию, свободно владел русским, польским, татарским, латынью. Знал он также итальянский, немецкий и французский языки.

В качестве союзника России в составе казацких отрядов он участвовал во Втором походе князя Голицына на Крым, где, вероятно, и снискал к себе его расположение. По крайней мере, по сей день в исторической литературе сильна точка зрения, что именно благодаря интриге, затеянной В. В. Голицыным, 25 июля 1687 г. на Раде под Коломаком от власти был отстранен левобережный гетман Самойлович, а на его место был избран Мазепа.

Видимо, личное благорасположение Голицына позволило Мазепе почти что десятилетие благополучно занимать гетманский престол, лавируя между соблюдением правил казацкой демократии и требованиями московского сюзерена. Приход к власти молодого Петра в 1689 г. открыл перед Мазепой новые возможности.

Будучи старшим современником Петра (Мазепе было в ту пору 50 лет), он стал одним из первых союзников и советников молодого царя, когда тот строил планы европеизации страны и наткнулся в этом вопросе на яростное сопротивление консервативных кругов. Не по-

[1] Подчаший — придворная должность при польском дворе. Обязанностью подчашего было подавать беседующему королю напитки, предварительно их попробовав, и надзирать за напитками за королевским столом.

следнюю скрипку в этом играли церковные иерархи. Молодой царь решил опереться на более европеизированное православное духовенство с Украины. И в этом он пользовался неизменной поддержкой Мазепы. Когда в 1700 г. умер патриарх Адриан, Петр, как известно, запретил выбирать нового предстоятеля русской православной церкви, заменив их местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским. А вскоре большая часть постов русской православной церкви была также занята иерархами родом с Украины.

Кроме того, в первые годы петровского царствования Мазепа, по сути, был глазами и ушами Петра на южных рубежах страны. Он держал под контролем все события на границе с неспокойным Крымским ханством и Оттоманской Портой. В Москве Мазепе доверяли. Он дружил с канцлером Головкиным и фельдмаршалом Шереметевым.

А потом началась Северная война. И хотя знаменитые указы Петра о переливке колоколов в пушки, введении новых налогов и рекрутских наборов Украины не касались, (ее жители продолжали пользоваться правами автономии: судились по Литовскому статуту и платили собственные налоги гетману), Мазепа не мог абстрагироваться от изменившейся внешнеполитической ситуации. Создаваемая русская регулярная армия пополнялась казацкими сотнями запорожцев, участвовавших в боевых действиях. А они были поначалу крайне неудачны. Другое дело, что и тут Мазепа извлек для себя выгоду: пользуясь разгромом Августа II и ослаблением Речи Посполитой, он установил фактический контроль над Правобережной Украиной. Правда, поляки возмущались. А Петр считал их союзниками... Но он доверял Мазепе, и даже в благодарность купил ему титул князя Священной Римской империи, а затем наградил орденом Андрея Первозванного «за многие его в воинских трудах знатные и усердно-радетельные верные службы».

Когда шведы вторглись на Украину, Петр расценил это как интервенцию на свою территорию, пусть и обладающую определенными автономными правами. А казаки считали свое подданство царю результатом соглашения, в котором каждая из сторон должна была выполнять определенные условия. Складывающаяся непростая военно-политическая ситуация усугубляла этот конфликт между самодержавием и «казацкими вольностями». Не имея возможности противостоять первому, Мазепа не желал ущемлять второе. И он сделал свой выбор.

Строго говоря, Петр получал доносы на Мазепу начиная с 1689 г., но верить им не хотел; доносчиков наказывали, а доверие царя к гетману только возрастало. Существуют доказательства того, что первый замысел перехода на сторону Швеции обсуждался Мазепой и польской княгиней Дольской в конце 1705 г. Позже гетман вступил в тайные переговоры с королем Станиславом Лещинским. В январе 1708 г. в Москву поступил очередной донос о его измене. Царь опять счел

его ложным, поручив разбирательство друзьям гетмана: канцлеру Головкину и Петру Шафирову. Прознав про это, Мазепа не на шутку испугался и еще энергичнее повел переговоры со Станиславом Лещинским и Карлом XII, закончившиеся заключением тайных договоров. По их условиям Мазепа предоставлял шведам для зимних квартир укрепленные пункты в Северщине, обязывался доставлять провиант, склонить на сторону Карла запорожских и донских казаков и даже калмыцкого хана Аюку.

Осенью 1708 г. царь пригласил Мазепу присоединиться с казаками к русским войскам под Стародубом. Мазепа медлил, ссылаясь на свои болезни и смуты в Малороссии, вызванные движением Карла XII на юг. В то же время он совещался со старшинами, примкнувшими к нему, вел переговоры с Карлом и переписку с А. Д. Меншиковым. Меншиков решил навестить якобы больного Мазепу. Последний, опасаясь разоблачения, в конце октября бежал с гетманской казной с левого берега Десны к Карлу. К шведам, кроме трехтысячного отряда Мазепы, позднее присоединилась часть запорожского войска под началом кошевого атамана Константина Гордиенко в количестве до 7 000 человек.

Когда изобличавшие Мазепу факты предательства получили подтверждение, Петр лишил прежнего фаворита ордена Андрея Первозванного и организовал в Глухове заседание церковного суда, который предал запорожского гетмана анафеме. Тогда же 12 ноября 1708 г. Мазепа был проклят и в Москве. Это был единственный в истории случай, когда анафема одному и тому же человеку проводилась одновременно двумя разными группами архиереев, да еще и по прямому указу царя. Не довольствуясь этим, Петр велел отпечатать единственный в своем роде орден Иуды, выполненный из свинца весом 5 килограмм с надписью: «Треклят сын погибельный Иуда еже за сребролюбие давится». Поскольку Мазепа после Полтавского сражения бежал и вскоре умер в Бендерах, награда эта так и не нашла адресата. Сегодня — это экспонат Государственного Исторического музея.

Ответ на вопрос о том, являлся ли Мазепа предателем или нет, для русской (а вслед за ней советской и российской) историографии всегда был и остается очевидным. Пойдя на соглашение с противником России, да еще в условиях войны, он всегда рассматривался именно как человек, изменивший букве и духу решений Переяславской Рады 1654 г., как военный преступник и предатель. Однако после распада СССР в национальной историографии Украины этот стереотип подвергается сомнению и переосмыслению. Нынешние сторонники «революции гидности» усматривают в нем одного из первых «борцов с москалями» и чуть не основателя идеологии украинской «незалежности». В современных украинских школьных учебниках истории делается акцент на усилиях Мазепы по развитию украинского образования и культуры и на борьбе за независимость Украины в союзе со шведами против

России. А сам Мазепа рисуется как интеллектуал, поэт, полиглот, знавший 10 языков. Его измена трактуется в свете главного содержания украинской истории — борьбы за независимость и суверенитет. При этом авторы учебников старательно обходят в своих интерпретациях тему того, как отнеслись к союзу Мазепы со шведами рядовое казачество и простые украинцы. А ведь известно, что за Мазепой пошли единицы (по разным подсчетам от 7 до 10 000 казаков). Считая измену Мазепы патриотическим поступком, украинские «самостийщики», в свою очередь, называют предателями сторонников России, коих было большинство. Естественно, достается и русскому царю. Если Мазепа характеризуется в украинских учебниках как безусловный герой, то Петр I объявляется жестоким и беспощадным врагом всего украинского народа.

Со своей стороны, могу дополнить эти суждения еще одним соображением. Дело в том, что фактом своего предательства гетман, как ни странно, в последний раз послужил России. Именно он уговорил шведского короля не идти прямым маршем на Москву через Минск и Смоленск, а пожировать на вольных хлебах Украины, двигаясь к Москве через Полтаву, осаждая которую шведы потеряли два месяца и почти весь пороховой запас. Ко времени самой Полтавской битвы у них оставалось зарядов только на 4 орудия...

Военные же действия продолжались. Предательство Мазепы спровоцировало начало боевых действий между запорожцами и русскими войсками. В апреле-мае 1709 г. войска под командованием полковника П. И. Яковлева занимались карательными операциями на Левобережной Украине. В результате штурма Запорожской Сечи, состоявшегося 14 мая 1709 г. она была полностью сожжена и разорена. Действия Яковлева были дополнены рейдом А.Д. Меншикова на укрепленную резиденцию самого Мазепы — крепость Батурин. Там стоял сильный гарнизон, были складированы большие запасы снаряжения и провианта. Так что именно Батурин Мазепа рассматривал как главное место зимовки шведов. Войска Меншикова овладели этой крепостью, уничтожив весь гарнизон и, практически сровняли город с землей. Этот разгром сильно подорвал боевой дух запорожцев, лишив к тому же их со шведами необходимых припасов. В итоге этих действий русских войск, как и суровой зимы 1707—1708 гг. единственным способом восполнения провианта и фуража у шведской армии стали реквизиции местного населения, что не добавляло народной популярности украинско-шведскому союзу. Боеспособность же шведской армии поддерживалась через обозы с оружием и пополнением, которые доставлялись через остававшиеся в руках шведов прибалтийские порты, и затем с вооруженной охраной двигались на соединение с войсками Карла на Украине. Вот тут-то самое время вспомнить о большом обозе шведской армии под коман-

дованием губернатора шведской Лифляндии генерала Левенгаупта, вышедшего из Риги на соединение со шведскими войсками.

22 сентября 1708 г. этот обоз под охраной большого отряда (около 16 тысяч человек, до 7 тысяч повозок, 16–17 орудий) переправился через Днепр у Шклова и направился к Пропойску. Познав про это, Петр I отдал приказ не допустить соединения Левенгаупта с основными силами шведов. 28 сентября русские войска настигли шведов под деревней Лесной (недалеко от Могилева) и пошли в атаку. Бой длился с часу до семи с небольшим перерывом. Сражение то затихало, то возобновлялось, переходя от стрельбы к рукопашному бою. В середине дня противники были настолько истощены, что солдаты попадали на землю на расстоянии 200–300 шагов друг от друга и пару часов отдыхали прямо на поле боя.

К вечеру к Петру подошло подкрепление. Получив подмогу, русские снова атаковали и загнали шведов к самой деревне и обозу. Они вывели артиллерию на прямую наводку и стали обстреливать шведский лагерь. Левенгаупт понял, что не сможет спасти весь обоз — с тяжелогруженными повозками его войска не смогли бы оторваться от преследования. Поэтому ночью шведы отступили, бросив 3 тысячи подвод со снаряжением, артиллерию и всех своих тяжелораненых. Как известно, Петр I назвал эту победу «матерью Полтавской баталии», поскольку армия Карла осталась без резервов и боеприпасов, что значительно ослабило его силы, а также потому, что битву при Лесной и Полтавскую битву разделяют 9 месяцев.

Когда до Карла XII дошли известия, а затем и появились уцелевшие участники сражения под Лесной, он понял, что дальше ожидать подкреплений бессмысленно и приказал двигаться по направлению к Смоленску. Однако, на пути шведских войск встала Полтава. К этому времени она являла собой небольшую (1000 х 600 метров) деревянную крепость, укрепленную земляными валами, на которых высился деревянный палисад. По всему периметру вала тянулся глубокий ров. На валах имелось 4 деревянных башни. Гарнизон Полтавы состоял из 4200 солдат регулярной армии и 2600 ополченцев при 28 пушках. Комендантом города был полковник Алексей Степанович Келин.

Штурм Полтавы не удался. Первая попытка приступа была отбита. Сыграло свою роль отсутствие артиллерийской подготовки. В силу описанных выше обстоятельств Карл XII экономил ядра и порох. Шведы начали правильную осаду. Их траншеи были вырыты почти у самых городских валов. Были предприняты попытки нескольких подкопов, но взорвать фугасы не получалось, поскольку русским каждый раз удавалось их обезвредить.

15 мая в крепость с боем прорвался русский отряд из 900 человек, доставивший осажденным порох и свинец. Это укрепило решимость защитников Полтавы сражаться и способствовало успешному

отражению еще двух натисков, предпринятых шведами в ожидании генерального сражения. Петр прибыл к Полтаве 4 июня. За ним в этот район стали стекаться русские войска. Переправившись через реку Ворксла, русская армия встала лагерем у села Яковцы. Для его укрепления царь приказал строить редуты — специальные земляные сооружения четырехугольной формы, предназначенные для круговой обороны. Всего было построено 10 подобных редутов на расстоянии ружейного выстрела друг от друга. Перед самым сражением Петр приказал соорудить еще 4, но к началу боя они были не достроены.

Узнав через перебежчика о подходе к русским усиления в виде калмыцкой конницы и лишившись надежды на получение собственного подкрепления (Станислав Лещинский прислал депешу, что не сможет привести верные ему силы к Полтаве, так как скован действиями русской кавалерии генерала Ренне, а турецкий султан не намерен вмешиваться в русско-шведскую войну), 26 июня Карл XII решился на сражение.

Накануне битвы, объезжая линию фронта, шведский король, как известно, был ранен пулей русского снайпера в ногу. Несмотря на то, что ему тут же была сделана операция и пуля была извлечена, развернувшееся вслед за тем сражение, монарх встретил на носилках.

Битва началась в третьем часу ночи 27 июня 1709 г. Шведские войска атаковали русские редуты. Два ранее недостроенных из них были шведами захвачены. Чтобы остановить продвижение неприятеля, русская кавалерия под командованием А. Д. Меншикова контратаковала и загнала неприятеля под огонь русской артиллерии. Шведское наступление захлебнулось и войска отошли на исходные позиции.

К 8 часов утра следующего дня по приказу Петра русская армия вышла из редутов и стала готовиться к решающему сражению. В центре русской позиции расположилась пехота, между ее боевыми порядками — артиллерия, а по флангам — конница. Зная о том, что в составе русской пехоты было много новых полков с необстрелянными новобранцами, Карл XII решил концентрированным ударом прорвать центр русской позиции. Прорыв должна была осуществить королевская пехота — *каролины*.

Русские войска встретили наступавших шведов сначала артиллерийским огнем, затем несколькими ружейными залпами. Затем началась рукопашная. Поначалу, казалось, что прославленная шведская пехота смогла выполнить план своего главнокомандующего и опрокинуть первую линию противостоявшего ей Новгородского полка (лишь недавно сформированного и прибывшего под Полтаву накануне битвы).

Согласно утвердившемуся в российской историографии мнению, видя такое развитие событий, Петр I не сдержался, вскочил на коня и лично повел в контратаку солдат второй и третьей линии этого полка, чем спас ситуацию и предотвратил угрозу прорыва центра русской

позиции. К сожалению, этот факт не отмечен ни в воспоминаниях непосредственных участников данного знаменательного эпизода, ни в официальных документах, появившихся на свет в ходе или сразу по окончании Полтавского сражения. Шведские участники битвы (по крайней мере те, кто оставил какие-то воспоминания) также не опознали русского царя в гуще сражения. В исторические труды этот факт проник много позже, как своего рода «предание» о Полтавской баталии, был подхвачен и растиражирован русской монархической историографией и занял свое место в отечественной традиции описания истории Северной войны. Это, впрочем, совершенно не означает, что данного эпизода не было или не могло быть вовсе. Однако же также можно и предположить, что он был плодом солдатского воображения или ветеранского фольклора, который сопровождает любые крупные сражения (вспомним истории про Евпатия Коловрата, боярина Пересвета и др.)

Так или иначе, но после этого был подан сигнал ко всеобщему русскому наступлению. Сражение вспыхнуло с новой силой, однако через какое-то время шведы дрогнули и стали отступать. Причиной этого стал распространившийся слух о гибели Карла XII: ядро попало в носилки с раненным королем, и он чудом остался жив. Чтобы справиться с паникой, Карл XII приказал поднять себя на носилках и пытался призывать солдат остановиться, но паника продолжала нарастать. Еще через два часа, говоря словами Петра, была одержана «прекрасная Виктория». Потеряв в бою около 8 000 человек, шведские войска и их украинские союзники бежали на запад, по направлению к Днепру. Достигнув села Переволочна, они стали искать возможные средства для переправы. Однако же удалось отыскать лишь несколько лодок для короля, гетмана и их охраны.

Передав командование войсками генералу Левенгаупту, король и гетман переправились на правый берег Днепра и скрылись в турецких владениях. Подошедший же три часа спустя к Переволочне Меншиков выдвинул Левенгаупту ультиматум о немедленной и безоговорочной сдаче в плен, угрожая в противном случае утопить шведов в Днепре. Левенгаупт после зрелого размышления принял условия капитуляции и остатки шведской армии, насчитывавшие около 15 000 человек, прекратили сопротивление. Трофеями русских стало оружие, снаряжение, а также вся шведская (400 000 руб.) и мазепинская (4300 руб.) казна.

Петр же, как известно, на следующий день после победы под Полтавой дал в русском лагере торжественный прием для своих генералов и старших офицеров. Были приглашены и шведские генералы. За обедом царь произнес тост в честь своих бывших противников, называя их своими учителями. В ответном слове, старший по званию среди шведских военачальников фельдмаршал Реншальд упрекнул царя в том, что тот «дурно обошелся со своими наставниками».

К слову, хочу добавить, что довольно много шведских офицеров, попавших в плен в ходе Северной войны, после подобного приема перешли на службу в русскую армию. Ярким примером служит упомянутый в пушкинской «Полтаве» генерал-майор Вольмар Шлипенбах. Он сопровождал шведский обоз, подвергшийся нападению русского «летучего отряда» под Лесной, сумел отбиться и присоединился к Карлу XII. Во время Полтавского сражения практически одним из первых шведских высших офицеров он попал в плен и также одним из первых согласился перейти на русскую службу. Примечательно, что он даже не особо потерял в звании. Как и в шведской армии, в русскую он был принят генерал-майором и дослужился до генерал-поручика, а затем был членом Военной коллегии и Верховного суда.

После победы под Полтавой многие русские участники сражения получили ордена, новые звания, земельные пожалования и повышение по службе. Не забыл Петр и себя. Согласно царскому указу «за храбрые кавалерийские заслуги и в делах воинских мужественное искусство» он был пожалован званием генерал-лейтенанта. Младшие офицеры и нижние чины были награждены денежными наградами и медалями «За Полтавскую баталию».

Полтавская победа существенным образом изменила расстановку военно-политических сил в Европе. Вместе с поражением шведов, покачнулся трон под их ставленником в Речи Посполитой Станиславом Лещинским. Он вынужден был бежать из Польши, а его место вновь занял Август II. Стремясь восстановить Северный союз, Петр решил нанести визит своему бывшему союзнику. Торжественная встреча Петра состоялась в польском городе Люблин, где царя ожидали обер-шталмейстер польского короля, а также камергер короля прусского и чрезвычайный посол Дании. В их сопровождении царь направился в резиденцию польского монарха в Торунь, где 26 сентября 1709 г. и состоялась его встреча с Августом. Тот чувствовал себя более чем неуверенно и неловко, особенно в свете своих недавних политических кульбитов (напомним, что в целях спасения короны Саксонии после ряда военных поражений он вынужден был подписать тайный антирусский союз со Швецией. При этом Август в порыве подобострастия преподнес Карлу усыпанную драгоценными камнями шпагу, в свое время подаренную ему Петром). Шпага эта была при Карле во время Полтавской битвы, брошена им во время отступления и вновь оказалась в руках своего дарителя. И вот теперь Петр вторично преподнес свой подарок Августу II. Цели, которые Петр ставил перед собой в этой дипломатической миссии были полностью достигнуты: Северный союз был восстановлен в прежнем составе (Россия, Дания, Саксония и Речь Посполитая), а с Пруссией был подписан оборонительный союз.

Эти политические перемены не преминули сказаться и на положении на фронтах. Русские войска овладели Выборгом, Ригой, Реве-

лем, Пярну, Кексгольмом, закрепились на большей части территории Лифляндии и Эстляндии.

Зимой 1709 г. в Москве торжественно отметили победу в Полтавской битве и при Лесной. После торжественного марша русских войск по городу, в отместку за шведский триумф после Нарвы, по Москве провели около 22 000 шведских военнопленных (ровно столько же, сколько и в Стокгольме — *Д.Г.*), провезли трофейные пушки и знамена. Наиболее высокопоставленным пленником, участвовавшим в этом триумфе, стал статс-секретарь граф Карл Пипер, возглавлявший Канцелярию Карла XII.

Довольно неровно развивались и русско-турецкие отношения. По итогам своих Азовских походов Петру с большим трудом удалось заключить с Османской империей мир на 30 лет в 1700 году. По месту своего заключения этот договор получил название Константинопольского. Согласно его статьям за Россией закреплялся Азов с прилегающими к нему землями, подтверждалась безопасность народов, населявших пограничные территории обоих государств, а также безопасность жившего в Османской империи православного духовенства. Предусматривались обмен и освобождение пленных, отменялись уплата ежегодной дани крымскому хану и взимание пошлин с российских паломников, идущих в Иерусалим. Россия возвращала занятые в ходе Азовских походов 1695–1696 годов территории Приднепровья с небольшими турецкими крепостями, которые должны были быть ликвидированы турецкой стороной.

После заключения мира, Османская империя долго тянула с его ратификацией. После поражения под Полтавой договор был все же ратифицирован. Теперь дестабилизирующим фактором русско-турецких отношений стал Карл XII, который формально находился в Османской империи на правах почетного гостя, но употребил все свое влияние, чтобы вовлечь своих радушных хозяев в конфликт с Россией. Петр через своего посла П. Толстого требовал выдачи шведского короля русской стороне. Однако, объявив о долгожданной ратификации мирного договора, султан согласился лишь на выдворение шведского монарха из своих владений. Причем до польской границы его должен был сопровождать отряд из 500 янычар, а при следовании через Польшу — русский эскорт той же численности.

Официально подтвержденный турецкой стороной мир продержался недолго. Сказывалось и копившееся недоверие между сторонами, козни крымского хана, а также действия некоторых представителей дипломатических кругов западных стран, которых не устраивало новое соотношение сил в Европе после Полтавы и военное усиление России. Особенно в этом деле усердствовала Франция, желавшая не допустить союза России со своим извечным противником Австро-Венгрией. В декабре 1710 г. из Константинополя пришли известия об официальном

объявлении Турцией войны России. Вслед за тем крымцы атаковали Харьков и Белую Церковь. И хотя силами местных гарнизонов эти атаки были отбиты, край подвергся серьезному разорению.

25 февраля 1711 г. в Москве было официально объявлено о начале войны с Портой. Русские войска под командованием фельдмаршала Шереметева еще в январе того же года получили приказ выступить из Прибалтики на юг. Это дало старт т.н. «Прутскому походу» русской армии. Петр присоединился к войскам в марте. Он верил в успех этого похода. По плану русские должны были форсировать Днестр, Буг и Дунай и развернуть боевые действия на вражеской территории. Кроме того, в своих планах царь рассчитывал на помощь Валахского правителя Бранкована и молдавского господаря Кантемира. Однако полагаться на это можно было лишь в том случае, если русская армия смогла бы раньше турок достичь Дуная. Этого сделать не удалось. Поэтому Бранкован решил не искушать судьбу и переметнулся к туркам. Лишь 30 мая русские войска форсировали Днестр. Господарь Кантемир, хотя и выполнил взятые на себя обязательства, но тот запас продовольствия и фуража, который он собрал, был крайне мизерным для снабжения сорокатысячного русского корпуса.

Турецкие войска тем временем переправились через Дунай и шли навстречу неприятелю. Переход от Днестра до Буга был для русских невыносимо трудным из-за недостатка провианта, нестерпимой жары и отсутствия пригодных к употреблению источников питьевой воды. В самом конце июня 1711 г. русская армия переправилась через Прут и последовала вниз по правому берегу реки. Здесь 18 июля она и встретилась с неприятелем. В середине дня османы нанесли свой удар в тыл русской армии. Несмотря на численный перевес, турецкие войска после стычки были вынуждены отступить, поскольку их наступление не было подготовлено.

Как стало ясно к утру следующего дня, русские войска во главе с самим царем попали в окружение 180-тысячной турецкой армии и крымских татар. Петр принял решение идти вверх по течению реки в поисках более удобного места сражения. Передвижение началось с наступлением ночи. Однако в ходе движения между отступающими русскими войсками образовался разрыв, чем незамедлительно воспользовались турки, чтобы нанести удар по обозу, оставшемуся без прикрытия. Русские войска заняли оборону недалеко от селения Стэнилешть и приготовились к бою. К пяти часам вечера сюда подошли основные силы турецкой армии. Сражение началось в семь часов вечера. Отчаянные атаки янычар были встречены кинжальным огнем русской артиллерии, и атака в конце концов была отбита с большими потерями для турецкой стороны.

Утром следующего дня сражение продолжилось. Турки начали обстрел русского лагеря из 160 орудий, которые были доставлены

к месту боя. В перерывах между обстрелами русские позиции подвергались атакам турецкой пехоты и кавалерии, однако же сломить сопротивление русских войск они не смогли. Вечером бой затих и на военном совете Петр, констатируя безысходность сложившейся ситуации, предложил заключить с турками мирный договор. В результате к туркам был отправлен П. Шафиров, которого наделили самыми широкими полномочиями посла.

Переговоры длились два дня. В итоге мир был заключен на следующих условиях: Россия обязалась возвратить Османской империи Азов, срыть недавно построенную крепость Таганрог и отказаться от других городов на побережье Азовского моря; Россия отказывалась от вмешательства в польские и казацкие дела, а также обязывалась обеспечить свободное следование через свою территорию шведского короля на родину. Был оговорен ряд иных, более мелких условий. До полного исполнения условий договора посол Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева должны были оставаться в Турции на правах заложников. По некоторым сведениям сговорчивость великого везиря была куплена практически всеми драгоценностями находившейся в осажденном лагере при Петре Екатерины I, которая к тому же к этому моменту была на седьмом месяце беременности. Косвенно подтверждение ее заслуг в деле спасения русской армии и монарха можно видеть в том обстоятельстве, что именно после Прутского похода 19 февраля 1712 состоялось официальное венчание Петра и Екатерины и она получила официальный статус супруги царя.

23 июля мирный договор был скреплен печатями, и уже в 6 часов вечера русская армия в боевом порядке с развернутыми знаменами и барабанным боем выступила к Яссам. Таким образом, главным итогом Прутского похода явилось спасение армии (и императора!), а печальным результатом — потеря Россией выхода к Азовскому морю и недавно построенного южного флота. Азов вновь был отвоеван русской армией и вошел в состав России лишь в 1736 г.

Когда Карл XII узнал о подписании русско-турецкого мира, он примчался в турецкий лагерь из Бендер и потребовал от великого везиря выделить ему 20 000 янычар, обещая привезти обратно пленного русского царя. Однако, командующий турецкой армии напомнил ему про Полтаву и твердо заявил, что не намерен нарушать только что подписанного соглашения. Тогда Карл попробовал спровоцировать на выступление крымского хана, но тот не решился ослушаться везиря. В итоге шведский король, опасаясь за свою жизнь, так и не покинул территорию Османской империи и задержался в Бендерах еще на два года. Султан, которому надоели интриги и амбиции высокого шведского гостя, в конце концов распорядился арестовать его, а Россия, Речь Посполитая и Пруссия воспользовались этой ситуацией в своих интересах: русские войска оккупировали половину Финляндии,

прусские власти экспроприировали шведские капиталы в Германии, а Август II укрепился на польском троне.

В 1713 г. Карлу удалось бежать из Османской империи. Утверждают, что в ходе побега произошла стычка между шведской охраной короля и отрядом преследовавших его янычар. В ходе боя Карл получил второе ранение (шальной пулей ему отстрелили кончик носа). После возвращения на родину влияние и политическая роль этого шведского монарха стали неуклонно падать. В декабре 1718 г. во время своего последнего похода в Норвегию (она была тогда под властью Дании) при осаде крепости Фредриксгалля, Карл XII находился в передовой траншее и был убит выстрелом снайпера (забавно, но факт: в качестве пули была использована пуговица от датского мундира). По другой версии король стал жертвой заговора шведской аристократии, недовольной продолжением разорительной войны, и был убит в результате покушения (это не отменяет историю с пулей-пуговицей, но обстоятельства гибели короля до сих пор остаются причиной ожесточенных споров). Так или иначе, но Карл XII считается последним монархом Европы, павшим на поле боя.

В 1712 г. сражения Северной войны продолжились в центральной Европе. Дания, Саксония и Пруссия начали боевые действия в Померании. Осаду шведских гарнизонов Штральзунда и Висмара можно было признать успешным лишь наполовину. Сами крепости взяты не были, но союзникам удалось выманить из них и пленить более 2000 шведских солдат и офицеров. Причиной столь половинчатых результатов стало отсутствие осадной артиллерии. Тяжелые орудия, необходимые для осады крепостей, имелись только у Дании, но она отказывалась передать их для выполнения общих задач. На этом фоне между участниками коалиции усилились и другие разногласия. Русская армия, во главе с А. Д. Меншиковым, в это время, осаждала Штетин. Впрочем, тоже без видимых успехов и по той же причине. Не было осадных орудий.

Обеспокоенный складывающейся ситуацией, Петр в июне 1712 г. прибыл в Померанию и имел свидание с Августом II. Тем временем шведский генерал М. Стенбок вышел из Штральзунда и намеревался атаковать датские и саксонские войска. Петр предложил союзникам военную помощь с условием, чтобы они не принимали сражения до подхода русских войск. Однако же 10 декабря те ввязались в бой, в котором потерпели поражение. В январе 1713 г. переброшенные в Померанию русские войска начали преследование шведов и настигли их у Фридрихштадта. Стремясь оторваться от преследования, Стенбок разрушил шлюзы и затопил его предместья. Несмотря на это, русские войска штурмом овладели городом. Потеряв 300 человек пленными, шведы отступили. Петр, поручив преследование противника Меншикову, отбыл в Петербург.

Боевые действия в Померании в 1712 г. разочаровали царя. Поэтому он решил перенести основную тяжесть боевых действий на более чувствительный для шведов фронт — финский. По его мнению, овладеть Финляндией было необходимо в силу большого значения этих мест для снабжения шведских войск продовольствием и фуражом, а флота — строевым лесом. Был сформирован шестнадцатитысячный экспедиционный корпус под командованием Ф. М. Апраксина. В апреле 1713 г. этот корпус на галерах и других мелких судах появился в финских шхерах и практически без боя взял крепости Свеаборг (Гельсингфорс) и Борго. Царь был в составе десанта, но после взятия Борго вернулся в Кронштадт. Здесь он получил известие от А. Д. Меншикова о разгроме армии Стенбока под Тонингеном и пленении союзниками более 11 000 шведских солдат и офицеров во главе с самим главнокомандующим.

Тем временем Ф. М. Апраксин продвигался дальше на север и во второй половине 1713 г. русские войска при поддержке флота взяли столицу шведской Финляндии — город Або (современный Турку). Таким образом, контроль над Финляндией в значительной степени Швецией был утерян. Однако, было совершенно очевидным, что победить такую сильную морскую державу, которой оставалось Шведское королевство можно было лишь после достижения превосходства над ее военно-морскими силами. Это произошло в 1714 г. после известного сражения при мысе Гангут.

Широко известны усилия Петра Великого, направленные на создание русского военно-морского флота. Однако обсуждая этот вопрос, следует иметь в виду несколько обстоятельств. Наши современники, живущие в XXI веке, априори убеждены (особенно, после просмотра масштабных телевизионных сериалов и кинолент, посвященных петровской эпохе), что к моменту первых побед молодого русского флота, он уже обладал полноценным комплектом больших многопалубных, многопушечных кораблей с обученными командами, штатом морских офицеров, портовой инфраструктурой, местами базирования и т.д. Именно это утверждает видеоряд современной кинопродукции, демонстрирующий сцены морских баталий, когда линейные корабли выстраиваются друг напротив друга, и окутываясь клубами белого дыма, начинают коллективные артиллерийские дуэли, заканчивающиеся красочными эпизодами потопления (взрыва) неприятельского корабля. Увы! Применительно к рассматриваемому времени эти картины имеют весьма отдаленное отношение к реальности.

Начнем с того, что до 1708 г. в стране наличествовал только гребной флот. И то основным типом военных судов были наиболее легкие, плоскодонные галеры (скампавеи), которые были оснащены от силы двумя пушками и которые подходили в большей степени для десантных операций, нежели для крупных морских сражений. Собственно, как

мы видели выше, скампавеи для этого в своей массе и использовались. Строительство же крупных кораблей не велось вовсе! Только в 1714 г. в Архангельске было построено 7 крупных кораблей общим вооружением в 52 пушки. Еще несколько десятков не самых современных судов было куплено Петром за границей. Почему же основу первых русских побед заложил именно гребной, а не парусный флот?

При той спешке, в которой строился флот (вспомним, что Азовская флотилия была построена практически за год, немногим больше времени потребовалось для создания галерного флота, победы которого мы обсуждаем на этих страницах), говорить о каком-то правильном соблюдении технологии, о специальной обработке древесины (я не говорю о ее выращивании) невозможно. То же самое можно сказать о вооружении и комплектовании команд. В стране не было еще ни своей кораблестроительной базы, ни морской школы, ни приемов выучки экипажей, ни вообще собственных морских традиций... Причем надо учитывать, что фактически на многомачтовых парусных военных кораблях имеется две команды: задача одной управлять парусами, а другой — собственно вести бой. И поскольку обе эти команды должны очень четко координировать между собой свои действия, чтобы достигать боевого результата (что требует постоянной тренировки), то для читателя станет совершенно очевидно, что ни времени ни возможности построить и подготовить к бою настоящий флот к 1714 г. просто не было. Посадить же на весла имевшихся в изобилии пехотинцев, которые под началом опытного капитана и лоцмана при минимальной тренировке могли бы сначала грести, а затем участвовать в абордажном бою, было вполне даже по силам.

Мои остальные претензии к качеству современной кинопродукции носят менее существенный характер. Например, известно, что вплоть до середины XIX в. военно-морские флоты не располагали фугасными снарядами. А чугунные ядра, которые извергали многочисленные корабельные орудия во время боя, хотя и проламывали борта, иногда ломали мачты и даже пробивали корабли «навылет», калеча канониров и матросов, ни в коей мере не могли стать причиной затопления судна или тех красочных взрывов, которые демонстрируются в фильмах. Такое могло произойти, лишь если шальное ядро случайно попадало в крюйс-камеру — пороховой погреб корабля. Но это случалось нечасто. Чтобы поджечь вражеское судно, команды по старинке калили ядра или обматывали их тряпьем и соломой перед выстрелом. Но результат от этого был мизерный. Более гарантированным способом поджечь вражеский корабль было использование брандеров. Брандер — это небольшое суденышко, по сути — плавучая мина с небольшим экипажем и заложенным в трюме большим запасом взрывчатки. Его подгоняли к борту вражеского судна, закрепляли якорями, после

чего команда поджигала фитили и покидала корабль. Брандер взрывался, но вместе с ним загорался и вражеский корабль.

Ну и наконец, о клубах дыма, которые сопровождают в кинофильмах сцены морских баталий. Вплоть до 80-х годов XIX в. в ходу был традиционный, как его сегодня называют, «дымный» порох, для изготовления которого использовалась в разных сочетаниях селитра, угольная пыль и сера. При возгорании эта смесь образует сажу, а дым от нее (в зависимости от используемого угля — каменного или древесного) либо белый, либо ядовито-черный, что уж совсем не кинематографично. Собственно, именно поэтому артиллеристы и канониры позапрошлого века во время боя были черны как смоль. Только глаза блестели. Да и времени между выстрелами требовалось больше, чем показывают в современных фильмах, ибо если палить не наугад, а прицеливаться, то нужно ждать, чтобы плотная дымовая завеса рассеялась после предыдущего залпа. Кстати говоря, по этой причине не стоит всецело доверять и многочисленным сценам выяснения отношений между ковбоями на Диком Западе в американских вестернах. После хотя бы пяти минут непрерывной пальбы двадцати человек, да еще с двух рук и в сравнительно небольшом помещении, коим были салуны, вряд ли кто-то из участников подобных разборок смог бы различить силуэт противника за плотной дымовой завесой.

В этих условиях наиболее эффективным вариантом морского сражения, как ни странно это звучит, был абордажный бой. После основательной «артподготовки» корабли противников сближались, сцеплялись друг с другом бортами и абордажные команды делали свое дело. И Петр I учитывал это обстоятельство, готовясь к морскому противостоянию со шведами. Вот после этих замечаний, я наконец, могу перейти к описанию развернувшихся событий у мыса Гангут.

Итак, в июне 1714 г., доставив провиант русскому гарнизону в Гельсингфорс, галерный флот вышел в море и следовал с той же целью в направлении Або. У мыса Гангут (полуостров Ханко) путь ему преградила шведская эскадра. Командовавший русским флотом Ф. М. Апраксин насчитал 29 вымпелов. Среди них было 15 линейных кораблей, 3 фрегата, 11 судов более мелких классов. По самым приблизительным подсчетам на их борту находилось около тысячи пушек. Командовал шведским флотом адмирал Густав Ваттранг. Под началом Апраксина было 99 галер с десантом общей численностью в 15 000 человек.

Он доложил о ситуации царю и 18 июня Петр присоединился к русскому флоту. На военном совете было решено по возможности попытаться зайти в тыл или разделить силы противника. С этой целью Петр велел построить переволоку[1] через перешеек полуострова Ханко

[1] Деревянный настил.

длиной 2,5 км., демонстрируя, что собирается перетащить часть своих судов на другую сторону полуострова. Узнав об этом, Ваттранг направил к северному побережью полуострова отряд кораблей (18-пушечный фрегат «Элефант», 6 галер, 3 более мелких судна. Возглавил отряд контр-адмирал Эреншельд. Другой отряд (8 линейных кораблей и 2 бомбардирских корабля) под началом вице-адмирала Лилльe он решил использовать для нанесения удара по главным силам русского флота.

На следующий день в месте грядущего сражения установился полный штиль, чем и решил воспользоваться Петр. По его приказу 35 русских галер под командованием Матвея Змаевича, пользуясь неподвижностью шведских кораблей, зашли в тыл шведской эскадры, оставаясь вне досягаемости огня ее пушек. Русский флот таким образом заблокировал отряд Эреншельда у острова Лаккиссер. 27 июня в 2 часа пополудни русский авангард в составе 23 кораблей атаковал Эреншельда, построившего свои корабли по вогнутой линии, оба фланга которой упирались в острова. Два часа шведы с трудом отбивались от натиска русских кораблей, но затем шведские корабли были взяты на абордаж и захвачены. Петр I лично участвовал в абордажной атаке, демонстрируя подчиненным пример мужества и героизма. После упорного сопротивления сдался шведский флагман «Элефант». Были захвачены все 10 кораблей отряда Эреншельда. Сам адмирал пытался бежать на лодке, но был взят в плен. Оставшаяся часть сил шведского флота сумела уйти к Аландским островам. Согласно официальным данным, в этом сражении шведы потеряли 361 человека убитыми, 350 ранеными, остальные были пленены. Русские потери составили убитыми 124 человека и 324 человека раненными.

Петр сравнивал первую в истории большую морскую победу русского флота с победой в Полтавской битве. Когда известия об этом достигли Стокгольма, то была начата подготовка к эвакуации королевского двора из шведской столицы. 9 сентября Санкт-Петербург встречал победителей. Вслед за победоносными галерами в качестве трофеев в Неву вошли и трофейные шведские суда. В честь победы была выпущена медаль «За победу при Гангуте», а в 1719 г. со стапелей Адмиралтейских верфей в Санкт-Петербурге был спущен на воду линейный корабль, получивший название «Гангут». С тех пор и до настоящего дня это название по преемственности передается новым поколениям кораблей российского военно-морского флота.

В 1716 г. сложились условия для поиска мирного выхода из Северной войны. Швеция после поражений на суше и на море уже не могла вести боевые действия на всех фронтах, где ей противостояли объединенные силы Северного союза, но и Россия была истощена ведшейся пятнадцать лет без перерыва войной. С целью прощупать возможности для заключения мира в январе Петр вместе с Екатери-

ной отправились в Европу. Формально причиной путешествия было объявлено лечение царя.

Еще А. С. Пушкин в «Истории Петра I» указывал на многочисленные простудные заболевания, лихорадки и горячки, которым был подвержен государь. Также нам известно, что для облегчения болезни желудка, царь неоднократно прибегал к лечению минеральными водами как в России, так и за рубежом: в Бадене в 1698 г. и в 1708 г., в Карлсбаде в 1711 г. и в 1712 г. В Европе об этом знали. Поэтому выезд царской четы на воды в саксонский курортный городок Пирмонт не вызвал ни у кого лишних вопросов.

Однако же на практике пребывание Петра в Саксонии было насыщено массой визитов и встреч: с саксонским курфюстром «другом Августом», герцогом Мекленбургским, датским королем Фредериком IV. Для поиска дипломатических путей завершения Северной войны Петр посетил Голландию. Следом за ним в Амстердам прибыли и высокопоставленные русские дипломаты: Шафиров, Толстой, Остерман. Им удалось установить контакты с главными союзниками шведской короны на континенте — французами. Франция в складывающихся обстоятельствах согласилась принять на себя миссию посредника в возможных переговорах. В связи с этим царь решил ехать в Париж.

Французская сторона, детально проработавшая программу следования царя из порта Дюнкирхен до Парижа, была немало удивлена, узнав, что Петр отказался от всевозможных почестей и удобств, подготовленных ему в пути, и путешествовал в простой двуколке. В связи с намечающимися переговорами, фактический правитель Франции на тот момент герцог Филипп II Орлеанский приставил к царю камер-юнкера по фамилии де Либуа, чтобы выведать истинные цели визита. Де Либуа позже писал, исходя из собственных наблюдений, что русскому монарху было важнее узнавать новое и путешествовать, нежели вести серьезные деловые переговоры. А если Петр I и вел таковые, то делал это за «стаканом вина». Француз в своих суждениях оказался прав лишь частично: Петр I считал, что дипломатические переговоры с французской стороной могли облегчить выход из изнурительной Северной войны, однако при этом нельзя не признать, что он испытывал и неподдельный интерес к могущественной на тот момент европейской державе.

Не изменил себе Петр и прибыв в столицу Франции. На торжественном приеме, устроенном в его честь от имени Людовика XV, он лишь выпил немного вина и съел ломтик бисквита. Отказавшись жить в Лувре, он потребовал для себя более скромного пристанища, чем поставил в тупик службу королевского протокола. В конце концов царь переселился в отель *Lesdiguières* («Ледигьер»). Но и он показался царю чересчур шикарным. Инцидент закончился тем, что Петр потребовал

поставить ему простую походную кровать в гардеробной. Там к вящему изумлению принимающей стороны он устроился на ночлег.

Именно в этой гостинице прошли и первые официальные русско-французские переговоры на высшем уровне. Первым на встречу к Петру I прибыл регент короля Людовика XV — Филипп II Орлеанский. Как утверждают очевидцы встречи, знакомство вышло непродолжительным, но прошло в исключительно дружественном ключе. Русский государь обнял Филиппа и сказал, что решил отправиться во Францию как только узнал о том, что последний стал регентом. Филипп пообещал Петру полную свободу действий в стране от имени короля.

Встреча Петра с самим королем состоялась лишь три дня спустя. Людовик XV, к слову сказать, занял престол в 1715 г. в пятилетнем возрасте. Поэтому на встречу к Петру, по сути, прибыл семилетний ребенок. Русский государь к изумлению французской знати взял малолетнего монарха на руки и несколько раз поцеловал его. А юный король ничуть не испугался и, по уверению придворных, вел себя, как подобает истинному правителю Франции, правнуку «короля-солнца». Прощаясь, Петр I пожелал Людовику XV успешного и славного царствования и добавил, что в будущем государи смогут оказывать друг другу взаимные услуги.

Еще один визит вежливости царь нанес маркизе де Ментенон — жене и любимой фаворитке Людовика XIV. Увидев старую маркизу в постели, он поинтересовался, чем она больна. Маркиза ответила: «Старостью». Потом Петр назвал этот визит встречей с «живыми мощами прошлого века».

В Париже Петр побывал в аптекарском доме, Арсенале, королевской библиотеке, Ботаническом саду, Французской академии наук и Парижской обсерватории. Наведывался государь и в Монетный двор, в мастерские столяров и литейщиков, в знаменитый Дом инвалидов. Даже поднялся на колокольню собора Парижской Богоматери.

По словам очевидцев, Петр I общался с простыми столярами, академиками, врачами, удовлетворяя свою жажду знаний, наблюдал, как работает та или иная фабрика или фактория, постоянно делал заметки. Словом, царь возвратился из столицы Франции полный впечатлений и надежд на заключение мира.

События начала 1718 г., казалось, подтверждали эти надежды. 12 мая 1718 г. на Аландских островах открылся мирный конгресс. Шведскую делегацию представлял личный посланник вернувшегося на родину Карла XII Георг Генрих фон Герц. Россию представляли Яков Брюс и Андрей Иванович Остерман. Обсуждались следующие условия заключения мира: Швеции должна была быть возвращена Финляндия. Ингрия (Ижора), Эстляндия, Лифляндия, а также Карелия должны войти в состав России. Шведская сторона после консультаций со Стокгольмом была готова принять эти условия, однако

потребовала дополнить договор пунктом о передаче польского престола шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому. Учитывая, что Август II однажды уже вероломно предал Петра, русский царь готов был удовлетворить это условие, однако, в ходе переговоров русским агентам в Стокгольме стало известно, что при дворе шведского короля есть влиятельная партия, удерживавшая его от подписания мира. Это внесло неопределенность в дальнейшие русско-шведские контакты. В конце 1718 г., как мы уже обсуждали, Карл XII вторгся в норвежские владения Дании и был убит при штурме Фридрихсгалля. Переговоры были прерваны, возобновились в 1719 году, но в связи с выдвинутыми правительством унаследовавшей престол сестры короля Ульрики Элеоноры новыми условиями, которые русская делегация считала неприемлемыми, конгресс закончился безрезультатно.

Война возобновилась. Чтобы сделать противника более сговорчивым, к берегам Швеции был отправлен русский флот, под командованием адмирала Ф. М. Апраксина, высадивший десант в окрестностях Стокгольма. Уставшая от войны шведская армия, не оказав серьезного сопротивления, отступила вглубь страны. В пригородах шведской столицы появились разъезды русских казаков и калмыков, что вызвало форменную панику в городе. К тому времени вся Финляндия и некоторые области Швеции были оккупированы русскими войсками. По подсчетам шведских историков на войне уже погибла треть шведских мужчин. Поэтому главнокомандующий шведской армией вице-адмирал Таубе полагал, что оставшиеся войска пригодятся ему при обороне столицы. Собственно, так и произошло при неудачной попытке русского десанта захватить Стокгольм. Шведы именуют ее битвой в проливе Баггенстекет.

Высадившиеся на шведское побережье в районе Руслагена, русские войска имели приказ не чинить вреда местному населению и не осквернять церкви. На воззваниях, написанных на шведском языке и прибивавшихся у церковной ограды, говорилось, что в разрушениях и порче имущества следует винить исключительно шведские власти, не желавшие вести переговоры о мире. Солдаты и казаки, переходя от хутора к хутору, добросовестно изрезали рыбацкие сети, резали скот, жгли сараи, заборы и мосты, не причиняя вреда людям. Шведские историки полагают, что традиционная «шведская русофобия» началась именно с этой военной миссии.

Ситуация казалась чрезвычайно серьезной не только шведам, но и их союзникам — англичанам. Для демонстрации флага и «принуждения к миру» в Балтийское море вошла английская эскадра. Англия, озабоченная возрастанием могущества русской армии, образовала военный альянс со Швецией.

В августе-сентябре 1719 г. последовала еще одна, также безуспешная, попытка русско-шведских переговоров. После их провала, рус-

ская сторона возобновила десантные операции на побережье Швеции. Объединенный англо-шведский флот демонстративно приблизился к Ревелю, что, впрочем, никак не заставило Петра I вновь искать мира.

Более того, присутствие на Балтике английской эскадры не помешало русскому галерному флоту под командованием М. М. Голицына нанести второе морское поражение шведам — у острова Гренгам. Там 52 русским галерам противостоял шведский флот в составе 1 линейного корабля, 4 фрегатов и 9 судов более мелких классов под командованием адмирала К. Шебалда. Предшествующий опыт, полученный русскими в морском противостоянии со шведами, определил ход и тактику этого сражения. 7 августа 1720 г. русский галерный флот имитировал атаку на корабли шведов. Те ответили массированным артиллерийским огнем. Тогда Голицын приказал развернуть галеры и изобразил поспешное отступление в сторону мелководья. Шведы начали преследование. Однако, этот маневр, по сути, загнал шведские корабли в ловушку. Лишенные возможности маневрировать из-за своей большой осадки, они оказались беззащитными перед плоскодонными русскими галерами. Этим и воспользовался М. М. Голицын, направивший свои суда на абордаж и захвативший в ходе упорного боя 4 фрегата. Адмирал Шебалд почел за благо прекратить бой и с оставшимися кораблями ретировался. Сражение при Гренгаме положило конец господству шведов на море и стало последним аргументом для шведской стороны для возобновления мирных переговоров.

28 апреля 1721 г. мирные переговоры возобновились в финском городе Ништадте. На этот раз шведская сторона оказалась более сговорчивой. После четырех месяцев согласований и консультаций, мир был подписан 30 августа на следующих условиях: Швеция признала присоединение к России Ижоры (Ингрии), Лифляндии, Эстляндии, части Карелии и островов Эзель, Даго и Моон в Балтийском море. Оккупированная к тому времени Финляндия возвращалась шведской короне. Россия, кроме того, обязывалась уплатить шведам денежную компенсацию за потерянные территории в 2 млн ефимков[1]. Должен был состояться обмен пленными. Амнистия должна была распространяться на всех участников русско-шведского конфликта, за исключением украинских казаков, последовавших за Мазепой.

Таким образом, Россия закрепляла за собой выход к Балтийскому морю и получила право иметь порты и собственный флот на Балтике. Благодаря этой победе русское государство решило одну из главнейших своих внешнеполитических задач, которую до того пыталось безуспешно решить два предшествующих столетия. Прорубив «окно в Европу», страна приобретала нормальные условия для развития экономических

[1] Ефимок — русское обозначение западноевропейского серебряного талера, бывшее в употреблении до середины XVIII столетия.

и культурных связей со странами европейского континента. Санкт-Петербург, а за ним Рига, Ревель и Выборг становились важными внешнеторговыми центрами страны.

Петр узнал о подписании мира 3 сентября по пути в Выборг. Днем позже эта новость была объявлена в столице. Празднование победы затянулось в Санкт-Петербурге на целый месяц. Балы и маскарады сменялись фейерверками и иллюминациями. 22 октября 1721 г. состоялась инициированная Сенатом церемония поднесения царю титула «Петра Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского». Церемония проходила в Троицком соборе. После интронизации состоялся торжественный молебен, по окончании которого Феофан Прокопович произнес хвалебную проповедь в честь подписания мира, а старейший из сенаторов и канцлер Гавриил Иванович Головкин произнес торжественную речь, в которой подчеркнул роль Петра в том, что «мы, ваши верные подданные из тьмы неведения на театр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены».

Не прошло и года после победы в Северной войне, как Петр предпринял поход к Каспийскому морю. Формальным поводом для конфликта с Персией, в состав которой входили тогда прикаспийские земли, был грабеж русского торгового каравана в азербайджанском городе Шемахе и понесенный убыток в 500 000 рублей. Однако, были и другие более далеко идущие расчеты. Петр предполагал, овладев Каспием, проложить торговый путь из Центральной Азии и Индии в Европу через Россию, что весьма полезно было бы для российских купцов и вообще для обогащения Российской империи. Путь должен был проходить по территории Индии, Персии, оттуда в русский форт на реке Куре, потом через Грузию в Астрахань, откуда планировалось товары развозить по территории всей Российской империи.

План этот вынашивался давно и целям подготовки его реализации служила посылка в 1716 г. в Среднюю Азию русской экспедиции в составе 5000 человек во главе с князем Бековичем-Черкасским. Перед экспедицией была поставлена задача склонить хивинского хана в подданство, а бухарского эмира к дружбе с Россией; разведать торговые пути в Индию и залежи золота в низовьях Амударьи. Однако эта первая экспедиция полностью провалилась: хивинский хан сначала уговорил князя рассредоточить силы, а затем вероломно напал на отдельные отряды и уничтожил их.

На расчеты царя влияли и просьбы ряда представителей подвластного Персии армянского и грузинского населения взять их под покровительство России. В частности, об этом шла речь во время визита в Россию известного деятеля армянского освободительного движения Исраэля Ори в 1704 г. Подобное же обращение в 1722 г. привез Петру посол карталинского (грузинского) царя Вахтанга VI.

Каспийский поход Петра 1 начался 18 июля 1722 г. В этот день 274 корабля начали спускаться вниз по Волге. Командовал флотом адмирал Апраксин, который хорошо себя проявил в морских сражениях против Швеции. Выход в Каспийское море был осуществлен 20 июля, после чего флот продолжил движение вдоль берега.

Главной целью в начале похода был город Дербент. Именно туда двигались корабли, а также пехота. Основу армии составляли регулярные русские войска: 22 000 человек пехоты, около 9 000 сабель кавалерии, 5 000 матросов на кораблях. В походе также принимали участие нерегулярные войска: калмыки, казаки, кабардинцы, татары. Первое сражение состоялось 19 августа вблизи городка Утемыш. Русским войскам удалось отбить атаку султана Магмуда. В это же время кумыкский шах Адиль-Гирей, который выступил в союзе с Петром, захватил Дербент. Русские войска вошли в город 23 августа без существенных потерь и фактически без боев. Дальнейшее продвижение армии на юг было остановлено, поскольку флот, который осуществлял доставку провизии, в результате бури разметало по морю. После этого царь покинул армию и направился в Астрахань для подготовки к военным действиям 1723 г. Так был завершен первый этап Персидского похода Петра 1.

В компании 1723 г. Петр 1 активного участия не принимал. Армией командовал генерал М. А. Матюшкин. Войска начали выдвигаться 20 июня в направлении Баку и достигли города 6 июля. Началась осада, поскольку требование Матюшкина сдаться горожане отвергли. Параллельно шла подготовка к штурму. 21 июля 4 батальонами и двумя полевыми орудиями русские отбили вылазку осажденных. Тем временем русский флот, вставший на якорях перед городской стеной, открыл плотный огонь из корабельных орудий, уничтожая крепостную артиллерию и проделывая бреши в стене. Штурм был назначен на 25 июля. Предполагалось, что основной удар следует нанести с моря, поскольку там уже имелись проломы и бреши в стенах, что можно было успешно использовать. Однако, из-за поднявшегося накануне сильного шквалистого ветра штурм был отменен. Тем не менее уже 26 июля 1723 г. Баку капитулировал без боя. Это был большой успех для России и гигантский удар для Персии, которая стала искать возможности для заключения мира.

12 сентября 1723 г. Персидский поход Петра 1 был официально завершен. В этот день в Петербурге представители Персии подписывали мирный договор с Россией. В истории этот документ называется Персидским миром 1723 г., а по его результатам к России отошли: Баку, Дербент, Решт и другие населенные пункты вдоль южного побережья Каспийского моря. В планах царя было продвижение дальше на юг Каспия, чтобы не дать возможности расширения Османской империи. Однако сделать это не удалось. Летом 1723 г. началось турецкое вторжение в Закавказье, опустошившее Грузию, Армению и западную

часть современного Азербайджана. В 1724 г. с Портой был подписан дополненный Константинопольский договор, по которому султан признал приобретения России в Прикаспии, а Россия — права султана на Западное Закавказье.

В заключение нам необходимо обсудить еще одно направление внешней политики России первой четверти XVIII века. Это — русско-китайские отношения. Помнится, мы оставили их в 1689 г., когда был подписан Нерчинский договор между Россией и Китаем, впервые в истории делимитирующий русско-китайскую границу. Кстати говоря, это был первый договор Поднебесной с европейской страной. Его реализация положительно сказалась на росте товарооборота между двумя странами. Россия становилась главным поставщиком для Китая сибирской пушнины. Из Китая в Россию везли шелк, чай, корень ревеня, табак, в обратную сторону древесину, драгоценные металлы и камни. Поскольку эти товары давали крупные поступления в бюджет, они являлись предметом государственной монополии. В 1706 г. по указу Петра подобная же монополия была объявлена и на поставку пушнины в Китай. Основные торговые пути в Поднебесную проходили по Забайкалью через город Селенгинск, а затем по территории Монголии.

Эти обоюдовыгодные торговые и политические связи подверглись испытанию в конце второго десятилетия XVIII в. Упрочив свое влияние в Монголии, китайские власти предложили России установить русско-монгольскую границу, которая не была определена нерчинским соглашением. А чтобы побудить русскую сторону к действию, китайские власти отказались в 1717 и 1718 гг. пропускать русские караваны в Китай и запретили продавать русские товары в Пекине. Чтобы разрешить эти вопросы, в Китай было направлено посольство во главе с известным русским дипломатом Л. Измайловым.

Посольство прибыло в Пекин в ноябре 1720 г. и вело переговоры в течение четырех месяцев (из них 55 дней ушло лишь на торжественные приемы и церемонии). При всем том, что миссия была благосклонно принята китайскими властями, а император принял богатые подарки русского царя, эффект от них был ничтожен. Китайскую сторону интересовали прежде всего поставленные вопросы размежевания русско-монгольской границы, а Измайлов имел полномочия вести разговор лишь о проблеме возобновления торгового обмена между двумя странами.

Ситуация в русско-китайских отношениях изменилась лишь в 1723 г., когда после смерти императора Канси престол унаследовал его племянник, молодой Юнчжен, который проявил инициативу в деле возобновления контактов с Россией. По его предложению 14 июня 1724 г. в Селенгинске начались русско-китайские переговоры. Китайскую делегацию возглавлял двоюродный брат нового императора.

От имени России переговоры вел посол Лоренц Ланг. Китайская сторона предложила заключить всеобъемлющий («вечный») мир между двумя странами и с этой целью пригласила Ланга прибыть в Пекин для дальнейших переговоров. Работа над соглашением завершилась в 1727 г., уже после смерти Петра, подписанием Кяхтинского договора (по названию реки Кяхты, где состоялась церемония). Россия согласилась перенести центр русско-китайской торговли из Селенгинска в Нерчинск и на Кяхту. Ратификация договора (14 июля 1728 г.) и вступление его в силу благоприятно сказались на дальнейшем развитии русско-китайских торговых и политических контактов.

Литература

1. *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: РУДН, 1990.
2. *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989.
3. *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996.
4. *Лебедев А.А.* К походу и бою готовы? Боевые возможности корабельных эскадр русского парусного флота XVIII — сер. XIX вв. СПб., 2015.
5. *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1951.
6. *Павленко Н.И., Артамонов В.А.* 27 июня 1709. М.: Молодая гвардия, 1989.
7. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1990.
8. Петр Великий: *pro et contra*. СПб.: РХГИ, 2003.
9. *Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н.* и др. История Северной войны 1700–1721 гг. М.: Наука, 1987.
10. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.
11. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
12. *Тарле Е.* Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб.: БРАСК, 1994.
13. *Тарле Е.* Северная война и шведское нашествие на Россию. В кн: Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Глава III
РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Мы с вами остановились на том очевидном обстоятельстве, что благодаря победе в длившейся более двадцати лет изнурительной Северной войне Россия приобрела выход к морю, стала империей и вошла в состав великих европейских держав, которые вот уже четвертое столетие определяют важнейшие вопросы войны и мира на континенте, да и далеко за его пределами.

Сегодня является общепризнанным фактом, что противостояние в любой войне является не только противоборством армий и их генералов, но противостоянием политических, экономических и социальных систем воюющих сторон. Поэтому логично предположить, что отнюдь не только и не столько стойкость русского солдата решила исход Северной войны. Ее предопределили те масштабные экономические, социальные и политические изменения, которые проводились Петром Великим внутри страны в ходе войны и которые, говоря современным языком, сначала сравняли военно-политические потенциалы России и Швеции, а затем и позволили одержать победу. И в этом смысле фигура Петра Великого стала знаковой для русской историографии и общественной мысли вообще, а его деятельность по реформированию страны по сей день вызывает крайне противоречивые оценки от полной апологетики до резкой критики. Правление царя-реформатора как бы разделило русскую историю надвое. Если, по общему убеждению наших современников, допетровская Россия всецело ассоциируется со средневековьем, то все, что произошло в правление Петра и после него — новым временем. Поэтому в рамках одной темы нам придется затронуть несколько групп вопросов: во-первых, разобраться в том, насколько реформы были необходимы исходя из того социально-экономического положения, в котором Россия пребывала к моменту царствования, и тех задач, которые ставились перед страной Петром; во-вторых, изложить ход и основные результаты реформ Петра и, наконец, разобраться, как эволюционировали оценки его реформаторской деятельности в историографии и общественно-политическом дискурсе.

Помнится, когда мы обсуждали экономические мероприятия русского правительства при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, я положительно характеризовал меры по реформе армии, военно-окружной реформе, отмене местничества, создании первого русского высшего учебного заведения, организации в стране железоделательного и металлообрабатывающих производств и пр. И не отказываюсь от этих слов сейчас. С точки зрения ретроспективы и сравнения того, что было до того и что стало — это очевидный прогресс. Однако оценка эта кардинально изменится, если сравнивать все эти вещи с уровнем развития петровских противников и тех задач, которые ставил перед собой царь.

Посудите сами. После того, как русская внешняя политика на рубеже XVII–XVIII вв. была переориентирована с Азова на Балтику, перед страной во весь рост встала перспектива вооруженного противостояния со Швецией. К моменту смерти короля Карла XI в 1697 г. эта страна пребывала на пике своего могущества. Она была влиятельным игроком на международной арене, владела колоссальной территорией (900 тыс. кв. км., на которых проживало 3 млн человек), обладала боеспособной регулярной армией (60 тыс. человек) и передовым флотом (42 линейных корабля и 12 фрегатов). В ходе ряда войн с соседями в первой половине XVII в. Швеция достигла своей давней заветной цели — утвердила за собой господство на Балтике, превратив ее по сути во внутреннее шведское море (так называемый «Балтийский доминант»).

Это стало возможным после существенных реформ в военном деле, проведенных еще королем Густавом Адольфом и продолженных в правление Карла XI. Со времен Тридцатилетней войны шведская армия комплектовалась на основе рекрутской повинности в основном из крестьян. В 1680 г. эта система была дополнена так называемой «молодой индельтой», суть которой заключалась в дополнении периодических рекрутских наборов постоянной повинностью крестьян содержать личный состав королевского войска. Группа крестьянских дворов, составлявшая индельту, обязывалась выставлять одного солдата или содержать офицера. Индельта покупала солдату обмундирование, а при необходимости участок земли, дом, продукты питания. Солдаты, набранные индельтами одного лена (губернии), сводились в полк, носивший его название (например, Упсальский, Выборгский и пр.). Офицеры и унтер-офицеры проживали в специально построенных для них домах в той местности, где расквартировывался их полк, и содержались так же за счет закрепленных за ними крестьянских дворов.

Важным обстоятельством, способствующим росту боеспособности шведской армии, была высокая воинская дисциплина, поддерживающаяся, зачастую, жестокими методами (в шведской армии первой в Европе в качестве наказания было введено битье шпицрутена-

ми), единообразное вооружение и обмундирование, обеспечивавшееся государством. Я не буду вдаваться в детали тактических построений и приемов боя, введенных такими полководцами, как Густав-Адольф, Альбрехт фон Валленштейн, Иоганн Тилли, которые были приняты на вооружение шведами. Скажу лишь, что все они привели к формированию той победоносной регулярной шведской армии, с которой пришлось воевать Петру.

В течение XVII столетия, и особенно во второй его половине, Шведское королевство достигло серьезных успехов в области промышленности и торговли. В стране усиленно развивалась металлургия, высокого уровня достигло судостроение. Швеция заняла первое место в Европе по производству железа и меди. Это в значительной степени обеспечило успехи в металлообработке: армию надо было снабжать и вооружать всем необходимым. Большое количество металла вывозилось и за границу. Важными статьями шведского экспорта были смола и деготь, а также строевой лес, древесный уголь, пушнина, рыба. Большое значение в шведском хозяйстве имели леса. Они давали топливо для выплавки металла и служили сырьем для бумагоделательной промышленности.

С 60-х годов XVII в. шведское правительство настойчиво проводило в жизнь политику меркантилизма. Были введены многочисленные покровительственные пошлины местным купцам, оказывалось содействие росту торгового судоходства. В целях финансирования внешней торговли и промышленности в 1668 г. был учрежден Государственный банк. В итоге страна имела устойчивые торговые связи с Англией, Францией, Голландией, Данией, Германией, Польшей, Россией.

Во всех перечисленных сферах Россия плелась в хвосте всей Европы. Мы говорили как-то[1] о том, что в XVIII в. страна вступила, имея всего 25 мануфактур, из них от силы две-три специализировались в области выплавки железа и дальнейшей металлообработки. Они явно не могли составить конкуренцию шведской промышленности. Железо везли в огромных количествах с Запада, точнее говоря, из той же Швеции. Собственные запасы руд были незначительны или еще не были разведаны. В России не добывали даже серебро — ввозили с Запада расхожие во всей Западной Европе талеры (ефимки), затем на них выбивали российский герб и в таком виде пускали в оборот.

Общероссийский рынок в современном понимании этого слова все еще отсутствовал, но признаки его появления уже чувствовались: началась специализация районов и развивалась ярмарочная торговля, однако все это не соответствовало потребностям, проистекавшим из замыслов царя. Внешняя торговля продолжала находиться в ру-

[1] См.: *Гутнов Д. А.* Курс русской истории VI–XVII вв. М.: Проспект, 2020. С. 427–428.

ках иностранцев. В страну ввозили самые разные товары, а вывозили исключительно сырье. Судостроения не было вовсе, а вместе с этим отсутствовал и флот. Единственный, построенный голландскими мастерами в царствование Алексея Михайловича корабль «Орел» на Волге так никогда и не отвалился от причальной стенки и был сожжен разинцами в Астрахани в 1670 г. К тому же страна не имела полноценного выхода к морю. Фактически у России был только один порт — в Архангельске, который работал только в течение летних месяцев, когда караваны голландских, гамбургских, английских торговых судов, преодолев опасный путь вокруг Скандинавии, добирались туда. Лишь тогда город, собственно, и превращался в порт. Для иностранных купцов это был не менее опасный переход, чем какая-нибудь торговая экспедиция в Индонезию. Словом, страна задыхалась без выхода к морю, без порта, доступного большую часть года.

Многочисленные нестроения имелись и в военном деле. Несмотря на то, что все русские цари после окончания Смуты пытались перенять разного рода военные технологии и усовершенствовать военный строй (включая найм иностранных офицеров и создание по образцу европейских армий «полков иноземного строя»), результаты были не столь впечатляющими, как хотелось бы. Десятилетиями длилось противостояние русской армии с войсками основного геополитического конкурента России в то время — Речи Посполитой. По мнению западноевропейских наблюдателей польская армия в XVII в. считалась самой архаичной в Европе. И ведь дважды — в 1634 г. и 1659 г. — русские войска капитулировали перед ней вместе со своими главнокомандующими, воеводами, знаменами, литаврами и пушками! Не лучше обстояло дело и в отражении нападений другого извечного врага — крымского хана. Со времен малоуспешных Чигиринских походов 1674–1678 гг. стало ясно, что русская армия теряет боеспособность и как будто фатально обречена на неудачи. Крымские походы 1687 г. и 1689 г. это подтвердили, а попытки правительства царевны Софьи что-либо изменить, к успеху не привели. Существует такой позорный, а потому малоизвестный факт. Не имея возможности оградиться от нападений крымцев с помощью оружия, русское правительство до 1704 г., по сути, откупалось от этой напасти, уплачивая крымскому хану выкуп («тыш»). Из собственного вооружения известных успехов достигло лишь изготовление артиллерийских орудий. Да и то, в ходе ревизии «Большого государева наряда» (артиллерийского арсенала), которую провел Петр после поражения под Нарвой, чуть ли не две трети этих пушек были отправлены в переплавку. Все остальное, включая мушкеты, пистоли и палаши закупалось за границей.

Причиной подобного положения дел был глубокий упадок заложенного в основу русской армии еще реформами Ивана Грозного принципа наделения служилых людей поместьями в качестве услов-

ного владения — как натуральной оплаты за их службу. Теоретически, пока эти люди служили в армии — поместья оставались за ними, но, когда несение службы прекращалось, земля изымалась. Весь XVII в. всеми правдами и неправдами наши дворяне стремились превратить поместья в вотчины — т.е. перевести эту землю в свою родовую неотчуждаемую собственность. И кому-то это удавалось. Но к концу XVII в., как говорится, количество перешло в качество. Это приводило к незаинтересованности помещика служить «с земли» и вело к распаду традиционной системы службы, основанной на иерархии поместных окладов. А если к этому добавить уже упоминавшийся нами ранее факт «обрастания» другой части русской армии — стрельцов — имуществом и «бизнесами», которыми они занимались в свободное от службы время, что снижало их боеготовность, то картина окажется еще более удручающей. Таким образом, в основе военного кризиса лежал серьезнейший социальный кризис — недееспособной оказалась не только армия, но и вся система служилых чинов, которые, собственно, эту армию и составляли. У Петра даже не было необходимости разрушать старую чиновную систему — к концу XVII в. она без каких-либо усилий извне сама окончательно выродилась и быстро распадалась.

Эти проблемы гармонично дополнялись и общим состоянием государственных структур. Архаичная Боярская дума, состоящая из напыщенных представителей древних родов, многочисленной царской родни и ее клиентелы в лице думных дворян и дьяков, мало что решала — всем заправляли фавориты — «ближние люди» царя, чье влияние было обусловлено чем угодно, но не их деловыми качествами. А где кончалось их радение за собственный карман и начиналось радение за благо государства, и сегодня установить очень трудно. Исполнительная власть была сосредоточена в десятках центральных учреждений — приказов с их расплывчатыми, пересекающимися компетенциями и примитивным делопроизводством. Государство жило не просто без бюджета, но даже без примитивной сметы текущих доходов и расходов, «на глазок». Не лучше обстояло дело и с местной властью. Россия делилась на огромные, величиной в среднюю европейскую страну, уезды, во главе которых сидели воеводы — сохранившие много преемственных черт от былых удельных князьков, целью которых являлось опять же преимущественно личное обогащение. Все это неповоротливое государственное хозяйство было не в состоянии ни производить идеи, ни реализовывать что-либо стоящее на практике.

Россия, конечно же, считалась европейской страной. Однако в преамбуле Вестфальского мирного договора, завершившего в 1648 г. общеевропейскую Тридцатилетнюю войну и закрепившего на бумаге своего рода первую общеевропейскую систему коллективной безопасности, она была упомянута в конце списка европейских стран, наряду с Мол-

давией и Валахией — в то время турецкими вассалами. И в этом, судя по всему, была изрядная доля истины.

Одним словом, вставая на путь конфронтации со Швецией, Петр не мог не понимать необходимость радикальных перемен. Какими должны были быть эти перемены, он мог лично наблюдать в ходе Великого посольства. Однако, судя по всему, единого плана реализации реформ у него не было. Более того, втянувшись в войну, царь, по всей вероятности, действовал реактивно, отвечая на насущные запросы момента. Требовался флот — он строил корабли, требовалось пополнение армии — вводил рекрутскую повинность и строил заводы для необходимого ее вооружения и т.д. По крайней мере, наблюдая простую хронологическую последовательность проводимых реформ, трудно уловить какую-то строгую систему и разбить ее на этапы. Этот пазл складывался на протяжении всего царствования Петра, а осознан и оценен гораздо позже. Что не скажешь о непосредственных результатах правления, которые современникам были более чем очевидны. Поэтому, попробуем рассмотреть петровские реформы через предметно-ориентированный подход: что было сделано в тех или иных областях жизни.

Итак, начнем с **реформ армии и флота**. Строго говоря, решение о создании русского флота было принято Петром еще в 1696 г., когда после взятия Азова Боярская дума приняла историческое постановление о начале строительства флота на Азовском море. Годом позже стрелецкие полки, являвшиеся основой армии, были расформированы, а впоследствии вовсе упразднены. Они оказались не готовы к ведению постоянных боевых действий. К тому же стрелецкие бунты подрывали доверие к ним царя. Вместо стрельцов в 1699 г. были сформированы три новых полка, которые укомплектовывались за счет также распущенных полков иноземного строя и рекрутов. Знаменитый петровский указ о наборе «даточных людей» в пожизненную службу от 16 ноября 1699 г. положил начало созданию новой русской регулярной армии на основе рекрутской повинности.

Новый принцип комплектования армии предусматривал сложную систему набора: дворяне, находящиеся на государственной или военной службе, выставляли одного человека с каждых 50 крестьянских дворов своего поместья, не занятые на службе дворяне давали одного человека с 30 дворов, а церковь и монастыри — одного с 25 дворов. При этом указ прямо запрещал записывать в солдаты крестьян «с пашни» — чтобы не затронуть основы экономики. В армию пока набирали лишь слуг, ремесленников и прочих крепостных работников «непроизводственного» сектора. По всей России по этому указу набрали в армию 31 692 человек. И первые пять лет начавшейся войны со Швецией, даже несмотря на поражение под Нарвой, царь обходился этими солдатами! Лишь в 1704 г. для вновь созданного флота объявили набор среди ямщиков — по одному рекруту «с двух жилых ямщицких

дворов». Фактически царь тогда отправил в матросы половину молодежи из этой профессиональной группы (ямщики, много ездившие по России, считались более развитыми и толковыми, чем обычные крестьяне и даже горожане).

В 1705 г. в связи с возросшими потерями на фронте все вышеперечисленные ограничения были сняты и вне зависимости от владельца крестьян было предписано забирать в солдатскую службу одного человека с 20 крестьянских дворов. Тогда же в официальных русских документах появился термин «рекрут», а набор 1705 г. стал считаться *первым регулярным рекрутским набором* в России. Обученные и вымуштрованные солдаты этого набора, собственно говоря, и одержали знаменитые победы в Северной войне: под Лесной и под Полтавой.

После того как Прибалтика была окончательно занята русскими войсками, надобность в таком большом наборе солдат отпала, и норма один рекрут с 20 крестьянских дворов более не применялась. Следующие пять «номерных» наборов в разные годы варьировались с одного человека от 25 дворов, до 40–50 и даже 75 дворов. В итоге к концу правления Петра численность русской армии составила около 200 000 человек и еще 100 000 нерегулярных, в основном конных, формирований (казаки, калмыки, башкиры и пр.).

Как известно, регламентация военной и военно-морской службы была детально прописана царем в собственноручно подготовленных Воинском (1716 г.) и Морском (1720 г.) уставах. Оба документа определяли организацию и порядок несения военной службы, правила взаимоотношений военнослужащих, систему воинских чинов, а также имели дисциплинарные разделы, регламентирующие наказания за проступки, совершенные военнослужащими.

Костяк офицерства должны были составить дворяне. Они также обязаны были служить в армии пожизненно. После поражения под Нарвой Петр убедился во всей порочности принципа комплектования офицерского корпуса за счет иностранцев и предпринял шаги по организации подготовки собственных офицерских кадров. В 1701 г. в Москве в помещении Сухаревой башни была открыта первая школа, призванная готовить командиров для создаваемой армии. Это была Школа навигацких и математических наук.

Стремясь принудить дворян к обязательной государственной (в первую очередь, военной) службе, в 1714 г. Петр своим Указом о единонаследии разрешил наследовать имение отца лишь старшему из дворянских детей. Остальные отпрыски благородных фамилий для получения земельных владений и поместий обязаны были поступать на службу. Одновременно с этим, данный указ упразднял разницу между *поместьем* (условным владением) и *вотчиной* (наследственным владением), что на практике приводило к консолидации правящего класса в рамках единого сословия служилого дворянства.

Наконец, важным документом, регламентирующим условия и порядок прохождения государственной (в т.ч. военной) службы стал принятый в 1722 г. знаменитый Табель о рангах. В этом документе государственная служба была разделена на три вида: военная, гражданская и придворная. Каждая из этих отраслей управления была поделена на 14 рангов. Предполагалось, что, вступая в государственную службу, чиновники должны будут последовательно проходить все ступени этой служебной лестницы. Чем выше ранг, тем больше привилегий имел чиновник. Так, начиная с 12 ранга (прапорщик, коллежский асессор, камер-юнкер), он получал личное, а начиная с 8 ранга (полковник, статский советник, камергер), и потомственное дворянство. Рассматриваемый нами документ допускал также внеочередное получение чина, учитывая личные заслуги получателя.

Главное значение Табеля о рангах 1722 г. состояло в том, что теперь продвижение по службе больше не зависело исключительно от знатности рода. Выслуга лет и личные заслуги человека стали цениться выше, чем родовитость его родителей, а это полностью меняло привычный карьерный уклад, принятый на Руси. Теперь добиться успехов мог не только знатный человек, но и простолюдин, а его дети имели возможность в дальнейшем получить дворянский титул. Дворяне стали делиться на потомственных (знатные роды) и личных (те, кто дослужился до дворянского титула).

Но, как мы уже говорили выше, создаваемую армию требовалось одевать, вооружать и снабжать всем необходимым. И здесь происходили самые очевидные **перемены в области промышленности, сельского хозяйства и торговли**. Для достижения этой цели Петру приходилось не просто открывать новые заводы и фабрики, но зачастую основывать в России целые новые отрасли хозяйства. Так, например, кораблестроение, полотняное, шелкоткацкое, писчебумажное производства появились в нашей стране только в период Северной войны. То же можно сказать о геологоразведке, лесном хозяйстве и пр. К 1725 г. общее количество заводов и мануфактур выросло с 25 до 250. Развивая старые и открывая новые заводы, царь стремился перенести в свою страну лучшие производственные практики. С 1702 г. в Европе начался массовый набор иностранных специалистов для работы в России. Это были офицеры, ученые, ремесленники, инженеры. В условия их контрактов включалось требование «учить русских людей без всякой скрытости и прилежно». Вслед за специалистами импортировались и организационно-технологические формы.

Быстрыми темпами росло металлургическое производство, изготовление оружия и всего необходимого для военных нужд. К старым Олонецким металлургическим заводам добавились новые крупные производства на Урале. Это Невьянский, Каменский, Уктусский, Нижнетагильский, Алапаевский заводы. А модернизированные и открытые

в Европейской части страны Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы, Адмиралтейская верфь, Петербургский литейный двор, Хамовный, Канатный, Московский суконный, Портупейный и Шляпный дворы, суконные мануфактуры в Воронеже, Казани и Ярославле смогли вооружить и экипировать армию, оснастить всем необходимым флот.

Не довольствуясь государственными вложениями в промышленность, царь предпринял попытку использовать в этом направлении и частную инициативу. В 1719 г. была опубликована Берг-привилегия, которая позволяла всем жителям страны невозбранно заниматься поисками полезных ископаемых и, с разрешения Берг-коллегии, основывать и развивать производство на базе найденных месторождений. Ряд известных русских купеческих фамилий: Демидовы, Осокины, Баташевы, Мясниковы и др. сумели воспользоваться этим нововведением и, создав новые производства, сколотили громадные состояния.

Рост промышленности требовал новых рабочих рук, которых в крепостной стране, каковой была Россия, найти было трудно. Поэтому на заводы в принудительном порядке отправляли каторжников, «гулящих людей», раскольников, беглых крестьян и пр. Однако, эти категории населения не могли восполнить кадрового голода. В 1721 г. последовал указ, разрешавший владельцам заводов подкупать крепостных крестьян и переселять их на заводы. Таких «рабочих» стали называть посессионными крестьянами. Кроме того, на Урале, в Карелии, в Олонецкой земле, где нехватка рабочих рук при строительстве новых предприятий ощущалась более всего, было разрешено приписывать крепостных крестьян к заводам. Такие крестьяне продолжали обрабатывать свой надел, но государственные подати (если крестьяне были государственными) или барщину (для частновладельческих крестьян) они отрабатывали на предприятиях, к которым были приписаны. Ко всему сказанному выше, следует добавить, что специальным указом 1724 г. крестьянам запрещалось уходить от помещиков на заработки без их на то письменного разрешения. Считается, что этот указ положил начало российской паспортной системе, но я бы в этой связи отметил другое.

Таким образом, внедрение прогрессивных технологических и технических инноваций в нашей стране в петровскую эпоху, сталкиваясь с традицией феодальной организации труда, не упраздняло ее, а формировало еще более изощренные способы феодальной эксплуатации и демонстрировало слияние новой в технологическом плане русской фабрики с методами хозяйствования старой феодальной вотчины. Не случайно в перечне петровских преобразований мы не найдем ни одной новации, которая хоть каким-то образом подвергала сомнению крепостную основу организации труда в России. Кстати говоря, большинство купцов, поднявшихся и сделавших состояние на петровской индустриализации, в конце концов получили дворянские звания и со-

ответствующие им сословные привилегии. Потому что именно эти привилегии позволяли им проще и быстрее решать насущные вопросы ведения бизнеса (покупку рабочей силы, получение кредита, сбыт продукции и пр.)

В отличие от промышленности, изменения в сельском хозяйстве были менее разительны. Продолжилось освоение новых земель на юге страны, в Поволжье и Сибири. Расширялись посевы технических культур (льна, конопли, табака, винограда и пр.). Разводились более продуктивные породы скота (овцы-мериносы). Коневодство окончательно превратилось в отдельную отрасль сельского хозяйства, снабжавшую армию лошадьми. Были ввезены и акклиматизированы к местным условиям новые сельскохозяйственные культуры (томаты, картофель, подсолнечник и пр.).

Петр пытался стимулировать развитие внутренней торговли созданием новых транспортных путей, прежде всего водных. Были задуманы и осуществлены планы строительства каналов, соединявших Неву с Волгой (Вышневолоцкий и Ладожский каналы); начато строительство каналов между Москвой и Волгой, а также между Доном и Волгой. Однако из-за недостатка средств эти планы осуществить не удалось.

Получение Россией выхода к морю и строительство Санкт-Петербурга способствовало оживлению и внешней торговли. К концу петровского правления в столичном порту разгружались и брали товары на борт 400–500 кораблей ежегодно. В целях поощрения русского экспорта и развития внешней торговли в 1724 г. был введен в действие новый таможенный тариф, поощрявший вывоз за границу русских товаров. К 1726 г. экспорт превышал импорт во внешнеторговом балансе страны в два раза.

Приводя эти, довольно позитивные, цифры развития промышленности и торговли, я бы не хотел вводить кого-либо в заблуждение. Реформы проводились не для улучшения благосостояния народа (как мотивируются официальной пропагандой изменения в нашей повседневной жизни ныне), а для решения сверхзадачи — выхода к морю с помощью военных действий. Поэтому именно государство было в рассматриваемую эпоху и инициатором реформ, и крупнейшим предпринимателем, и торговцем. Промышленникам директивно определялись суммы капиталовложений, ассортимент выпускаемых товаров и объем его производства. Государство же выступало и главным покупателем этой продукции (по устанавливаемым им же ценам). Несоблюдение предписанных условий могло вести к очень печальным последствиям, особенно для частных владельцев.

В наиболее тяжелые годы Северной войны, государство вдобавок объявляло монополию на производство или торговлю определенными видами наиболее прибыльных товаров. В разное время ими были: пенька, строевой лес, железо, смола, меха, икра, соль и т.п. Часто эко-

номически неоправданные или политически мотивированные решения властей вели к прямым убыткам для самой же казны. В качестве примера можно назвать указы царя, запрещавшие в разгар Северной войны вывоз экспортных товаров через традиционные пути их перемещения: порты Риги и Архангельска в пользу Санкт-Петербурга. Столица Российской империи мало того, что только строилась, так еще и была блокирована с моря шведским флотом. В этих условиях нарушение прежних хозяйственных связей вкупе с невозможностью наладить нормальный экспорт из Санкт-Петербурга приводили к прямым финансовым издержкам.

Та самая колоссальная помощь государства, которая в краткосрочной перспективе обеспечила достижение страной поставленных Петром внешнеполитических целей, в долгосрочной перспективе оказала русской промышленности и торговле медвежью услугу. Жесткие условия владения и пользования предприятиями, регламентация производства и сбыта не способствовали их самостоятельному развитию. Стопроцентный государственный заказ, с одной стороны, упрощал дело — промышленник знал, что казна скупит весь произведенный им продукт и не надо думать о рынке, конкуренции, модернизации и ценах. Ведь на все есть инструкции из Мануфактур-... или Берг-коллегии (главное — не провалить заказ, а то пойдешь с сумой по дороге). С другой стороны, заводчик при всем его желании не имел возможности развивать свое дело, если на это не было государевой воли. В сущности, он был полукрепостным предпринимателем, жестко привязанным к государственной телеге.

Неизбежным итогом такой индустриализации стало низкое качество русских товаров, их неконкурентоспособность на европейском рынке. На Запад шло преимущественно русское сырье или полуфабрикаты: железо, пенька, сало, мед, зерно. В этом-то парадоксальный результат экономических преобразований Петра: активно поощряя развитие промышленности, он невольно воспрепятствовал ее естественному переходу к капиталистическим формам производства и естественному совершенствованию в условиях рынка.

Существенные изменения произошли **в налогообложении и финансах**. Рост военных расходов, инвестиции в промышленность и другие насущные траты поглощали все больше денег и привели к существенному изменению всей системы налогообложения. В 1718–1724 гг. была проведена подушная перепись населения, которая зафиксировала в стране 5,6 млн душ мужского пола. Именно «душа мужского пола» вместо крестьянского двора и была объявлена основной единицей налогообложения. Все мужское население от дряхлых стариков до новорожденных младенцев записывалось в «ревизские сказки» и обязано было платить денежный налог — подушную подать: 74 копейки с каж-

дого крепостного мужского пола из владельческих крестьян, 1 рубль 14 копеек с государственных крестьян.

Жители городов, составлявшие 3% населения страны, также были прикреплены к месту уплаты подушной подати. Все ремесленники были обязаны жить в городах и записаться в цехи. Городских налогоплательщиков разделили на две категории по степени их платежеспособности: на «регулярных» и «нерегулярных» граждан. В «регулярные» записывали купцов, промышленников и ремесленников, а также мещан, обладавших недвижимостью в городе; в «нерегулярные» — «обретавшихся в наймах и черных работах и иных «подлых людишек». Размер их подушевого оклада был определен в 1 рубль 20 копеек. Сбор налогов, а также судопроизводство и городское благоустройство было возложено на новые органы управления — магистраты, для руководства которыми в 1721 г. был создан Главный магистрат. Новая налоговая система принесла в казну доход в 8,5 млн рублей, однако же не покрыла всех расходов, оценивавшихся в 9 млн.

Дефицит бюджета погашался за счет новых нерегулярных налогов, над созданием которых непрестанно работали специальные царские «прибыльщики». Помимо уже упоминавшегося нами ранее налога на бороды, появились новые денежные повинности: драгунские, корабельные, банные деньги, налоги на дубовые гробы и серые глаза (!) и т.п. К этому добавлялись и натуральные повинности: работы по строительству Санкт-Петербурга (40 тыс. человек в год), рытье каналов, возведение мостов, крепостей, доставке казенных грузов и пр.

Существенную прибавку бюджет получил за счет изменений в денежном хозяйстве. В ходе проведенной Петром I в 1703–1706 гг. денежной реформы прежняя монетная система была упразднена[1]. Основой новой монетной системы стал серебряный рубль, равнявшийся 100 копейкам или 200 деньгам. Печать рублей была дополнена появлением разменной монеты: полтины (50 коп.), полуполтины (25 коп.) гривенников (10 коп.), пятаков и копеек. Были выпущены также и медные разменные деньги: денежка (0,5 коп.), полушка (0,25 коп.) и полуполушка (0,125 коп.) Таким образом, старый неразменный рубль, бывший с XV в. условной денежной единицей, использовавшейся в качестве эталона при обменных операциях, заменился наличным рублем в современном понимании этого слова. Основной же обиходной денежной единицей стала копейка. Ее название стало печататься на монетах. В целях удовлетворения потребностей бюджета в период правления Петра Великого содержание серебра в новых деньгах и вес монет несколько раз понижались, что, конечно, давало возможность напечатать лишние деньги, но в то же время вело к социальным протестам, а так-

[1] До описываемой реформы основу русского денежного счета составляла копейка, делившаяся на 2 деньги по 0,5 копейки.

же росту фальшивомонетничества. Однако же в целом предпринятые Петром I меры в монетарной политике в известной степени облегчили финансовое положение в воюющей стране.

Все вышеперечисленные меры ожидаемо дополнялись **реформами в системе государственного управления**. Если до Полтавской битвы в действиях Петра было очевидно желание приспособить прежнюю систему к новым задачам и реалиям, то после нее царь убедился в необходимости слома всей системы управления страной и начал осуществление полномасштабного ее переустройства.

В 1721 г. по итогам Северной войны Россия была объявлена империей, а Петр принял титул Императора. С 1699 г. царь перестал «сказывать боярство», то есть пополнять состав Боярской думы, ограничиваясь совещаниями с некоторыми боярами в так называемой Ближней канцелярии. Но это все же была не Дума, а именно канцелярия. В итоге естественная убыль членов Думы постепенно привела к ее физическому исчезновению. А в 1711 г. последовал указ об учреждении Сената. В него вошли девять ближайших к Петру сановников. В перечень прерогатив нового высшего органа власти входила разработка новых законов, контроль за финансами, координация деятельности администрации. Сенат должен был замещать императора во время отлучек или ведения боевых действий, а к концу правления Петра этот орган получил широкие судебные полномочия. Руководство деятельностью Сената с 1722 г. было возложено на генерал-прокурора, которого Петр называл «оком государевым». Первым обер-прокурором стал П. И. Ягужинский. Сенаторы были приведены к присяге, составленной лично императором.

Один из последних пунктов указа об учреждении Сената содержал положение о введении в России института *фискалов* — тайных правительственных агентов, обязанных доносить о всех финансовых, административных и иных нарушениях во вновь создаваемом государственном аппарате как в центре, так и на местах. Свои доносы фискалы обязаны были представлять по инстанции *обер-фискалам*, в обязанность которых входило фильтровать эту информацию. Руководство же деятельностью обер-фискалов и общий надзор за этой первой русской системой государственного контроля было поручено все тому же генерал-прокурору Сената.

Интересно, что были установлены правила, согласно которым если донос окажется правдой, то половина взысканной суммы штрафа передавалась в казну, а другая — оставалась в качестве премии обер-фискалу за хорошую службу. Но фискалу ничего не грозило в случае передачи ложных сведений. Это приводило к многочисленным злоупотреблениям доносителями своим служебным положением, но с другой стороны раскрыло Петру глаза на общие масштабы коррупции и воровства в стране. Известный русский историк и биограф

Петра Великого Н. И. Бантыш-Каменский ссылался, к примеру, на такой факт. Как-то во время своего очередного доклада императору обер-прокурор Сената П. И. Ягужинский сообщил царю о фактах мздоимства и казнокрадства, которые касались не только рядовых чиновников, но и ряда «особ, приближенных к императору». Речь шла прежде всего о А. Д. Меншикове. Царь был разгневан, и грозился издать специальный указ, по которому, «если кто насколько украдет, что можно купить веревку, тот, без дальнейшего следствия, повешен будет». На это Ягужинский невозмутимо ответствовал: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ? Неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы воруем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Как утверждает легенда, в ответ на это заявление Петр рассмеялся и отказался от идеи издания подобного распоряжения. Так бесславно провалилась одна из первых антикоррупционных кампаний в нашей стране.

Еще в 1712 г. последовали первые петровские распоряжения русским дипломатам и чиновникам собирать сведения и изучать системы центрального и местного управления Австрии, Дании, германских княжеств и даже Швеции, с которой Россия находилась в состоянии войны. Однако же, главным идеологом грядущей реформы, оказавшим большое влияние на царя, был замечательный немецкий ученый-математик и философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1746–1716 гг.). Первая встреча Петра и Лейбница состоялась в 1711 г. в Торгау. Через год состоялась их повторная встреча в Карлсбаде. Лейбниц сопровождал царя в его поездке в Дрезден и Теплице. Петр пожаловал Лейбницу чин советника юстиции, установил жалованье (ни разу не выплаченное) и попросил его составить проект предполагаемых реформ в сфере образования, законодательства и управления. Уподобляя государство часовому механизму, Лейбниц в беседах с царем, в частности, утверждал что «опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством хороших коллегий, ибо, как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую и если все устроено с точною соразмерностью, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы». Общение с Лейбницем подвигло царя на ряд важных начинаний и создание коллегий было первым из них.

В 1718–1721 гг. громоздкая и запутанная приказная система управления страной подверглась преобразованию на новых принципах. Вместо полусотни приказов, чьи функции частично дублировались и пересекались, были образованы совершенно новые органы исполнительной власти, получившие название коллегий. Для них специально на Васильевском острове было возведено здание, получившее назва-

ние «Двенадцати коллегий», в котором сегодня располагается Санкт-Петербургский Государственный университет. Однако поначалу было образовано всего десять подобных учреждений: Военная коллегия, Адмиралтейская коллегия, коллегия Иностранных дел, Юстиц-коллегия, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия и Коммерц-коллегия, а также Штатс-коллегия, Ревизион-коллегия и Камер-коллегия. Впоследствии к ним добавились Главный магистрат (о чем речь была выше) и Вотчинная коллегия. Несколько в стороне стоит образованная в 1721 г. Духовная коллегия или Святейший правительствующий синод, о котором мы поговорим отдельно.

Кардинальным отличием новых высших органов исполнительной власти от прежних было гораздо более четкое распределение компетенций и сфер ответственности на основании отраслевого принципа, что позволило существенно сократить их численность. В основу управленческой деятельности коллегий был принят принцип коллективного и согласованного принятия решений. В отличие от приказов, коллегии обладали единообразной структурой и штатом сотрудников, строились на четком правовом основании своей деятельности и вели единообразный документооборот.

Во главе коллегии стоял президент, который назначался непосредственно царем. Его заместитель — вице-президент также назначался царем, но по представлению Сената. Кроме президента и вице-президента в коллегию входили советники и асессоры (приблизительно по 5 человек). В структуру коллегии также входила канцелярия, которая занималась не только делопроизводством, но и осуществляла контроль за исполнением принятых решений. Коллегии работали по понедельникам, вторникам, средам и пятницам, а в четверг президенты коллегий заседали в Сенате.

Первоначально каждая из коллегий имела собственный регламент — нормативный акт, который определял структуру, состав и порядок деятельности каждого учреждения. Всего было принято около 7 подобных регламентов. Однако после того, как 1720 г. был введен в действие Генеральный регламент, определивший основные принципы организации управления и делопроизводства для всех органов власти, необходимость создавать отдельные «отраслевые» регламенты отпала.

От прежней системы государственного управления сохранился единственный Преображенский приказ, ведавший политическим сыском и расправой.

В 1721 г. вышеописанная система управления была дополнена еще одной своеобразной коллегией. Ею стал Священный Правительствующий Синод или Духовная коллегия. Новое учреждение стало центральным органом государственного управления по делам русской православной церкви и организационно завершало довольно длительный

процесс подчинения церкви светским властям. Напомню, что еще в 1700 г. по смерти патриарха Адриана Петр запретил избрание нового предстоятеля Русской православной Церкви. На его место был назначен местоблюститель патриаршего престола. А в 1721 г. сам патриарший титул был упразднен и создана Духовная Коллегия. «Духовный регламент» — документ, по которому проводилась эта реформа, был написан Феофаном Прокоповичем.

По сути, прежняя форма управления церковью заменялась на коллегиальный принцип, идентичный тому, что сформировался в других коллегиях. Наблюдение за деятельностью Синода перешло к его главе, который также назначался императором и, по сути, мало чем отличался от президентов других коллегий. Он назывался обер-прокурором Святейшего Синода. Первым человеком, исполнявшим эту должность, стал Стефан Яворский, а затем Феофан Прокопович. Формальным главой русской церкви в соответствии с «Духовным регламентом» был сам император. Как и прочие чиновники, члены Синода приносили присягу императору и получали соответствующее должностным окладам жалование. Новыми установлениями фактически была отменена и тайна исповеди. В 1722 г. были утверждены штаты священнослужителей (один священник на 150 дворов). Все представители духовного сословия, оказавшиеся за штатом, подлежали обложению подушной податью. Двойная подать была наложена на старообрядцев. Приходским священникам вменялось в обязанность во все недельные праздники после литургии зачитывать вслух воеводские «публикации». Кроме того, под страхом лишения священства от них требовалось давать «подтвердительные сказки» об отсутствии беглых в приходах «и сообщать буде они услышат даже и на исповеди Слово и Дело Государево» — т.е. сведения о готовящихся политических преступлениях.

С целью укрепления власти на местах, в 1708 г. вместо прежних волостей и уездов, страна была разделена на восемь губерний: Московскую, Петербургскую, Киевскую, Архангелогородскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Во главе их стояли губернаторы. Они командовали расквартированными в губерниях войсками и управляли вверенными территориями. Каждая губерния делилась на провинции, возглавляемые провинциальными воеводами. В каждой провинции размещался полк солдат, что давало возможность оперативно направлять армию на подавление народных волнений. Провинции, в свою очередь, делились на дистрикты (округа) во главе с земскими комиссарами. В провинциях появились новые чиновники: камерир (ответственный за сбор налогов), ландбухгалтер, рентмейстер (казначей) и ландрихтер (судья), а также ряд единообразных учреждений. Так Петр пытался создать местные органы власти, подчиненные центральным коллегиям.

Перечисленные выше преобразования привели к численному росту бюрократии и к замене старого, служебно-родового механизма работы государственного аппарата новым, бюрократическим, закрепленным в «Табели о рангах». Для контроля над этими изменениями появляются совершенно новые для России учреждения. Как мы упоминали выше, в 1711 г. возник институт фискалов и обер-фискалов: 500 чиновников (по двое в каждом провинциальном городе). В 1722 г. эта система негласного надзора была дополнена явной. Была образована прокуратура, подчинявшаяся генерал-прокурору Сената. Прокуроры контролировали фискалов, но и фискалы имели возможность доносить на прокуроров.

Таким образом, в ходе реформ государственного аппарата сложилась единая для всей страны централизованная административно-бюрократическая система управления. Выросли и расходы на содержание бюрократического аппарата. Были созданы единые, унифицированные правила его функционирования.

Наконец, я не могу не сказать несколько слов про те глубочайшие изменения, которые благодаря деятельности царя-реформатора произошли в **области культуры**. Более подробно мы рассмотрим эти изменения в соответствующем разделе, посвященном русской культуре XVIII в., а сейчас хотя бы перечислим основные новации, потому что без этого наше дальнейшее повествование будет не полным.

Итак, преобразования в экономике и в системе государственного управления, создание новой армии и флота требовали во все возрастающем количестве образованных специалистов. Сначала Петр возобновил (впервые со времен Бориса Годунова) посылку студентов за границу. Первая партия молодых дворян отправилась за кордон в 1698 г. Эта практика сохранялась и позже, однако, уже с 1701 г. были созданы упоминавшиеся нами выше школы в Сухаревой башне в Москве: Школа математических и навигацких наук (1701 г.), Медицинская школа (1707 г.) и Инженерная школа (1712 г.). В провинции для обучения дворян за время петровского правления были открыты 42 «цифирные» школы. Интересно, что получение образования не пользовалось популярностью среди отпрысков дворянских фамилий. Поэтому одним из своих указов Петр запретил дворянским недорослям жениться до окончания одного из перечисленных учебных заведений. Увы, тогда этот перл отечественной административно-демографической политики претворить в жизнь не удалось в силу слабости местной власти и отсутствия традиций.

В 1700 г. страна перешла с византийского летоисчисления на европейский юлианский календарь. Счет лет стал вестись не от мифической даты Сотворения мира, а от Рождества Христова. Соответственно началом года было приказано считать не 1 сентября, а 1 января. Именно

1 января 1700 г. по новому календарю в России состоялись первые новогодние торжества, с фейерверками и маскарадами.

С 1702 г. стала выходить первая печатная газета «Ведомости», сменившая начавшую издаваться еще при Алексее Михайловиче рукописную газету «Куранты». Я в свое время рассказывал об этом издании, сейчас повторяться не буду. «Ведомости» уже обладали всеми признаками настоящей газеты — периодического печатного органа, рассчитанного не для служебного пользования, а для широкой (читающей) публики. Не в последнюю очередь это стало возможным после введения для общеупотребительных целей нового, гражданского шрифта. В модернизированный алфавит не вошли буквы старого, церковнославянского алфавита со сложным звуковым сочетанием типа «кси» и «пси». Упрощалось начертание букв, были удалены надстрочные знаки — титлы. Первые книги, напечатанные новым шрифтом, увидели свет в 1708 г. Еще раньше свое современное «арабское» начертание получили цифры. До того они обозначались буквами со специальными надстрочными знаками.

Это произошло потому, что для учебы во вновь образованных светских учебных заведениях требовалась учебная литература. Особенно это касалось точных наук. Поэтому столь важное значение имело издание в 1703 г. «Арифметики» Леонтия Магницкого, «Букваря» Федора Поликарпова и ряда других учебных пособий. Реформа алфавита вообще привела к увеличению выпуска печатной литературы. К концу правления Петра в Москве и Санкт-Петербурге действовало около десятка типографий, которые в общей сложности выпустили более 600 книг, из которых 320 книг светского (в основном учебного, юридического, справочного и военного) содержания.

В главе, посвященной петровскому «Великому посольству» мы говорили о том, что, посетив дрезденскую «Зеленую комнату» и осмотрев хранящиеся там диковинные предметы, Петр загорелся идеей создания подобного хранилища редкостей в России и стал закупать в Европе разные раритеты. Вернувшись в Россию, он занялся обустройством собранной таким образом коллекции. Распорядившись перенести столицу России из Москвы в Петербург, Петр также приказал перенести туда и «государев Кабинет». Вся коллекция была размещена в Летнем дворце. Помещение было названо на немецкий манер Кунсткамерой, то есть «кабинетом редкостей». Событие это произошло в 1714 г. и стало считаться датой основания музея. Коллекция все время разрасталась, и в 1718 г. было решено построить специальное здание на стрелке Васильевского острова — «Палаты Санкт-Петербургской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры», благо именно в этом году Петр всерьез задумал создать Российскую Академию наук.

Приготовления к открытию Академии наук затянулись не в последнюю очередь потому, что в России просто физически не было

ученых, которые к тому же могли бы претендовать на высшую научную квалификацию. Царь решил этот вопрос привычным для себя способом — с помощью приглашения академиков из-за рубежа. Технически Санкт-Петербургская Академия Наук была учреждена одним из последних указов Петра в 1724 г., однако первые академики (они по преимуществу были выходцами из немецких земель) прибыли в Россию уже после смерти царя.

В том же 1718 г. в русской жизни произошла еще одна новация. Своим указом «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем» Петр законодательно ввел и регламентировал новую форму проведения досуга и развлечений придворных кругов — ассамблей. Идея этих собраний была заимствована царем из форм проведения досуга, виденных им в Европе. Они проводились во все времена года, летом — на открытом воздухе. В программу ассамблей входили еда, напитки, танцы, игры и беседы. Согласно указу, посещение ассамблей было обязательно не только для самих приглашенных придворных, но и для их жен и детей, за чем должен был следить генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский. Каждый сенатор должен был проводить ассамблеи у себя дома в порядке очередности. Эти собрания довольно быстро вошли в обиход русской жизни и стали прообразом тех пышных балов, которыми славился русский Двор в XVIII — начале XX веков. Не буду говорить о том, что светские увеселения новой российской элиты вызвали к жизни множество новых потребностей: необходимость соответствовать европейской моде породила спрос на европейских портных, модисток, учителей танцев, пения, иностранных языков, гувернеров всех мастей, поваров и тому подобного обслуживающего персонала. Новая одежда, этикет, манеры существенно меняли повседневную жизнь русского дворянства.

Особо хочу рассказать об одном петровском распоряжении, которое часто ускользает из поля зрения комментаторов петровских преобразований, но которое имело важное нравственное и этическое значение для будущего страны. 30 декабря 1701 г. был издан указ, которым предписывалось писать в челобитных и прочих документах имена полностью вместо уничижительных полуимен (Ивашка, Сенька и т.п.), на колени перед царем не падать, зимой на морозе шапку перед домом, в котором находится царь, не снимать. Он так пояснял необходимость этих нововведений: «Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — сия то почесть свойственна царю...». Можно сказать, что благодаря этому документу русские люди получили не только привычные нам сегодня имена-отчества, но и первые начала человеческого достоинства.

В заключение мне остается рассказать о петровской реформе, которая, обычно, выносится за рамки реформаторской деятельности царя, однако, также была существенным нововведением, не-

изменно влиявшим на весь ход истории России в XVIII веке. Речь идет о наследовании престола. Напомню, что в допетровской России не существовало специального закона, определяющего порядок и очередность передачи власти. При этом свято соблюдалась традиция, заведенная еще Дмитрием Донским, предполагавшая передачу княжеской (царской) власти старшему сыну почившего монарха. Когда по какой-либо причине такового наследника не оказывалось, допускалось вступление на престол царствующей вдовы, как это было скажем, после смерти великого князя Василия III. Однако, ситуация отсутствия наследника в условиях, когда не было юридически значимого документа, регламентирующего порядок престолонаследия, грозила (и часто оборачивалась) династическими и вместе с тем политическими кризисами.

Долгое время Петр обходил своим вниманием этот вопрос, полагаясь на существующую традицию. Однако, обстоятельства его семейной жизни, как и сложные отношения со старшим сыном от первого брака вынуждали его искать какое-то решение этого вопроса.

Как известно, царь был женат дважды. Первый брак с Евдокией Лопухиной продлился с 1689 г по 1698 г. От него и происходил старший сын Петра Великого царевич Алексей Петрович. Он родился в 1690 г. и до шести лет воспитывался матерью. Восьми лет от роду царевич фактически ее лишился: вернувшись из-за границы из-за волнений стрельцов, Петр настоял на разводе с женой. Ее отправили в суздальский Покровский женский монастырь и заставили принять постриг под именем Елены. Это обстоятельство наложило в дальнейшем отпечаток на отношения отца и сына. Опеку над малолетним Алексеем взяла сестра Петра царевна Наталья Алексеевна, а его обучение поручено было сначала Никифору Вяземскому, потом — немцу Мартину Нейгебауеру и, затем, после удаления последнего, другому немцу — Генриху Гюйсену. Гюйсен обучил царевича немецкому и французскому языкам. На французском же он преподавал Алексею некоторые научные предметы. В 1705 г. Петр отозвал немца в свое распоряжение и отправил в Европу с дипломатическим поручением. Царевич остался без учителя, с одним своим воспитателем Никифором Вяземским, а сверх того, наблюдение над ходом учения поручено было А.Д. Меншикову. Как известно, этот любимец Петра до конца жизни был не в ладах с русской грамматикой и не умел читать. Кроме того, ему некогда было следить за царевичем, постоянно жившим в Москве, тогда как сам он пребывал в Петербурге и постоянно отвлекался на разные военные, морские и административные предприятия. По некоторым свидетельствам Меншиков обращался с царевичем весьма грубо, драл его за волосы. Алексей впоследствии упрекал Светлейшего князя в том, что тот нарочно пристрастил его к алкоголю и праздности, не заботясь о его воспитании.

Живя в Москве, Алексей, таким образом, фактически был предоставлен самому себе и влиянию людей, случайно окружавших его. Ими были: четверо князей Нарышкиных, пятеро князей Вяземских, домоправитель царевича Еварлаков, сын кормилицы Алексей Колычев, крутицкий архиерей Илларион и несколько протопопов, из которых один, — Яков Игнатьев, был духовником царевича и имел на него громадное нравственное влияние. Все они недолюбливали царя Петра и критически относились к преобразованиям, им проводившимся. Эти взгляды стал разделять и Алексей.

Под влиянием этого окружения наследник проводил время сообразно старинным приемам русской жизни: то слушая богослужение и занимаясь душеспасительными беседами, то учреждая пиры, постоянным участником которых был и его духовник. Он же был тайным посредником между Алексеем и заточенной в монастыре матерью. В 1707 г. в нарушение запрета Петра, царевич при посредничестве Игнатьева тайно съездил к ней в Суздаль, но царевна Наталья, прознавшая про это, донесла брату. Отец сильно разгневался и лишь заступничество Екатерины позволило Алексею получить отцовское прощение.

Петр начал привлекать сына к государственным делам, когда ему исполнилось 17 лет. Вначале при всех нареканиях отца, царевич более или менее справлялся с порученными ему делами. Осенью 1707 г. ему было приказано контролировать работы по укреплению Москвы на случай нападения Карла XII, в августе 1708 г. на него же был возложен осмотр продовольственных магазинов в Вязьме. В начале 1709 г. царевич представил царю в Сумах пять полков, комплектованием и снаряжением которых он занимался лично, затем присутствовал в Воронеже при спуске на воду кораблей, а осенью отправился в Киев, чтобы находиться при той части армии, которая предназначалась для действий против Станислава Лещинского. В 1709 г. по приказу царя наследник отправился в заграничное путешествие в Германию для продолжения образования, а также выбора невесты (ею по рекомендации Гюйссена стала сестра будущей австрийской императрицы принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская).

Бракосочетание Алексея и Шарлотты состоялось 14 октября 1711 г. в Торгау (на свадьбе присутствовал даже Лейбниц). Говорили, что Алексей страстно любит свою невесту. Отношения царевича с отцом в это время казались удовлетворительными. Они переписывались до свадьбы, обсуждали детали брачного договора. Петр приехал, чтобы присутствовать при свадебной церемонии, и ласково обращался с кронпринцессой. Однако, в дальнейшем отношения молодых супругов испортились. Царевич был груб с молодой женой. Она, в свою очередь, стала раздражительной. Алексей своими попойками в кругу приятелей давал этому массу поводов. Утверждают, что однажды, возвращаясь с подобной пирушки в нетрезвом виде, он в сердцах говорил

своему камердинеру: «Жену мне на шею чертовку навязали; как-де к ней ни приду, все-де сердится и не хочет-де со мной говорить».

Первый серьезный конфликт с отцом состоялся у Алексея после его возвращения из Германии. Петр решил лично удостовериться в знаниях, полученных сыном за границей, и проэкзаменовать его по фортификации. Эта перспектива настолько испугала Алексея, что, вернувшись к себе домой, он взял пистолет и попытался прострелить правую руку. Выстрел оказался неудачным: ладонь лишь сильно опалило порохом. Петр был настолько разгневан поступком сына, что избил его и приказал больше не показываться при Дворе.

В начале 1714 г. Алексей по совету врачей уехал на воды в Карлсбад и вернулся лишь в декабре. За это время принцесса Шарлотта разразилась от бремени дочерью Натальей. А 12 октября 1715 г. на свет появился сын Петр — будущий император России Петр II. Через десять дней после вторых родов Шарлотта скончалась. После возвращения на родину Алексей Петрович жил в Санкт-Петербурге. К тому времени у него вышла размолвка с Яковом Игнатьевым. Теперь в круг ближайших друзей царевича кроме камердинера Ивана Афанасьева и бывшего воспитателя Никифора Вяземского вошел еще и Александр Васильевич Кикин — бывший денщик царя, получивший благодаря своей расторопности чин главы интендантской службы Адмиралтейства. Но в 1714 г. он проворовался и попал под следствие. Ему грозила смертная казнь. С перепугу Кикина хватил апоплексический удар, но в последний момент за него заступилась жена Петра I — Екатерина. Вняв увещеваниям супруги, царь сохранил бывшему интенданту жизнь и даже разрешил жить в столице, но лишил содержания и всех наград. Оправившись от этих ударов судьбы, Кикин вошел в доверие к Алексею Петровичу, и, затаив злобу на его отца, решил поквитаться с царем через сына. С 1714 г. в ближний круг Алексея вошла и крепостная девка воспитателя царевича Никифора Вяземского Ефросинья Федорова, ставшая его любовницей.

В день похорон Шарлотты, 27 октября 1715 г. Алексей получил от Петра письмо, в котором перед царевичем ставился один вопрос: либо он одумается и будет вместе с отцом воплощать в жизнь планы создания Российской империи, либо отказывается от наследования престола. Реакция Алексея на письмо оказалась противоположной той, что ожидал Петр. Алексей отвечал ему, что слаб здоровьем для исполнения обязанностей наследника престола: «Веду себя к сему делу неудобно и непотребно — писал он, — понеже памяти лишен (без чего ничего невозможно сделать) и всеми силами умными и телесными ослабел...», а потому готов отказаться от престола и провести остаток дней в деревенском уединении.

Целый месяц царь размышлял и ничего не предпринимал. Потом в события вмешалась слепая судьба. Во время пирушки у адмирала

Апраксина у Петра случился судорожный припадок, что стало прологом серьезной болезни. Положение было настолько критическим, что последующие двое суток ближайшие сподвижники и члены Сената не покидали комнаты рядом с его спальней. 2 декабря наступил кризис. Однако Петр преодолел болезнь и стал поправляться. Пока он болел, Алексей хранил молчание и только раз навестил родителя. Едва оправившись, Петр написал новое послание к сыну, в котором требовал определиться: или стать наследником или постричься в монахи. В ответ Алексей изъявил желание принять схиму.

Царь вновь был ошарашен решением сына. В этот момент он собирался в путешествие по Европе и за два дня до отъезда посетил царевича: тот лежал в постели и трясся от озноба. Отец снова спросил, что решил Алексей. Сын поклялся перед Богом, что хочет стать монахом. Царь заявил: «Одумайся, не спеша, потом пиши ко мне, что хочешь делать, а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели в чернецы. Подожду еще полгода».

Но минул и этот срок, а ясности в вопросе престолонаследия у Петра так и не прибавилось. Алексей писал отцу письма, в которых речь шла только о его здоровье и повседневных делах. В начале октября от царя пришло письмо, которого так боялся царевич. Это был окончательный ультиматум: или постричься в монахи, или немедленно отправиться к отцу. Алексей объявил, что едет к отцу, в Копенгаген, но решился бежать к императору Карлу VI, своему родственнику (императрица была родной сестрой супруги Алексея, Шарлотты). Всего двумя месяцами ранее Кикин, уезжая сопровождать тетку Алексея, царевну Марию в Карлсбад, обещал царевичу поискать для него удобное и безопасное место на Западе.

Чтобы отвлечь от себя подозрения, Алексей попрощался с сенаторами и 26 сентября 1716 г. покинул Петербург. Его сопровождали переодетая в пажа Ефросинья, ее брат Иван и трое слуг. В Митаве состоялась встреча царевича с Кикиным, который сообщил, что из всех имевшихся вариантов наиболее надежный — ехать в Вену. Туда Алексей добирался в своей карете через Данциг, Бреславль и Прагу под именем русского подполковника Коханского. Вечером 10 ноября 1716 г. он был уже в столице Священной Римской империи и предстал перед вице-канцлером австрийского двора графом Шенборном.

Появление Алексея Петровича в Вене поставило австрийскую дипломатию перед довольно сложным выбором. С одной стороны, открытое предоставление убежища беглому наследнику русского престола грозило военным конфликтом с Россией, что не входило в планы австрийцев. С другой же стороны наследник был слишком крупной картой в дипломатической игре, и Вена не сразу отказалась от попыток ее использовать. В итоге было принято решение приютить Алексея

Петровича, но без лишней огласки. Его отправили в крепость Эренберг в Тироле.

После более чем двухмесячного бесплодного ожидания сына, Петр потребовал от командующего русскими войсками в Мекленбурге генерала А. Вейде организовать его поиски. Из Вены в Амстердам был вызван русский дипломат Авраам Веселовский, который получил задание выследить Алексея. Он же должен был передать конфиденциальное послание Петра императору Священной Римской империи Карлу VI с просьбой оказать содействие в поисках пропавшего царевича и сопровождавших его лиц.

Поиски Вейде ожидаемо не принесли никаких результатов, зато Веселовский напал на след беглецов и проследил их путь от Франкфурта-на-Одере через Бреславль в Вену. Но дальше следы терялись. Тогда в помощь Веселовскому в столицу Австрии прибыл гвардии капитан Александр Румянцев, который к тому времени уже имел опыт успешного исполнения ряда деликатных поручений царя. Тем временем Веселовский на аудиенции у Карла VI вручил ему письмо Петра, не раскрывая свою осведомленность о месте пребывания царевича. После месяца молчания, когда скрывать пребывание Алексея в пределах Священной Римской империи уже не имело смысла, австрийская сторона дала официальный ответ и косвенно признавалась, что царский наследник находится в Австрии. Впрочем, точное место его пребывания не уточнялось. Не было ничего сказано в письме о готовности австрийцев выдать беглеца. Сам же он, по решению австрийских властей был под крепкой охраной спешно перемещен в неаполитанский замок Сен-Эльмо.

Все это время капитан Румянцев, не жалея сил, времени и денег, колесил по владениям Священной Римской империи, добывая сведения о точном пребывании Алексея. Сопоставляя полученную информацию, он обнаружил беглого царевича в Неаполе. После того, как Румянцев сообщил об этом Петру, в Вену был направлен опытный дипломат П. А. Толстой с новым письмом императору. В нем в более официальных тонах заявлялось об осведомленности русской стороны о пребывании царевича Алексея под охраной в Эренберге и Неаполе, выражалось требование допустить до него Толстого для передачи сыну «отеческого увещевания» и далее — отпустить Алексея с русским посланником на Родину.

Письмо это было передано Карлу VI 29 июля 1717 г., а выраженная в нем осведомленность русской стороны о месте и условиях содержания царевича заставили императора приказать вице-королю Неаполя графу Дауну оказать Толстому содействие в свидании с обитателями замка Сен-Эльмо. 24 сентября 1717 г. Толстой и Румянцев уже были в Неаполе. На первой встрече с посланцами Петра онемевшему от ужаса царевичу были вручены два письма: от отца и от матери почив-

шей принцессы Шарлотты, герцогини Вольфенбютельской, с которой П. А. Толстой имел аудиенцию накануне.

До следующей встречи с Алексеем капитан Румянцев развил бурную деятельность в Неаполе. Ему удалось подкупить секретаря Дауна и заручиться его содействием в деле возвращения беглого наследника в Россию. На следующем свидании 28 сентября Алексей заявил, что «боится предстать перед разгневанным лицом государя». На это ему было заявлено, что государь не остановится ни перед чем, включая военные действия, чтобы вернуть сына на родину. Присутствовавший при разговоре секретарь Дауна, «по секрету» сообщил царевичу, чтобы тот не надеялся на военную защиту Священной Римской империи, ибо в тот момент она была вовлечена в военные конфликты с Османской империей и Испанским королевством. Поэтому развязывание еще и третьей войны не входит в планы Карла VI.

Продолжая дезинформировать Алексея, Толстой доверительно сообщил ему 1 октября, что русские войска, сосредоточенные в Польше, готовы перейти австрийскую границу, а сам государь вот-вот объявится в Неаполе. Это Алексея напугало более всего и 3 октября он заявил о своем согласии вернуться в Петербург. Царевич написал письмо отцу с мольбой о прощении. В ответном письме отец обещал свое прощение и даже разрешил сыну жениться на Ефросинье и жить в деревне по возвращении в Россию.

14 октября 1717 г. Алексей со спутниками, Толстым и Румянцевым покинули Неаполь и через Инсбрук, Вену и Берлин направились на родину. В Москву царевича доставили 31 января 1718 г. Свидание с родителем состоялось 3 февраля в Кремлевском дворце. При виде отца Алексей пал ему в ноги и умолял о прощении. Петр подтвердил свое обещание, если сын чистосердечно откроет ему всю правду о своих сообщниках и отречется от престола. Алексей согласился и тут же подписал заготовленный «присяжный лист», признав законным наследником своего сводного брата трехлетнего Петра Петровича (сына царя от второго брака с Екатериной). На следующий день был обнародован Манифест об отречении Алексея от престола.

Затем Алексей сообщил отцу имена своих единомышленников. Он назвал Александра Кикина, Никифора Вяземского, Василия Долгорукова, брата царицы Евдокии Авраама Лопухина, Ивана Нарышкина, царевну Марфу Алексеевну и ряд более мелких лиц. Была образована следственная комиссия, возглавлявшаяся самим царем. Среди следователей были все тот же П. А. Толстой, гвардии майор А. И. Ушаков, генерал И. И. Бутурлин и капитан-поручик Г. Г. Скорняков-Писарев.

Следствие велось по трем главным эпизодам дела: розыск, собственно, по делу царевича Алексея, розыск по делу главного его сообщника Кикина и розыск по делу матери Алексея Евдокии Лопухиной (в иночестве Елены).

Раньше всех опале подвергся Кикин. Его виновность была быстро доказана, и он кончил свои дни, подвергнутый мучительной казни в Москве. Суздальский розыск исходил из подозрений Петра о тайных связях инокини-матери с сыном. Однако же, несмотря на все ухищрения следствия, это предположение не нашло доказательств. Зато вскрылись другие нарушения.

Было установлено, в частности, что Евдокия Лопухина, пребывавшая в стенах Спасо-Ефимьевского монастыря, с ведома и разрешения ростовского епископа Досифея не только пренебрегала монашеским одеянием, не соблюдая монастырского устава, но даже осмелилась завести себе любовника. Им стал майор Степан Глебов, направленный в Суздаль для набора рекрутов. Наказания для всех фигурантов этого дела были жестокими. Глебов за сожительство с бывшей царицей по приговору суда был посажен на кол, епископ Досифей низложен и колесован. Царица Евдокия (старица Елена) осталась жива, но была отправлена в Ладожский женский монастырь с более строгим содержанием. Там она и жила до 1728 г., когда была освобождена по приказу своего внука императора Петра II. Она была доставлена в Москву и жила сначала в Вознесенском монастыре в Кремле, затем в Новодевичьем монастыре — в Лопухинских палатах. Умерла в 1731 г. и похоронена в соборной церкви Новодевичьего монастыря.

Весной 1718 г. начался основной этап розыска, связанный, собственно, с делом царевича Алексея. 18 марта он и находившиеся под следствием его приближенные (Василий Долгорукий, Авраам Лопухин, разразившаяся от бремени Ефросинья Федорова и др.) были доставлены в Санкт-Петербург. Начались допросы. Алексей, вероятно, почувствовав скорый конец, цеплялся за жизнь, выгораживал себя, лгал, оговаривал других. Но главную роль в установлении виновности Алексея сыграла именно Ефросинья Федорова, которая изобличила царевича во лжи. В частности, при ее допросе выяснилось, что Алексей был готов для захвата власти использовать австрийскую армию и намеревался при удобном случае возглавить мятеж русских войск. На очной ставке Алексей подтвердил показания Ефросиньи, что предопределило его последующую судьбу. Согласно заключению следствия, Алексей «забыв должность сыновства и подданства, ушел и поддался под протекцию цесарскую и просил его о своем защищении».

14 июня Алексей был помещен в Петропавловскую крепость на положении обычного колодника. Поскольку Петр не знал всей вины сына, с 19 по 24 июня его пытали еще шесть раз, добиваясь чистосердечного признания в своих неправедных поступках. Но Алексей не проявил искреннего раскаяния. И тогда отец решил передать дальнейшее рассмотрение дела на суд духовных иерархов и высших государственных чиновников, дабы не совершить ошибки в силу отцовских чувств. Судьи получили от царя указание судить без оглядки на его

мнение и не опасаясь царского гнева или опалы в случае, если их вердикт будет не совпадать с ним.

Судьбу Алексея решал суд, состоявший из 127 высших чинов гражданской, военной и духовной администрации. Практически все они единогласно и независимо друг от друга объявили, что царевич достоин смертной казни. Против проголосовал лишь один — фельдмаршал Б. П. Шереметев. Согласно сообщению историка М. М. Щербатова, он сопроводил свое решение следующими словами: «Я рожден служить своему государю, а не кровь его судить».

Объявленный Алексею приговор должны были привести в исполнение 26 июня 1718 г. Однако, казнь не состоялась. Когда рано утром в назначенный день священник в сопровождении коменданта крепости вошел в камеру Алексея для причастия, то обнаружил его лежащим на полу без признаков жизни. По официальной версии, после ознакомления с приговором царевич «впал в беспамятство» и умер от апоплексического удара. По другой версии, отец помог ему умереть до казни, чтобы не подвергать себя и сына публичному позору.

Так или иначе, но описанная выше драма Петра не была только его личной трагедией. На личном уровне она, как в капле воды, отражала борьбу двух концепций развития страны внутри русского правящего класса: прогрессистскую, реформистскую, которую отстаивал император и которая предполагала введение России через преобразования в число могущественнейших держав Европы, и прямо противоположную — изоляционистскую, проповедующую развитие страны на традиционалистских принципах.

История с Алексеем обострила назревавший династический кризис и противоречия между сторонниками перечисленных выше групп интересов. Следующим испытанием для царя была непредвиденная смерть в 1719 г. младшего сына — Петра, родившегося в 1715 г. от второй жены — Екатерины. Манифестом 3 февраля 1718 г. он был провозглашен наследником престола после отстранения Алексея Петровича. Новому наследнику была принесена особая присяга (которую отказывались приносить, несмотря на угрозы казни и анафемы, некоторые сторонники старых порядков). Тем не менее, присягу брату принес в том числе и находившийся под судом Алексей. Петр возлагал большие надежды на Петра Петровича как продолжателя своего дела. Однако, 25 апреля 1719 г. он трагически погиб от удара шаровой молнии. В тот день Петр вместе с Екатериной находились в Кронштадте. За царевичем присматривала прислуга под началом Якова Брюса. С утра царевича навестил Меншиков, играл с ним. Светлейший князь очень любил четырехлетнего мальчика, и все было в порядке. Затем он уехал. Однако буквально через несколько часов от Брюса прискакал посыльный с известием о трагедии. Меншиков бросился во дворец. Когда он прискакал, то еще застал царевича живым. Мальчик был

без сознания, парализован, и, что самое странное — кости его были переломаны. Когда князь взял наследника на руки, тельце малыша прогнулось, весь он как-то ватно обвис. Яков Брюс был тоже в крайней степени волнения: губы его дрожали, он не мог связно изложить, что произошло. Меншикову с трудом удалось выяснить следующее: Брюс приказал слугам приоткрыть окна в комнате, где находился наследник, чтобы проветрить помещения, поскольку было жарко, а сам уединился в соседней комнате для работы с бумагами. Но неожиданно начался ливень, засверкали молнии, раздался треск, потом взрыв и крик — кричала нянька. Судя по всему, мальчик сидел у нее на коленях, когда, по ее словам, в залу влетел «огнедышащий дракон и пыхнул на дите», оставив синий след на его темени. Говоря современным языком, наследник российского престола погиб от удара шаровой молнии.

Когда трагические известия достигли Кронштадта, Петр срочно прибыл в столицу и даже учредил розыск виновных. Однако же, войдя в суть дела, отменил его, рассудив, что гибель младшего сына была ему ниспослана свыше в качестве божественной кары за смерть сына старшего. Утверждают, что Петр очень тяжело переживал смерть младшего сына. Закрывшись в кабинете, он целых три дня никого не принимал и отказывался от пищи.

Однако же в сложившихся обстоятельствах требовались неотложные меры для прояснения дальнейшей судьбы престола новоявленной Российской империи. И они последовали. В 1722 г. царь подписал Указ о престолонаследии. Этим актом на смену обычаю наследования престола старшим сыном почившего монарха пришел новый, юридически оформленный порядок передачи власти. Согласно ему «правительствующий государь» сам назначал себе преемника. Этот важный закон имел еще одно весьма существенное дополнение: государь мог в любой момент изменить ранее принятое им решение, если наследник не оправдывал возлагавшихся на него надежд. Придавая большое значение этому государственному акту, Петр потребовал клятвенного обещания всех сенаторов, а также высших чиновников выполнять его неукоснительно и безоговорочно.

На этом формальный перечень основных преобразований, предпринятых в царствование Петра Великого, можно было бы закончить, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что столь радикальные изменения, произошедшие в стране за неполных тридцать лет, вызвали к жизни не только дворцовые интриги и заговоры противников изменений при Дворе. Они вылились и во вполне открытые массовые протесты, выразившиеся в форме народных восстаний. Не упомянуть о них в свете всего сказанного — значит лить воду на мельницу русской проправительственной исторической пропаганды, вот уже четыреста лет как акцентировавшей лишь победно-созидательную сторону петровских реформ.

Первым из подобных выступлений было Астраханское восстание, вспыхнувшее в июле 1705 г. и продолжавшееся до марта 1706 г. Строго говоря, это выступление было направлено не против самих петровских реформ, а против тех непомерно тяжелых налогов и повинностей, которыми они сопровождались.

Астрахань в начале XVIII в. была крупным торговым центром, перекрестком торговых путей между Россией, закавказскими владениями Персии и государствами Средней Азии. Социальный и национальный состав здесь был тоже довольно пестрый. Много пришлых, «гулящих» людей обреталось на местных рыбных и соляных промыслах, было занято в проводке караванов и судоходстве. Среди них были русские, татары, ногайцы, калмыки. Среди купцов, постоянно живших в Астрахани, были армяне, персы, русские. Гарнизон города составлял три тысячи человек, из которых было много опальных стрельцов, сосланных сюда после подавления последнего стрелецкого бунта.

Возросшая с началом Северной войны налоговая нагрузка дополнялась мздоимством местных чиновников. Особенно возмущала горожан алчность местного воеводы Тимофея Ржевского. Он сдал на откуп всю торговлю хлебом и вошел в долю с откупщиками. Такая махинация привела к подорожанию не только хлеба, но и других продуктов питания. В 1705 г. в связи с неудачами на фронте было урезано жалование стрельцов на 40%. Все это на фоне роста натуральных повинностей подготовило почву для выступления.

Поводом к восстанию послужило насильственное брадобритие и введение одежды иноземного покроя. Те, кто не хотел подчиняться этим нововведениям, обкладывались большим штрафом. 30 июля восстал астраханский гарнизон. Стрельцы перебили около 300 начальных людей и иноземцев на русской службе. На следующий день восставшие образовали совет старшин, который и стал осуществлять власть в городе. По их приговору был казнен воевода Ржевский, конфискован арсенал, казна, из которой стрельцам выдали жалование, отменены все введенные царской администрацией налоги. Вскоре к восставшим примкнули жители Красного Яра, Черного Яра, Гурьева и Терок. Астраханцы пытались поднять на восстание донских казаков и жителей Царицына, однако же и те и другие ответили отказом.

Когда Петр узнал о случившемся в Астрахани, он находился в Гродно в действующей армии. Не желая снимать войска с фронта, сначала он намеревался урегулировать этот конфликт мирным путем, однако потом пересмотрел свое решение и послал для усмирения восставших войска под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева. Фельдмаршалу была не по душе поездка в Астрахань, поэтому он откровенно медлил. Отбыв из лагеря Петра 12 сентября 1705 г., он только 20 октября прибыл в Москву и лишь 18 декабря добрался до Казани. Оттуда он обратился к царю с просьбой разрешить ему вернуться в Мо-

скву на зимовку. Однако, получив отказ, 2 марта появился-таки под Астраханью и с ходу взял Черный Яр. 12 марта его войска подошли к Астрахани. Штурм начался на рассвете следующего дня. Защитники города пытались сдерживать наступающие войска огнем пушек со стен астраханского кремля, однако, ответным артиллерийским огнем правительственным силам удалось поджечь кремль. Начался пожар и осажденные вынуждены были сдаться. Затем Шереметев, практически без боя овладел Гурьевым и Красным Яром. Руководители и активные участники восстания были взяты под стражу и отправлены в Москву в Преображенский приказ. Следствие по астраханскому делу велось почти два года. В итоге около 300 человек окончили свои дни на эшафоте, а руководители восстания были казнены колесованием.

Астраханское восстание было подавлено. Несмотря на поражение, оно все же оказало определенное влияние на внутреннюю политику правительства. В ряде уездов был прекращен сбор недоимок, а некоторые повинности были упразднены вовсе. Вместе с тем, Астраханское восстание стало прологом более мощных выступлений.

Новое народное восстание вспыхнуло тоже на юге, но уже на Дону осенью 1707 г. Рост эксплуатации, рекрутские наборы в армию, налоговый гнет и вообще кардинальный слом привычных и понятных устоев жизни, характерный для петровской эпохи, привел к значительному росту побегов крепостных крестьян от своих хозяев. Одним из мест, куда традиционно стремились скрыться беглые, была область Войска Донского. Старый казацкий принцип здесь исстари гласил: «С Дона выдачи нет». Однако же и в жизнь на Дону петровское время внесло свои коррективы.

После того, как русские войска овладели Азовом и закрепились на берегах Азовского моря, земля Войска Донского из опасного пограничья и военного форпоста превратилась во внутреннюю территорию государства. Это изменило отношение к казакам со стороны властей. Началось планомерное наступление на казацкую автономию. Так, по указу Петра у казаков были отобраны соляные варницы в Бахмуте и переданы в управление Семеновской канцелярии. Этим царь лишил казаков существенных доходов от торговли солью. В дополнение к этому, стремясь покрыть дефицит рабочей силы в стране, Петр решил покуситься на традицию и возвращать с Дона беглых крестьян. Собственно говоря, это обстоятельство и послужило поводом к восстанию.

2 сентября 1707 г. в Черкасск прибыл полковник князь Ю. В. Долгорукий с большим отрядом солдат и заявил на казацком кругу, что имеет предписание царя переписать всех беглых и затем всех их под конвоем с женами и детьми отправить в места, откуда они сбежали. Воров, татей и прочих преступников велено было собирать отдельно и под охраной этапировать в Москву. Эти требования вызвали всеобщее возмущение станичников. Войсковой атаман Лукьян Максимов с трудом

удержал собравшихся от немедленной расправы над царским послом. Учитывая столь накаленную атмосферу, Долгорукий побоялся ловить беглых в самом Черкасске, но в отдаленных станицах солдаты по его приказу хватали и заковывали в кандалы всех пришлых с семьями. Непокорным резали носы и губы. В итоге на Дону началось восстание. Его возглавил домовитый казак Кондратий Булавин. Долгорукий был схвачен и казнен восставшими в Шульгинском городке. Сопровождавший его отряд перебит.

Такой поворот событий привел к расколу между основной массой казаков и старшиной. Зажиточные казаки во главе с атаманом Максимовым не только выступили против восставших, но и отправили против Булавина несколько казацких сотен. Они нанесли поражение восставшим, а Кондратий Булавин вынужден был бежать в Запорожскую Сечь. Там он заручился поддержкой некоторой части украинских казаков, набрал из них полторы тысячи добровольцев и в марте 1708 г. вновь появился на Дону. Бунтовщикам удалось занять Пристанский городок, ставший центром восстания. Появление Булавина дало новый толчок антифеодальному движению. Ширилось число его участников, занимавших все новые территории. Восстание охватило весь север Дона, Придонье, Слободскую Украину, приближаясь к Воронежу, Тамбову и Саратову.

Петр знал о том, что происходило на Дону, однако же в силу того, что шведские войска, вторгнувшиеся в Россию, в тот момент угрожали Минску и Москве, долгое время не мог выделить для подавления восстания достаточных сил. Наконец, в апреле 1708 г. он распорядился послать на Дон родного брата убитого Юрия Долгорукова — Василия, передав под его командование армию, насчитывавшую около 32 000 солдат. В то же время, не дожидаясь подхода царских войск, казацкая старшина также решила выступить против булавинцев. 21 марта 1708 г. 8-тысячный отряд казаков под командованием того же атамана Максимова выступил из Черкасска в сторону Пристанского городка. Прознав про это, булавинцы выступили навстречу. Противники встретились в бою у реки Лисковатки. Победа восставших была полной. Повстанцы захватили обоз, четыре пушки, боеприпасы к ним и войсковую казну. 1 мая Булавин овладел Черкасском. Лукьян Максимов и ряд его сподвижников были казнены, а предводителя восставших избрали новым войсковым атаманом.

Эта победа Булавина привела к расширению масштабов восстания. Правительственные гарнизоны были разгромлены в Царицыне, Саратове и Валуйках. Под влиянием этих побед подняли восстание башкиры, еще недавно присягнувшие царской власти, а также марийцы, вотяки и татары. Кубанские казаки отправили в помощь Булавину отряд в 1000 сабель. Еще один отряд в распоряжение Булавина поступил из Запорожской Сечи.

В то же время к Дону со всех сторон стягивались правительственные силы: Василий Долгоруков с отрядом преображенцев начал карательные операции на Северном Донце, князь Андрей Гагарин с внушительным отрядом выступил против повстанцев из Курска, а бригадир Шидловский готовился выступить из Изюма.

Стремясь обеспечить свой тыл, в начале июля 1708 г. повстанцы предприняли попытку овладеть Азовом. Однако же, начавшийся 6 июля штурм города был остановлен шквальным артиллерийским огнем крепостной артиллерии и пушек с кораблей азовской флотилии. После этой неудачи булавинцы вынуждены были снять осаду. А днем позже в Черкасске группой заговорщиков из числа домовитых казаков было совершено нападение на дом Булавина. Атаман с группой соратников (не более 10 человек) сопротивлялся отчаянно и застрелил нескольких нападавших, но погиб при прорыве из загоревшейся избы (по официальной версии — застрелился сам, не желая сдаваться). Тело Булавина, для удостоверения жителей в его смерти, отвезено в Азов и там, по отсечении головы, повешено за ногу.

Известие о смерти предводителя деморализовало восставших, однако же отдельные очаги сопротивления продолжали тлеть на Дону и в Поволжье еще два года. В верховьях Дона действовал отряд Н. Голого, на Волге — отряды ближайшего сподвижника Булавина Игната Некрасова, Беспалого, Павлова и других атаманов. Попытки Игната Некрасова объединить действия повстанцев оказались безрезультатными. В начале 1709 г. остатки их отрядов числом около 2000 человек ушли на Кубань.

На определенном этапе с восстанием Кондратия Булавина было тесно связано и крупное восстание в Башкирии, которое началось еще в 1704 г. и длилось до 1711 г. Прологом к этому выступлению стала попытка петровской администрации в августе 1704 г. ввести в Башкирии 72 новых налога, в том числе на мечети, мулл и на каждого приходящего в молитвенный дом. В указе также требовалось строить мечети только по образцу христианских храмов, устраивать кладбища рядом с мечетями, фиксировать муллам заключение браков и смерть прихожан только в присутствии русского священника. Все это было воспринято как прямой шаг к будущему полномасштабному насильственному крещению и послужило отправной точкой для начала выступления. Однако же толчком к началу боевых действий стало прибытие в Уфимский уезд карательного отряда А. С. Сергеева, потребовавшего от выборных башкир безвозмездно отдать для нужд армии 5 тысяч лошадей. Под угрозой смерти они вынуждены были подчиниться и отдать в казну 5 тысяч лошадей. Сбор лошадей весной 1705 г. превратился в массовый грабеж. В ответ башкиры отказались платить налоги и повиноваться русским

властям. Повстанцы Казанской даруги[1] во главе с Дюмеем Ишкеевым напали на Закамские крепости, жители Ногайской даруги под руководством Имана-батыра действовали около Солеваренного городка. Башкирские повстанцы предложили обратиться к царю с челобитной, которую повезли в Москву летом 1706 г. восемь выборных башкир во главе с Дюмеем Ишкеевым. Но царское правительство отказалось рассмотреть челобитную. Ишкеева повесили, а остальных арестовали. Узнав об этом, башкиры продолжили борьбу.

В 1707 г. движение приобрело массовый характер. Повстанцы из Ногайской и Казанской даруг во главе с Алдаром Исянгильдиным и Кусюмом Тюлекеевым разгромили полк Хохлова около Солеваренного городка. Многие крепости края подверглись штурму. В декабре повстанцы перешли через Каму, вторглись в соседние Кунгурский, Вятский и Казанский уезды.

Отказавшись от русского подданства, башкирская феодальная верхушка сделала попытку создать Башкирское ханство, связанное вассальными отношениями с Крымским ханством или Османской империей. Один из участников восстания, уроженец Юрматынской волости Хази Аккускаров был объявлен ханом, а его посол Мурат-султан ездил к крымскому хану и оттуда к турецкому султану. По возвращении обратно он не смог проехать в Башкирию и направился на Северный Кавказ, где чеченцы и аксайцы, нарушив перемирие, напали на центр Терской казачьей области городок Терской. Однако подошедшие войска из Астрахани принудили горцев снять осаду и отойти.

В апреле-мае 1708 г. башкиры установили связь с восставшими под предводительством Булавина казаками Дона. Правительство, в свою очередь, направило против башкирских повстанцев карательные силы во главе с П. И. Хованским. В мае 1708 г. Хованский от имени правительства обещал отменить требования «прибыльщиков», простить повстанцев и рассмотреть жалобы на произвол местных властей. Башкиры согласились прекратить борьбу. Но власти нарушили условия соглашения и восстание продолжилось.

Весной 1709 г. восстание переместилось на территории Сибирской и Ногайской (восточной ее части) даруг. В Зауралье развернулась борьба под руководством Алдара Исянгильдина и Уракая Юлдашбаева. Повстанцы установили связь с каракалпаками и совместно с ними нападали на остроги, слободы, заводы, монастыри и села, расположенные на башкирских землях в бассейнах рек Исеть, Миасс и Теча. Правительство направило в Зауралье два полка под командованием И. Я. Якушкина. В борьбе с повстанцами царскими властями использовалась также калмыцкая конница под командованием Чакдор-Джаба,

[1] Даруга — единица военно-административного деления Башкортостана, принятая в XVII–XVIII вв. и подразделявшаяся этнически на волости (роды).

который нанес повстанцам поражение летом 1710 г. Последние очаги сопротивления в Ногайской и Казанской даругах были подавлены в 1711 г.

После окончания башкирского восстания правительству пришлось пойти на некоторые уступки местному населению. Было подтверждено вотчинное право башкир на свои земли, отменены новые налоги, осуждены представители местных властей, повинные в произволе и беззаконии. Данные меры привели к тому, что к концу 1711 г. выступления в крае прекратились и до конца правления Петра не возобновлялись. Это позволило в 1725 г. провести присягу башкир на верность Российской империи.

Ну вот теперь, после всего сказанного, я хотел бы немного поговорить об оценке Петра и его преобразований в русском общественно-политическом и историческом дискурсе. В первые постпетровские десятилетия XVIII в. отношение к Петру в российской историографии было восторженно-комплиментарное. Всем преемникам Петра на русском троне хотелось (и приходилось) считать себя продолжателями его дела, хотя в реальности могло быть и по-другому. Неудивительно, что тогдашняя историческая наука воспринимала его не иначе как демиурга, создавшего новую Россию (П. П. Шафиров) или воплощенного бога (М. В. Ломоносов). В немалой степени подобному взгляду способствовало популярное не только на Западе, но и в нашей стране сочинение Вольтера «История Петра Великого», написанное на основе присланных из России материалов. Оценки Вольтера также были исключительно положительными. Этот «аплодисментный» тон историографии в значительной мере сохраняется по сей день, несмотря на неоднократную смену политических и идеологических приоритетов в руководстве нашей страны.

Первые сомнения в правильности подобных оценок появились в царствование Екатерины Великой. Вышли они из-под пера профессионального историка князя М. М. Щербатова. Формально он принадлежал к когорте почитателей великого преобразователя. Это и понятно: попробуй он в открытую критиковать деятельность предтечи своей государыни императрицы Екатерины Великой, поставившей Петру памятник, который является ныне символом города на Неве, глядишь и закончил бы свои дни не в своем дворце в Санкт-Петербурге, а в ссылке, как А. Н. Радищев. Как свидетельствуют современники, князь Щербатов был мизантроп и критикан, однако критиковал Петра необычайно тонко. В 1773 г. он написал работу под названием «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». В ней Щербатов приводит негативные оценки некоторых анонимных недоброжелателей Петра и его дел и... решительно опровергает их в русле господствующего историографического взгляда на государя-реформатора. При этом Щербатов раскрывает всю палитру

тогдашних негативных суждений о Петре, знакомя читателей с новыми, для многих ошеломляющими идеями. Он будто бы цитирует чьи-то обвинения Петра в жестокости, любви к казням и пролитию крови, в нецивилизованном отношении к окружающим, разврате, сыноубийстве, склонности к пьянству, в установлении свирепого режима самовластия, небрежения человеческими жизнями, за которые он, как самодержец отвечает перед Богом и т.д. Как бы оправдывая вторжение в эту явно запретную сферу, Щербатов ссылается на свой долг историка — писать правду.

Следующей вехой стало знаменитое произведение историка и писателя Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанное в 1811 г. и сместившее фокус дискуссии с личности Петра к общефилософским, историософским проблемам: нужна ли была России такая реформа, продуктивны ли были усилия Петра по перенесению на русскую почву институций и порядков чужих стран, не слишком ли дорого достались России плоды западной цивилизации, стоило ли ломать традиции, разрушать уклад оригинальной русской жизни, порочить прошлое? «Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною — Петр» — писал главный историограф Российской империи.

Как известно, рассуждения Карамзина о Петре (вкупе с другими обстоятельствами) во многом послужили толчком к возникновению двух основных идейных направлений в русской интеллектуальной жизни: западников и славянофилов. Их борьба, порой ожесточенная, в конечном счете вращалась вокруг Петра — центральной исторической фигуры русского Нового времени. Затихая и возобновляясь, этот ожесточенный спор, следуя метаморфозам непростой русской истории и сменам идеологических концепций, продолжается, в известной степени, до сих пор.

Есть еще один, зачастую невидимый со стороны конфликт внутри историографии. Так вышло, что между историками, изучающими XVII и XVIII вв., лежит некая пограничная полоса со столбом, на котором написано «1700 год». Исследователям победной эпохи петровских преобразований и всего XVIII в. допетровская эпоха кажется в лучшем случае «черновиком», подготовительным этапом великих преобразований Петра, «вытащивших Россию из болота Средневековья», этакой «взлетной полосой» для России Нового времени. Многих же их коллег, занимавшихся историей века XVII, особенно второй его

половины, часто смущает такая постановка вопроса. На материале своих источников, они видят, что до петровских реформ Россия двигалась в том же направлении, что и Европа, но своим путем и своим темпом. Поэтому им быстрые и не считающиеся с русской спецификой радикальные перемены, привнесенные петровской эпохой, видятся как разрыв традиции, своего рода «прерванный полет» отечественной истории. В своем искреннем желании показать своеобразие развития страны в XVII в. они часто впадали и впадают в крайности, выдавая желаемое за действительное.

Наконец, условия второй половины XX в. — времени существенных трансформаций в экономическом, политическом устройстве мира, эпохи повсеместного и повального «реформизма», когда требование перемен стало своего рода религией постоянно ускоряющегося прогресса — поставили перед историками петровской эпохи целый ряд вопросов, в большей степени характерных для общественно-политического, нежели исторического дискурса. Например, признавая историческую необходимость проведения петровских преобразований, общественное мнение ставит вопросы экономической и политической их целесообразности в тех формах и сроках, в которых они были проведены, высказываются претензии к продуманности и последовательности их осуществления, к тому, что проводились они без учета необходимых внутри- и внешнеполитических условий. Наконец, в ситуации никем не оспариваемой в конце XX века высокой ценности человеческой жизни, звучат обвинения царя-реформатора в том, что за его преобразования была заплачена слишком высокая человеческая цена. Можно ли было, к примеру, избежать столь большого числа жертв при строительстве новой столицы, которых только по официальной и признаваемой властями статистике было более 300 тысяч человек, избежать больших небоевых потерь русской армии и флота в ходе Северной войны, более эффективно бороться с чудовищным казнокрадством и мздоимством, в котором были напрямую замешаны приближенные царя и т.д. и т.п.?

К тому же реалии современной жизни настойчиво продвигают несколько иное, отличное от классического, отношение к прошлому. Возьмем, к примеру, индустрию компьютерных игр. Во многих из них, эксплуатируются сценарии двух прошедших мировых войн или хода их отдельных сражений, строительство империй или экономических моделей развития. Причем условия компьютерных стратегий допускают возможность закончить игру вовсе не с тем результатом, с каким эти события вошли в историю. Жанр альтернативной истории стал сегодня неотъемлемой частью научной фантастики и пользуется популярностью у значительной части читательской аудитории. При этом любители данного жанра, а вместе с ними все больше обывателей, похоже, даже не задаются вопросом, где проходит грань между

реальным и вымышленным прошлым. Масштабные экранизации подобных произведений с применением компьютерных технологий только усугубляют проблему.

У «классических» историков не может быть ответов на поставленные в таком контексте вопросы, ибо они исходят из озвученного нами где-то ранее базового принципа исторического знания о том, что история не знает сослагательного наклонения. Она (история) уже состоялась в тех формах, которые мы имеем. Поэтому историк должен интерпретировать и изучать те факты, которые были, и не обязан отвечать на вопрос, что могло бы случиться, если бы... К тому же моральные, этические и правовые нормы века XVIII и XXI сильно различаются друг от друга. То, что считалось нормальным тогда, может сегодня рассматриваться как преступление или извращение и наоборот. Например, русский посланник граф С. В. Рагузинский, выполнявший в 1706 г. дипломатическую миссию в Османской империи, не погнушался не только купить на невольничьем рынке Константинополя раба-арапчонка, но и подарить его своему просвещенному монарху. А монарх соблаговолил такой подарок принять. Другое дело, что год спустя арапчонок этот был Петром крещен в православную веру под именем Авраам, сам царь стал его крестным отцом и дал фамилию Ганнибал. Так в России появился предок нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. За быстрый ум, находчивость, способность к наукам, чрезвычайную чуткость к звукам Петр приблизил его, сделал своим камердинером и секретарем и в конечном счете дал свободу и даже статус русского дворянина. Но начинал-то Авраам Петрович Ганнибал рабом Его Величества... Означает ли это, что граф Рагузинский и Петр Великий разделяли идеологию рабовладения или напрямую участвовали в работорговле? И меняется ли, в связи с этим наше отношение к петровским реформам? И этот вопрос отнюдь не адресован лишь русскому реформатору. Скажем, Джордж Вашингтон — первый президент Соединенных Штатов, один из авторов первой воплощенной на практике в жизнь демократической конституции, был вполне состоятельным землевладельцем и рабовладельцем. На его плантациях в Маунт-Верноне трудилось около 3000 рабов. Но обесценивает ли это обстоятельство тот вклад, который внес Вашингтон в процесс государственного становления США или распространения демократических ценностей в мире? Отнюдь нет. Поэтому без понимания того, что в XVIII в. формировались не только высокие идеи гуманизма и просвещения, но и самые бесчеловечные практики работорговли и крепостничества, понять и объяснить исторический процесс невозможно. А оцениваем мы историческое значение Петра Великого и Джорджа Вашингтона не потому, что один был крепостником, а другой рабовладельцем, а по тому вкладу в развитие своих стран, который оба этих истори-

ческих деятеля внесли (а не могли внести, но этого не сделали по тем или иным причинам). Впрочем, эти аргументы никак не сказываются на регулярной постановке подобных вопросов.

Литература

1. *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1998.
2. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
3. *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989.
4. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001.
5. *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович. (По поводу картины Н.Н. Ге). Самодержавный отрок. М., 1989.
6. *Лебедев В.И.* Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967.
7. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1990.
8. Петр Великий: *pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2003.
9. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.

Глава IV

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПЕТРА I. НАЧАЛО ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Благодаря роману А. К. Толстого «Петр I» и снятым по его мотивам фильмам «Петр I» (1937 г.), «Юность Петра» (1980 г.) и «В начале славных дел» (1980 г.), а также «Россия молодая» (1981 г.) у неискушенных читателей и зрителей создается впечатление, что Петр I обладал крепким здоровьем, под стать крепости создаваемой им Российской империи. Однако, вопреки навязываемому официальной исторической пропагандой мифу, на самом деле состояние его здоровья с детства внушало серьезные опасения.

Начнем с того, что с 1682 г. царь был регулярно подвержен психомоторным приступам, которые проявлялись наклонением шеи в левую сторону и непроизвольным движением мускулов на одной части лица. По мнению отечественных историков, это было следствием Стрелецкого бунта, когда его мать царица Наталья Кирилловна вынуждена была продемонстрировать малолетних царевичей Петра и Ивана разъяренным стрельцам. На двадцатом году жизни у Петра стала трястись голова, а на лице в минуты напряженного размышления появлялись судороги. Эти симптомы дополнялись приступами безудержной ярости, во время которых царь плохо контролировал себя. Вспышки гнева возникали внезапно под воздействием неприятных известий или каких-то иных внешних раздражителей, а иногда и без видимой причины. Эти припадки императора мог снимать только один человек — его супруга Екатерина I. Очевидцы сообщали, что она сажала его, брала за голову, прижимала ее к себе и, слегка поглаживала. Это производило на царя магическое действие, и он мгновенно засыпал. Чтобы не нарушать монарший сон, Екатерина держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в течение двух-трех часов, пока царь не проснется. Просыпался он в бодром расположении духа. Эти симптомы дают основание некоторым историкам медицины констатировать наличие у Петра локализованной эпилепсии.

Ощутимый вред здоровью царя наносило и его пристрастие к спиртным напиткам. После знакомства Петра в шестнадцатилет-

нем возрасте с обитателями Немецкой слободы (особенно с Францем Лефортом, склонным к неумеренному употреблению алкоголя), в обиход молодого царя прочно вошли дружеские попойки, перераставшие временами в пьяные оргии. Для этих целей им был создан специальный «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор», председателем которого был назначен еще один, уже знакомый нам по прошлым главам, почитатель зеленого змия в окружении Петра — его наставник Никита Зотов. По свидетельству князя Куракина иногда эта «кумпания» запиралась дня на три «для пьянства, столь великого, что невозможно описать, и многим случалось от того умирать. Уцелевшие от таких попоищ хворали по нескольку дней...». В более зрелые годы до проявления первых признаков расстройства желудочно-кишечного тракта, почечных колик и других симптомов, царь был не чужд поддержать традицию пьяных кутежей со своими соратниками.

Постоянная кипучая деятельность, строительство новой столицы, разъезды и участие в боевых действиях приводили к частым простудным заболеваниям. С 1697 г. мы имеем массу сообщений о том, что Петр страдал разного рода лихорадками, часто с ознобами и сильными пароксизмами (так именовали повышенную температуру).

Наконец, с 1718 г. царь постоянно возил с собой «цидулки» с лекарствами и сетовал на здоровье. В письмах к жене он называл себя стариком, жаловался в основном на проблемы с желудком, боли в кишечнике, почечуй[1], отсутствие аппетита и на общую слабость. По советам врачей с 1708 г. царь неоднократно прибегал к лечению минеральными водами как в России, так и за рубежом. Кстати, накануне последнего зарубежного визита на воды в 1716 г. личный лечащий врач Петра Л. Блюментрост составил его историю болезни, текст которой сохранился до наших дней. Анализ изложенных там симптомов царских недугов убеждает современных медиков в том, что у царя с большой долей вероятности был хронический колит.

В 1721 г. в Астрахани во время похода в Персию у Петра I впервые проявились приступы мочекаменной болезни и задержки мочеиспускания. Зимой 1723 г. эти припадки усилились. Придворным медикам выпала довольно трудная работа с державным больным, так как он не мог подолгу соблюдать прописываемую ему строгую диету. Вообще воздержание было не в характере страстной натуры самодержца. Царю трудно было выносить наложенный докторами запрет выходить на свежий воздух. Как только он чувствовал себя лучше, тотчас со стен Петропавловской крепости раздавались орудийные выстрелы — сигнал того, что государю легче и он разрешил себе покататься по Неве.

[1] Почечуй — старорусское название геморроя.

Однако следствием таких преждевременных прогулок и пиров с соответствующими возлияниями было возобновление недуга.

С 1724 г. приступы почечных колик и затрудненное мочеиспускание становились все чаще; лето и осень 1724 г. государь очень недомогал, не расставался с лекарствами, но помощь от них была небольшая. Летом 1724 г. болезнь приняла воспалительный характер. Лечили императора Л. Блюментрост и гоф-хирург Х. Паульсон. Для консилиума из Москвы был вызван доктор Николай Бидлоо. В сентябре 1724 г. император начал было поправляться и подал надежду на выздоровление. Считая себя совершенно здоровым, он предпринял морское путешествие в Шлиссельбург и Лахту. Став свидетелем крушения бота с солдатами, севшего на мель, он лично участвовал в спасении людей. Но проведя длительное время по пояс в воде, царь вновь сильно простудился. Согласно рапорту Блюментроста, при лечении простуды применялось втирание горячего гусиного сала с тертым чесноком в обе половины грудной клетки, а от «ломоты в затылке накануне непогоды» — прикладывание пиявок. Кстати говоря, эта последняя оговорка свидетельствует в глазах современных диагностов еще и о том, что у царя, судя по всему, было повышенное кровяное давление.

Болезнь усугубилась после того, как Петр в сильный мороз 6 января 1725 г. присутствовал на богослужении в честь праздника — Крещения Господня. 16 января у него появился сильный озноб, и царь слег в постель окончательно.

Лечивший Петра Л. Блюментрост обратился за советом к знаменитым в то время европейским врачам Герману Бургааву из Лейдена и Эрнсту Штолю из Берлина, собрал на консилиум всех врачей, находившихся в Петербурге. Но ничто не помогало. Наступила острая задержка мочеиспускания. Приступы колик следовали один за другим. Император испытывал страшные мучения. Боль в эти дни была столь сильна, что крики императора слышались не только во дворце, но и по всей округе. Блюментрост и Бидлоо не отходили от постели больного.

В итоге врачи, лечащие царя, 25 января решились на операцию — пункцию мочевого пузыря, из которого было извлечено около литра гноя. Измученный этой процедурой император ненадолго уснул, однако затем «впал в обморок». На следующий день начался новый приступ лихорадки, сопровождавшийся судорогами, во время которых больной терял сознание.

Вполне отдавая себе отчет, что он умирает, Петр распорядился еще 17 января 1725 г. разместить в соседней со своей спальней комнате походную церковь. 22 января его исповедали. Одним из последних царских указов 27 января была объявлена амнистия осужденным на смерть или каторгу (за исключением особо тяжких преступлений). В тот же день в исходе второго часа Петр потребовал бумаги, начал было писать,

но перо выпало из его рук, из написанного смогли разобрать только два слова: «Отдайте все...». Царь велел позвать тогда дочь Анну Петровну, чтобы она писала под его диктовку, но, когда она пришла, Петр уже впал в забытье[1].

Уже накануне смерти Петра I, среди высших чинов империи возник раскол. Одна группировка (президент Юстиц-коллегии Ф. М. Апраксин, президент Коммерц-коллегии Д. М. Голицын, президент Военной коллегии А. И. Репнин, сенатор В. Л. Долгорукий, президент Штатс-коллегии И. А. Мусин-Пушкин и канцлер Г. И. Головкин) выступила за возведение на престол внука Петра I — царевича Петра Алексеевича и установление системы регентства — правления жены Петра I Екатерины Алексеевны вместе с Сенатом.

Другая группировка (светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский, генерал И. И. Бутурлин, дипломат и руководитель Тайной канцелярии П. А. Толстой, вице-президент Синода Феофан Прокопович и др.) отстаивала кандидатуру Екатерины как самодержавной государыни. Чтобы понять суть аргументов сторон, самым кратким образом познакомимся с тем династическим пейзажем, который Петр оставил после себя.

Итак, в двух своих браках Петр стал отцом одиннадцати детей, большая часть которых умерла в младенчестве. Среди них было пять мальчиков и шесть девочек. Из трех сыновей от первого брака Алексей (род. 1690 г.), Александр (род. 1691 г.) и Павел (род. 1693 г.) до совершеннолетия дожил лишь Алексей. Но и он умер, не дождавшись исполнения приговора суда, учиненного над ним отцом в 1718 г. Об этом мы много говорили в предшествующей главе, поэтому повторяться здесь не буду. Алексей Петрович был женат на принцессе Шарлотте Вольфенбиттельской и от этого брака происходил прямой наследник Петра по мужской линии (и будущий император) Петр II Алексеевич.

Во втором браке у Петра родилось двое сыновей: Петр (род. 1715 г.) и Павел (род. 1717 г.). Царевич Павел Петрович умер через несколько часов после появления на свет, а о печальной судьбе Петра Петровича мы также говорили ранее. Таким образом, к моменту смерти императора у него оставались две законнорожденные дочери: Анна Петровна (род. 1708 г.) и Елизавета Петровна (род. 1709 г.). Анна Петровна незадолго до кончины отца была выдана им замуж за Голштейн-Готтропского герцога Карла Ульриха. Согласно брачному договору, она сохраняла православную веру, но теряла права на русский престол. Однако же произведенный в этом браке ребенок — Карл Петр Ульрих

[1] Рассказ о словах Петра «Отдайте все...» и о приказе позвать Анну известен только по запискам голштинского тайного советника Г. Ф. Бассевича, и по мнению ряда историков, является вымыслом, преследовавшим цель доказать права дочери Петра Анны Петровны (к тому времени герцогини Голштинской) на русский престол.

все же стал русским императором под именем Петра III. Но об этом будем говорить в свое время.

Что же касается младшей (и по слухам любимой) дочери царя — Елизаветы Петровны, то для нее отец не успел (а может и не хотел) подыскать партию, и она так официально никогда не вышла замуж, хотя и стала русской императрицей в 1740 году, о чем речь также пойдет ниже. Небезынтересно отметить, что обе дочери были рождены Екатериной еще до официального брака с Петром, что остро ставило вопрос о подтверждении их династического статуса.

Учитывая это, а также и печальное обстоятельство, что Петр к концу жизни потерял всех наследников мужеского пола, то по сей день среди историков ведется дискуссия о том, кого же император планировал назначить своим преемником. Видимо, некоторое время он всерьез подумывал передать власть жене — Екатерине Алексеевне (урожденной Марте Скавронской), с которой он официально венчался 19 февраля 1712 г. вскоре после возвращения из неудачного Прутского похода.

По отзывам современников и в личных письмах Петр с большой нежностью относился к жене. Упоминавшийся нами выше устроитель брака Анны Петровны и Карла-Ульриха Голштейн-Готтропского, голштинский посол Г.-Ф. Бассевич сообщает в своих воспоминаниях, что «он (Петр. — *Д.Г.*) любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась... Екатерина, уверенная в сердце своего супруга, смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; но зато и он, рассказывая ей об них, всегда оканчивал словами: ничто не может сравниться с тобою». Не удивительно, что в мае 1724 г. Петр инициировал и провел в Москве коронацию своей жены как императрицы. Причем император собственноручно возложил на Екатерину признаки императорского достоинства: мантию и корону.

Однако, посвящая жену в свои многочисленные любовные интрижки и связи, царь оказался неспособен терпеть такое же поведение с ее стороны. Когда ему стало известно о связи Екатерины с камер-юнкером Виллимом Монсом (братом Анны Монс — пассии Петра времен Немецкой слободы), он настолько рассвирепел, что хотел открыто судить обоих участников прелюбодеяния. И лишь настойчивые увещевания ближайших сподвижников самодержца П.А. Толстого и А.И. Остермана, которые на коленях умоляли его не делать этого, ибо тогда дочери царя (которые только-только обрели свой статус цесаревен) будут опозорены на всю Европу и не смогут рассчитывать на законный брак с каким-либо мало-мальски достойным представителем европейских дворов. Поэтому судили только Монса.

Он был обвинен «в плутовстве, противозаконных действиях и взяточничестве» и приговорен к смертной казни. Экзекуция состоялась 16 ноября 1724 г. Царь не удовольствовался фактом смерти своего обидчика. Он провез Екатерину около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Все эти события привели к разладу в императорской семье. Петр перестал разговаривать с супругой и воспретил ей доступ в свои покои. Лишь однажды, незадолго до смерти, когда Петру стало лучше, по просьбе младшей дочери Елизаветы, царь согласился отобедать с семьей. Весь обед участники трапезы провели в томительном безмолвии.

Екатерина проявила завидное самообладание и разрыв с мужем переносила стоически, покорно выслушивая гневные упреки царя. Но, с другой стороны, по причинам, указанным выше, ее имя никак не упоминалось в следственных бумагах по делу Монса и репутация ее в глазах незнакомых с существом дела людей оставалась незапятнанной. Некоторые исследователи видят в изложенных выше событиях ключ к пониманию того, почему Петр заблаговременно не назвал имени своего преемника, и, по сути, не довел до конца процесс инагурации Екатерины как российской императрицы.

Таким образом, гипотетический выбор между основными претендентами на власть сводился к фигурам законной императрицы и неверной жены умиравшего царя, а также прямого и законного, согласно русским традициям, наследника — внука императора — Петра Алексеевича. Последний, правда, к означенному времени был малолетним и потому мог стать царем лишь номинально, при регенте. В этой роли опять же виделась императрица Екатерина.

Вот в такой ситуации в ночь с 25 на 26 января 1725 года по инициативе А.Д. Меншикова состоялось заседание высших сановников империи, которые должны были решить вопрос о власти. Обе сформировавшиеся придворные партии собрались, чтобы убедить друг друга в своей правоте (пока не прибегая к силе оружия). Дискуссия была крайне напряженной и напористой. К сожалению, протокола ее по понятным причинам не велось. Но можно предположить, что сила традиции была на стороне той партии, которая выступала за коронацию Петра II при регентстве Екатерины. Однако же сила военная, безусловно, находилась на стороне тех, кто ратовал за провозглашение императрицей именно Екатерины. В конце концов, это были люди, чье положение в обществе, состояние, богатство были приобретены в ходе петровских реформ, и они видели залог сохранения своего богатства и места при Дворе лишь в прямой преемственности власти от императора к императрице. Обсуждение затянулось далеко за полночь, и никто из противостоящих друг другу придворных партий не хотел уступать.

В какой-то момент стоявшие в зале на часах гвардейцы и офицеры стали громко выражать свое мнение о ходе дискуссии. При этом они обещали проломить голову всем присутствующим, если императрица будет отстранена от власти. Часть из них поднялась в покои Екатерины и поклялась отдать за нее свои жизни. В завершение под окнами дворца затрещали барабаны — там в боевом порядке построились оба гвардейских полка: Семеновский и Преображенский. Когда возглавлявший партию сторонников Петра II фельдмаршал А. И. Репнин, поинтересовался, кто без его ведома осмелился вывести полки ко дворцу, стоявший на часах начальник караула подполковник Бутурлин заявил: «Я велел им прийти сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая тебя». После этого П. А. Толстой предложил считать Екатерину Алексеевну императрицей на основании акта о ее коронации. Это предложение было принято единогласно.

Так в России свершился первый дворцовый переворот, положивший начало целой эпохе, которую с легкой руки нашего замечательного историка В. О. Ключевского принято именовать «эпохой дворцовых переворотов». Сразу хочу оговориться, что эта «эпоха» в русской историографии имеет очень размытые границы как в содержательном, так и в хронологическом смысле. То немногое, что роднит эти пертурбации на русском престоле второй четверти XVIII в. — так это постоянное и активное участие гвардии в смещении одних персон и возведении на трон других. Известный польско-русский ученый и писатель К. Валишевский добавлял к этому то обстоятельство, что в подавляющем большинстве престол в это время занимали женщины. Поэтому свой известный роман о России второй четверти XVIII в. он так и назвал: «Царство женщин». А наиболее очевидной чертой, неизменно сопровождавшей пребывание на троне царственных особ слабого пола, был особый тип управления страной, осуществлявшийся через фаворитов — приближенных к монаршей особе придворных, которым делегировались те или иные функции государственного администрирования. Он получил название «фаворитизма». Строго говоря, фавориты и фаворитки у сильных мира сего были и до, и после рассматриваемого времени, но никогда их роль в управлении страной не была столь очевидной.

В хронологическом плане ситуация не менее запутанная. Сам Ключевский определял ее границы с 1725 г. по 1762 г. Однако же и после 1762 г. перевороты с участием гвардии продолжались как минимум до начала следующего, XIX в. Поэтому некоторые ученые продлевают эту «эпоху» до насильственного отстранения от престола императора Павла I с помощью гвардии в 1801 г. А отдельные историки декабристского движения видят в восстании декабристов 1825 г. также отголоски этой эпохи, с той лишь разницей, что если раньше гвардейцы

приводили к власти какого-то претендента на престол, то усилиями декабристских сообществ этот некто был заменен идеей абстрактной законности — Конституцией[1].

Я со своей стороны могу высказать предположение, что и нижняя хронологическая граница данной эпохи также может быть перенесена с 1725 г. в год 1682, когда стрельцы (сиречь — та же гвардия по тем временам) возвели на престол царевну Софью Алексеевну. И в этом, и в следующем (1689 г.) бунтах, инициированных Софьей, в полной мере присутствуют все признаки, характерные для времени «царства женщин»: гвардейские перевороты, женское правление, фаворитизм. Собственно, Петр Великий и пришел к власти в ходе этого последнего, неудавшегося стрелецкого путча. И с этой точки зрения, несмотря на то, что правление царя-реформатора выросло (вполне заслуженно) в глазах современников и потомков в самостоятельную «эпоху», она видится лишь значимым, но все же эпизодом более длительной эпохи дворцовых переворотов. Но это, к слову.

Вернемся в 1725 г. Императрица Екатерина I не получила в своей прежней жизни ни образования, ни воспитания, ни опыта, который позволял бы ей успешно справляться со свалившимися на нее обязанностями главы обширнейшей империи. Поэтому считается, что инициатором и вдохновителем переворота 1725 г., а также его главным бенефициаром был ближайший сподвижник и, можно сказать, наперсник Петра Великого Светлейший князь А. Д. Меншиков. Он также не получил образования, достойного того высокого положения, на которое вознесла его капризная фортуна. Но этот недостаток с лихвой компенсировался жизненным, военным и государственным опытом Меншикова, которого А. С. Пушкин характеризовал так: «счастья баловень безродный, полудержавный властелин».

Самым кратким образом напомню вехи его биографии. Дата, как и место рождения Александра Даниловича Меншикова, доподлинно неизвестны. Разные историки называют 1670, 1672 и 1673 годы. То же и с происхождением. Все источники сходятся в том, что он происходил из незнатной семьи, однако кем был его отец, история умалчивает. По одной версии он — сын крестьянина из-под Владимира, пристроившего сына в обучение к пирожнику в Москве. По другой, его отец состоял на военной службе при Алексее Михайловиче, а сам Алексашка присматривал за конями на царской конюшне, где его и заметил Петр. Так или иначе, но карьера Алексашки Меншикова началась, когда он в возрасте 14 лет попал в потешные войска царевича Петра Алексе-

[1] Хотя не могу в этой связи не отметить, что многие участники восстания на Сенатской площади из числа нижних чинов и рядовых были искренне уверены, что Конституция — это жена наследника престола Великого князя Константина Павловича.

евича и сделался солдатом Преображенского полка. Петр приметил смышленого парня и взял его к себе в денщики.

Вскоре Алексашка стал неразлучен с царем. Они вместе были в Азовских походах, Меншиков сопровождал царя в Великом посольстве. Причем, имя его числится вторым после Петра Михайлова среди тех, кто во время этого посольства изъявил желание добровольно обучаться корабельному делу. Вместе с царем он тесал бревна на верфи в Заандаме, повсюду сопровождал царя и выполнял обязанности казначея. Вскоре отношения Петра и Меншикова переросли в тесную дружбу. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между ними, где в отличие от других своих корреспондентов, Петр называл его «дитем моего сердца», «моим лучшим другом» и др. В общении один на один Петр именовал Меншикова Данилычем, а Меншиков — «моим сердцем» (часто по-немецки *mein Herz*).

По возвращении из Великого посольства Александр Данилович активно помогал царю в расследовании стрелецкого бунта и наряду с другими соратниками царя собственноручно участвовал в казнях стрельцов.

Во время начавшейся Северной войны он не только проявил такие личные качества, как воинская доблесть и храбрость, но и оказался не лишенным полководческих способностей. Александр Данилович — участник всех значимых сражений этой войны. Под его командованием русские войска одержали победы у деревни Калиш в Польше и при Лесной в Белоруссии.

Именно Меншиков первый заподозрил в измене гетмана Мазепу, а когда тайное стало явным, именно ему Петр поручил штурм укрепленной ставки бежавшего Мазепы — крепости Батурин. И Данилыч с честью выполнил это поручение, разрушив укрепления и захватив провиантские и военные припасы.

При Полтаве Меншиков командовал русской кавалерией и ему принадлежит огромная заслуга в разгроме шведов. В ходе сражения под Меншиковым было убито три лошади. А после того, как шведы были обращены в бегство, он возглавил преследование неприятеля и настиг его на берегу Днепра у Переволочны. В итоге, несмотря на спасение Карла XII, в плен к нему попали генералы Левенгаупт, Шлипенбах, Крейц и другие высшие шведские офицеры. За свои подвиги в Полтавском сражении Меншиков был удостоен (вторым в русской истории, первым был Шереметев) чина генерала-фельдмаршала, ордена Андрея Первозванного и ему были пожалованы огромные земельные владения вокруг городов Ямполь и Почеп с большим количеством крепостных.

Обласканный царем, Александр Данилович был наделен всеми титулами, которые существовали к тому времени в России (и не только): Светлейший князь, действительный тайный советник, фельдмаршал Российской империи и рейхсмаршал королевства Пруссии, первый

генерал-губернатор Санкт-Петербурга и первый президент Военной коллегии, герцог Ижорский, кавалер многих русских и иностранных орденов, среди которых были Орден Андрея Первозванного, орден Александра Невского, прусский орден Черного орла и польский орден Белого Орла.

Мы уже упоминали о том, что именно Меншиков сыграл главную роль в судьбе Марты Скавронской, ставшей затем императрицей Екатериной. Возможно, в благодарность за это Екатерина на всю жизнь сохранила к Александру Даниловичу искреннюю дружбу и привязанность. А когда пришла к власти, сделала его практически своим соправителем. Сам же Светлейший князь выбрал себе в жены девицу Дарью Михайловну Арсеньеву, которую заприметил при дворе сестры царя Натальи Алексеевны. Свадьба была сыграна в 1706 г. в Киеве. Меншиков оказался хорошим семьянином. В браке у него родились две дочери и сын. Одна из этих дочерей — Мария — была им впоследствии обручена с Петром II. Сын Александр на четырнадцатом году жизни получил чин обер-камергера. После опалы отца вся семья отправилась вслед за ним в ссылку в Березов, откуда в 1731 г. вернулись лишь младшая дочь и сын.

Однако же эта, можно сказать, образцовая биография одного из выдающихся сподвижников царя-реформатора полна парадоксов. Так, изучив за время своих путешествий по Европе иностранные языки (Меншиков сносно изъяснялся по-голландски и по-немецки), он до конца своих дней так и не научился читать и писать по-русски. Удивительно, но, по отзывам современников, собственноручно он умел ставить лишь свою подпись. В остальном он пользовался услугами секретаря. При этом, будучи неграмотным, он уважительно относился к науке и был первым русским человеком, который в 1714 г. был удостоен чести стать членом Королевского общества Великобритании. В его архиве сохранилось письмо, извещавшее об этом Светлейшего князя, подписанное сэром Исааком Ньютоном.

При незаурядном уме, цепкой памяти, способности держать в голове детали многочисленных указаний и обязанностей, Меншиков был не лишен тщеславия, властолюбия, высокомерия. С теми, кто беспрекословно исполнял его волю, Александр Данилович был щедр, милостив и великодушен. Он прощал их ошибки и даже брал под защиту, в случае совершения некоторых мелких проступков. Однако же тех, кто пытался ему перечить, он не щадил и был крайне мстителен. При этом Светлейший князь не был особо щепетилен в выборе средств для устранения конкурентов.

Любил он и роскошь. Получив от царя в подарок по итогам Северной войны одиннадцатую часть земель, отвоеванных у шведов в устье Невы и на побережье Финского залива, Меншиков решил обустроить там свою резиденцию. Благо, став с 1703 г. Санкт-Петербургским

генерал-губернатором, он нуждался не только в собственном доме в новой столице, но и в соответствующем его должности присутственном месте. В итоге на берегу Васильевского острова под руководством архитекторов Д. М. Фонтаны и Г. И. Шеделя развернулось большое строительство. К 1714 г. основные работы были закончены, и первый каменный дворец Северной столицы предстал перед изумленным взором ее немногочисленных обитателей и гостей. Сегодня он широко известен как Меншиковский дворец. Такого великолепия и художественной отделки на берегах Невы еще не видели. Поэтому за неимением в столице других общественных присутствий подобного уровня, дом Светлейшего князя использовался для многочисленных государственных и придворных церемоний. Здесь проводили приемы иностранных послов (Петр I не случайно именовал Меншиковский дворец «Посольским домом»), пиры и ассамблеи. Именно здесь состоялась русская часть свадебных торжеств царевича Алексея и принцессы Шарлотты Вольфенбиттельской, будущей императрицы Анны Иоанновны и герцога Курляндского, а также бракосочетание «князя-папы» Никиты Зотова и много других значимых мероприятий. У Меншикова была лучшая в столице кухня, роскошный выезд, большая свита (в 1717 г. она насчитывала 47 человек, из которых только денщиков было 19 человек), огромный штат слуг и целый оркестр, состоявший из иностранных музыкантов. Сам он был всегда очень модно и дорого одет.

Находясь на вершине власти, Александр Данилович не особенно различал собственный и государственный карман. Он был богатейшим человеком страны (не считая самого императора, конечно). Историки дотошно подсчитали его ежегодный доход. Так вот, в 1727 г. он составлял астрономическую по тем временам сумму в 1 300 000 рублей. Я здесь не буду перечислять другие источники его благосостояния. И при этом он был одержим манией стяжательства.

Если в начале карьеры он еще боялся запятнать свою честь перед государем, то позже стал менее щепетилен. До поры до времени эти «шалости» Светлейшего князя не выходили за пределы царского дворца. Пойманный за руку, он неоднократно обращался за заступничеством к Екатерине... и его регулярно получал. На одном из ходатайств жены, в котором она просила простить Данилыча за очередную махинацию, Петр собственноручно начертал: «Меншиков в беззаконии зачат, во грехах родила мать его и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы». Это не мешало царю ценить деловые и управленческие качества своего сподвижника. Известно, что после смерти Лефорта в 1699 г. царь произнес знаменательную фразу, имея в виду Меншикова: «Осталась у меня одна рука: вороватая, но верная».

Вместе с тем, масштабы хищений Меншикова росли, и в какой-то момент даже императору стало неудобно покрывать его. В 1710 г. по приказу государя была образована специальная канцелярия, которая занялась незаконными махинациями Меншикова, а вместе с ним и других высокопоставленных чиновников. Согласно отчету этой канцелярии, официальный долг Светлейшего князя казне составлял 144 788 рублей и еще за 1 018 237 рублей подрядных денег, имевших признаки хищения, он должен был отчитаться. Меншиков не соглашался с выводами ревизоров, предъявлял встречные претензии и контрдоводы — в общем, как всегда, в Российском государстве. Следствие тянулось. Долг рос. К 1718 г. он уже составил 1 620 177 руб., а за 285 107 руб. сверх означенной ранее суммы от него ждали объяснений. Наконец, в мае того же года всплыли факты незаконного присвоения Светлейшим князем земельных владений в районе города Почепа. Дело дошло до Сената. В Почеп дважды отправлялись дознаватели и межевики, но все они, как один, выгораживали царского фаворита. Есть большие подозрения, что Данилыч щедро оплачивал эти услуги. В конце концов, от Меншикова отвернулся весь Двор. На именины его жены в 1720 г. к нему во дворец демонстративно никто не пришел. Вот тогда-то Меншиков всерьез испугался. По отзыву прусского посла в Санкт-Петербурге, он от страха совсем осунулся и даже заболел. В конце концов ему удалось вернуть благорасположение царя, но только после того, как он пошел на попятную и вернул ограбленным им землевладельцам их имущество.

В критический момент междуцарствия, не желая потерять все, часть петровских соратников, забыв о своих былых обидах, сплотилась вокруг Меншикова, и он не подвел. Вероятно, это именно Меншиков спланировал и со свойственной ему энергией провел первый дворцовый переворот. Императрицей стала Екатерина. А он встал у кормила государственной власти. Однако те, кто стоял за его спиной, очень скоро пожалели об этом своем выборе.

Лишившись в лице почившего монарха единственного сдерживающего фактора в своей мании стяжательства и тщеславия, и располагая полным доверием императрицы, Меншиков дал волю своим порокам. Первым делом он добился не только снятия всех обвинений в незаконном расходовании средств, но и отмены гигантского штрафа в сотни тысяч рублей, который он должен был уплатить в казну. Но это было только начало. В порыве неуемного тщеславия он добился получения чинов адмирала и генералиссимуса (с соответствующим содержанием, конечно. — *Д.Г.*), а также домогался получения титула владетельного герцога Курляндии (и добился-таки своего. — *Д.Г.*)

Эти шаги Светлейшего князя сочетались с пренебрежительным отношением к официальным органам власти империи. Сенаторов возмущало, что на заседаниях он заставлял их часами обсуждать вопросы,

по которым он вместе с императрицей давно уже все решил. В итоге очень быстро его прежние соратники объединились с противниками, и уже вместе противостояли Меншикову в Сенате. Дело чуть не дошло до бойкота сенаторами заседаний высшего законодательного органа империи.

Не желая обострять конфликт, Александр Данилович по совету своих ближайших сторонников А. И. Остермана и бывшего секретаря Петра I Алексея Макарова выступил инициатором создания нового высшего правительственного органа — Верховного тайного совета, которому должны были быть подчинены и Сенат, и коллегии. Формально председательствовать в этом новом органе власти должна была сама императрица. Это обстоятельство позволяло Меншикову, обладавшему неограниченным влиянием на нее, надеяться на сохранение своей ведущей роли в новой конструкции власти. Противники же Светлейшего князя полагали, что создание Совета и присутствие на его заседаниях императрицы, обязанной подписываться под всеми его решениями, поможет обуздать чрезмерное честолюбие Александра Даниловича. 2 февраля 1726 г. был обнародован указ об учреждении Верховного тайного совета и о составе его членов. В него вошли: А. Д. Меншиков, глава Тайной канцелярии П. А. Толстой, канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман, действительный тайный советник Д. М. Голицын и генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

Однако, хрупкий компромисс придворных партий оказался непродолжительным. В начале 1727 г. Екатерина неожиданно заболела и это вновь обострило вопрос о престолонаследии. Опасаясь неминуемой опалы в случае смерти своей покровительницы, Меншиков решился на совершенно беспрецедентную (и, добавим от себя, бессовестную) в глазах окружающих придворную интригу. Он стал склонять императрицу к согласию на брак внука Петра — цесаревича Петра Алексеевича с его дочерью Марией.

Эти намерения Меншикова вызвали активное сопротивление со стороны всех членов Верховного тайного совета. Более того, бывшие сторонники Светлейшего князя П. А. Толстой, И. И. Бутурлин и А. И. Девиер выступили с идеей возвести на престол после кончины действующей императрицы кого-то из ее дочерей (Анну или Елизавету). Столкнувшись с этой оппозицией, Меншиков решил ни больше ни меньше, как немедленно убрать с дороги инициаторов данного плана, пока Екатерина не отошла в мир иной.

В апреле 1727 г. по его приказу был арестован Девиер, затем Толстой, Бутурлин и их предполагаемые сообщники. Для проведения следствия был образован Учрежденный суд в составе канцлера Головкина, князя Голицына, генерал-лейтенантов Волкова и Дмитриева-Мамонова, а также обер-коменданта Санкт-Петербурга бригадира Фамицына. Следователи выбивали показания из арестованных под пытками. Де-

виера пытали девять раз, Бутурлина два, Толстого единожды. Естественно, были получены «доказательства» причастности означенных лиц к действиям, «направленным к великому возмущению». В итоге Девиера и Толстого приговорили к смертной казни, а Бутурлина к лишению чинов и званий и ссылке. Другие «сообщники» получили более мягкие наказания. Однако, за несколько часов до своей смерти, 6 мая 1727 г. Екатерина подписала указ о смягчении участи осужденных: П. А. Толстого предписано было сослать на Соловки, Девиера — в Сибирь, а Бутурлина — в деревню, оставив за ним его владения. Приговор был приведен в исполнение 27 мая того же года уже после смерти императрицы.

Последние месяцы жизни Екатерину также мучал вопрос о наследнике престола. С одной стороны, в обществе были сильны настроения в пользу избрания на престол внука Петра Великого цесаревича Петра Алексеевича. С другой, есть свидетельства, что сама императрица хотела бы видеть на троне после себя одну из своих дочерей — Анну или Елизавету. Зная об этих терзаниях Екатерины, вездесущий вице-канцлер А. И. Остерман составил проект династического брака между Петром Алексеевичем и Елизаветой Петровной. Как полагал автор проекта, такая комбинация примирит стоявшие за каждым из этих кандидатов придворные партии и даст стране политическую стабильность. Однако, этот план оказался неосуществим в связи с тем, что русская православная церковь выступила категорически против брака между ближайшими родственниками.

Когда провал замыслов Остермана стал очевиден, Меншиков, взвесив все за и против, решительно занял сторону Петра Алексеевича и умножил свои усилия с целью заставить немощную императрицу благословить планируемый им брак наследника со своей дочерью. И таковое благословление было получено!

Дальнейшее было делом техники. Когда императрица совсем занемогла, для решения вопроса о престолонаследии во дворце собрались члены высших правительственных учреждений: Верховного тайного совета, Сената и Синода. Приглашены были и гвардейские офицеры. Это совещание решительно настояло на назначении наследником малолетнего внука Петра I — Петра Алексеевича. Под составленным вслед за тем завещанием («Тестаментом») в силу наступившей недееспособности матери-императрицы подпись поставила ее дочь Елизавета Петровна. Согласно этому завещанию на российский престол взошел новый император — Петр II.

Завершая рассказ о правлении императрицы Екатерины I, я хотел бы вкратце перечислить те факты ее правления, которые, несмотря на крайне короткий срок ее пребывания на престоле, все же вошли в российскую историю. Так, в августе 1725 г. в соответствии с предначертаниями почившего императора Петра Великого, начала функцио-

нировать Российская Академия наук. В январе того же года из Санкт-Петербурга была отправлена Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Инструкцию для нее также составил покойный император. В 1727 г. произошли незначительные изменения в системе городского самоуправления: городские магистраты были переданы в подчинение воеводам и губернаторам. Несильно уменьшилась подушная подать и сократилось число бюрократических учреждений. Были отменены казенные монополии и снижены таможенные пошлины на некоторые товары. Эти меры не затрагивали финансовых и экономических интересов государства, но в то же время были призваны несколько сгладить недовольство, вызванное ростом цен на хлеб из-за неурожая 1726 г.

В целом же в правление Екатерины процветали казнокрадство, произвол и злоупотребления. Ни о каких серьезных реформах и преобразованиях речи не было, а внутри Верховного тайного совета шла непрекращающаяся борьба за власть.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
2. *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998.
3. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001.
4. *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1983.
5. *Павленко Н.И.* Екатерина I. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2009.
6. *Павленко Н.И.* Страсти у трона. М., 1996.
7. *Павленко Н.И.* Меншиков: Полудержавный властелин. Сер. ЖЗЛ. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005.
8. *Хоруженко О.И.* О происхождении Екатерины I. Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX вв. СПб., 2001. С. 142–146.

Глава V

РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (ОТ ПЕТРА II ДО АННЫ ИОАННОВНЫ)

Итак, 7 мая 1727 г. на престол был возведен двенадцатилетний Петр II. Опеку над ним до наступления совершеннолетия должен был осуществлять Верховный тайный совет. Правда, члены оного, присутствовавшие при оглашении завещания, были несказанно удивлены, узнав, что по воле покойной императрицы они были обязаны всемерно содействовать к обручению Петра Алексеевича с одной из дочерей князя Меншикова, а затем по достижении совершеннолетия содействовать и их браку. С одной стороны, такой пассаж свидетельствовал о том, чьей волей направлялась длань умирающей императрицы. Но, с другой стороны, обозначенное в завещании право на престол внука Петра Великого для всех в России было бесспорно и вступило в законную силу.

С самого своего рождения 12 октября 1715 г. Петр II Алексеевич с одной стороны оказался сиротой (мать его умерла при родах), а с другой — стал заложником взаимоотношений своего великого деда и собственного отца. Царевич Алексей, который, как известно, неприязненно относился к преобразованиям родителя, словно насмехаясь над желанием последнего иметь европейски образованных наследников, приставил к сыну двух всегда пьяных «мамок» из Немецкой слободы, которые, по слухам, чтобы меньше возиться с царственным младенцем, поили его вином, от которого тот засыпал. А в 1718 г. после смерти отца Петр Алексеевич стал полным сиротой. Правда, тогда дед обратил на него внимание, прогнал нерадивых «мамок» и заменил их двумя учителями: Семеном Афанасьевичем Мавриным и Иваном Алексеевичем Зейкиным. Первый должен был обучать малолетнего царевича истории, географии и математике, а второй — латинскому и немецкому языкам. Известно, что Петр как-то проверил знания внука и пришел в ярость. Тот вовсе не умел объясняться по-русски, немного знал немецкий язык и латынь, но гораздо лучше — «татарские ругательства». Император тогда выместил свою злость на учителях: он

самолично поколотил Маврина и Зейкина своей тростью, однако дать внуку более стоящих наставников не успел.

Во время болезни деда Петр Алексеевич познакомился со своим ровесником, представителем родовитого клана Долгоруковых Иваном Долгоруковым, ставшим впоследствии его фаворитом. Петр Алексеевич стал часто посещать дом Долгоруковых, в котором собиралась столичная молодежь из старинных знатных родов. Там же он познакомился со своей теткой — Елизаветой Петровной. Утверждают, что он даже по-юношески увлекся своей молодой тетушкой, что позволило А. И. Остерману составить вышеупомянутый проект их династического брака. Проводя время в компании новых друзей, юный наследник в итоге так и не получил достойного своей будущности образования.

Начало царствования Петра II было ознаменовано всесилием и всевластием А. Д. Меншикова. Он безраздельно руководил действиями малолетнего императора, распоряжался в Верховном тайном совете и опять дал волю своим известным порокам: указом императора подтвердил уже состоявшееся назначение себя генералиссимусом и адмиралом. Затем он позаботился о том, чтобы изолировать наиболее опасных, как ему казалось, недоброжелателей. Так, герцогине Миттавской Анне Иоанновне был запрещен приезд в Россию для участия в коронационных торжествах ее племянника. Анна Петровна со своим мужем герцогом Голштейн-Готтропским, наоборот, вынуждена была покинуть Россию. Из Коммерц-коллегии под благовидным предлогом был удален ее президент, давний недруг Меншикова Петр Шафиров и т.п. Дабы еще больше приблизить к себе императора, Светлейший князь 17 мая 1727 г. перевез его в свой дворец на Васильевском острове. Там 25 мая того же года в присутствии всего Двора произошло обручение одиннадцатилетнего Петра II с шестнадцатилетней дочерью Меншикова Марией[1]. Она получила титул «Ее императорское высочество» и... годовое содержание в 34 000 рублей.

Непосредственную же опеку над малолетним монархом, Светлейший князь поручил заботам своего ближайшего помощника А. И. Остермана. Однако тот, будучи непревзойденным мастером придворных интриг, затеял собственную игру. С одной стороны, он рекомендовал своему патрону в отношениях с Петром прибегать к методам принуждения, а с другой — поддерживал и культивировал в своем подопечном охлаждение и недоверие к своему будущему тестю.

[1] Пикантность этой ситуации заключается в том, что к этому моменту Мария Меншикова была обручена с сыном Великого гетмана Литвы Петром Сапегой. Невзирая на чувства Марии и Петра, под давлением отца невесты помолвка была расторгнута, а Сапега в качестве «утешительного приза» женился на племяннице императрицы Екатерины I графине Софье Скавронской.

Наконец, не желая окончательно ссориться с партией родовитых аристократов, Меншиков не противился дружбе Петра II с Иваном Долгоруковым. И Долгоруковы не упустили своего шанса. Они поощряли юного царя к охоте, пьянству, карточной игре, порочным увеселениям, всячески пытаясь помешать ему общаться с Меншиковым, настраивая императора против него и навязываемой ему невесты. В какой-то момент Долгоруковым при содействии Остермана удалось извлечь из архива следственное дело царевича Алексея и показать его Петру II. Ознакомившись с ним, император был потрясен циничным отношением судей к искренним, по его мнению, признаниям покойного отца. После этого он велел перевезти двор и свою резиденцию из дома Меншикова в Петергоф и запретил выдачу кому-либо казенных средств на любые цели без особого на то императорского распоряжения. В конечном счете, потеряв опору в глазах юного монарха, Александр Данилович по решению Верховного тайного совета 8 сентября 1727 г. был арестован. 10 сентября Верховный тайный совет издал распоряжение об опечатании документов канцелярии Меншикова, изъятии находившихся у него казенных сумм и драгоценных камней.

Его огромное состояние было конфисковано. Примечательно, что дознаватели, пунктуально описывавшие арестовываемое имущество, обнаружили у него: крестьянских душ 90 тысяч, городов — 6, наличных денег — 4 млн руб., ценных бумаг и активов в зарубежных банках на 9 млн руб., драгоценностей на 1 млн руб., золотой посуды — 105 пудов и большое количество столового серебра, вес и цена которого в виду его «незначительности» по сравнению с предыдущим списком не указаны. Затем последовало лишение Меншикова всех его званий, титулов и наград. По отзывам современников, Александр Данилович перенес это испытание стоически, возмутившись лишь раз, когда его лишили ордена Андрея Первозванного. «Уж его-то я заработал честно!» — сказал он срывавшему с него награды майору Салтыкову.

Первоначально местом ссылки Меншикова было определено его имение в городе Раненбурге (ныне Чаплыгин), куда он вместе с семьей был доставлен под конвоем 11 сентября. Но и в новой для себя жизненной ситуации Светлейший князь не пал духом и продолжил борьбу. Негласный надзор, установленный за ним, перехватывал массу писем, которые арестант отправлял разным корреспондентам. Некоторые из них были адресованы сенаторам, чиновникам разных ведомств, офицерам гвардейских полков и пр. Кроме того, жена Меншикова с детьми несколько раз тайно приезжала в Петербург и слезно на коленях просила хоть малейшего помилования. Но Петр II был холоден к этим мольбам. 4 апреля 1728 г. был подписан указ о ссылке семьи Меншикова в острог Березов Тобольской губернии (выстроенный еще при Борисе Годунове), который находился на берегу реки Сосьвы. Меншиковы отправились в дальний путь. В 1728 г., не доехав до

места ссылки, в 12 верстах от Казани скончалась жена Александра Даниловича Дарья Михайловна. Прибыв в Березов в июле того же года, опальный князь сначала поселился в остроге, но затем с восемью последовавшими за ним слугами сам построил себе дом и небольшую церквушку. Как он говорил знавшим его людям: «С простой жизни начинал, простой жизнью и закончу». Дети Меншикова в ссылке были вынуждены самостоятельно заниматься хозяйством: Мария — стряпней на кухне, Александра — стиркой белья.

Александр Данилович Меншиков умер 12 ноября 1729 года в возрасте 56 лет от апоплексического удара. Чуть позже, 26 декабря того же года, от оспы (в Сибири бушевала эпидемия) скончалась его старшая дочь Мария. Их похоронили у алтаря церкви, построенной руками опального князя. Могила эта до наших дней не сохранилась, потому что была смыта рекой Сосьвой во время одного из паводков. В 1730 г. последовало всемилостивейшее разрешение детям Меншикова вернуться из ссылки. Когда его сын и младшая дочь вернулись в Санкт-Петербург, на русском престоле была уже Анна Иоанновна. Она частично вернула Меншиковым конфискованные владения и права состояния. В дальнейшем Александра Меншикова стала женой всесильного временщика и фаворита Анны Иоанновны Эрнста Бирона, а сын (тоже Александр) сделал военную карьеру и дослужился до генерал-аншефа.

После падения Меншикова молодой царь первым делом 19 сентября 1727 г. провозгласил себя императором с неограниченными полномочиями и в этот же день публично расторг свою помолвку с Марией Меншиковой. У неё был отобран обручальный перстень. В дальнейшем Петр II делил свои симпатии между Остерманом и Долгоруковыми. Последние продолжали потворствовать любым прихотям молодого царя. Соперничество за влияние на царя привело в ссоре между фаворитами. Чтобы примирить их, Петр II поручил Остерману вести государственные дела, а заботу о своей персоне вверил Долгоруким.

Стремясь закрепить свою победу в придворной борьбе и получить поддержку армии, члены Верховного тайного совета кооптировали в его состав двух фельдмаршалов — М. М. Голицына и В. В. Долгорукова. В итоге в высшем правительствующем органе страны кроме А. И. Остермана и Г. И. Головкина заседали две олигархические семьи: родные братья Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович Голицыны и четверо Долгоруковых — Василий Лукич, Василий Владимирович, Алексей Григорьевич и его сын, наперсник императора Иван Алексеевич.

Численное превосходство в этом раскладе имели Долгоруковы. Они этим активно пользовались. Ни о какой продуманной государственной политике и решении стоящих перед государством задач в этих условиях не могло быть и речи. Демонстративное стремление вернуть стра-

ну к старым, допетровским временам внешне выразилось в переезде Двора в Москву и подчеркнутом пренебрежении к Санкт-Петербургу. Стремясь минимизировать реальное участие молодого императора в управлении государством и контроле над ними, «верховники» всячески поощряли увлечение царя охотой и приверженностью разным развлечениям. Дело дошло до того, что члены дипломатического корпуса вынуждены были составить официальную жалобу в Сенат, где подчеркивалось, что с февраля 1728 г. по ноябрь 1729 г. (т.е. 21 месяц) император 8 месяцев (243 дня) провел на охоте.

А с некоторых пор отец и сын Долгоруковы частенько возили Петра II в свое родовое подмосковное имение Горенки, в общество семнадцатилетней дочери Алексея Григорьевича (и сестры Ивана Алексеевича) Екатерины. Она и была объявлена 19 ноября 1729 г. невестой четырнадцатилетнего самодержца. Торжественное их обручение состоялось 30 ноября того же года. Казалось, что ничто не сможет остановить семейство Долгоруковых, преуспевших в той комбинации, которую в свое время замышлял А. Д. Меншиков в отношении своей дочери. Но судьба распорядилась иначе. Во время очередной охоты накануне свадьбы, император простудился, заболел ветряной оспой. 17 января 1730 г. после парада в честь водосвятия на Москве-реке у него начался жар, он слег и скончался практически в день торжества бракосочетания, назначенного на 19 января[1].

Видя, что их план срывается, Долгоруковы предприняли отчаянную попытку удержать власть. Они решились на составление подложного завещания императора, согласно которому он завещал престол не кому-нибудь из числа законных наследников, пусть даже и по женской линии, а своей «государыне-невесте» Екатерине Долгоруковой. Однако подписать у умиравшего царя этот «документ» они уже не сумели, и позже именно он послужил главным поводом для жестокой расправы над ними.

Сразу после смерти императора, члены Верховного тайного совета собрались в «особую камору» в московском Лефортовском дворце рядом с покоями почившего монарха, и заперлись на ключ. Их было четверо: канцлер граф Г. И. Головкин, князь Д. М. Голицын и князья А. Г. и В. Л. Долгоруковы. Вице-канцлер барон Андрей Остерман, несмотря на настойчивые приглашения, хотя и находился поблизости, но уклонился от обсуждения. Первым делом Долгоруковы предъявили поддельное завещание, но были осмеяны Д. М. Голицыным, который на правах старшего вел это собрание. План Долгоруковых с треском рухнул.

В качестве альтернативы этого плана из небытия был извлечен «Тестамент» Екатерины I, о котором мы упоминали в прошлой главе

[1] Петр II является последним русским монархом, который похоронен в Архангельском соборе Московского кремля.

и в котором, предусматривалась возможность смерти Петра II при отсутствии у него наследников. В этом случае, в соответствии с посмертными распоряжениями императрицы, власть должна была быть передана кому-либо из ее дочерей: Анне или Елизавете. Однако Анна Петровна (герцогиня Голштейн-Готтропская) к тому времени уже умерла (1728 г.), а ее наследник Карл-Петр-Ульрих (будущий русский император Петр III) находился в младенческом возрасте. Что касается младшей дочери первого русского императора — цесаревны Елизаветы, то формально она имела право на престол. Но учитывая юность, политическую неопытность цесаревны и отсутствие каких-либо властных амбиций, верховники решили просто отстранить ее от власти. Кроме того, почувствовав себя хозяевами положения, они решили, что сложившаяся ситуация благоприятна для того, чтобы трансформировать существующий политический строй в какую-то форму аристократической олигархии. Однако же сделать они это хотели не с помощью легитимной реформы государственного порядка, а используя привычные практики келейных договоренностей и джентельменских соглашений. Поэтому им понадобилась такая кандидатура на пустующий императорский трон, которая при видимой законности, по сути, была бы игрушкой в их руках.

Для реализации этого плана по предложению Д. М. Голицына Верховный тайный совет принял следующие решения:

— считать, что у императора Петра Великого более не существует законных наследников, поскольку все его прямые потомки по мужеской линии умерли, а по женской оставшаяся в живых цесаревна Елизавета была рождена матерью своей Мартой Скавронской до того, как она стала законной супругой государя и императрицей Екатериной Алексеевной;

— «завещание» императора Петра II в пользу «нареченной государыни-невесты» не считать законным из-за имеющихся серьезных признаков его фальсификации;

— дочери царя Ивана V Екатерина и Анна сохраняют за собой права на российский престол;

— поскольку Екатерина Иоанновна находится в законном браке с герцогом Мекленбургским, подписав в официальном брачном контракте отказ от претензий на русский престол, то наиболее достойной кандидатурой на него является вдовствующая бездетная герцогиня Курляндская Анна Иоанновна;

— чтобы «себе полегчить и воли себе прибавить», надлежит с будущей императрицей подписать соглашение о полномочиях, которые она соизволит передать Верховному тайному совету.

Принимая в целом эту программу, разработанную Голицыными, клан Долгоруковых в лице А. Г. Долгорукова пытался протестовать

против кандидатуры Анны Иоанновны, однако безуспешно, и означенные выше предложения были полностью приняты.

На следующий день Д. М. Голицын и В. Л. Долгоруков составили перечень условий, на которых Анна Иоанновна могла принять из рук верховников корону Российской империи. Они были настолько обширны и всеобъемлющи, что императрице в проектируемой системе власти оставалось только занимать трон. Без санкции Верховного тайного совета ей запрещалось: вступать в брак, назначать наследника, издавать новые законы, начинать к кем-либо войну или заключать мир, вводить новые налоги, производить траты государственных средств, не жаловать никого чинами выше полковника, не жаловать вотчины и деревни, и самолично ни чинов, ни имений ни у кого не конфисковывать. Кроме того, ей вменялось в обязанность содержать Верховный тайный совет в составе восьми персон. Подстраховались верховники и на случай очередного переворота. Гвардии и прочим войскам, предписывалось подчиняться не императрице, а Верховному тайному совету. В заключение этого списка следовала многозначительная приписка: «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской». В российскую историю этот знаменательный документ вошел под названием «Кондиции Анны Иоанновны».

Здесь нам следует прерваться, чтобы прокомментировать хотя бы в нескольких словах оценки этого документа, бытующие в русской историографии. Несмотря на то, что олигархический и откровенно шкурный замысел верховников был ясен уже их современникам и это послужило причиной резкого неприятия кондиций со стороны значительной части дворянства (что в конечном счете и привело к власти Анну Иоанновну в качестве самодержавной императрицы), часть довольно известных людей в прошлом, да и настоящем, полагали что кондиции были неудавшейся попыткой введения в России конституционно-демократической монархии. Среди таких авторов, например, был упоминавшийся мною ранее М. М. Щербатов, который в памфлете «О повреждении нравов в России» оценивал попытку «верховников» как «великое намерение». Он писал: «Ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть государеву сенатом или парламентом ограничить». В наше время с подобными идеями выступали известный общественный деятель недавнего прошлого В. И. Новодворская, считавшая, в частности, что «Это была великая попытка, потому что они (верховники. — *Д.Г.*) планировали, по сути дела, сочетание польских политических традиций с английскими... Это могло бы ускорить «конституционное» развитие России. Вы помните, почему это не вышло, да? Потому что помешали гвардейские полки. Они завопили что хотят самодержавия, что не хотят, чтобы между ними и «царицей-матушкой»

был еще кто-то...» Подобные взгляды развивал и писатель Я. Гордин в своей работе «Меж рабством и свободой» и ряд других авторов.

Примечательно, что все, кто когда-либо отстаивал данную точку зрения, не являются профессиональными историками. М. М. Щербатов увлекался историческими штудиями с явной целью повлиять на текущую политику, В. И. Новодворская любила экскурсы в историю по той же причине, а Я. Гордин, хотя и пишет книги исторического содержания, не является при этом профессиональным историком. Профессионалы же так вопрос не ставят. Связано это с тем, что изучение биографий авторов «Кондиций» не позволяет их причислить ни к миру просветителей, ни к людям, искренне разделявшим (или хотя бы знакомым) с набиравшими популярность в Европе идеями теории естественного права и общественного договора. Поэтому специалисты вот уже полтора века дискутируют не столько о том, можно ли считать «верховников» отцами русской демократии, сколько о том, была ли политика всех многочисленных наследников Петра продолжением его реформаторского курса, необходимым отступлением от него или же своего рода эпохой контрреформ, обусловленных желанием вернуться в допетровские реалии. Что же касается современников этих событий, то в этой связи чаще всего вспоминают слова известного царедворца времен царствования Анны Иоанновны А. П. Волынского, который, по слухам, узнав о кондициях, сказал: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать...».

И сами верховники прекрасно понимали, что их проект вызовет, мягко говоря, противоречивые чувства. Об этом говорит тот факт, что текст «Кондиций» так никогда ими не был опубликован. Поэтому, когда слухи о существовании этого документа распространились среди дворянства, то о его содержании заинтересованные лица не из числа членов Верховного тайного совета могли лишь догадываться. Они вызвали противоречивую реакцию в дворянском обществе. С одной стороны, появились альтернативные проекты «Кондиций», но с другой — стала оформляться оппозиция грядущей политической конструкции.

Между тем, заговорщики свои действия ни с кем не согласовывали, хотя в переговорах с Анной Иоанновной и выдавали содержащиеся в «Кондициях» условия за требование всего народа. Их расчет заключался в том, что сначала новая императрица утвердит условия, а уж затем все остальные россияне будут поставлены перед свершившимся фактом.

Несколько слов хочу сказать и о самой Анне Иоанновне. Она родилась в 1693 г. и была четвертой дочерью старшего брата Петра Великого Ивана Алексеевича и его жены царицы Прасковьи Федоровны.

До смерти Ивана Алексеевича семья жила в Кремле, а затем переехала в одну из царских загородных резиденций — село Измайлово. В период пребывания там вдовствующей царицы Измайлово оставалось островком старой России, который не затронули бурные преобразования царя Петра. Двор ее составлял две с половиной сотни стольников, а обслуживали покои царицы и царевен десятки слуг, мамок, нянек и приживалок. По отзывам современников, царица Прасковья не конфликтовала с Петром и сумела сохранить с ним довольно хорошие отношения. Правда, сам царь не жаловал свою сноху, называя за глаза ее Измайловский двор «гошпиталем уродов, ханжей и пустосвятов».

Программа образования Анны Иоанновны (как и других дочерей царя Ивана Алексеевича) включала изучение арифметики, азбуки, французского и немецкого языков и танцев. Известно, что немецкий язык им преподавал брат будущего вице-канцлера А. И. Остермана Иоганн Христиан Дитрих Остерман, а французский язык и танцы — француз Стефан Рамбург. В 1709 г. после «Полтавской виктории» по желанию Петра Прасковья Федоровна с дочерьми перебралась в Санкт-Петербург. Ее двор разместился в специально выделенном под эти цели дворце на Московской стороне в районе нынешнего Смольного.

Тем временем русские войска продолжали теснить шведов по всей Прибалтике и, после взятия Риги в 1710 г., вышли на границы Курляндского герцогства. Затем, продолжая наступление, русская армия заняла его. Вообще к тому моменту Курляндия (территория, составляющая ныне западную часть Латвии) находилась в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Положение герцогства было сложным. В ходе Северной войны оно было оккупировано шведами. Номинальный глава герцогства, владетельный герцог Фридрих Вильгельм с 1701 г. пребывал в изгнании в Данциге. В придворных кругах Речи Посполитой периодически возникали идеи о ликвидации герцогства и разделе его территории на воеводства и поветы. Дядя герцога Фридриха-Вильгельма, прусский король Фридрих-Вильгельм I тоже лелеял замыслы присоединить герцогство к своим владениям. Ну а после изгнания шведов, Курляндия оказалась занятой уже русскими войсками. В связи с этим Петр I также оказался небезучастным к судьбе герцогства. И она решилась в октябре 1709 г. во время встречи Петра с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I в Мариенвердере. На волне растущей и вполне осязаемой военной мощи страны, царю удалось получить от короля согласие на брак юного герцога с одной из представительниц русской царствующей фамилии. Выбор пал на потомство брата Петра царя Ивана V. Точную кандидатуру Петр предложил выбрать самой царице Прасковье, которая назвала в качестве таковой Анну.

Новоявленная невеста не блистала красотой. У нее была крупная фигура с большой грудью и длинными красными руками. Лицо ее

было изъедено крупными оспинами — следствие перенесенной в детстве ветряной оспы. Не удивительно, что за глаза царские вельможи, приглашенные на свадебные торжества, называли ее «царицей престрашного зраку».

Свадьбу сыграли 31 октября 1710 г. в Петербурге, во дворце князя Меншикова, а на следующий день там же был дан свадебный пир. Через два месяца 8 января 1711 г. молодые отправились в Курляндию. Едва выехав из Петербурга в свои владения, герцог Фридрих-Вильгельм скончался на Дудергофской мызе 10 января 1711 г. По общему мнению современников, к которым присоединяются современные историки, смерть наступила в результате невоздержанности герцога в еде и напитках. Официальное медицинское заключение называет в качестве непосредственной причины заворот кишок, а неофициальная версия упирает на острое алкогольное отравление, ибо накануне отъезда молодой герцог позволил себе состязаться в искусстве пития с самим императором всероссийским...

В итоге Анна Иоанновна вернулась обратно в Санкт-Петербург и лишь год спустя по личному распоряжению Петра прибыла в столицу Курляндии в ранге вдовствующей герцогини. В качестве управляющего при ней в Миттаву[1] был послан П. М. Бестужев-Рюмин, получивший инструкции, не стесняясь в средствах, обеспечить доходы для содержания двора герцогини, а если будет нужно, то даже просить вооруженной помощи у рижского коменданта. Находясь неотлучно при Дворе Анны Иоанновны, этот царедворец стал вдобавок и ее фаворитом. Когда его связь с вдовствующей герцогиней стала известна, он был отозван из Миттавы. После этого Анна Иоанновна, поубивавшись с полгода, увлеклась внебрачным сыном союзника Петра Великого по Северному союзу польского короля Августа Сильного Морицем Саксонским. Несмотря на то, что Мориц даже сделал герцогине официальное предложение руки и сердца и получил ее согласие, комбинация эта не удалась из-за позиции А. Д. Меншикова, который после смерти Петра Великого лелеял мечту самому стать владетельным герцогом Курляндии. Вот тогда-то на горизонте Анны Иоанновны замаячила фигура нового фаворита — Эрнста Иоганна Бирона.

Тем временем в Миттаву спешило официальное посольство от Верховного тайного совета в составе князей В. В. Долгорукова, М. М. Голицына и М. И. Леонтьева. Отъезд их был сопряжен с чрезвычайными мерами секретности. Чтобы обеспечить таковые, на границах Москвы были выставлены дополнительные заставы, имевшие приказ всех пускать и никого не выпускать из первопрестольной. 28 января 1730 г. посланцы Верховного тайного совета достигли Миттавы и передали

[1] Миттава (ныне Елгава) — столица герцогства Курляндии.

Анне Иоанновне предложения верховников. В тот же день курляндская герцогиня подписала предложенный ей документ. 29 января был назначен отъезд новой императрицы в Москву.

А там происходили не менее важные события. Слухи о свершаемом верховниками государственном перевороте все же просочились из-за стен Лефортовского дворца и вызвали у многочисленных представителей дворянства, собравшихся в Москве на похороны Петра II, предсказуемую реакцию. Кое-кто стал собираться в кружки для обсуждения складывающейся ситуации, а кто-то высказывал свое несогласие с действиями инициаторов переворота публично. В отношении них власти активно применяли метод запугивания. Был произведен ряд громких арестов. Так, за решетку угодил один из явных противников «затейки» верховников, соратник Петра, бывший генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский. Однако это не помогало успокоить ситуацию. Брожение умов в столице продолжалось. Все «прожекты» дворянских кружков наталкивались на противодействие Верховного тайного совета, среди самих прожектеров усиливались внутренняя борьба и распри. В этих условиях все большую силу приобретали сторонники восстановления абсолютной монархии, имевшие ясную цель — установление самодержавной власти бесспорного кандидата на престол, самодержицы — Анны Иоанновны. Среди главных идеологов этой концепции были младший сподвижник Петра и известный в будущем историк, географ и государственный деятель В. Н. Татищев и богатейший человек своего времени, бывший губернатор Сибири князь А. М. Черкасский.

15 февраля Анна Иоанновна торжественно въехала в Москву, где войска и высшие чины государства в Успенском соборе присягнули государыне. В новой по форме присяге некоторые прежние выражения, означавшие самодержавие, были исключены, однако не было и выражений, которые бы означали новую форму правления, и, главное, не было упомянуто о правах Верховного тайного совета и о подтвержденных императрицей условиях.

23 февраля сторонники самодержавия собрались в доме князя И. Ф. Барятинского и составили челобитную к Анне с требованием ликвидации Совета, восстановления самодержавия, уничтожения «Кондиций» и восстановления власти Сената. Под текстом челобитной поставили подписи 87 дворян. Затем текст этой челобитной был согласован с князем Черкасским. Ему и предложили подать ее императрице.

25 февраля 1730 г. на аудиенцию в Кремлевский дворец среди двухсот приглашенных представителей высшего генералитета, сенаторов, родовитого дворянства явился князь Черкасский во главе большой группы сочувствующих дворян и подал Анне Иоанновне челобитную. Текст ее публично озвучил В. Н. Татищев. Этот демарш вызвал ярость у членов Верховного тайного совета. Князь В. Л. Долгоруков

набросился на князя Черкасского с обвинениями. Между ними завязалась словесная перепалка. Стоявшие на часах гвардейцы, шумно бряцая оружием, выразили сочувствие изложенным в челобитной требованиям. Выслушав челобитчиков, Анна Иоанновна попросила присутствующих еще раз обсудить свои предложения. А пока суть да дело, пригласила членов Верховного тайного совета на обед. Те не могли отказать императрице и оказались изолированы, не имея возможности выработать ответ на возникшие обстоятельства. После трапезы состоялась вторая аудиенция императрицы. На ней Антиох Кантемир от лица еще одной группы дворян зачитал петицию, в которой дворянство просило Анну Иоанновну «всемилостиливейше принять самодержавство таково, каково ваши славные достославные предки имели, а присланные Вашему Величеству от Верховного совета и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить». Анна Иоанновна, публично выразив свое удивление, объявила, что члены Верховного тайного совета, вероятно, обманули ее в Миттаве, выдавая «Кондиции» за требование всего народа и тут же, на глазах у всех, надорвала подписанный ею документ, бросив его затем на пол. План верховников рухнул. 1 марта 1730 г. была проведена вторичная присяга на верность Ее Величеству самодержавной императрице Анне Иоанновне.

Вслед за тем начались репрессии против «верховников». Больше всех пострадали князья Долгоруковы. Алексей Григорьевич с женой, сыном Иваном и «государыней-невестой» Екатериной были сосланы в Березов — туда, где до недавнего времени отбывали ссылку Меншиковы и где незадолго до того умерла первая «царская невеста» Мария Меншикова. Алексей Григорьевич скончался там в 1734 г. В 1738 г. против его сына Ивана было начато новое следствие. В следующем году он был этапирован в Новгород, где в связи с делом о подложном духовном завещании Петра II был приговорен к смертной казни и казнен 8 ноября 1739 г. Екатерина Долгорукова тоже была доставлена в Новгород и заключена в Воскресенский Горицкий монастырь. Пришедшая к власти Елизавета Петровна освободила ее и даже сделала своей фрейлиной. В 1745 г. бывшая «государыня-невеста» вышла замуж за племянника сподвижника Петра Великого Якова Брюса генерал-поручика Александра Романовича Брюса, однако через год после того умерла. Василий Лукич Долгоруков был сослан в Соловецкий монастырь, но после возбуждения следствия по «подложному завещанию» был отправлен в Новгород и казнен вместе с И. А. Долгоруковым. Фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков был сослан в Ивангород, но в связи все с тем же делом был переведен в Соловецкий монастырь. Императрица Елизавета Петровна вызволила его оттуда и даже, вернув звание фельдмаршала, назначила президентом

Военной коллегии. В этом качестве он провел несколько улучшений в организацию армейской службы и умер в 1746 г.

Голицыны на первых порах избежали опалы. С главным идеологом верховников Дмитрием Михайловичем окружение новой императрицы побоялось расправиться сразу же. Он даже оставался членом вновь восстановленного Сената. Однако политическая карьера его закончилась. Впрочем, в том же 1730 г. он удалился в свое подмосковное село Архангельское. Там он собрал богатейшую (около 6000 томов) коллекцию книг европейских авторов и вскоре вовсе перестал участвовать в сенатских заседаниях. Несмотря на это, в 1736 г. он был привлечен к суду и приговорен к смертной казни, которая была заменена заключением в Шлиссельбург с конфискацией всех его имений. В январе 1737 г. Дмитрий Михайлович был доставлен к месту заключения, а 14 апреля того же года скончался. В отличие от брата, фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын, наоборот, попал в фавор. После провала заговора верховников он просил прощения у новой императрицы и, похоже, получил его. Он не только сохранил свою должность президента Военной коллегии, но и был приближен ко Двору. Однако 10 декабря 1730 г. скоропостижно скончался, по официальной версии — «от огорчения», а по неофициальной — от несчастного случая, произошедшего с его каретой.

Ну а жизнь царского Двора после восшествия на престол Анны Иоанновны стала стремительно перестраиваться в соответствии с вкусами и пристрастиями новой хозяйки Зимнего дворца. Нравы эти оказались довольно грубыми. В составе Двора появился целый «штат дураков» — придворных шутов. Среди них выделялся воспетый в последней пьесе Григория Горина Иван Алексеевич Балакирев, столбовой дворянин, бывший посыльный Петра Великого, прислуживавший потом Екатерине. После ее известной размолвки с мужем, именно Балакирев под пытками дал показания на Виллима Монса. В итоге Монс был казнен, а Балакирев отделался трехлетней ссылкой в Рогервик (ныне г. Балтийск в Эстонии). После смерти Петра Екатерина вернула его в Санкт-Петербург и определила ко Двору без определенной должности. А при Анне Иоанновне Иван Алексеевич был назначен придворным шутом. В этом качестве он пробыл с 1731 г. до 1740 г., и, кстати говоря, за свои остроты он для острастки частенько оказывался заключенным в застенки Тайной канцелярии. Правда, ненадолго. Затем он удалился в свое имение в г. Касимове и там умер в 1763 г. Многие его шутки и прибаутки вошли в народный фольклор и рассказываются ныне как исторические анекдоты.

Шутами при русском дворе числились также еврей Лакоста (пожалованный еще Петром I «должностью» самоедского короля); постоянный партнер Анны Иоанновны по карточной игре итальянский скрипач Педрилло, внук фаворита царевны Софьи В. В. Голицына

Михаил Алексеевич Голицын[1], князь Никита Федорович Волконский и другие, более мелкие персонажи.

Шутовские увеселения и грубые шутки соседствовали с небывалой расточительностью и роскошью Двора. Ярким примером этого может служить сооруженный в 1740 г. по приказу императрицы ледяной дворец для шутовской свадьбы князя М.А. Голицына и царской шутихи камчадалки Авдотьи Бужениновой. Императрица взялась за дело с размахом, создав специальную «Маскарадную комиссию», которой предстояло готовить торжества. На свадьбу приказано было денег не жалеть. Ледяной дворец спроектировал архитектор П.М. Еропкин и академик Российской академии наук Г.В. Крафт, а к оформлению действа (стихотворные оды, рецептура «ночезрительных огней») был привлечен и первый русский академик М.В. Ломоносов. Место для строительства выбрали на Неве между Адмиралтейским и Зимним дворцом на месте нынешнего Дворцового моста. Лед разрезали на большие плиты, укладывали их одну на другую и поливали водой, которая тотчас же замерзала, накрепко спаивая отдельные блоки.

Фасад дома имел длину около 16 метров, ширину 5 метров и высоту около 6 метров. Вокруг всей крыши тянулась галерея, украшенная статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло здание на две половины. В каждой было по две комнаты: одна — гостиная и буфет, другая — туалет и спальня. В спальне стояли два ледяных зеркала, туалетный стол, несколько подсвечников, большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами. В гостиной — ледяной стол, два дивана, два кресла и резной буфет с посудой. Перед домом были выставлены шесть ледяных пушек и две мортиры, которые могли производить самые настоящие выстрелы. У ворот установили двух ледяных дельфинов, выбрасывавших из челюстей горящую нефть. На воротах

[1] *Биография М.А.* Голицына достойна романа. Он родился в 1687 г. в Москве, а уже в 1689 г. после подавления стрелецкого бунта был отправлен вместе с семьей в Каргополь, где вырос и получил неплохое по тем временам домашнее образование под руководством деда — В.В. Голицына. После смерти последнего семья Голицыных была возвращена из ссылки, и Петр даже послал Михаила Алексеевича учиться за границу. После возвращения он находился на военной службе, вышел в отставку в чине майора. В 1729 г., сразу после смерти своей первой супруги, Марфы Хвостовой, Михаил Голицын, оставив в России двух детей, выехал за границу, где принял католичество и женился во второй раз на итальянке. В 1732 г. супруги с малолетней дочерью вернулись в Россию. Здесь они узнали, что государыня весьма строго относится к религиозным вопросам. Поэтому Голицын, тщательно скрывая от всех и иностранку-жену, и смену вероисповедания, тайно поселился в Москве. Однако факт его вероотступничества был вскрыт, сам он вызван в столицу, допрошен, а брак был признан незаконным. Жену Голицына отправили в ссылку, сам он был определен в штат придворных «дураков» по прозвищу «Квасник», так как в обязанность ему вменялось обносить гостей императрицы русским квасом. Шутом М.А. Голицын служил вплоть до смерти Анны Иоанновны. Умер он в 1775 г.

стояли горшки с ледяными растениями. На ветках сидели ледяные птицы. По обеим сторонам дома возвышались ледяные пирамиды, внутри которых висели большие восьмиугольные фонари. По правую сторону дома стоял в натуральную величину ледяной слон с ледяным персиянином наверху. По воспоминаниям очевидцев, днем из хобота слона били четырехметровые струи воды, а по ночам — аналогичные струи горящей нефти. Построенный для этой цели (первый в России) нефтепровод был уложен по дну реки и питался нефтью из бочек, установленных во дворе Академии наук.

Сама свадьба состоялась 6 февраля 1740 г. и сопровождалась костюмированным балом-маскарадом и большим стечением приглашенных гостей. Сначала состоялось бракосочетание сиятельного шута с шутихой — обычным порядком в церкви. После чего «свадебный поезд», управляемый канцлером Татищевым, проехал мимо дворца по всем главным улицам города. Молодые ехали в специальной клетке на слоне, который было обут в специально изготовленные для этого теплые «валенки». Следом за ними восьмерка лошадей везла золотую карету с императрицей, затем следовала рота гвардейцев в парадных мундирах, гости и специально доставленные в столицу по два представителя всех племен и народов, проживавших в России, в национальных одеждах и с национальными музыкальными инструментами. Свадьба продолжилась пиршеством и танцами. После бала Голицына и Буженинову отвезли в Ледяной дом и уложили на ледяную постель, приставив караул, дабы новобрачные до утра не вздумали сбежать со своего роскошного ложа.

Но более всего — даже больше шутов — Анна Иоанновна была одержима охотой. Утверждают, что в ее комнате всегда присутствовала пара-тройка штуцеров, которые она любила пускать в ход, стреляя по воронам и галкам из окна дворца. Часто это происходило во время официальных аудиенций к изумлению иностранных послов. В ходе регулярно проводимых придворных охот, императрица также подавала пример подданным. Скажем, только за лето 1739 г. она по официальным данным, настреляла: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 374 зайца и аж 608 уток.

Подобно своим предшественникам, Анна Иоанновна предпочитала управлять страной через своих доверенных лиц — фаворитов. Собственно говоря, эпоха ее правления вошла в русскую историю под названием «бироновщина» — по имени фаворита императрицы Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772 гг.). Происхождение этого человека остается не вполне ясным. По одной версии он был сыном небогатого немецкого дворянина, проживавшего в Курляндии, по другой — дед его был конюхом у Курляндского герцога.

Согласно воспоминаниям самого Бирона, образование он получил в Кенигсбергском университете. Однако имени его в сохранившихся

матрикулах (списках студентов) этого университета нет. Это свидетельствует либо о том, что он в данном учебном заведении не учился, либо был оттуда исключен до окончания курса. Впоследствии он пытался получить место камер-юнкера при супруге наследника российского престола Алексея Петровича, но ему было отказано по причине низкого происхождения. В 1718 г. Бирон по протекции влиятельного курляндского дворянина Г. К. Кейзерлинга был принят в штат Двора Анны Иоанновны в Митаве. Однако тогда попытка привлечь к себе внимание молодой вдовствующей герцогини потерпела полное фиаско. Из-за вскрывшихся наветов и клеветы на придворных он был удален из Митавы.

Вторично, не без содействия того же Кейзерлинга, Бирон поступил на службу к Анне Иоанновне в 1724 г. и с 1727 г. стал ее бессменным фаворитом. Он прибыл в Россию в свите будущей императрицы и сразу же после ее коронации был осыпан всевозможными милостями. 24 апреля 1730 г. он стал обер-камергером Двора. В том же году награжден александровской и андреевской лентами и возведен австрийским императором Карлом VI в графское достоинство Священной Римской империи. А в 1737 г., когда умер бездетный курляндский герцог Фердинанд, последний представитель старинного дома Кетлеров, Бирон, давно ожидавший этого события, при протекции Анны Иоанновны был возведен в ранг владетельного герцога Курляндии.

Автором термина «бироновщина» является фельдмаршал, граф Бурхард Христофор Миних, постоянный оппонент Бирона и первый кабинет-министр императрицы. Хотя по иронии судьбы широкое распространение этот термин получил в руках пропагандистов елизаветинского царствования, как аргумент закономерности и неизбежности переворота, приведшего к власти дочь Петра Елизавету Петровну. Уже тогда основными признаками бироновщины считались: засилье иностранцев в высших эшелонах власти; хищническое разграбление казны, природных богатств страны и нещадная эксплуатация народа; жестокое преследование недовольных, поощрение доносительства; неумеренная роскошь, воровство, царившее в придворных кругах, сочетавшееся с непрофессионализмом и неумением управлять государством. И сейчас эти признаки перечисляются в научных трудах, посвященных эпохе Анны Иоанновны. Однако непредвзятый взгляд вносит в них свои коррективы.

После вступления на престол одним из первых своих указов Анна Иоанновна упразднила Верховный тайный совет и восстановила в правах Сенат. А уже 24 января 1731 г. был учрежден Кабинет министров. Новый орган должен был оперативно и «безволокитно» решать текущие вопросы государственного управления. В его состав вошли: графы Бурхард Христофор Миних, Андрей Иванович Остерман, Михаил Гаврилович Головкин и Алексей Михайлович Черкасский. В дальней-

шем же Кабинет, как правило, составляли трое министров, из которых Миних и Остерман оставались в числе его членов постоянно, а третье кресло в разное время занимали: А. П. Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин, канцлер Г. И. Головкин, П. И. Ягужинский. Подсчеты советских и современных российских ученых показывают, что чиновники иностранного, прежде всего немецкого происхождения, весь период «бироновщины» численно отнюдь не превалировали над русскими в государственном аппарате. Хотя многие ключевые должности действительно оставались за ними. Так, казенными горными заводами управлял саксонец К. А. фон Шенберг, Президентом Российской Академии Наук был выходец из Курляндии барон И. А. Корф, обергофмаршалом[1] Двора ее Величества был Рейнгольд Густав Левенвольде, а внешними сношениями Российской империи ведал его брат Карл Густав Левендольде.

Редким исключением из этого правила стал начальник вновь учрежденной в 1731 г. Канцелярии тайных и розыскных дел (в просторечии Тайная канцелярия) Андрей Иванович Ушаков (1672–1747 гг.). Свою карьеру в качестве дознавателя «Слова и дела государева» он начал после смерти Ф. Ю. Ромодановского в 1717 г., когда ему, молодому майору в компании с престарелым графом П. А. Толстым было велено руководить учрежденной незадолго до того на место Преображенского приказа Тайной канцелярией. В этом качестве А. И. Ушаков принимал участие в расследовании дела царевича Алексея Петровича и Виллима Монса. После смерти Петра Великого в 1726 г. Тайная канцелярия была упразднена, но услуги Ушакова оказались востребованы новыми хозяевами жизни. Он вместе с Толстым поддержал переворот, приведший к власти Екатерину I, и именно Ушакову было поручено раздать гвардейцам 20 000 рублей, пожалованных императрицей участникам путча. Ему поручалось вести ряд громких уголовных дел, а сам он получил из рук Екатерины чин генерал-лейтенанта. После падения Меншикова Ушаков некоторое время был не в чести, пребывая на разных должностях в Ревеле и Ярославле. Во время «затейки верховников» он резко выступил против ограничения власти императора и поставил свою подпись под петицией дворянства Анне Иоанновне. За это в 1730 г. он вновь был вызван ко Двору, назначен сенатором и возглавил возобновившую свою работу Тайную канцелярию.

По отзывам современников, Андрей Иванович слыл крайне милым и обходительным человеком в обществе, благодарным слу-

[1] Обер-гофмаршал — ключевой придворный чин (2 класс в «Табели о рангах»). В его распоряжении находились все придворное хозяйство и придворные служители. Обер-гофмаршал следил за исполнением обязанностей низшими чинами, присматривал за дворцовым управлением, выполнял функции по церемониалу. В его отсутствие эти обязанности выполнял его заместитель — гофмаршал.

шателем, обладавшим при этом непреходящим даром исподволь, незаметно выведывать образ мысли своего собеседника. Однако в стенах своего ведомства манеры его сильно менялись. Он производил суровые допросы, сопровождавшиеся подчас пытками, граничащими с истязаниями. Причем не гнушался этим заниматься лично. В историю русского политического сыска А. И. Ушаков вошел как создатель понятия «политическая смерть». Обычно до него лица, хотя бы в какой-то степени угрожавшие обладателям престола в России, вырезались на корню. Ушаков несколько «гуманизировал» эту практику. Подвергшихся следствию по «слову и делу Государеву» теперь не казнили, а ссылали в Сибирь, но перед тем давали новое имя и фамилию. А если несчастный еще не был изуродован пытками, сопровождавшими такое следствие, то наносили такие увечья, которые не позволяли даже при всем желании идентифицировать жертву. Характерный пример такой практики являет собой история прапорщика Семеновского полка Алексея Яковлевича Шубина. Статный гвардеец, он имел несчастье понравиться цесаревне Елизавете Петровне, когда нес караул в ее дворце. Эта симпатия стала известна Анне Иоанновне, испугала ее, и глава Тайной канцелярии получил приказ действовать. Против Шубина было возбуждено следствие. Под пытками в Тайной канцелярии он отрекся от своего имени и назвал себя Иваном, «родства не помнящим». После этого вновь названного Ивана сослали на Камчатку и женили на камчадалке. Позже, когда Елизавета пришла к власти, она приказала вернуть Шубина из ссылки и послала для этого на Камчатку знавшего его офицера Семеновского полка Булгакова. Тот после длительных поисков разыскал государственного преступника. Он был помилован, возвращен в Санкт-Петербург и даже получил чин генерал-майора, но... признав себя Алексеем Шубиным, по отзывам современников, до конца дней продолжал именовать себя Иваном.

Всесилие Тайной канцелярии порождало в стране обстановку недоверия и доносительства, порождало у людей чувство постоянного страха и неуверенности в завтрашнем дне.

За все время десятилетнего правления Анны Иоанновны ею было подписано более 3500 законодательных актов. И лишь единицы из них были воплощены в жизнь. Тем не менее, попробуем перечислить те решения и действия правительства Анны Иоанновны, которые все же остались в русской истории.

Одним из первых распоряжений новой императрицы в 1730 г. был указ о создание двух новых гвардейских полков — Измайловского и Конногвардейского. Рядовые для этого полка набирались из русских, а офицеров и штаб-офицеров было приказано брать из курляндцев и лифляндцев, что в целом отражало кадровую политику новой имперской администрации. Лейб-гвардии Измайловский полк прослужил ве-

рой и правдой русскому престолу два с половиной века и, как и прочие русские гвардейские полки, был расформирован в конце 1917 г. За это время из его состава вышло довольно много военных и государственных деятелей, а также (как ни странно) писателей и артистов. Среди них: известный просветитель, журналист и издатель Н. И. Новиков, герой войны 1812 г., военный губернатор Санкт-Петербурга, убитый во время восстания декабристов генерал М. А. Милорадович, герой Первой мировой войны, генерал Н. Н. Кривицкий, президент Российской Академии наук и писатель К. К. Романов, латышский писатель Ф. Кемпс и др.

То же можно сказать и о кавалергардах. Изначально лейб-гвардии Кавалергардский полк создавался в целях обеспечения почетной охраны императрицы, но затем наравне с другими гвардейскими полками участвовал во многих военных кампаниях, которые вела Россия. Несмотря на то, что полк был расформирован в ноябре 1917 г., многие его солдаты и офицеры участвовали в Гражданской войне, формируя отдельные подразделения из числа своих ветеранов, а в эмиграции образовали отдельную организацию «Кавалергардская семья», члены которой оказывали друг другу посильную помощь. На 1951 г. ее численность еще составляла 59 человек.

Целая серия законодательных актов была направлена на расширение прав и привилегий дворянства в распоряжении своим имуществом и прохождении государственной службы. Вот главные из них: 17 марта 1731 г. был отменен петровский указ о единонаследии, который, напомню, позволял наследовать дворянское имение только старшему сыну почившего владельца. Остальные обязаны были получать земельные владения за службу — военную, гражданскую или придворную. Теперь отец-дворянин имел право делить свое имение между всеми сыновьями или отдавать его в приданое дочери. Этот шаг существенным образом приблизил дворян к закреплению за собой имений на правах частной собственности.

С 30-х годов XVIII в. дворянских недорослей было разрешено записывать в гвардейские полки не по достижении совершеннолетия, а с рождения, обучать дома и после экзамена производить сразу в офицеры. Надо отдельно отметить, что при определении звания существенную роль играла выслуга, которая у подобных «офицеров» составляла до 15–18 лет, что обеспечивало их вступление в службу в более высоком звании, чем унтер-офицер. Здесь, правда, надо оговориться, что Правительство Анны Иоанновны предусмотрело альтернативу домашнему обучению дворян. Для них в 1732 г. был открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Выпускники этого учебного заведения имели право поступать в полки в младших офицерских званиях или получать классные чины (если служба была гражданская). Однако популярностью у дворян эта альтернатива не пользовалась. Наконец,

в 1736 г. дворянам был сокращен срок действительной военной службы с пожизненной до 25 лет.

Целый ряд указов был направлен на закрепощение крестьян. Так, указом 1731 г. частновладельческие крестьяне были лишены права приносить присягу. За них теперь это должны были делать помещики и их приказчики. В том же году помещикам были переданы прерогативы сбора и передачи государству подушной подати со своих крестьян. Наконец, в 1736 г. заводские работные люди были навечно прикреплены к своим заводам и не могли быть проданы или переданы другим собственникам иначе как вместе со своими предприятиями.

Важным вкладом в научное и экономическое развитие страны стала организация в 1733 г. Великой Северной экспедиции[1]. После своего возвращения из Первой Камчатской экспедиции в 1729 г. Витус Беринг предложил Адмиралтейству проект новой миссии к берегам Северной Америки, Японии и побережью Северного Ледовитого океана. Проект этот был поддержан тогдашним главой Адмиралтейства Н. Ф. Головиным и обер-секретарем Сената И. К. Кирилловым. По их инициативе план был расширен, переработан и представлен на рассмотрение Сената. В итоге 28 декабря 1732 г. был подписан указ Анны Иоанновны об организации экспедиции к берегам Северного Ледовитого океана, Аляски и Японии. По сути дела, разработанный план предполагал направить восемь отрядов под общим руководством Витуса Беринга для изучения пяти выделенных участков побережья Северного Ледовитого океана, а также Аляски и Японии. Великая Северная экспедиция стартовала в 1733 г. и растянулась в общей сложности на десять лет. В результате впервые было произведено описание отдельных участков побережья Северного Ледовитого океана, открыт американский берег и подтверждено наличие пролива между Азией и Америкой, открыты и нанесены на карту Южные Курильские острова, доказано отсутствие каких-либо земель между Камчаткой и Северной Америкой, обследованы побережье Камчатки, Охотского моря и отдельные участки побережья Японии. Эта экспедиция стала важной вехой в деле научного описания географии Российской империи и в дальнейшем способствовала хозяйственному освоению этих районов.

Во внешней политике правительство Анны Иоанновны проводило проавстрийскую политику. Это выразилось в том, какую позицию Россия занимала в ряде разразившихся в Европе кризисов. Первый из них связан с борьбой за польское наследство. В 1733 г. в Варшаве

[1] В литературе эта экспедиция имеет несколько названий. Ее еще именуют Второй Камчатской экспедицией, Сибирской экспедицией, Сибирско-Тихоокеанской экспедицией.

скончался союзник Петра Великого по Северному союзу курфюрст Саксонии и король Польши Август II. Вокруг кандидатуры его преемника на освободившийся престол закипели нешуточные страсти. Часть польской шляхты, во главе с влиятельным семейством Потоцких выдвинула кандидатуру Станислава Лещинского (который в 1704 г. уже один раз ненадолго побывал на этом троне. См. главу о Северной войне). Эту кандидатуру поддерживала Франция. Другая часть выступала за передачу престола сыну почившего короля Августу III. Против кандидатуры Лещинского выступили совместно Россия и Австро-Венгрия. Между тем, в сентябре 1733 г. польский Сейм поддержал Лещинского, и он был объявлен королем. Тогда русские войска под командованием генерала П. П. Ласси были введены на территорию Речи Посполитой и свергли Лещинского. Изгнанный король бежал в Гданьск. Русские войска осадили этот портовый город. Сменивший Ласси на посту главнокомандующего фельдмаршал Миних нанес поражение гарнизону крепости. Лещинский вновь, как в 1704 г., бежал во Францию, а королем Речи Посполитой в 1735 г. был провозглашен Август III.

Вмешательство России и Австро-Венгрии в польские дела вызвало напряжение в русско-турецких отношениях. Вторым раздражителем здесь выступала Кабарда, находившаяся в зависимости от Крымского ханства (вассала Османской империи) и желавшая перейти в российское подданство. В том же 1734 г. крымский хан Каплан Гирей пытался пройти через Кавказ в Персию, с которой вел войну. Отряды чеченцев, черкесов и кабардинцев не пропустили крымчаков, разбив их в Аргунском ущелье. Каплан-Гирей вынужден был повернуть назад. Вот на таком фоне осенью 1735 г. Россия объявила войну Османской империи. Войска под командованием фельдмаршала Миниха выступили к Азову. Однако ранние морозы и начавшиеся эпидемии заставили русское командование отказаться от активных боевых действий и поредевшие войска были выведены на Украину.

В следующем, 1736 г. кампания возобновилась. Миних с армией численностью в 90 тысяч человек прорвал оборону крымцев на Перекопе и овладел столицей ханства — Бахчисараем. Туда направился с остатками своих войск разбитый на Кавказе хан Каплан-Гирей. Одновременно войска, выведенные из Польши под командованием П. П. Ласси, осадили и взяли Азов. По плану после этого они должны был идти на соединение с Минихом в Крым. Однако недостаток воды и вспыхнувшие в армии болезни заставили последнего прервать поход и без боя покинуть полуостров. На этом закончилась кампания 1736 г.

Зимой 1737 г. австрийские дипломаты предложили посредничество в заключении мира между Россией и Турцией на условиях отмены договора 1711 г., заключенного по итогам Прутского

похода Петра и восстановления условий Константинопольского мира 1700 г. После длительных согласований и даже ультиматума с австрийской стороны, султан согласился начать переговоры. Это не помешало Австрии объявить в июле 1737 г. войну Порте. Боевые действия возобновились.

Центральным событием летней кампании 1737 г. стал штурм русскими войсками под командованием Миниха сильно укрепленной турецкой крепости Очаков. Обложив город со всех сторон, русские начали бомбардировку крепости. Из-за большого пожара, вызванного артиллерийским обстрелом, в рядах обороняющихся возникло смятение. Этим и решил воспользоваться командующий, приказав немедля штурмовать крепость. Войска не были готовы к штурму. Не хватало фашин, лестниц, другого снаряжения. Тем не менее штурм состоялся. Ценой больших жертв русским солдатам удалось преодолеть крепостной ров и валы, подобраться к стенам. Но дальше атака стала захлебываться. Ситуацию спасло шальное ядро, попавшее в пороховой погреб крепости. Сдетонировал крепостной боезапас и от ужасающего взрыва осела одна из крепостных башен. Турки в панике бросились к своим кораблям, стоявшим на рейде, а русская конница на их плечах ворвалась в город. Над Очаковом был водружен русский флаг. Победа досталась русской армии дорогой ценой. При штурме погибло 24 000 солдат и офицеров.

Другая русская армия числом 40 тысяч человек, под командованием фельдмаршалом Ласси, двинулась с Дона к Азовскому морю; затем, наступая по Арбатской косе, переправилась через Сиваш, вторглась в Крым и обрушилась на войска хана Менгли Гирея. Они были разбиты, обращены в бегство, а вместе с этим была сожжена и вторая столица Крымского ханства город Карасу-Базар. Австро-Венгрия тем временем открыла второй фронт и заняла город Ниш в Сербии, который тогда находился под властью Османской империи.

Вот на этом фоне Османская империя предложила провести мирные переговоры. Они прошли в украинском местечке с очень неподходящим названием Немиров 16 августа по 11 ноября 1737 г. Однако несогласованность позиций России и Австрии вкупе с завышенностью территориальных претензий (Россия хотела получить всю Кубань, Крым и земли между устьем Дона и Дуная, а Австро-Венгрия выдвигала претензии на Часть Молдавии и Валахии) привели к провалу переговоров. Война возобновилась.

Кампания 1738 г. не принесла России положительных результатов. Армия П. П. Ласси вторично овладела Перекопом, но, столкнувшись с нехваткой продовольствия и воды, ограничилась уничтожением фортификационных сооружений Перекопа и отступила к южным рубежам России. Армии Миниха, действовавшей в районе Бендер у Днестра, также не сопутствовала удача. Перед лицом серьезного сопротивления

турецких сил (чему изрядно помогла эпидемия чумы, разразившаяся в рядах русских войск) и после потери 16 000 человек, ей также пришлось отступить.

В мае 1739 г. боевые действия были продолжены. Армия Миниха, выдвинувшись из Польши, направилась к турецкой крепости Хотин на реке Днестр (ныне Черновицкая область Украины). 17 августа в местечке Стаучаны она встретилась с турецкими войсками общей численностью 90 000 человек под командованием Колчак-паши[1]. В ходе состоявшегося вслед за тем генерального сражения турки были наголову разбиты, а русские войска заняли город. Победа под Хотином позволила Миниху развить наступление и 1 сентября занять Яссы. В дальнейших планах фельдмаршала было форсировать Дунай и двигаться дальше чуть ли не до самого Константинополя, но в этот момент пришли известия о том, что Австро-Венгрия вступила с Портой в сепаратные переговоры и 12 сентября подписала мирный договор. В этих условиях продолжать войну было бесперспективно.

Русско-турецкий мирный договор был подписан при посредничестве Франции в Белграде еще спустя две недели 29 сентября 1739 г. Согласно его статьям, Россия возвращалась к прежним рубежам. Единственным приобретением стал город Азов при условии уничтожения азовской крепости. Взамен того, Россия получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Османская империя — в устье реки Кубань. Кабарда была объявлена независимым государством и должна была играть роль буфера между державами. России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Черном морях, торговля с Турцией могла вестись только с использованием турецких кораблей. Русским паломникам были даны гарантии свободного посещения святых мест в Иерусалиме.

В конце января — начале февраля 1740 г. Анна Иоанновна устроила торжества по случаю подписания мира с Османской империей. В соответствии со вкусами Двора, эти торжества сопровождались потешным маскарадом и уже упоминавшейся нами свадьбой придворного шута Ее Величества М. А. Голицына и шутихи Авдотьи Бужениновой. Подготов-

[1] Турецкий полководец Илиас Колчак-паша был по национальности боснийским сербом. Отличился еще во время Прутского похода русской армии в 1711 г. Получил титул паши и был назначен комендантом Хотинской крепости. Там он и провел все свои 22 года службы в турецкой армии. Будучи командующим турецкими войсками под Хотиным в 1739 году, Колчак-паша попал в плен. Когда был заключен мир, он хотел было вернуться в Османскую империю, но узнав, что новый султан Махмуд посчитал его предателем, изменил свое решение и эмигрировал в Речь Посполитую. Его сын Мехмед-бей принял православие и поступил на службу к императрице Елизавете Петровне. Получив вскоре русское дворянство, он и дал начало русской дворянской династии Колчаков. Из потомков Мехмед-бея Колчака наибольшую известность снискал его праправнук адмирал А. В. Колчак.

кой и организацией этих торжеств занимался кабинет-министр Анны Иоанновны Артемий Петрович Волынский (1689–1740 гг.).

Для планировавшейся «шутовской свадьбы» потребовалось написать торжественные стихи. Их Волынский заказал написать члену Российской Академии наук, профессору элоквенции, поэту и переводчику Василию Кирилловичу Тредиаковскому. Тот принялся за работу. Оценить ее кабинет-министр должен был 4 февраля. По причине важности заказа, представление этих вирш должно было происходить во дворце Бирона в присутствии самого фаворита. Однако, когда заказанные стихи были озвучены их автором, они Волынскому не понравились. Но что еще хуже — он не только дал волю словам, но и рукам, хорошенько поколотив беззащитного поэта. Поскольку инцидент этот произошел не где-нибудь, а в доме Бирона «под гербом герцога», это было расценено хозяином, как личное оскорбление.

Здесь мне следует остановиться, чтобы пояснить, кем был А. П. Волынский. Он происходил из знатного дворянского рода и военную службу в драгунском полку начал еще в 1704 г. Во время неудачного Прутского похода русской армии он вместе с Шафировым находился в качестве заложника в Константинополе и был отпущен обратно в Россию только в 1713 г., формально завершившего эту войну с Портой. Затем он был назначен посланником в Персию, по возвращении получил чин генерал-адьютанта и должность губернатора вновь образованной Астраханской губернии. В этом качестве Артемий Петрович активно участвовал в подготовке Каспийского похода Петра I 1723 г., но был обвинен в сообщении недостоверных сведений, казнокрадстве и взяточничестве, за что впал в немилость.

Пришедшая к власти Екатерина I вновь приблизила его ко Двору и назначила казанским губернатором. Петр II подтвердил его полномочия и Казанской губернией Волынский управлял вплоть до 1730 г. Новый взлет его карьеры пришелся на правление Анны Иоанновны. Он обратил на себя внимание во время войны «за польское наследство», когда, будучи командиром одного из отрядов, участвовал в штурме Гданьска. В 1736 г. он назначается обер-егермейстером Двора и 3 февраля 1738 г. «за особливые Его Превосходительства заслуги» удостаивается чести стать кабинет-министром. Более того, в 1739 г. он был единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета. В этом качестве Волынскому удалось добиться ряда усовершенствований в деятельности Кабинета: более частых созывов «генеральных собраний», на которые приглашались сенаторы и президенты профильных коллегий), непосредственного контроля над Кабинетом Военной и Адмиралтейской коллегии.

Пребывание А. П. Волынского в составе Кабинета министров характеризуется постоянной, скрытой и затяжной борьбой с Остерма-

ном, добивавшимся расположения императрицы и соответственно, удаления нового кабинет-министра. И вот инцидент в доме Бирона дал ему повод расправиться с конкурентом. Анна Иоанновна была соответствующим образом проинформирована Остерманом и Бироном. Однако императрица не согласилась начать расследование. Тогда Бирон, считавший себя оскорбленным со стороны Волынского за избиение Тредиаковского, совершенное в его «покоях», прибегнул к последнему средству и заявил: «либо мне быть, либо ему». Это подействовало, и Тайная канцелярия получила приказ к проведению расследования.

Ее Начальник А. И. Ушаков сначала взял в оборот давнишнего слугу А. П. Волынского Василия Кубанца. Тот сразу же выдал с головой как самого хозяина, так и завсегдатаев его дома: петербургского архитектора П. М. Еропкина, адмирала Ф. И. Соймонова, советника адмиралтейской конторы, горного инженера А. Ф. Хрущова и сенатора, графа П. И. Мусина-Пушкина. Кубанец указывал на речи Волынского о «напрасном гневе» императрицы и вреде иноземного правительства, на его намерения подвергнуть все изменению и лишить жизни Бирона и Остермана. Кроме того, именно благодаря Кубанцу и стало известно о проекте Волынского, так как черновики находились у Василия в сундуке. Текст под названием «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел» был извлечен из тайника, изучен Ушаковым и его подручным Неплюевым и убедил их в наличии признаков антиправительственного заговора.

Согласно этому документу, А. П. Волынский не предполагал менять монархическую форму правления в Российской империи, но ратовал за более широкое участие шляхетства в принятии решений. Поэтому вслед за Сенатом, долженствующим быть второй после монарха государственной инстанцией в стране с тем значением, какое он имел при Петре Великом, автор проекта поместил «Нижнее Правительство», состоявшее из представителей низшего и среднего шляхетства. Сословия: духовное, городское и крестьянское получали, по проекту Волынского, значительные привилегии и права. От всех требовалась грамотность, а от духовенства и шляхетства более широкая образованность, рассадниками которой должны были служить предполагаемые Волынским академии и университеты.

В первых числах апреля 1740 г. Волынскому было запрещено появляться при Дворе. 12 апреля его подвергли домашнему аресту, а затем отправили в Петропавловскую крепость. Первое время А. П. Волынский стойко держался под пытками, отрицал свою вину и надеялся на заступничество Анны Иоанновны. Однако же, когда узнал о показаниях Хрущова, Еропкина и Соймонова, которые под пытками заявили, что Волынский, якобы, сам хотел занять россий-

ский престол после кончины Анны Иоанновны, то сломался и попытался спасти свою жизнь признанием в тяжких грехах. Он заявил, в частности, что хотел лишить жизни Бирона и Остермана, убрать из России немцев, «набежавших в нее» в период «бироновщины» и много чего еще. Однако же, он ни словом не оговорил цесаревну Елизавету Петровну и не признался в намерении призвать ее на трон, чего особенно от него добивались следователи. Интересно, что даже интерес А. П. Волынского к истории был истолкован следователями как преступление. Так, в предисловии к своему проекту о государственных делах он дал очерк от князя Владимира до петровских времен. Следователи квалифицировали проводимые в этом очерке параллели с прошлым опасным антигосударственным деянием. Ну а в двуглавом орле, который был помещен Волынским на родословном древе своей семьи (род известен с XIV века), чиновники Тайной канцелярии и вовсе нашли признаки претензий на царский престол... В общем улики, изобличавшие бывшего кабинет-министра в «оскорблении не только чести императрицы, но и высочайшего самодержавия, славы и чести империи» были предъявлены самодержавному вниманию.

Тогда, по приказу императрицы, дальнейшее разыскание было прекращено и 19 июня назначен суд над самим бывшим кабинет-министром и его «конфидентами». Приговор этого суда включал несколько пунктов: 1) Волынского, яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него предварительно язык; 2) его конфидентов — четвертовать, и затем отсечь им головы; 3) имения конфисковать и 4) двух дочерей Волынского и сына сослать в вечную ссылку. Перед казнью Анна Иоанновна несколько смягчила участь осужденных. Волынского было приказано только четвертовать, а Еропкина с Хрущовым лишить головы. Соймонов и другие конфиденты отделались наказанием кнутом и вечной ссылкой в Сибирь. Приговор был приведен в исполнение 27 июня 1740 г.

К этому времени здоровье императрицы сильно ухудшилось. В конце сентября у нее начались припадки подагры, боли в почках и кровохаркание. Настало время назначить наследника. У Анны Иоанновны не было детей. При этом она не хотела уступать трон потомкам своего великого дяди — Петра I. В связи с этим внимание ее было обращено в сторону ее родственников по линии отца — царя Ивана Алексеевича. Так в фокусе ее внимания оказалась сестра Екатерина Ивановна. Она родилась в 1691 г. и в 1716 г. была выдана Петром замуж за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. Брак этот сложился неудачно. В 1722 г., не выдержав грубого обращения супруга, Екатерина вернулась в Россию. Вместе с ней приехала и ее дочь от этого брака Елизавета Катарина Кристина. Именно на нее и обратила внимание Анна Иоанновна. Поэтому в первые же дни

своего царствования она решила объявить наследником кого-либо из будущих детей своей племянницы. Феофану Прокоповичу было поручено наставлять Елизавету Катарину в православии. 12 мая 1733 г. она приняла новую веру, а вместе с ней и новое имя — Анна Леопольдовна.

Воспитанием и образованием Анны Леопольдовны занимались мало. После приезда в Россию девочку взяла под свою опеку бабушка — царица Прасковья Федоровна. Трудно предугадать, к чему привело бы ее воспитание, но в 1723 г. царица Прасковья умерла и Елизаветой Катариной долгое время никто особенно не интересовался. Маленькая герцогиня подрастала, забытая всеми. Судьба ее изменилась после воцарения на русском престоле ее тетки Анны Иоанновны. К девочке были приставлены опытная воспитательница мадам Адеркас, в которой нашли «благоразумие, прелесть души, начитанность и высокое умственное развитие», и бывший секретарь Медицинской канцелярии при Российской Академии наук К. И. Геннингер. Повзрослев, Елизавета превратилась в избалованную, тщеславную светскую девицу. Вскоре у нее случился роман с молодым и привлекательным саксонским послом Морицем Линаром.

В сложившейся ситуации императрице пришлось срочно подыскивать жениха повзрослевшей наследнице. Выбор пал на племянника австрийского императора Антона Ульриха Брауншвейгского (1714–1744 гг.). В 1733 г. он прибыл в Россию, но невесте не понравился. Анна с первого же взгляда невзлюбила своего суженого — юношу невысокого роста, женоподобного, заику, очень ограниченного, но скромного, с характером мягким и податливым. Поэтому втайне от всех она продолжала встречаться с Линаром, пользуясь посредничеством Геннингера. Связь вскрылась летом 1735 г. Прознав про это, императрица лично отхлестала племянницу по щекам и позаботилась о том, чтобы Линар был срочно отозван из России. Замешанный в эту историю учитель принцессы Геннингер лишился своего места.

3 июля 1739 г. состоялась свадьба Анны Леопольдовны и Антона Ульриха. А 12 августа 1740 г. у молодых супругов родился сын Иван. Манифест, которым императрица определила своим наследником Иоанна Антоновича, был подписан 5 октября 1740 г. Причем, согласно этому документу, до его совершеннолетия нужно было назначить регента. После сложных переговоров в узком кругу приближенных к Анне Иоанновне лиц, им был назначен Бирон. Однако решение это оставалось неофициальным до того момента, пока генералитет и сенаторы специальной челобитной не подтвердили его. 16 октября 1740 г. оно было оформлено законодательно, а на следующий день Анна Иоанновна скончалась в возрасте 47 лет.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002.
2. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
3. *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998.
4. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001.
5. *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012.
6. *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (История Брауншвейгского семейства в России). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.
7. *Павленко Н.И.* Страсти у трона. М., 1996.

Глава VI

РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА (ОТ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ ДО ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ)

Получив власть, Бирон, тем не менее, не чувствовал себя в достаточной степени безопасности. Поэтому от лица малолетнего императора он издал несколько указов, дарующих народу и своим сановникам ряд милостей. Среди них был издан Манифест о правом суде, приостановлены все казни по уже вынесенным приговорам и освобождены от наказаний многие категории преступников (кроме убийц, казнокрадов и разбойников). Была снижена на 17 копеек подушная подать. Стремясь получить расположение армии, регент распорядился разрешить солдатам надевать шубу при несении караула зимой, а солдатские шляпы заменил картузом с наушниками. Также было издано распоряжение ограничить роскошь при Дворе. Отныне придворным было запрещено носить платья из материала дороже 4 рубля за аршин.

Однако же, предпринятые меры не возымели должного действия. Личностью регента была недовольна гвардия, семья наследника и даже немецкая партия при Дворе, считавшая, что опекать наследника должен не Бирон, а его отец — Антон Ульрих. Считая угрозу, исходящую от семьи малолетнего императора, наиболее опасной для себя, Бирон всячески ущемлял родителей государя. Это касалось их содержания, ограничений в контактах и выездов в свет, а также постоянных угроз отнять у них царственного младенца.

Анна Леопольдовна искала защиты у Миниха, который был на тот момент главнокомандующим армии, склоняя его к военному перевороту. В конце концов ей удалось убедить фельдмаршала действовать. В ночь с 8 на 9 ноября 1740 года, Миних с отрядом гренадеров Петербургского гренадерского полка арестовал Бирона с его ближайшими родственниками. Произошел очередной государственный переворот. В этот же день был объявлен манифест об отрешении Бирона от регентства и о назначении до совершеннолетия Иоанна VI правительницей России Анны Леопольдовны с титулом Великой княгини и Императорского Высочества.

Но политическая биография Эрнеста Иоганна Бирона на этом не закончилась и имела еще длинное и весьма витиеватое продолжение. Он был предан спешно собранному суду. Главные обвинения против него сводились к «захвату» регентства, «небрежении» о здоровье покойной государыни, желанию удалить царскую фамилию из России с целью завладеть престолом и притеснению русских. Обилие в обвинении более «мелких» прегрешений позволило французскому посланнику при русском Дворе маркизу де Шетарди язвительно заметить, что «ему было поставлено в вину все и даже то, что он принимал награды и подарки от покойной императрицы».

Суд приговорил бывшего герцога Курляндии к смертной казни. Однако в честь восшествия на престол Анны Леопольдовны, казнь заменили пожизненной ссылкой в город Пелым Тобольской губернии. Но добравшись до места назначения, опальный фаворит пробыл там в общей сложности всего пять недель. Ему разрешили вернуться в Европейскую часть России, а местом ссылки был назначен Ярославль. Здесь Бирон и прожил следующие 22 года.

Более того, пришедшая к власти императрица Елизавета Петровна сохранила за ним по соображениям внешнеполитического характера титул герцога Курляндии. В 1762 г. император Петр III вернул его из ссылки, а Екатерина II фактически вверила Бирону власть в Курляндии, отправив его туда. В благодарность за это герцог до конца своих дней оставался верным и преданным вассалом Российской империи. По случаю смерти Бирона в 1772 г. при императорском Дворе был объявлен восьмидневный траур.

Но вернемся к Анне Леопольдовне. Провозгласив себя императрицей-регентшей, она, по-видимому, полагала, что основное дело сделано и теперь можно почивать на лаврах. Большую часть времени она проводила во внутренних покоях своего дворца, по слухам, играя в карты. Развязав себе окончательно руки, Анна Леопольдовна вспомнила об увлечениях юности. Мориц Линар в качестве полномочного посла курфюрста Саксонии вновь прибыл в Петербург, имея поручение склонить новую русскую императрицу к военному и политическому союзу с Австрией. Чтобы удержать Линара при себе, Анна Леопольдовна пожаловала ему чин обер-камергера и задумала женить его на любимой фрейлине Юлиане Менгден. Не посмев отказаться от подобной чести, Линар отправился в Дрезден просить об отставке. Однако же, получив ее, на обратном пути в Россию он узнал о том, что его покровительница в Петербурге уже низложена.

Антон Ульрих указом 11 ноября 1740 г. получил чин генералиссимуса, что, впрочем, никоим образом не сказалось на росте его влияния в армии и при Дворе. Настоящим бенефициаром свершившегося переворота стал фельдмаршал Миних, который, будучи главнокомандующим армией и Президентом Военной коллегии не только едино-

лично распоряжался войсками, но и вмешивался постоянно в дела гражданского управления и внешней политики. Кроме того, в верхах произошли значительные изменения. А. И. Остерман был отстранен от управления коллегией Иностранных дел, но в качестве утешительного приза был пожалован чином генерал-адмирала. Канцлером был назначен князь А. М. Черкасский, а вице-канцлером граф М. Г. Головкин (сын сподвижника Петра Великого Г. И. Головкина). Этим двоим была поручена сфера внутренней политики.

Это правительство за короткое время правления Анны Леопольдовны провело ряд мероприятий. Первым и очевидным шагом стала политическая амнистия лиц, пострадавших во время «бироновщины». На первых порах снизилась интенсивность работы Тайной канцелярии. Своим указом 1740 г. правительница разрешила подданным подавать жалобы на работу коллегий и Сената, которые должна была рассматривать специальная комиссия. С января 1741 г. все государственные учреждения были обязаны представить в Сенат сведения о своих расходах для составления новых штатов. В марте 1741 г. была создана комиссия для рассмотрения государственных доходов.

В правление Анны Леопольдовны улучшилось положение русской церкви, ибо императрица оказывала финансовую помощь монастырям, делала богатые вклады и пожертвования. Приговоренным к смертной казни «инородцам» даровалось прощение при условии принятия крещения.

Несколько укрепившись на престоле, Анна Леопольдовна попыталась ограничить влияние Миниха на принятие политических решений. Благо старый фельдмаршал был по-солдатски прост и прямолинеен, не желая подстраиваться ни под кого из представителей Брауншвейгского семейства. Согласия же между Анной Леопольдовной и мужем не было, а ее отношения с саксонским послом Линаром были широко известны далеко за стенами дворца. Поэтому авторитет правящей семьи в гвардии и армии был крайне низок, зато Миних пользовался уважением в войсках. Кроме того, он полагал, что русскую внешнюю политику надо как минимум переориентировать с обслуживания интересов Австрии и иметь более тесные отношения с Пруссией.

В начале января 1741 г. ему было предписано сноситься по всем делам с генералиссимусом Антоном Ульрихом, а с 28 января того же года — ограничить сферу своих занятий сухопутной армией, артиллерией и фортификацией. Внешние же сношения были вновь поручены А. И. Остерману. Миних был взбешен. Он предпринял, как он думал, ловкий маневр — подал прошение об отставке и... получил ее. Указом 3 марта 1741 г. престарелый полководец увольнялся «от всех военных и статских дел».

Дальнейшая судьба этого военачальника драматична, но имеет вполне счастливый конец. После дворцового переворота 1741 г., при-

ведшего к власти Елизавету Петровну, отошедший было от дел Миних вместе с Остерманом был предан суду по целой серии ложных обвинений, включая пособничество Бирону, мздоимство, казнокрадство и государственную измену. По совокупности их он был приговорен к смертной казни. Направляясь под конвоем к месту экзекуции, Миних сохранял бодрость духа, разговаривал с сопровождавшими его офицерами, вспоминал о войне и привычной для военного человека готовности к смерти. Уже на эшафоте он услышал новый приговор: казнь была заменена ссылкой в Сибирь. Местом ее был определен все тот же город Пелым, где опальный фельдмаршал пробыл еще двадцать лет.

Он, тем не менее, не давал воли унынию. занимался физическим и умственным трудом, выращивал овощи, обучал детей грамоте, сочинял разные инженерные и военные проекты (остававшиеся, впрочем, без всякого применения). Время от времени Миних направлял свои предложения в столицу (среди прочих, было предложение назначить его сибирским губернатором). Но все они оставались без ответа до 1762 г., когда новый император Петр III возвратил 78-летнего Миниха в Петербург, вернув ему все чины и награды, и включил в Императорский совет. Изначально Миних поддерживал начинания нового самодержца, но со временем стал сомневаться в его правоте. Однако же во время самого переворота он был среди тех немногих, кто сохранял верность Петру III вплоть до его отречения.

После переворота Екатерины II Миних принес ей присягу и был назначен Ревельским губернатором, с присовокуплением ему начальства над Ревельским, Кронштадтским и другими портами на Балтике, а также Ладожским каналом. В самом конце жизни, как и хотел, он был назначен губернатором Сибири с постоянным пребыванием в столице. Фельдмаршал, граф Бурхард Миних скончался в 1767 г. и был погребен в своем имении Луниа близ Дерпта.

Тем временем международная обстановка в Европе претерпела существенные изменения. В 1740 г. сразу в двух европейских столицах, игравших важную роль в международных отношениях XVIII в., сменились обладатели престолов. В Берлине по смерти короля Фридриха-Вильгельма I прусский трон занял молодой Фридрих II, а в Вене в силу Прагматической санкции[1], императорскую корону унаследовала Мария Терезия. Ее права на наследные земли Габсбургов были признаны большинством стран Европы. Но не всеми. Фридрих II первый пренебрег условностями и 22 декабря 1740 г. оккупировал Силезию, отторгнув ее от Австрии. Вслед за ним баварский курфюрст Альбрехт, саксонский курфюрст Август III и король Сардинии Карл Эммануил

[1] Прагматическая санкция — Закон о престолонаследии, принятый императором Священной Римской империи Карлом VI, объявлял нераздельными все владения Габсбургов, а право их наследования передавал старшей дочери короля Марии Терезии.

также выступили с претензиями на различные части Священной Римской империи. Началась длительная Война за австрийское наследство.

Трудным положением новой австрийской императрицы решила воспользоваться Франция, которая в союзе с Баварией ввела свои войска в Верхнюю Австрию. В этой ситуации Мария Терезия обратилась за помощью к странам, признававшим Прагматическую санкцию. Из всех европейских государств помощь решила оказать лишь Россия. Анна Леопольдовна пообещала венскому Двору выставить русский экспедиционный корпус численностью 40 000 человек.

Стремясь сорвать эти планы, Франция, находившаяся в союзных отношениях со Швецией, убедила ее начать войну с Россией. Официально война была объявлена 13 августа 1741 г. Примечательно, что, обосновывая свое нападение, шведы выступали под лозунгом освобождения России от «немецкого засилья». Хотя было совершенно очевидно, что истинной их целью была ревизия итогов Северной войны. 23 августа 1741 г. русская армия под командованием генерала Петра Ласси разгромила шведские войска в сражении при крепости Вильмастранде в Финляндии. Во время штурма крепости ее командующий генерал К. Врангель вместе со своим штабом и большей частью оборонявших крепость шведских войск, попали в плен. Боевые действия на время прекратились.

Победа при Вильмастранде оживила русский Двор и усилила придворное влияние А. И. Остермана, как сторонника австрийской ориентации русской внешней политики. Но ненадолго. Не без помощи противостоящих Австрии внешних игроков, в борьбу за престол включился новый претендент — дочь Петра Великого Елизавета Петровна.

Младшая, и, по слухам, самая любимая дочь Петра Елизавета Петровна (1709–1761 гг.) родилась 29 декабря 1709 года на следующий день после начала официальных торжеств в Москве в честь победы русской армии под Полтавой. Царю сообщили об этом, когда он присутствовал на торжественном вступлении своих победоносных войск в Первопрестольную. Получив известие, Петр остановил шествие и воскликнул: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с пришествием в этот мир мою дочь!». Началось трехдневное празднество по случаю рождения ровесницы Полтавской Виктории, нареченной именем Елизавета.

В связи с тем, что чудесное превращение простолюдинки Марты Скавронской в супругу русского императора состоялось лишь в 1711 г., а ее интронизация в качестве императрицы еще позже — в 1724 году, — до этого момента Елизавета, как и старшая дочь Петра Анна, находились в статусе незаконнорожденных детей. Затем они получили статус царевен, а затем Елизавета была провозглашена цесаревной — т.е. наследницей престола. Ее прочили в невесты французскому ровеснику — королю Людовику XV. Однако, несмотря на переговоры, которые

велись заинтересованными сторонами, этому браку было не суждено состояться. В равной степени оказались неудачными и другие брачные проекты.

В этих планах Елизавета могла стать женой Морица Саксонского, принца Георга Английского, Карла Бранденбург-Байрейтского и даже (с подачи А. С. Остермана) собственного племянника Петра II. Наконец, в 1726 г. портрет Елизаветы был послан Карлу-Августу Голштинскому, принцу Голштейн-Готтропского дома. Образ русской цесаревны его заинтересовал, и Карл-Август даже направился в Петербург для знакомства с ней. Как можно судить, он пришелся ко двору и даже приглянулся как матери, так и дочери. По крайней мере, известно, что, умирая, Екатерина I наказала Елизавете не тянуть с браком. Однако же в разгар приготовлений к свадьбе, жених заболел и скоропостижно скончался, не дойдя до алтаря. После этого удара Елизавета примирилась с перспективой незамужней жизни.

Ни одно из перечисленных выше матримониальных усилий русской короны, таким образом, не увенчалось успехом, но, они прекрасно объясняют изъяны и особенности полученного цесаревной Елизаветой образования. Под руководством дипломата И. П. Веселовского она в совершенстве овладела только французским языком. Второй обязательной составляющей образования дочери Екатерина I считала умение танцевать. С 1716 г. при Дворе появился французский учитель танцев. Это было естественным образом связано с желанием родителей Елизаветы породниться с Бурбонами. Она делала известные успехи в хореографии. Когда в 1723 г. по знаменитому указу Петра были введены ассамблеи, Анна и Елизавета, подавая пример подданным, явились туда в платьях, вышитых золотом и серебром, в головных уборах, блиставших бриллиантами. Уже тогда присутствующие восхищались умением младшей из сестер танцевать. Кроме легкости в движениях, она отличалась находчивостью и изобретательностью, беспрестанно выдумывая новые фигуры.

В остальных науках успехи будущей русской императрицы были куда скромнее. Она никогда не читала, увлекалась охотой и верховой ездой, (чем, как известно, пленила своего племянника Петра II). Широко известен факт, например, что уже в зрелом возрасте, она не знала, что Британия есть остров.

Французский посланник де Леви отмечал, что Елизавета могла бы назваться совершенной красавицей, если бы не ее курносый нос. В бытность ее императрицей, этот недостаток тщательно скрывался придворной цензурой: на всех ее портретах форма носа приобретала более благообразный вид. Несмотря на это, современники находили Елизавету весьма привлекательной.

Предоставленная в царствование Петра II сама себе, живая, приветливая, царевна всецело отдалась вихрю веселья и увлечений. Что

было важно, она практически не принимала участия в придворной борьбе за власть. Этим она долгое время счастливо избегала внимания к себе как потенциальная претендентка на трон. Все ее помыслы были о развлечениях, моде и любовных похождениях.

Сердце свое она отдала простому украинскому казаку, певчему Алексею Розуму, более известному в российской истории как Алексей Разумовский. Он родился в 1709 г. в селе Лемеши под Черниговом. В детстве был обучен грамоте, убежал из дома и осел в соседнем селе Чемер, где жил у местного дьячка и пел в церковном хоре. Там на молодого красивого певчего с прекрасным голосом обратил внимание полковник Ф. С. Вишневский, набиравший хористов для придворной капеллы, и взял юношу с собой в Петербург. В столице парня представили обер-гофмаршалу Р. Левенвольде, и тот поместил его в дворцовый хор императрицы Анны Иоанновны. Довольно скоро под именем Алексея Григорьева он оказался в списке Двора цесаревны Елизаветы Петровны. Став фаворитом цесаревны, Разумовский получил должность управляющего ее имениями, затем чин камер-юнкера и стал полновластным распорядителем ее Двора. К нему обращались с просьбами знатные вельможи, и он, по-видимому, не без успеха использовал свое влияние на цесаревну. В личном плане он был человеком веселым, добродушным и бесхитростным.

В оправдание этой связи, которую многие в свете не одобряли, я хотел бы сослаться на мнение такого знаменитого «эксперта» в области мужской красоты, как будущая императрица Екатерина II. А она сообщает в своих дневниках, что Алексей Разумовский был одним из красивейших мужчин, каких она встречала в своей жизни. После переворота 1741 г. бывший певчий превратился в генерал-поручика и действительного камергера. В день коронации Елизаветы Петровны был издан указ, по которому Разумовский стал кавалером ордена Андрея Первозванного, обер-егермейстером, подполковником лейб-гвардии Конного полка, капитан-поручиком лейб-кампании[1] и владельцем многих тысяч крестьянских душ. Надо отдать должное Алексею Григорьевичу, он прекрасно знал цену этим монаршим милостям. Так, получив как-то от Елизаветы очередной чин, он высказал ей благодарность и добавил: «Лиза, ты можешь сделать из меня что хочешь, но ты никогда не заставишь других считаться со мной серьезно, хотя бы как с простым поручиком».

Есть туманные свидетельства того, что в 1742 г. в подмосковном селе Перово состоялось тайное венчание императрицы с Алексеем Григорьевичем. После этого Разумовский поселился в дворцовых апартаментах, смежных с покоями императрицы.

[1] Этот чин соответствовал чину генерал-поручика в гвардии.

Придя к власти, Анна Иоанновна установила за Елизаветой постоянный негласный надзор. Б. Миних по поручению императрицы поместил к ней в дом урядника Щегловитого, который доносил, кто бывал у цесаревны и обо всех ее перемещениях. Елизавета не могла не знать, что за ней наблюдают, поэтому жила довольно уединенно, среди своего маленького двора. В него входили: две ее кузины из рода Скавронских, которым она оплачивала образование и пыталась подобрать достойную партию, до определенного времени — поручик Преображенского полка Алексей Яковлевич Шубин (о его печальной судьбе мы говорили в предыдущей главе), Алексей Разумовский, камер-юнкеры Михаил Воронцов и Петр Шувалов, а также будущая жена последнего, Мавра Шепелева. Наконец, важную роль в возвышении Елизаветы сыграл и лейб-медик, француз Иоганн Лесток, ставший организатором заговора, имевшего целью привести ее к власти.

Кроме того, важным центром движения в пользу дочери Петра были казармы Преображенского полка, куда Елизавета часто наведывалась «без этикета и церемоний», ссужая гвардейцев деньгами, устраивая помолвки, выступая крестной матерью детей офицеров, справляя именины и пр. Солдаты не называли ее иначе, как «матушка». Она в свою очередь называла их «дети мои». Еще в 1737 г. правительство Анны Иоанновны казнило прапорщика Преображенского полка А. Барятинского за намерение поднять «человек с триста друзей» ради Елизаветы. Фельдмаршал Б. Миних вспоминал, что, когда он арестовывал Бирона, гвардейцы, действовавшие под его командованием, были уверены, что власть должна перейти именно к Елизавете Петровне. Таким образом, популярность цесаревны в гвардейской среде не была ни для кого секретом.

Активизации заговора способствовало обострение внешнеполитической ситуации: разгром шведской армии при Вильмастранде понуждал Францию действовать в интересах своего шведского союзника. Шведы же исходили из того, что какой-нибудь переворот в Санкт-Петербурге может сильно повлиять на весь ход русско-шведской войны. Ну а начавшаяся Война за австрийское наследство ставила перед французской дипломатией задачу способствовать переориентации проавстрийской российской внешней политики, зримо воплощаемой фигурой А. И. Остермана. Словом, французскому послу в Санкт-Петербурге маркизу де Шетарди были даны указания склонить Елизавету Петровну к государственному перевороту. Его конфидентом при дворе Елизаветы и стал Иоганн Лесток.

О том, что вокруг цесаревны сложился заговор, Анну Леопольдовну предупреждали австрийские и прусские дипломаты. В ноябре 1741 г. А. И. Остерман получил донесение своих агентов в Силезии, в котором сообщалось, что заговор сложился и готов к осуществлению. Показав это письмо правительнице, генерал-адмирал потребовал арестовать

Лестока, к которому шли все нити заговора. Вместо этого, Анна Леопольдовна на очередном куртаге 23 ноября 1741 г., прервав карточную игру, встала из-за стола и, держа в руках письмо, пригласила Елизавету в соседнюю комнату. О чем они говорили — неизвестно, но обе дамы вышли к гостям весьма взволнованными, что тотчас отметили присутствовавшие дипломаты. Этот знаменательный разговор стал отправной точкой нового дворцового переворота. Елизавета поняла, что медлить далее нельзя.

Вернувшись домой, она собрала своих сторонников на совещание, на котором было решено произвести переворот вечером следующего дня. Предусмотрительность этого шага подтвердилась, поскольку на другой день гвардейские полки получили приказ выступить из Петербурга на войну со шведами. Перед выступлением солдаты гренадерской роты Преображенского полка успели предупредить цесаревну, что она остается один на один со своими врагами. Оставшиеся еще в казармах солдаты подтвердили свою готовность выступить за нее. Напуганная грозящей опалой, Елизавета приняла окончательное решение действовать.

К вечеру следующего дня Иоганн Лесток через своих агентов, которые наблюдали за Минихом и Остерманом, получил сообщение, что ничего подозрительного в поведении обоих не видно и поспешил к Елизавете. Он застал цесаревну за молитвой перед иконой Богоматери. Впоследствии было высказано предположение, что именно в эту минуту она дала обет отменить в России смертную казнь в случае удачи опасного предприятия. В соседней комнате собрались ее приближенные.

Наконец, выйдя из своей комнаты, Елизавета облачилась в мундир полковника Преображенского полка и гвардейскую кирасу, села в сани и в сопровождении других участников заговора поехала в казармы полка. Там она обратилась к гвардейцам с вопросом: готовы ли солдаты отдать за нее жизнь. В ответ последовало громогласное «Клянемся, матушка!».

Дальше события развивались стремительно. Оставив сани на Адмиралтейской площади, Елизавета в сопровождении трехсот гвардейцев направилась к Зимнему дворцу. Из-за метели цесаревне было трудно идти, и солдаты практически на своих плечах внесли ее в Зимний дворец. Находившаяся в кордегардии охрана сразу перешла на сторону мятежников. Гренадеры устремились в императорские покои на втором этаже, разбудили, вытолкали прикладами и арестовали Анну Леопольдовну и Антона Ульриха. Однако не все так гладко прошло при «аресте» годовалого императора. Солдатам был дан строгий приказ арестовать его только, когда он проснется. Около часа они молча простояли у колыбели, пока мальчик не открыл глаза. Увидев вокруг себя незнакомых людей, он заплакал. Венценосного младенца отнесли к Елизавете

Петровне, которая, по уверению очевидцев, взяв его на руки, сказала: «Малютка, ты ни в чем не виноват!» и, продолжая держать младенца на руках, подписала Манифест о своем восшествии на престол. Поднятые по тревоге и построенные на площади перед Зимним дворцом гвардейские полки приняли присягу новой императрице. За войсками последовали спешно собранные высшие чины гражданской администрации и Двора. Новый дворцовый переворот совершился.

На следующий день был обнародован второй, более пространный Манифест о вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны. В нем напоминался порядок престолонаследия, который был установлен «Тестаментом» Екатерины I. Согласно ему, по смерти Петра II императорская корона должна была перейти к Елизавете Петровне. Манифест возлагал основную вину за плачевное положение дел в стране на «немецкое засилье» при русском Дворе и обещал всем причастным к этому засилью заслуженное наказание. Эти заявления были с ликованием восприняты широкими кругами русского общества: от гвардии до простого народа. Под ликование толпы на улицах столицы начался спешный отъезд иностранцев, особенно немцев, из России.

Был организован показательный суд над наиболее очевидными представителями «немецкого засилья». О судьбе фельдмаршала Бурхарда Миниха мы уже говорили. Компанию ему составили Андрей Иванович Остерман, Рейнгольд Левенольде и бывший вице-канцлер Михаил Гаврилович Головкин. Этот процесс вошел в историю русского судопроизводства уже тем, что впервые вершился без пыток. Несмотря на то, что обвинения подсудимым во многих своих частях были весьма сомнительными, и все осужденные были приговорены к смертной казни, в последний момент они все были помилованы, а смертная казнь заменена на ссылку. Вообще же, надо отметить, что, дав в ночь перед своим восшествием на престол обет не подписывать смертных приговоров, Елизавета держала его все двадцать лет своего пребывания на троне.

А. И. Остерман с женой был сослан в Березов, где и скончался в 1747 г. Все пять лет своей ссылки этот сын вестфальского пастора провел в одиночестве, никого не принимая, страдая подагрой и утешая себя чтением Библии. Все это время два его сына продолжали служить в русской армии, причем младший после 1757 г. был переведен на дипломатическую службу и сделал на этом поприще неплохую карьеру.

Рейнгольд Левенольде был сослан в Соликамск и умер там в 1758 г. Что же до М. Г. Головкина, то он оказался в зимовье Германг Якутской области в Сибири. Жену его, урожденную княгиню Ромодановскую, Елизавета помиловала, но верная супруга последовала в Сибирь за своим мужем. В ссылке Головкины пробыли 13 лет. Умер Михаил Гаврилович в 1754 г. Еще год спустя его жена получила высочайшее разрешение вернуться в европейскую часть России, что она и сделала,

привезя с собой гроб с останками мужа и похоронив его в Георгиевском монастыре в Москве.

Дальнейшая судьба Брауншвейгского семейства изобиловала драматическими поворотами. Сначала Елизавета согласилась отпустить его в полном составе за границу. 12 декабря 1741 г. Иоанн Антонович и его родные в сопровождении генерал-полицмейстера В. Ф. Салтыкова были отправлены в Ригу. Однако же, когда они прибыли туда, были взяты под стражу и отправлены в крепость Динамюнде. Здесь Анна Леопольдовна разрешилась от бремени дочерью. В январе 1744 г. семью перевели в город Ранненбург Рязанской губернии. В том же году был раскрыт заговор в пользу Иоанна Антоновича, в связи с чем его отделили от родителей и содержали в строжайшей изоляции.

Анна Леопольдовна и Антон Ульрих с семьей были срочно отправлены на Соловки, однако начавшийся ледостав помешал доставить их к месту назначения и местом ссылки семьи были определены Холмогоры. В изгнании супруги помирились и прижили еще двух сыновей. Анна Леопольдовна скончалась при родах в 1746 г. К моменту смерти ей было 28 лет. Тело ее было доставлено в Санкт-Петербург и похоронено в Александро-Невской лавре.

Антон-Ульрих Брауншвейгский пережил жену на 30 лет и скончался в возрасте 60 лет в 1774 г. в Холмогорах. После восшествия на престол Екатерины II, ему было предложено помилование в случае, если он уедет из России, оставив детей в Холмогорах. Но он предпочел неволю с детьми свободе одиночества.

Иоанн Антонович, которого теперь по повелению императрицы приказано было именовать Григорием, прожил в полной изоляции в Холмогорах 13 лет. 31 декабря 1741 г. был издан специальный указ о сдаче населением всех монет с его прежним именем для переплавки. Через некоторое время монеты перестали принимать по номиналу, а с 1745 г. их хранение стало рассматриваться как преступление. Было приказано также уничтожить все его портреты и заменить деловые бумаги, паспорта, церковные книги и прочие документы, где имелось его имя. Экс-императора содержали в одиночестве и строжайшей тайне. Все, знавшие о нем, были связаны клятвой молчания. Только в случае опасной болезни к Иоанну было позволено допустить священника. Говорить мальчику, кто он, было запрещено, как и запрещалось учить его грамоте. Но, несмотря на это, Иоанн, как показали дальнейшие события, знал свое происхождение и называл себя государем. Вопреки запрету он был обучен грамоте и ему разрешено было читать Библию.

Распространившиеся слухи о пребывании Иоанна Антоновича в Холмогорах заставили правительство в 1756 г. тайно перевезти его в Шлиссельбургскую крепость, где он был помещен в одиночную камеру № 9. Доступ к бывшему императору был разрешен только трем офицерам. Даже комендант крепости не знал имени своего узника.

В 1759 г. у Иоанна Антоновича были обнаружены признаки психических отклонений. Он часто был раздражителен, подозрителен, бросался с кулаками на охрану, много разговаривал сам с собой. От припадков буйства его удерживали, лишая еды и одежды.

С воцарением Петра III положение узника не улучшилось. Наоборот, секретная инструкция предписывала охране «Если арестант станет чинить какие-то непорядки или вам противности... то сажать его на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить его по вашему рассмотрению палкой или плетью. Буде же сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколь можно и арестанта живого в руки не давать». По воцарении Екатерины II в 1762 г., она виделась с шлиссельбургским узником и сочла его сумасшедшим. Тогда же к вышеприведенной инструкции ее рукой была сделана приписка: «Буде же так оная сильна рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живого его никому в руки не отдавать».

В ночь с 15 на 16 июля 1764 г. подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович, служивший в крепости, предпринял попытку освобождения Иоанна Антоновича и провозглашения его императором. Склонив с помощью подложных манифестов на свою сторону часть гарнизона, он арестовал коменданта и потребовал выдачи государственного преступника. Приставленные к Иоанну офицеры капитан Власьев и поручик Чекин сначала отбивались от Мировича, но потом, когда тот стал готовить пушку, чтобы разбить двери, закололи узника, согласно инструкции. После следствия Мирович был казнен.

Братья и сестры Иоанна Антоновича до 1780 г. продолжали жить в Холмогорах. Наконец, по просьбе датской королевы Юлианы-Марии (сестры Антона Ульриха) Екатерина II решилась облегчить их участь, выслав в Данию. 27 июня 1780 г. они были доставлены в Новодвинскую крепость, а в ночь 30 июля на фрегате «Полярная звезда» отплыли от берегов России, щедро снабженные одеждой, посудой и прочими необходимыми вещами. Екатерина II назначила каждому из детей пожизненную пенсию в 8000 рублей, которая выплачивалась пока не умерла последняя из принцесс русского Брауншвейгского дома. В августе 1803 г. молодой русский император Александр I получил странное письмо, пришедшее как будто из прошлого. Оно прибыло из Дании от принцессы Екатерины Антоновны. В нем на плохом русском языке она умоляла забрать ее домой. Принцесса жаловалась, что датские слуги, пользуясь ее болезнями, грабят ее. «Я каждый день вспоминаю Холмогоры, — писала она царю, — потому что там для меня был рай, а здесь — ад». Но русский император молчал. И, не дождавшись ответа, последняя дочь несчастной брауншвейгской четы умерла 9 апреля 1807 г.

О правлении Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) современники отзывались по-разному. Кто-то восхищался ее простотой, добротой и желанием продолжать политику своего отца. Кто-то осуждал за безграмотность, праздность, расточительство, любовь к увеселениям, легкомысленность. Несмотря на эти, противоположные мнения, нам следует отметить, что в правление этой императрицы все же был предпринят ряд мер, способствовавших развитию отдельных областей жизни России и страны в целом.

Начнем с того, что елизаветинское время отличала гораздо большая, нежели прежде, гуманность: не приводились в исполнение смертные приговоры, перестала свирепствовать Тайная канцелярия, отошли в прошлое изощренные пытки и истязания, характерные для практики следствия по «слову и делу государеву» предшествующих эпох.

Был упразднен Кабинет министров. Вместо него в 1741 г. возникла новая институция — Конференция при Высочайшем дворе. В ее работе участвовали руководители военного и дипломатического ведомств, а также лица, специально приглашенные императрицей. Постоянными членами (конференц-министрами) этого органа стали: канцлер князь А. М. Черкасский, вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н. Ф. Головин и князь Б. И. Куракин. Состав и значение Конференции сильно расширились в период Семилетней войны. Тогда в состав Конференции были кооптированы: вице-канцлер М. И. Воронцов, сменивший на этом посту А. П. Бестужева-Рюмина. Последний стал канцлером вместо князя Черкасского. Кроме них конференц-министрами стали генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, генерал С. Ф. Апраксин, новый президент Адмиралтейств-коллегии М. М. Голицын, сенатор А. Б. Бутурлин, а также фавориты императрицы братья Шуваловы.

Несмотря на то, что Конференция по своему статусу была выше Сената, в деятельности этого старого петровского органа также произошли существенные изменения. Сенат был восстановлен в прежнем «петровском» статусе и получил право законодательной инициативы. Также было восстановлено значение в государственном управлении ряда петровских коллегий: Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии и Главного магистрата. В то же время местное управление осталось в тех же формах, в которых оно функционировало при Петре.

Среди экономических мероприятий елизаветинского правительства наибольшее значение имеет ликвидация в 1754 г. внутренних таможен и пошлин с одновременным увеличением пошлин на иностранные товары. Эта мера способствовала развитию товарно-денежных отношений в стране и формированию единого общероссийского рынка. В благодарность за это московское купечество преподнесло императрице дорогой алмаз и крупную сумму денег.

Для поддержки дворянства правительство инициировало учреждение в 1754 г. Дворянского заемного банка. Его отделения находились в Санкт-Петербурге и Москве. Этот банк предоставлял дворянам недорогой кредит (на условиях 6% годовых), который выдавался под залог имения на сумму до 10 000 рублей. В 1755 г. для поддержки помещичьих хозяйств винокурение было объявлено исключительной монополией дворянства.

В социальной политике продолжалась тенденция на расширение прав дворянства. В 1746 г. за дворянами было закреплено право владеть землей и крестьянами. В 1760 г. помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь на поселение с зачетом их вместо рекрутов. Крестьянам было запрещено вести денежные операции без разрешения помещика. В 1755 г. заводские крестьяне были закреплены в качестве постоянных (посессионных) работников на уральских заводах. Как следствие этих мер, в правление Елизаветы зафиксировано более 60 волнений только монастырских крестьян, а в период 1754–1764 гг. волнения наблюдались на 54 заводах Урала, в которых участвовало 200 тыс. приписных крестьян.

Вместе с тем слабая организация власти на местах способствовала общему росту преступности и нарушений общественного порядка даже в крупных городах. Ярким примером этого стало расследование, проведенное специальной комиссией начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова в связи с подозрительно частыми пожарами в Москве в 1748 г. Дознание установило рукотворный характер этих поджогов и связь их с чинами московской полиции. В центре этих криминальных разборок находился доноситель московского Сыскного приказа Иван Осипов, имевший в преступных кругах Первопрестольной кличку Ванька Каин.

Сын крестьянина села Иваново Ростовского уезда Ярославской губернии, он родился в 1718 г. и 13 лет от роду был привезен в Москву на господский двор. Обокрав своего барина, Ванька бежал из Москвы, но был пойман и возвращен обратно. Тогда он донес на своего хозяина. Видимо, донос был сочтен полезным, потому что Ванька получил свободу и тут же очутился «под Большим Каменным мостом», где традиционно собирался цвет московского криминального мира. После целого ряда похождений в Первопрестольной, он счел свое пребывание там опасным и отправился на Волгу, где примкнул к понизовой вольнице. Там он разбойничал в шайке известного атамана Михаила Зари.

В конце 1741 г. Осипов вновь очутился в Москве, явился в Сыскной приказ и объявил, что он, Ванька, сам вор, знает других воров и разбойников не только в Москве, но и в других городах и предлагает свои услуги к их поимке. Это предложение московскими полицейскими властями было оценено по достоинству, и Иван Осипов был принят на службу на специально созданную для него должность доносителя

Сыскного приказа. В распоряжение нового сотрудника была дана военная команда. За этот свой кульбит в московском преступном мире Ванька и удостоился клички Каин: выдавая мелких воришек, он укрывал крупных воров; преследуя раскольников, вымогал у них деньги; открыл в своем доме казино; не останавливался он и перед открытым грабежом. Весь Сыскной приказ, начиная с сотрудников и кончая писцами, оказался с ним в сговоре или потворствовал его проделкам. Под покровительством Ваньки Каина преступность в Москве росла быстрыми темпами и очевидно, что вся эта история должна была плохо кончиться.

Действительно, весной 1748 г. по Москве прокатилась волна разбоев, сопровождавшихся повсеместными пожарами, на которые не могли не обратить внимание и в столице. Из Петербурга в Москву был послан начальник Тайной канцелярии генерал-майор Ушаков, под председательством которого была учреждена особая следственная комиссия. Расследование, проводимое этой комиссией, заставило Каина несколько умерить свои аппетиты. Он продолжал свои грабежи, но уже не так свободно, как прежде. Команда Ушакова, предупреждая поджоги, ловила всех подозрительных людей и приводила их не в Сыскной приказ, а в комиссию. Благодаря этому стали мало-помалу раскрываться все темные дела московских полицейских и лично Ваньки Каина. Убедившись, что весь Сыскной приказ был в сговоре с ним, преемник Ушакова, генерал-полицмейстер Алексей Татищев, ходатайствовал об учреждении по делу Ваньки Каина особой комиссии. Комиссия эта просуществовала с июня 1749 г. по июль 1753 г., когда это дело было передано обратно в Сыскной приказ, весь личный состав которого к тому времени был заменен. Там дело тянулось до июля 1755 г. Утверждают, что, зная, о том, что ему грозит смертная казнь, Каин, чтобы оттянуть приговор, целый год (!), выдавал следователям ежедневно по одному из своих подельников. В конце концов он был приговорен к смертной казни, но, по указу Сената помилован, бит кнутом и сослан в каторгу, сначала в Рогервик, а потом в Сибирь.

Гораздо более впечатляющими и позитивными для дальнейшего развития страны стали меры елизаветинского правительства в области культуры и образования. В июле 1747 г. был принят новый Устав (Регламент) и утверждены новые штаты Санкт-Петербургской Академии наук. Мы обсуждали ранее, что в первые годы своего существования Академия состояла из иностранцев, причем длительное время подготовка национальных научных кадров в России не велась вовсе. Лишь в 1735 г. 12 наиболее способных учеников московской Славяно-греко-латинской академии были направлены в академическую гимназию в Петербург. Среди этих учеников был Михаил Ломоносов (1711–1765 гг.), будущий первый русский академик. В 1736 г. он вместе с двумя другими студентами — Д. И. Виноградовым и Г. У. Рей-

зером — был отобран для отправки в Германию для обучения химии и минералогии. Для общетеоретической подготовки, предваряющей специализацию по горным наукам, вся троица была направлена в Марбургский университет, где под руководством профессора Х. Вольфа они изучали немецкий язык, теоретическую химию, физику, механику, математику. В 1739 г. Ломоносов переехал во Фрейбург, где в местном университете изучал горные науки под руководством профессора И. Ф. Генкеля. В 1741 г. он возвращается в Санкт-Петербург и получает место адъюнкта по физике, а затем после защиты диссертации под названием «О светлости металлов» в 1745 г. становится профессором химии. В том же 1745 г. профессором российской и латинской элоквенции в Академии был избран известный поэт и один из реформаторов современного русского языка В. К. Тредиаковский. Затем среди членов Академии появились и другие русские имена. Этот процесс способствовал становлению и развитию русской национальной науки.

По новому Уставу Академия определялась не только как ученое, но и как учебное заведение, включавшее три подразделения: собственно Академию, университет и гимназию, готовившую к поступлению в университет. Академия наук в то время насчитывала всего десять академиков, двадцать адъюнктов и штат технических сотрудников. Отдельные от Академии профессора и студенты находились в штатах академического университета и гимназии.

Это был существенный, хотя и недостаточный шаг к появлению в России высшего образования. Как показала история, академический университет не смог в полной мере удовлетворить ни потребности Академии в научных кадрах, ни потребности страны в образованных людях. В этом на собственном опыте пришлось убедиться М. В. Ломоносову, который по решению конференции с 1742 г. читал лекции, а в 1758 г. был назначен ректором академического университета. Причиной стало то обстоятельство, что по самому своему происхождению это учебное заведение замышлялось еще Петром Великим как учреждение «корпоративное», служащее утилитарной цели — подготовке и воспитанию будущих русских академиков. Утопический характер этой идеи, в общем, был очевиден и в петровское время, но монарху перечить никто не стал (попробовал бы!). Что же до середины XVIII века, то к этому времени статус, а также карьерные или профессиональные перспективы обладателя диплома о высшем образовании (в отличие, скажем, от офицерских погон) в России были далеко не очевидны. А это снижало ценность образования в глазах потенциальных студентов. Вспомним бессмертные слова фонвизинского Митрофанушки из «Недоросля»: «Не хочу учиться, а хочу жениться!» В этой емкой фразе для молодых людей XVIII в. был заключен гораздо больший смысл, нежели в ее современном прочтении. Удачная женитьба на невесте с большим при-

даным могла обеспечить Митрофанушку на всю жизнь, а вот наличие образования, даже вполне пристойного — нет.

Невозможность реформировать академический университет, как представляется, подвигла М. В. Ломоносова к идее создания настоящего университета вне стен Академии, да и вне стен столицы. В силу того времени этот, безусловно важный и нужный для страны, проект оказался облеченным в форму придворной интриги, в которой важную роль сыграл фаворит Елизаветы Петровны, меценат и благотворитель, камергер Иван Иванович Шувалов (1727–1797 гг.). Они с Ломоносовым были хорошо знакомы. Более того, известно, что Шувалов брал у первого русского академика уроки стихосложения.

Неудивительно, что и вопрос об основании нового учебного заведения в Москве ими активно обсуждался. Один из первых выпускников Московского университета И. Т. Тимковский, которому довелось быть свидетелем подобных споров, вспоминал затем, что М. В. Ломоносов тогда активно упорствовал в своем стремлении устроить новый университет в Москве по образу и подобию Лейденского университета — одного из старейших в Европе. Шувалов же резко возражал против, как он выразился, «вольностей европейской университетской жизни», под которыми он разумел университетскую автономию. Несмотря на все разногласия и споры, в 1754 г. М. В. Ломоносов, написал письмо И. И. Шувалову, в котором был начертан план будущего устройства Московского университета. Послание это было обнаружено историками много позже — в 1825 г., и с тех пор занимает неизменно почетное место во всех собраниях сочинений великого русского просветителя. До этого инициатором и главным основателем Московского университета считался именно И. И. Шувалов.

Проект, начертанный М. В. Ломоносовым, предполагал, что в состав новой образовательной институции должны были входить три факультета: философский, юридический и медицинский. В рамках этих факультетов должны быть организованы 11 кафедр. При университете планировалось открыть гимназию, призванную готовить будущих студентов университета.

Весной 1754 г. в Правительствующий Сенат поступило «Доношение об учреждении в Москве университета и двух гимназий»[1], которое было подано от имени Камергера Ее Императорского Величества Ивана

[1] Поначалу Ломоносовым планировалась при университете лишь одна гимназия. Но поскольку одной из задач нового учебного заведения должно было стать образование дворян, то, в итоге, в проекте было запланировано создание двух гимназий: одной — для дворян, а другой — для всех остальных сословий. Однако жизнь внесла в этот план свои коррективы. Поскольку дворяне в массе своей проигнорировали появившуюся возможность обучения в университете, то при университете была основана лишь одна гимназия — для простолюдинов.

Шувалова. По сути, оно содержало план Ломоносова, изложенный в упомянутом выше письме. 19 июля 1754 г. Сенат утвердил данный документ, после чего вопрос об открытии университета перешел в практическую плоскость. Начались поиски здания, средств, кадров и пр. Для завершения этой просветительско-бюрократической интриги оставалась самая малость. Надо было подписать указ об основании университета.

12 января по старому стилю (25 января по-новому) в день святой мученицы Татианы после сомнений и колебаний, под давлением не только И. И. Шувалова, но и присоединившегося к нему сенатора и конференц-министра П. И. Шувалова, Елизавета Петровна все же подписала Указ об основании Московского университета. Однако потребовалось почти полгода, чтобы университет смог начать работу. С этим событием наша страна, собственно говоря, по-настоящему шагнула в эпоху Просвещения. И. И. Шувалов стал первым куратором Московского университета. О многочисленных научных и культурных следствиях открытия первого классического университета в России мы подробнее поговорим отдельно, когда будем говорить о развитии русской культуры в XVIII в. Здесь же напомним, что с тех пор Татьянин день неизменно отмечается как праздник всех русских студентов.

К основанному Московскому университету следует присовокупить еще одну институцию, возникшую на несколько лет позже, но также изменившую культурный ландшафт России и также существующую поныне. Я имею в виду Императорскую Академию художеств. Честь ее основания принадлежит все тому же И. И. Шувалову. Именно он через два года после открытия Московского университета обратился в Сенат с аналогичным «Доношением о создании особой трех знатнейших художеств академии». Учитывая предыдущий успешный опыт в создании учебных заведений, Сенат пошел навстречу фавориту императрицы, но с известными ограничениями. С 1756 г. началась Семилетняя война, в которую оказалась втянута и Россия. Поэтому денег на создание новой Академии в полном объеме не было. В итоге управление новым учебным заведением было размещено в особняке Шувалова на Садовой улице в Санкт-Петербурге, а занятия первых студентов проходили на базе специально созданных художественных классов при Московском университете в Первопрестольной. Устав и штаты Императорской Академии художеств были утверждены Екатериной II лишь в 1764 г., и в том же году началось строительство здания Академии на Васильевском острове в Петербурге, которое было завершено в 1817 г.

Ну и последнее из области культуры. Своим указом от 30 августа 1756 г. императрица создала Императорский театр и велела перевести в столицу труппу купца Федора Волкова, который давал спектакли в Ярославле с 1750 г. Таким образом, было легализовано

и получило государственную поддержку развитие театрального искусства в России.

Общий контекст международных отношений в период царствования Елизаветы Петровны определялся продолжавшимся соперничеством великих европейских держав за гегемонию на континенте. В первую очередь это касалось австро-французского противостояния. Мы уже говорили, что это противостояние стало одной из причин Русско-шведской войны 1741–1743 гг. Мы остановились тогда на победе русской армии над шведами при Вильманстранде, после чего сторонами было заключено перемирие.

В феврале 1742 г. русская сторона разорвала перемирие. Елизавета Петровна опубликовала в Финляндии манифест, в котором призывала ее жителей не принимать участия в несправедливой войне и обещала свою помощь в случае, если бы они захотели отделиться от Швеции и образовать независимое государство. 13 июня того же года русские войска под командованием П. Ласси вторглись в Финляндию и к 26 августа практически очистили ее от шведов, захватили столицу шведской Финляндии город Або и крепость Гельсингфорс. Балтийский флот все это время поддерживал действия сухопутных сил и участвовал в десантных операциях, но активно в боевые действия не вовлекался.

С января 1743 г. в Або между Швецией и Россией начались мирные переговоры. Абосский мир был заключен 17 июня 1743 г. Согласно его статьям, к Российской империи отошли несколько городов в восточной Финляндии и на берегу Финского залива: Фридрихсгам, Вильманстранда, Нейшлот. Русско-шведская граница проходила теперь по реке Кюмене. Взамен Россия вернула Швеции все остальные территории Финляндии, захваченные в ходе боевых действий.

После окончания войны со Швецией, за спиной которой стояла Франция, Россия закономерно предпочла заключить союз с Австрией. Во многом это было продиктовано еще одним фактором, а именно неожиданным появлением на международной арене нового сильного игрока, каковым стало королевство Пруссия. Это небольшое государственное образование, возникшее из Брандебургского курфюршества, получило независимость лишь в 1701 г. и первые полсотни лет своего существования ничем не выделялось из множества немецких княжеств и земель. Однако, взошедший на престол в 1740 г. молодой амбициозный король Фридрих II (1712–1786 гг.) нарушил устоявшийся баланс сил в Европе. В 1756 г. он оккупировал австрийскую Силезию, после чего территория его королевства увеличилась вдвое, а население — на полтора миллиона человек. Это позволило ему сформировать и вымуштровать армию, насчитывавшую 160 000 штыков. Теперь Фридрих II вынашивал планы завоевания Саксонии, Чехии, Курляндии и Речи Посполитой.

Тем временем обострившиеся донельзя отношения между Великобританией и Францией из-за раздела колониальных владений в Новом Свете грозили вылиться в вооруженный конфликт в Европе. Готовясь к нему, 27 января 1756 г. Великобритания заключила с Пруссией т.н. Уайтхолльский договор. Согласно его статьям, договаривающиеся стороны обязывались объединить свои усилия для отпора вторжению в германские земли какой-либо третьей державы. Подписывая соглашение, Англия предполагала застраховать свои интересы на континенте от возможного французского вмешательства, а Пруссия — использовать его как прикрытие для дальнейшей экспансии.

В планах английской дипломатии было также использовать и русские войска. Дело в том, что в 1747 г. между Россией и Великобританией была подписана т.н. «субсидная конвенция», согласно которой русское правительство обязывалось за ежегодную денежную субсидию в случае необходимости выставить военный корпус для защиты британских владений в Европе. Однако вопреки этим расчетам внешнеполитическая обстановка на континенте сильно поменялась. Традиционное противостояние по линии Франция — Австрия претерпело кардинальное изменение. В Европе стали формироваться два военных блока, один из которых возглавляли Великобритания и Пруссия, а другой Австрия и Франция. 1 мая 1756 г. был подписан Версальский договор между Австрией и Францией, по которому оба государства взаимно гарантировали неприкосновенность своих владений и обязались оказывать друг другу военную помощь. Русское правительство некоторое время колебалось, но в конце концов решило примкнуть к австро-французской коалиции.

Война, получившая название Семилетней, разразилась в августе 1756 г. Прусские войска численностью 67 тысяч человек перешли границы Саксонского курфюршества. Под давлением превосходящих сил курфюрст (и по совместительству король Речи Посполитой) Август III бежал в Варшаву. Саксонская армия оказалась блокированной у Пирны, а пруссаки заняли столицу Саксонии Дрезден, оказавшийся совершенно беззащитным перед лицом неприятеля. Двинувшиеся на помощь Саксонии австрийские войска не смогли форсировать Эльбу, были отброшены прусской армией, и Саксония вслед за Силезией вошла в состав Пруссии.

Россия объявила войну Пруссии в августе того же 1756 г., но смогла начать боевые действия лишь весной следующего года. Командующим армией был назначен ветеран походов Миниха фельдмаршал С. Ф. Апраксин. Несмотря на впечатляющий послужной список и героизм при штурме Очакова, за что он был произведен в премьер-майоры, особых полководческих талантов у Степана Федоровича не наблюдалось. Более того, он отличался медлительностью и нерешительностью при принятии важных решений.

Формирование армии было поручено фельдмаршалу А. Б. Бутурлину. Под его началом к месту сосредоточения войск в Ковно к весне 1757 г. было собрано 65 тыс. человек личного состава и около 20 тыс. сабель нерегулярных формирований при 19 тысячах лошадей. В июне русские войска начали движение к русско-прусской границе и лишь 21 июля пересекли ее. Затем армия разделилась. Часть войск численностью 20 тыс. человек под командованием генерала Вилима Фермора были направлены на взятие города. Мемель (ныне Клайпеда).

Осведомленный о нерешительности русских войск, Фридрих II поручил защиту Восточной Пруссии фельдмаршалу Левальду, оставив под его командованием тридцатитысячный армейский корпус. Сам же он с основными силами выступил в Богемию. Прусский король очень пренебрежительно относился к русской армии, называя ее «ордой дикарей» и полагал что одного корпуса прусских войск достаточно не только, чтобы сдержать русский натиск, но и отбить его... Однако, здесь прусский король просчитался.

17 августа 1757 года русские войска переправились через реку Прегель и встали лагерем перед деревней Гросс-Егерсдорф. Рано утром 19 августа прусские войска атаковали русский лагерь. Нападение было неожиданным. Русские даже не успели построиться в боевой порядок. В ходе тяжелого боя пруссаки сумели разгромить Нарвский и 2-й Гренадерский полки. В бою был убит генерал-аншеф В. А. Лопухин (племянник первой жены Петра Великого). Однако русские сражались с необычайной стойкостью. Исход боя решил смелый маневр будущего прославленного полководца, а тогда генерал-майора П. А. Румянцева. В момент, когда правое крыло русской позиции дрогнуло и начало отступать, он во главе четырех резервных полков совершил обходной маневр через лес и неожиданно для противника, ударил ему во фланг. Это привело к панике в рядах наступавших прусских войск. Они дрогнули и стали отступать. Не разобравшись, что происходит, вторая линия пруссаков открыла огонь по своим. После этого прусский строй рассыпался окончательно, и солдаты побежали. Атака русской кавалерии завершила разгром. Свою роль в исходе сражения сыграла и русская артиллерия. В сражении при Гросс-Егерсдорфе свое боевое крещение прошли новые русские «секретные» гаубицы, разработанные по инициативе П. И. Шувалова. Их эффективность в борьбе с неприятельской пехотой и кавалерией была настолько впечатляющей, что до конца войны артиллеристам строго наказывалось тщательно охранять эти орудия, а вне лагерей укрывать дульную часть чехлами, дабы излишне любопытные иностранцы не проведали тайны их устройства.

Победа в сражении при Гросс-Егерсдорфе окрылила солдат. Все ждали продолжения наступления на Кенигсберг. Однако командующий рассудил иначе. После нескольких дней стояния у Алленберга Апраксин приказал отступать на зимние квартиры. Вскоре отступление

превратилось в бегство. Преследуемые пришедшими в себя пруссаками, бросая обозы и раненых, русские войска с позором оставили Пруссию. Неудивительно, что молодой генерал П. И. Панин, с риском для себя добрался до столицы и, выражая общее мнение офицеров, доложил Елизавете об измене главнокомандующего.

До сих пор точно не установлены причины подобного образа действий С. Ф. Апраксина. По крайней мере, как среди современников и очевидцев событий, так и среди историков существует довольно много разноречивых мнений на этот счет. Кто-то считал, что в связи с дошедшими до главнокомандующего сведениями об ухудшении здоровья императрицы, он поостерегся вести активные боевые действия, зная о приверженности официального наследника престола Петра Федоровича к союзу с Пруссией. Кто-то винил во всем отсутствие у фельдмаршала настоящих полководческих качеств. Не в этом суть. По приказу императрицы Апраксин был арестован и подвергнут дознанию. Следствие велось три года, но не смогло установить каких-нибудь серьезных улик против него. Степан Федорович продолжал категорически отрицать свою вину. Дилемму относительно дальнейшей судьбы опального главнокомандующего решила сама Елизавета. Когда ее спросили, что делать с упрямым фельдмаршалом, то получили следующий ответ: «Поскольку его вина не доказана, то остается последнее средство — освободить его». Когда же эти слова государыни были доведены до самого подсудимого, он успел выслушать только первую часть фразы. После слов «Остается последнее средство» он подумал, что ему предстоят ужасные пытки и, скоропостижно скончался, по всей вероятности, от сердечного приступа, вызванного испугом.

История с Апраксиным пагубным образом сказалась на карьере канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. У императрицы и членов Конференции возникли подозрения в его предательстве. Особенно усердствовал в нагнетании этих настроений при Дворе французский посол маркиз Лопиталь. Ему вторил австрийский посланник М. Эстерхази. Первый полагал, что Бестужев-Рюмин более склонен к союзу с Англией, чем с Францией, а второй — что канцлер не желал считать Австрию главной страной в войне с Пруссией. Благодаря деятельности этих двоих, круг недругов у А. П. Бестужева-Рюмина ширился.

Он был арестован 27 февраля 1758 г. во время очередного заседания Конференции, лишен всех чинов и наград и помещен под арест. Вместе с ним были арестованы лица из его окружения: И. Елагин (бывший адъютант А. Разумовского), В. Ададуров (бывший учитель русского языка цесаревны Екатерины), а также генерал-квартирмейстер Вермач и ювелир Бернарди. Следствие было поручено начальнику Тайной канцелярии А. И. Шувалову, генерал-поручику Н. Ю. Трубецкому и фельдмаршалу А. И. Бутурлину. Результаты его никоим образом не подтвердили обвинения в предательстве, однако А. П. Бестужев-Рюмин

был осужден на смертную казнь. Елизавета Петровна этот приговор не утвердила, заменив его ссылкой в село Горстово Московской губернии, куда осужденный и удалился. По восшествии на престол Екатерины II бывший канцлер был полностью реабилитирован, восстановлен в своих чинах и даже пожалован званием генерала-фельдмаршала.

Новым командующим русской армией был назначен англичанин на русской службе, генерал-аншеф Виллим Виллимович Фермор (1702–1771 гг.). Он поступил в русскую армию в 1720 г. и был участником практически всех военных кампаний, которые во второй четверти XVIII века вела Россия. Именно Фермор командовал тем отрядом русских войск, который осадил и захватил Мемель во время предшествующей кампании.

По первому зимнему пути 34-тысячная русская армия под началом нового главнокомандующего вновь выступила в поход, без боя заняла Тильзит и 11 января 1758 г. Кенигсберг. В связи с этим последовал особый императорский манифест, в котором декларировалось включение Восточной Пруссии в состав России на правах отдельной области. 24 января (это был день рождения Фридриха II) была назначена присяга жителей Восточной Пруссии русской императрице. Среди прочих, присягу принес и известный житель Кенигсберга — философ Иммануил Кант.

В конце мая 1758 г. Фермор начал наступление в Померании. Русская армия двинулась вдоль балтийского побережья в направлении крепости Кюстрин на правом берегу Одера. Крепость была блокирована русскими войсками в августе. На помощь осажденному гарнизону спешил Фридрих II с основными силами прусской армии. Получив донесение о том, что прусские войска переправились через Одер, Фермор снял осаду крепости и двинул свои войска навстречу пруссакам. Противники встретились на обширном холмистом поле около деревни Цондорф, где 14 августа состоялось сражение.

Первой в бой вступила прусская артиллерия. Батареи, расположенные на холмах вокруг Цондорфа, предприняли обстрел русских позиций, после чего около 11 часов утра началось прусское наступление. Фридрих II применил изобретенный им самим и потому излюбленный прием косой атаки. Такой метод ведения боя предполагал, что войска атакуют не прямой, а косой линией более сильным флангом. При этом остальная часть войск держалась позади, своеобразным уступом. Это позволяло Фридриху II создавать в нужном месте превосходство в силах и достигать победы при меньших потерях.

Однако, данный прием в сражении при Цондорфе дал осечку. Выдержав полуторачасовую артиллерийскую подготовку, русские войска стойко держались на поле боя. Сначала основной удар пруссаков пришелся на правый фланг русских войск. Причем в атаке приняла участие вся королевская кавалерия. Когда прусская конница доскакала

до боевых порядков противника, русские расступились, пропустили ее и вновь сомкнули ряды. Пруссаки с большими потерями вынуждены были пробиваться обратно. Во время кульминации сражения Фермор вместе с рядом офицеров штаба, покинул поле битвы. Видимо, главнокомандующий считал поражение своей армии неизбежным. Фридрих же перестроил боевые порядки и после полудня перенес основной удар на левый фланг русских войск. Но и там, даже в отсутствии командования, ему не удалось опрокинуть неприятеля. Ночь обе армии провели под ружьем, ожидая атаки, но наутро прусские войска отошли и поле боя осталось за русскими.

На другой день после сражения Фермор соединился со своими войсками, но несмотря на то, что вскоре его потрепанная армия усилилась подошедшим свежим корпусом Румянцева, от активных действий он отказался. Противники покинули поле битвы в разных направлениях: Фридрих с остатками армии отошел в Силезию, а русские предприняли неудачную осаду крепости Кольберг и, не добившись результата, отошли на зимние квартиры к берегам Вислы. Таким образом, как и в прошлом 1757 г., стратегические результаты кампании 1758 г. оказались для русской армии ничтожны. Выведя войска на постой, Фермор подал в Конференцию рапорт об отставке с поста главнокомандующего. Просьба эта была удовлетворена. Новым главнокомандующим с 8 мая 1759 г. был назначен генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков (1698–1772 гг.).

Салтыков вступил на военную службу в 1714 г. и сразу же был отправлен Петром I во Францию для обучения морскому делу. Но, не чувствуя призвания быть моряком, он, вернувшись на родину, продолжил службу в армии. Довольно быстрый карьерный рост П. С. Салтыкова объясняли дальними родственными узами с императрицей Анной Иоанновной (ее мать была из рода Салтыковых). Капитан гвардии, Петр Салтыков был причислен ко Двору Ее Величества в чине действительного камергера и в 1732 г. вместе с отцом получил титул графа. В 1734 г. уже в звании генерал-майора П. И. Салтыков принимал участие в операциях русских войск в Польше, а в 1742 г. генерал-поручиком участвовал в Русско-шведской кампании. До своего назначения главнокомандующим он с 1756 г. командовал нерегулярными украинскими казацкими полками.

В войска Салтыков прибыл 19 июня 1759 г. К этому времени основные прусские силы общей численностью в 35 000 человек были сосредоточены в Силезии. Кроме того, 30-тысячный корпус прусских войск под командованием генерала Х. Донны действовал на территории Польши. Им противостояли австрийские войска под командованием фельдмаршала Леопольда Дауна численностью до 135 000 человек и русская армия, насчитывавшая около 40 000 штыков.

Свою задачу новый русский главнокомандующий видел в соединении с основными силами австрийцев. Этому должен был помешать корпус прусской армии под командованием генерала Веделя. Однако в кровопролитном сражении при Пальциге Ведель был разбит, и русская армия вышла к Одеру у города Кроссен. По приказу Салтыкова войска двигались вдоль Одера к Франкфурту[1], угрожая таким образом столице Прусского королевства Берлину, находящемуся в 80 километрах западнее. Подойдя к Франкфурту 23 июля, русская армия встала лагерем на правом берегу реки у деревни Кунерсдорф. Здесь к ней присоединился австрийский корпус генерала Лаудона, посланный фельдмаршалом Дауном в помощь русскому союзнику. Таким образом, общая численность армии Салтыкова составила около 60 000 человек.

Фридрих II не мог игнорировать угрозу, нависшую над столицей его королевства и, собрав войска в общей сложности около 50 000 штыков, двинулся навстречу. Он форсировал Одер ниже Франкфурта и появился в поле зрения Салтыкова с юго-востока. Свои войска Фридрих II развернул под прямым углом к расположению союзников. Салтыков построил свои боевые порядки на высотах вокруг Кунерсдорфа, фронтом на юг. Правый фланг его примыкал к Одеру, а левый оканчивался самым восточным из трех холмов Кунерсдорфской гряды. На предстоящем поле битвы русские саперы возвели земляные заграждения и рвы, прикрывавшие фланги. Зная, что пруссаки любят наступать «косой атакой», русский главнокомандующий отказался от традиционного «линейного» расположения войск, составил сильный резерв на правом фланге. Здесь располагалась большая часть русской кавалерии и австрийский корпус.

Сражение при Кунерсдорфе началось в полдень 1 августа 1759 г. Фридрих II сосредоточил основные усилия на левом фланге русской армии. В ходе ожесточенного боя пруссакам удалось разбить 15 батальонов русской пехоты и вывести из строя 12 орудий. К трем часам дня прусская армия овладела половиной поля битвы. Однако же правый фланг стоял непоколебимо. Свои лучшие качества показала русская артиллерия, состоявшая из шуваловских секретных единорогов. В частности, русские артиллеристы не только использовали заряды картечи, косившие прусскую пехоту, но и пользуясь возможностью единорогов стрелять по навесной траектории бомбами[2] через головы наступающих войск, вели эффективную контрбатарейную борьбу с прусской артиллерией. Прусское наступление стало захлебываться. Почувствовав, что наступающие порядки стали выдыхаться, русский резерв нанес неожиданный удар вдоль фронта. Пруссаки побежали.

[1] Имеется в виду Франкфурт-на-Одере.

[2] Бомба — тип фугасных артиллерийских боеприпасов, широко применявшихся в XVIII–XIX вв.

Вместе со своими солдатами бежал и Фридрих, оставив на поле боя в качестве трофея свою шляпу. На поле боя были собраны и брошены к ногам Салтыкова 28 знамен прусских полков.

Сражение при Кунерсдорфе стало знаковым во всей Семилетней войне. Именно здесь был развеян миф о непобедимости прусской армии и о полководческом гении Фридриха II. Это было первое громкое поражение Фридриха как полководца. После этой победы у союзников открылась возможность быстро довершить разгром Пруссии и закончить войну. Но возможность эта была упущена. Виной тому стала несогласованность действий Санкт-Петербурга и Вены и желание австрийского двора всеми возможными способами не допустить усиление влияния России в Европе. При этом в действиях Вены явно читалось желание использовать русские войска для возвращения Силезии и других отторгнутых Пруссией территорий.

Личные переговоры командующих армиями, состоявшиеся 11 августа, подтвердили различный подход к ведению дальнейших боевых действий. Фельдмаршал Даун ратовал за перенесение боевых действий из Пруссии в Силезию. Салтыков же полагал, что после присоединения к России Восточной Пруссии надо заканчивать войну, и не видел большого резона проливать русскую кровь за интересы Австрии и Франции. И хотя в конфиденциальных беседах императрица разделяла эту точку зрения, публично ни она, ни Конференция ее не озвучивали, боясь осложнения отношений с Веной. Потеряв, в конце концов, надежду на быстрое окончание войны, Салтыков предлагал провести новое русское наступление в Померании, наконец, овладеть Кольбергом, и встать там на зимние квартиры. В своем ответе Конференция отклонила этот план, как не учитывавший интересы Австрии и вообще обвинила Салтыкова в неумении договариваться с союзниками.

Тогда, ссылаясь на болезнь, Петр Семенович подал в отставку и получил ее. Новым главнокомандующим стал фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин (1694–1767 гг.). Он прибыл в войска во второй половине октября. На этом кампания 1759 г. завершилась.

Наступивший 1760 г. не был ознаменован для русской армии какими-либо существенными успехами, если не считать знаменитый эпизод с взятием Берлина. В это время основные боевые действия между австрийскими войсками и прусской армией развернулись в Саксонии, и столица королевства Пруссии осталась без достаточного прикрытия. Учитывая это обстоятельство, было решено совершить рейд на Берлин. Командовать выделенным для этой цели 20-тысячным отрядом русской армии был назначен генерал-поручик З. Г. Чернышев. Авангард возглавил саксонец на русской службе Готлиб Тотлебен. Прусская столица не имела валов и стен. Она была защищена лишь гарнизоном в 1200 человек и потому не могла оказать серьезного сопротивления. Комендант Берлина генерал Рохов, уступая просьбам

отдельных представителей города, приготовился к обороне. Пока основные силы Чернышева занимали город Фюрстенвальде на реке Шпрее, Тотлебен со своим отрядом подошел 21 сентября к Берлину и спустя три дня предъявил жителям ультиматум. После отказа сдаться 24 сентября начался обстрел города из гаубиц. В Берлине начались пожары. Ночью последовала атака русских со стороны Котбусских и Галльских ворот. Этот натиск оказался безуспешным и русские отряды отошли к Копенику. В это время с севера на помощь осажденным подошел принц Евгений Вюртембергский с отрядом в 5 000 человек. С юга же к столице Пруссии подступил австрийский корпус под командованием генерала Франца-Морица Ласси. Таким образом к 27 сентября в городе находилось 17 000 пруссаков, а в окрестностях стояло 20 000 русских и 17 000 австрийцев. Союзники готовились к штурму, но его не последовало. Ночью 28 сентября отряд принца Вюртембергского покинул Берлин так же неожиданно, как и появился. Познав про это и не информировав Чернышева, Тотлебен самовольно вошел в столицу Пруссии... и принял капитуляцию города на очень выгодных для пруссаков условиях. С берлинцев была взята контрибуция и изъяты ключи от города. Сейчас они хранятся в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Это, правда, не спасло Берлин от разграбления. Командующий русской армией вынужден был начать следствие против саксонца за самоуправство и неподчинение приказам.

По иронии истории в отряд Тотлебена входили кавалеристы Нарвского Кирасирского полка. За штурм Берлина 1760 г. полк был награжден Георгиевским штандартом. С 1901 г. шефом полка числился германский кайзер Вильгельм II. В 1912 г. во время визита в Россию он посетил подшефный полк. Объезжая строй, германский император спросил, за что полку был пожалован Георгиевский штандарт. Прозвучал четкий ответ: «За взятие Берлина, Ваше Величество». Кайзер ответил: «Это очень хорошо, но все же лучше никогда больше этого не повторять!». Как известно, русская (тогда Красная) армия не прислушалась к совету императора и вторично овладела Берлином в 1945 году.

Узнав о падении своей столицы, Фридрих II спешно выступил из Силезии в сторону Берлина. Получив донесение о выдвижении прусских войск, Чернышов не стал испытывать судьбу и покинул город, через два дня соединившись с русскими войсками под Франкфуртом.

По планам кампании 1761 г., предполагалось, что русские войска будут совместно с австрийцами действовать в Силезии. В Померании же должен был оперировать вспомогательный русский корпус под командованием П.А. Румянцева. На практике же боевые действия в Силезии не принесли союзникам ощутимого результата, зато Румянцеву удалось овладеть Кольбергом, который до того безуспешно пытался взять еще фельдмаршал Салтыков.

Корпус Румянцева числом 15 000 человек подошел к Кольбергу в августе 1761 г. Крепость оборонял прусский гарнизон и прибывший из Берлина отряд принца Вюртембергского. Общая численность оборонявших город войск составила около 18 000 человек. На помощь Румянцеву с моря прибыло подкрепление 7000 человек. Корабли Балтийского флота, доставившие этот отряд, также приняли участие в осаде крепости, блокируя и бомбардируя ее с моря. Отрезанный от коммуникаций, испытывая возрастающую потребность в провианте, гарнизон Кольберга продержался до конца октября. Не видя никаких перспектив деблокады, принц Вюртембергский с отрядом покинул крепость. Оставшиеся ее защитники продержались до 5 декабря, когда гарнизон окончательно капитулировал.

После падения Кольберга русская армия оказалась на границе провинции Бранденбург, имевшей жизненно важное значение для Пруссии. Складывались условия для ее окончательного поражения в самой ближайшей перспективе. Однако 25 декабря 1761 г. умерла Елизавета Петровна. Воцарившийся же новый император Петр III, не скрывавший своего преклонения перед Фридрихом II, 24 апреля 1762 г. подписал с Пруссией мирный договор, по которому ей возвращались все земли, занятые русскими войсками. Россия таким образом вышла из Семилетней войны. Совокупные потери от нее составили более 300 тысяч жизней русских солдат и 30 млн рублей прямых финансовых издержек. Не удивительно, что популярность нового императора, завершившего войну на подобных унизительных условиях, была крайне низка. Хотя международный авторитет России и ее армии в Европе после этой войны сильно укрепились. Россия продемонстрировала способность противостоять и побеждать сильнейшие армии своего времени.

Австрия и Франция продолжали войну еще год. В 1763 г. между ними и Пруссией с Великобританией был заключен Губертсбургский мирный договор. По нему англичане получили территорию французской Канады, Восточной Луизианы, Флориды, часть французских колоний в Индии и территорию Сенегала в Африке. В свою очередь, Австрия отказалась от всех своих притязаний на владения прусского короля. Силезия окончательно стала частью Пруссии. Саксонскому курфюрсту возвращались его владения, оккупированные пруссаками на первом этапе войны. Стороны обязались обменяться захваченным имуществом и военнопленными. Фридрих II обязался не нарушать свободу вероисповедания католицизма в Силезии.

Так кем же был новый русский император, чьи первые же шаги на международной арене вызвали возмущение подданных? Герцог Шлезвиг-Голштинский Карл-Петр-Ульрих был в одно и то же время родным внуком Петра Великого, ибо происходил от старшей дочери Петра Анны, выданной замуж за Голштейн-Готтропского герцога Кар-

ла Ульриха, и племянником главного противника его деда в Северной войне шведского короля Карла XII. Поэтому при известных обстоятельствах он мог претендовать не только на русский, но и на шведский трон. Он родился в 1728 г. в Киле, очень рано осиротел и воспитывался гофмаршалом О. Ф. Брюммером, который видел свою задачу сделать из маленького герцога настоящего солдата. Крепким здоровьем мальчик не отличался. Скорее наоборот: был болезненным и хилым.

Все детство он провел в обстановке, близкой к казарменной. При рождении отец пожаловал ему чин унтер-офицера. Когда Карлу-Петру-Ульриху исполнилось 10 лет, ему был присвоен чин секунд-лейтенанта. Жизнь мальчика тщательно регламентировалась и любые отступления от этого порядка карались наказаниями, зачастую довольно унизительными: стоянием на коленях на горохе, поркой, украшением ослиными ушами и пр. Подобные грубые методы воспитания напрочь отбили у будущего наследника русского престола желание учиться. Особенно ненавистной для него была латынь, знание которой считалось обязательным для каждого образованного человека. К 13 годам он мог кое-как изъясняться по-французски.

Свита малолетнего герцога сплошь состояла из бывших и действующих офицеров прусской армии. Поэтому при дворе только и говорили, что о военной службе, а культ Фридриха II как олицетворение всех военных добродетелей был чем-то само собою разумеющимся. Сам Карл-Петр-Ульрих прилежно учился лишь обращению с оружием и строевой подготовке, ходил на дежурство с другими придворными молодыми людьми и обсуждал с ними, как правило, внешнюю сторону военной службы: парады, маневры, разводы караулов и пр. Однако при этом он боялся пушечной пальбы и эта боязнь, судя по воспоминаниям, сохранилась у него на всю жизнь. Именно с воинскими утехами были связаны все его честолюбивые мечты. Одновременно с этим герцог любил живопись, музыку и даже брал уроки игры на скрипке.

Елизавета Петровна с первых же лет пребывания на троне беспокоилась о наследнике. Поскольку брак императрицы с Алексеем Разумовским, о чем мы говорили выше, был неофициальным, то и дети, буде произведенные в нем, не имели бы законных прав на престол. Об этих детях, точнее говоря, о самозванцах, которые ими представлялись, мы еще поговорим позже. Здесь же важно отметить, что Елизавета совершенно не хотела уступать будущее российского трона кому-либо из потомков брата и соправителя своего отца — Ивана V. Поэтому она и обратила внимание на своего голштинского племянника.

В этой связи нужно упомянуть, что в свое время одним из условий брака между родителями Карла-Петра-Ульриха был отказ их и их потомков от русского престола. Поэтому в расчетах голштинского двора если и присутствовали надежды на занятие какого-нибудь европейского трона, то предполагалось, что трон этот будет шведским. На

практике это выливалось в то, что будущему русскому императору с детства вдалбливалось высокомерное и уничижительное отношение к России и всему русскому. Как позже признавался сам Петр III, он бы с большей охотой стал бы генералом Фридриха II, нежели русским императором. Но судьба распорядилась иначе. В возрасте 14 лет этот внук Петра Великого прибыл в Россию и 15 ноября 1742 г. был официально объявлен наследником престола. Здесь он принял православную веру и был наречен в православии Великим Князем Петром Федоровичем.

При первой встрече Елизавета была поражена невежеством своего племянника. Воспитателем Петра Федоровича был назначен академик Якоб Штелин, который к тому времени заведовал Художественным департаментом Академии наук и числился профессором элоквенции и поэзии в академическом университете. Однако все его усилия не принесли сколько-нибудь заметных результатов. По отзывам самого Штелина, «уроки практической математики, фортификации и проч. инженерных укреплений шли еще правильнее прочих, потому что отзывались военным делом. При этом его высочество незаметно ознакомился с сухими и скучными началами геометрии. В прочие же дни, когда преподавалась история, нравственность и статистика, его высочество был гораздо невнимательнее». Кроме того, занятия постоянно прерывались. Наследник не мог пропустить развод караула во дворце и часто отвлекался на игру в оловянные солдатики, которым устраивал игрушечные смотры в компании со своими слугами и придворным карликом Андреем. По вечерам, когда великий князь не был отозван к императрице, или при Дворе не было обыкновенного приема, наставник занимал его сочинениями из академической библиотеки, в особенности такими, в которых были поучительные картины. Обучение Петра Федоровича длилось три года.

Когда наследник достиг брачного возраста, Елизавета стала подыскивать ему невесту. В вопросе выбора достойной кандидатуры мнения русских придворных разделились. Канцлер Бестужев-Рюмин хотел женить Петра на дочери саксонского курфюрста Августа III Марии-Анне. Иоганн Лесток, обер-гофмаршал Брюммер и ряд других вельмож прочили наследнику в невесты одну из дочерей французского короля. Однако, Елизавета Петровна рассудила иначе. Невестой будущего императора стала дочь князя Ангальт-Цербстского Христиана-Августа и его жены Иоганны-Елизаветы — София-Августа-Фредерика. В семье ее звали Фике. Она родилась в 1729 г. Отец ее, как и многие немецкие князья, находился на службе в прусской армии, дослужился до генерал-лейтенанта и в 1742 г. был назначен губернатором Штетина. Мать, урожденная герцогиня Голштейн-Готропская, вышла замуж за него, едва достигнув пятнадцати лет. Причем разница в возрасте родителей Софии-Августы-Фредерики составляла 27 лет. В этом браке помимо будущей русской императрицы родилось еще четверо детей.

Письмо, приглашавшее Софию-Августу-Фредерику с матерью на высочайшие смотрины в Санкт-Петербург, было получено в Цербсте 1 января 1744 г. Поскольку прусская дипломатия, пристально следившая за всеми движениями русского Двора, была заранее информирована о выборе Елизаветы, то Фридрих II пожелал лично познакомиться с возможной невестой будущего русского императора. Мать и дочь имели аудиенцию в Берлине. По замечанию самого Фридриха, во время разговора он убедился, что пятнадцатилетняя Фике гораздо умнее своей матери и приветствовал предстоящий брак. После свидания с королем герцогиня с дочерью добрались до Миттавы и через Ригу[1] и Петербург направились в Москву, где в то время пребывал императорский Двор. В Первопрестольную они прибыли 9 февраля 1744 г.

После представления Двору Софии-Августе назначили двух преподавателей. Законоучителем будущей цесаревны, готовившим ее к переходу в православие, стал архиепископ Псковский Симон (Тодорский). А русскому языку ее учил переводчик Академии наук Василий Ададуров. Изучение языка своей новой родины шло у Софии-Августы довольно успешно и уже 28 июня 1744 г. во время своего обращения в православную веру, она четко произнесла свое исповедание на русском языке, чем очень удивила всех присутствующих. В православии она получила имя Екатерины Алексеевны. На следующий день после принятия православия Екатерина была обручена с великим князем Петром Федоровичем. Свадьба была сыграна 21 августа 1745 г.

Параллельно разворачивалась политико-дипломатическая интрига, связанная с матерью Софии-Августы. Зная о пиитете княгини Цербстской к себе, Фридрих II во время аудиенции в Берлине, договорился с ней об определенной политической услуге. Он рассчитывал, что с ее помощью ему удастся склонить императрицу Елизавету Петровну к союзу с Пруссией и отстранить от власти канцлера Бестужева-Рюмина, проводившего антипрусскую политику. Однако Бестужеву удалось перехватить письма княгини Цербстской Фридриху II из Петербурга и предъявить их Елизавете Петровне. После того как последняя узнала о «некрасивой роли прусского шпиона», которую играла при ее дворе мать Софии, то немедленно подвергла ее опале. Это, впрочем, никак не сказалось на самой Софье-Августе-Фредерике, но ее мать в итоге была из России выслана.

Отношения у царственных молодоженов после свадьбы тоже не складывались. Начиная с первой брачной ночи, муж уклонялся от исполнения супружеских обязанностей. По словам самой Екатерины,

[1] Согласно документам, у дома, в котором остановились Софья-Августа с матерью в Риге, нес почетный караул поручик Брауншвейгского кирасирского полка барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнгаузен — невыдуманный герой и персонаж известного произведения Э. Распе «Похождения барона Мюнхгаузена».

«в этом положении дело оставалось в течение девяти лет, без малейшего изменения». Петр продолжал играть в солдатики и увлекался интрижками на стороне, не скрывая это от жены. Игры в оловянных солдатиков продолжились с участием солдат настоящих. Елизавета Петровна разрешила наследнику выписать с родины роту голштинцев, которых он расквартировал в подаренном императрицей Ораниенбауме и там же муштровал их. Чтобы придать этим увлечениям Петра Федоровича хоть какую-то правильную направленность, к нему в качестве воспитателя был приставлен боевой генерал В. Репнин. Однако тот смотрел на свои обязанности сквозь пальцы и не препятствовал молодому человеку посвящать все время игре в солдатики.

Здесь мне необходимо сделать пояснение, как представляется, важное для понимания событий, которые будут излагаться дальше. Главным источником, который ныне широко используется для освещения взаимоотношений молодой Екатерины с мужем, являются ее собственные «Записки...», увидевшие свет благодаря усилиям русской неподцензурной печати много позже ее смерти. Так вот, профессиональным историкам хорошо известно, что обычно в мемуарах исторических деятелей факты их биографии сопровождаются субъективной авторской оценкой и даже некоторой долей вымысла. Это свойство любой человеческой личности, не обязательно исторической. В воспоминаниях же Екатерины II вымысла, пожалуй, больше, чем следовало бы, и больше не по объему, а по значению.

Формально эти записи предназначались лишь одному читателю. Им был Великий князь Павел Петрович. Однако очевидно, что расчет автора был на более широкий круг читателей. Если вспомнить, что Екатерина находилась в центре заговора, который привел к свержению легитимного императора Петра III (ее законного мужа) и ее воцарению в 1762 г., то становится очевидной идеологическая составляющая и главная цель этих воспоминаний — опорочить и очернить в глазах потомков фигуру свергнутого монарха, показать неизбежность и историческую необходимость его низложения и тем самым оправдать себя. И для достижения этой цели она наверняка сгущала краски. Но, думается, что Петр III не был столь законченным идиотом, как его стремится представить Екатерина. Тем более ряд рациональных решений своего свергнутого мужа в области внутренней политики она сама, придя к власти, либо подтвердила, либо воплотила в жизнь. Так или иначе, другого столь подробного источника, описывающего семейную жизнь наследника престола и его жены, у нас нет. Поэтому, учитывая все вышеназванные обстоятельства, вернемся к изложению последующих событий.

Погружение великого князя в военные потехи вызывало нарастающее раздражение императрицы. Стремясь побудить наследника и его жену к нормальным семейным отношениям, в 1747 г. она заменила

Репнина супругами Николаем Наумовичем и Марией Симоновной Чоглоковыми, в которых видела пример искренне любящей друг друга супружеской пары. Во исполнение инструкции, составленной канцлером Бестужевым, Чоглоков пытался ограничить доступ своего подопечного к играм и заменил для этого его любимых слуг. Однако ситуацию это не изменило, а усугубило. Петр Федорович увлекся фрейлиной императрицы Елизаветой Воронцовой, Екатерина — секретарем английского посла Станиславом Понятовским. Французский посол при русском Дворе граф д'Аллион докладывал в Версаль в 1753 г.: «Великий князь все еще никак не может доказать супруге, что он является мужчиной».

Между тем двор ждал появления наследника. Ждала его и Елизавета Петровна. В какой-то момент ко двору Екатерины и Петра Федоровича были приставлены два молодых и симпатичных человека. Это: двадцатишестилетний камергер красавец, весельчак и балагур Сергей Васильевич Салтыков и камер-юнкер Лев Александрович Нарышкин. Оба начали добиваться расположения Великой княгини. Удивление и настороженность последней разрешила Мария Семеновна Чоголкова. В какой-то момент она, всегда строгая и безупречная дама, откровенно заявила Екатерине, что «в интересах престолонаследия» ей дозволено выбирать себе любого из представленных кавалеров... Если верить самой Екатерине, выбор ее пал на Сергея Салтыкова. Летом 1753 г. она разрешилась от бремени мертворожденной девочкой. Это не могло понравиться императрице, и когда великая княгиня забеременела вновь, ее посадили на карантин. 20 сентября 1754 г. был издан Высочайший Манифест о рождении наследника российского престола Павла Петровича. С тех пор и по сей день, вот уже третий век среди историков, потомков дома Романовых и просто интересующихся историей ведется спор о том, кто же был настоящим отцом императора Павла I.

Что касается Романовых, то отношение к этому вопросу очень хорошо иллюстрирует следующий исторический анекдот. Утверждают, что как-то император Александр III попросил обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева внести, наконец, ясность, кто был отцом Павла I. Последний провел расследование и доложил царю, что, исходя из собранных фактов, отцом Павла скорее всего был С. Салтыков. «Превосходно, — воскликнул император, — значит, мы русские!». Однако, через некоторое время в свете вскрывшихся фактов Константин Петрович стал сомневаться в прежней версии и сделал новый доклад царю, сообщив, что есть доказательства отцовства Петра III. В ответ на это император воскликнул: «Еще лучше! Значит мы — законные!».

В XXI в. ответ на этот вопрос вполне могла бы дать экспертиза ДНК, которая ныне широко применяется и в криминалистике, и в вопро-

сах установления отцовства. Однако же эта технология натыкается на трудности «технического» порядка. Для ее проведения требуется получить биологические образцы самого Павла и его предполагаемых отцов. В случае с императорами, чьи останки захоронены в фамильной усыпальнице Романовых в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, на пути получения этих образцов лежат сложные (хотя и преодолимые) юридические процедуры. Последний раз 27 ноября 2015 г. была вскрыта усыпальница Александра III в связи с проведением дополнительных экспертиз, связанных с установлением подлинности останков его сына Николая II. Что же до биологического материала Сергея Салтыкова, то после рождения Павла Петровича он стал отдаляться от Двора, был послан в Швецию, затем в Германию с дипломатической миссией. Впоследствии его след там и затерялся. Время и место смерти этого предполагаемого отца императора по сей день остается неизвестным. Своих детей он также не оставил.

С другой стороны, упомянутая выше генетическая экспертиза царских останков со всей точностью доказала, что Николай II, как и его предки, по генотипу (т.е. наличию Y-хромосомы, передающейся по мужской линии) являлся потомком немецких принцев и принцесс Голштейн-Готтропского рода в семи коленах (то есть, если не прибегать на этих страницах к специальной генетической терминологии, в нем было примерно 98,5% немецкой крови и около 1,5% русской). Вопрос о том, были ли эти 1,5% наследием камергера Салтыкова или Петра Великого, видимо, будет разрешен при наличии благоприятных обстоятельств в будущем. Но такой вывод может говорить и о том, что отцом Павла Первого все же мог быть Петр III.

Как бы то ни было, рождение Павла Петровича было оценено императрицей в 100 000 рублей. Эти деньги она приказала выдать племяннику. Младенца Павла в первый раз показали матери лишь через 40 дней... И вновь забрали в апартаменты императрицы. Она же и взяла заботу о его воспитании. Екатерина, как и прежде, оказалась предоставлена сама себе. Одиночество и отсутствие внимания она скрадывала чтением, и не только легким. Именно в этот период будущая императрица познакомилась с произведениями известных французских просветителей — Вольтера, Дидро, Монтескье, Д'Аламбера и др. На людях великая княгиня появилась лишь в феврале 1755 г.

Второй ребенок — девочка — была рождена Екатериной 9 декабря 1758 г. При крещении ее нарекли Анной. К тому времени Петр Федорович совсем перестал замечать свою жену, а среди приближенных сделал весьма недвусмысленное заявление: «Бог знает, — сказал он, — откуда моя жена берет свою беременность. Я не слишком знаю, мой ли это ребенок, и должен ли я его принимать на свой счет». Впрочем, для императрицы такого вопроса не стояло. Как и в прошлый раз, девочка была изъята у матери в покои Елизаветы, а великокняжеская

чета получила из казны 120 000 рублей. При Дворе приписали отцовство нового ребенка Екатерины Станиславу Понятовскому, который незадолго до родов был выслан из России. Анна Петровна не прожила и четырех месяцев. Она умерла 8 марта 1759 г. и похоронена в Александро-Невской лавре.

Тем временем отношения великокняжеской четы продолжали обостряться. После очередной ссоры Петр Федорович открыто объявил Елизавету Воронцову хозяйкой на своей половине и стал разговаривать с женой в приказном тоне. Среди придворных пошли слухи о том, что Воронцова вскоре станет женой великого князя, а его законную жену отправят в монастырь.

Тогда Екатерина написала императрице вежливое, но смелое письмо, в котором благодарила Елизавету за все милости, но признавала, что не смогла угодить великому князю и Елизавете и потому просила отпустить ее обратно домой. Необходимость отъезда она мотивировала тем, что совершенно не нужна великому князю, а ее дети и вопрос их воспитания находятся непосредственно в руках самой императрицы. Поэтому ее отъезд никак не отразится на их дальнейшей судьбе.

Указанное письмо возымело свое действие, и Елизавета Петровна пригласила Екатерину на конфиденциальный разговор. Правда, «конфиденциальным» его можно назвать с натяжкой, потому что происходил он в третьем часу ночи в присутствии Александра Шувалова, Петра Федоровича, и, как позднее узнала Екатерина, Ивана Шувалова. Во время всего разговора он сидел за ширмами. Поначалу Елизавета вела себя строго, но затем учтивые, смелые и довольно точные ответы собеседницы обезоружили ее. Неприятный разговор между женщинами закончился растроганными слезами. Как потом передали великой княгине слова императрицы о ней: «Она — очень умная женщина, а мой племянник — дурак».

Этот вердикт упрочил положение Екатерины при Дворе. Вокруг нее образовался свой круг придворных и приверженцев, среди которых были и гвардейские офицеры, и влиятельные вельможи.

В конце 50-х годов здоровье Елизаветы Петровны сильно пошатнулось. У неё появились припадки, после которых императрица несколько дней не могла прийти в себя. Ближе к пятидесяти годам у царицы участились желудочные и носовые кровотечения. После приступа в 1756 г. она долго не могла оправиться. В 1761 г. ей стало еще хуже — ее часто лихорадило, продолжались кровотечения. Царица бросила все свои потехи, больше лежала и даже стала реже посещать церковь, о которой никогда не забывала. К концу года она стала угасать и умерла 25 января 1762 г. в возрасте 52 лет. Гроб с телом императрицы для прощания был выставлен в Зимнем дворце, и после месячного траура 25 января 1762 г. Елизавета Петровна упокоилась в императорской усыпальнице Петропавловского собора. Императором был

провозглашен Великий князь Петр Федорович, принявший официально имя Петр III[1].

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2005.
2. *Анисимов Е.В.* Иоанн Антонович. М.: Молодая гвардия, 2009.
3. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
4. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986.
5. *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998.
6. *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012.
7. *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (История Брауншвейгского семейства в России). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.
8. *Лиштенан Ф.Д.* Елизавета Петровна: Императрица, не похожая на других. М., 2012.
9. *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. М., 1891.
10. *Мыльников А.* Петр III: повествование в документах и версиях. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009.
11. Семилетняя война / под ред. Н.М. Коробкова. М., 1948.
12. Университет для России / под ред. В.В. Пономарева и Л.Б. Хорошилова. Т. 1. XVIII в. М.: Русское слово, 1997.
13. *Эмин Ф., Курганов Н., Комаров М.* и др. Ванька Каин. М.: Эксмо, 2008.

[1] Петр III не был коронован при жизни. Он предполагал провести эту церемонию после планировавшегося им похода на Данию, но поход не состоялся, а сам он был свергнут. В итоге посмертную коронацию отца провел император Павел I в 1796 г.

Глава VII

ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА. ПЕТР III И ЕКАТЕРИНА II. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1762 Г.

Перед тем, как мы вновь погрузимся в атмосферу дворцовых переворотов, нам следует сделать остановку и оглянуться назад. Со времени реформ Петра I, кардинальным образом изменивших русскую жизнь, прошло без малого сорок лет. И хотя многочисленные временщики, занимавшие российский трон после смерти великого реформатора, интересовались экономическими и социальными процессами, протекавшими в стране, лишь от случая к случаю, тем не менее процессы эти, хотя и малоуправляемые из столицы, шли и видоизменяли народную жизнь. Поэтому мы не погрешим против истины, если уделим некоторое внимание тому, как протекало социально-экономическое развитие России во второй четверти XVIII века.

Итак, традиционный натуральный характер русской экономики продолжил трансформироваться, хотя и не столь быстрыми темпами как хотелось бы. Продолжался процесс хозяйственной специализации регионов страны, взаимосвязь между различными отраслями хозяйства осуществлялась через рынок. Орудия труда и отдельные предметы обихода (телеги, сани, бочки, инвентарь и пр.) крестьяне стали чаще покупать, а не изготавливать сами. К тому же изменения в государственной фискальной системе, переход от сбора натуральных налогов к денежным усиливал потребность земледельцев в деньгах, и втягивал крестьян в систему товарно-денежных отношений. Несмотря на реформы начала XVIII в., этот процесс находился еще в начальной стадии, но он шел.

Крестьяне составляли абсолютное большинство населения страны, а способы их хозяйствования на земле продолжали оставаться архаичными и определялись теми суровыми природно-климатическими условиями, в которых приходилось трудиться. Хозяйственный цикл

ства). В 1739 г. подтверждено монопольное право дворян на владение «крещеной собственностью», т.е. крестьянами. В 1762 г. купечеству окончательно запрещено покупать крестьян к заводам. Еще в 1726 г. за дворянством было закреплено право продажи продукции собственных хозяйств. В 1755 г. им было передано монопольное право на винокурение. В 1762 г. дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу. В итоге — дворяне устремились в поместья.

Там, где зерновое земледелие было выгодным, помещики стремились расширить свою часть пашни. Это вело к увеличению барских запашек и сокращению крестьянских наделов. Помимо сокращения надела тягчайшим бременем для крестьян стали работы на помещичьем поле — т.н. «барщина». Эти работы, как правило, достигали трех дней в неделю, а в черноземных губерниях доходили до 5–6 дней. Таким образом, увеличение барщины при сокращении крестьянской запашки вело к кризису феодального хозяйства. Проще говоря, налицо была тенденция возрастающей неспособности крестьянина прокормить себя и свою семью на той земле и в то время, которые ему предоставлялись помещиком для личного пользования. Чтобы компенсировать это, земледельцы активно вовлекались в промысловую деятельность.

Издавна крестьяне Нечерноземья, получая мало прибыли от земледелия, свое свободное время использовали для приработков. Побочные занятия крестьянства получили названия «промыслов». Жители сел Ярославской, Костромской, Владимирской пряли льняную пряжу и продавали ее владельцам ткацких промышленных заведений — мануфактур. Жители богатых лесами западных районов Московской губернии занимались заготовкой леса для строительства изб, амбаров, на дрова и т.д. В Дмитровском уезде получил развитие промысел по изготовлению расчесок и гребней из коровьих рогов. В Семеновском уезде Нижегородской губернии расцвел ложкарный промысел. Эти примеры можно продолжать долго. Результаты этого кустарного производства шли на продажу. В итоге в промышленную деятельность были вовлечены большие массы крестьянства.

Помимо *местных* промыслов крестьяне занимались *отхожими* промыслами, т.е. отходили на заработки в города или другие местности. Могучим потребителем крестьян-отходников была Волга и приволжские города. Десятки тысяч крестьян работали бурлаками, были заняты на рыбных промыслах Астрахани и Гурьева. Тысячи крестьян уходили на заработки в Петербург. Много рабочего люда требовала проводка судов из Волги в Неву. Наконец, серьезным потребителем рабочей силы была Москва с ее промышленностью.

Кроме отхода *промышленного* в России развивался отход *земледельческий*. Из тульских, рязанских, тамбовских селений, а также из районов Нечерноземья тысячи крестьян устремлялись на летние работы в южные черноземные районы.

Закрывая глаза или отпуская своих крестьян на заработки в межсезонье, помещики, не довольствуясь барщиной, стали дополнять ее денежным оброком. В силу же экономической выгодности крестьянских промыслов, многие владельцы и вовсе стали переводить крестьян с барщины на денежный оброк. Так или иначе, а отходничество крестьян на заработки получает все большее развитие. К концу века в одной лишь Московской губернии ежегодно выдавалось свыше 50 тыс., а в Ярославской — около 75 тыс. паспортов. За счет этого намечавшиеся симптомы кризиса феодального хозяйства были в XVIII в. на время преодолены.

Кардинальные изменения, которые мы видим в сельском хозяйстве, дополнялись ростом промышленного производства. В эпоху Петра I Россией был сделан громадный скачок на пути промышленного развития. К 1750 г. в стране действовало уже около ста металлургических заводов, а выплавка чугуна достигала приблизительно 2 млн пудов. Основными владельцами заводов были по-прежнему Демидовы (именно их заводы обеспечивали 60% выплавки чугуна). Кроме их производства, в металлургии также с успехом развивались предприятия Строгановых, Баташевых, Масловых, появились фамилии и новых предпринимателей — Осокины, Гончаровы. В середине XVIII в. по выплавке чугуна Россия вышла на первое место в мире. Росло и производство цветных металлов. За четверть века после смерти Петра выплавка меди на русских казенных и частных заводах выросла втрое.

Серьезное развитие получила текстильная промышленность. С 1725 по 1750 гг. возникло 62 новые текстильные мануфактуры (шелковые, полотняные, суконные). Их продукция в основном шла на поставки в казну. Условия закупок были невыгодными и суконное производство зачастую оказывалось убыточным, в отличие от предприятий по производству шелка, работавших на свободный рынок. Число их неуклонно возрастало. Основным центром шелковой промышленности были Москва и Подмосковье.

Развивалась и парусно-полотняная промышленность. К 1750 г. уже действовало 38 парусно-полотняных мануфактур, хозяева которых — купцы-предприниматели Затрапезный, Тамес, Щепочкин и др. — процветали. Русская парусина пользовалась большим и неизменным спросом в Англии и у других морских держав. Новые предприятия этой отрасли возникали в таких городах, как Ярославль, Вологда, Калуга, Боровск. Крупным центром полотняного производства стал Серпухов.

Получает развитие производство бумаги, кожевенное, стекольное, химическое производство. К середине XVIII в. в России действовало 15 бумагоделательных, 10 стекольных, 9 химических мануфактур и др.

Но и тут, как и в сельском хозяйстве, производственные отношения характеризуются усилением подневольных форм труда. Как и в петровскую эпоху, главным бичом развития русской промышленности была

нехватка рабочих рук. В 30–50-е годы XVIII в. промышленники широко пользуются правом покупки крестьян к мануфактурам, расширяя сферу принудительного труда в промышленности. Указом же 1736 г. те немногочисленные заводские вольнонаемные рабочие и их дети, оставшиеся при фабриках еще с петровских времен, становятся крепостными («вечноотданными»).

Эксплуатация на таких мануфактурах была чудовищная, хотя посессионные крестьяне по закону не отдавались в рекруты и имели право подачи челобитной в Берг- и Мануфактур-коллегии, коим и были подсудны. Со своей стороны, государство в XVIII в. резко расширяет и практику приписки государственных крестьян к фабрикам и заводам. Приписные крестьяне работали главным образом на уральских металлургических заводах (по 100–150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи).

Наконец, еще одна сфера применения принудительного труда — помещичьи вотчинные предприятия. В России существовала государственная винная монополия и поставка вина казне являлась делом очень доходным. Это скоро поняли владельцы имений, которые были расположены в плодородных, но отдаленных от рынков сбыта районах: юг Тамбовской губернии, Воронежская, Курская, Пензенская губернии, Слободская Украина и т.д. Здесь очень быстро возникают крупные винокуренные заводы с применением труда своих же крепостных.

Другая отрасль промышленности, где проявилось дворянское предпринимательство — это суконная и отчасти парусно-полотняная промышленность. Организованная на основе крепостного труда, она получила распространение в основном в южных районах страны: Воронежская, Курская, частично Тамбовская губернии и др. Здесь были, как правило, мелкие предприятия на 2–3 десятка станов.

Все названные нами разновидности крепостного подневольного труда в промышленности иллюстрируют своеобразнейшую черту российской экономики XVIII столетия. Заимствование капиталистической технологии в период петровских реформ и после, по сути, привело к созданию в промышленности особых форм подневольного, крепостного труда.

В условиях крайнего ограничения свободы передвижения населения внутри страны, резкой изоляции городского населения от сельского, фактического отсутствия притока сельского населения в города городское население в России увеличивалось крайне медленными темпами (а в 40–50-х гг. XVIII в. даже уменьшилось). В целом же оно составляло не более 4% населения страны. Город, с точки зрения экономической, был довольно слабым, и его промышленность далеко не отвечала потребностям развивающегося народного хозяйства.

Одной из ярчайших особенностей экономического развития России в этой связи являлось появление промышленных центров не столько

в городе, сколько в селе. Так, с конца XVII — начала XVIII столетия появились десятки торгово-промышленных поселений, где население было занято не в земледелии, а на «промыслах». Это, например, владимирские села Дунилово, Кохма, Палех, Мстера, Холуй, нижегородские села Павлово, Ворсма, Безводное, Лысково и пр. К середине XVIII столетия многие из них по количеству населения были крупнее, чем иной город. Иначе говоря, процесс общественного разделения труда сложился так, что в каждом конкретном селе развивалась специализация преимущественно какого-то одного вида производства. В таком селе все или почти все жители были либо сапожниками, либо бондарями, либо ткачами и т.д. Это было типичное мелкотоварное производство. Со временем из таких предприятий начинают выделяться более крупные. Так из недр мелкого товарного производства постепенно вырастает производство мануфактурное, появляются капиталистические мануфактуры. Однако из-за сезонности производства и краткосрочности найма рабочих, процесс укрупнения проходил очень медленно и численность крупных производств оставалась небольшой.

Ярким примером подобного процесса служит история текстильного производства села Иваново Владимирской губернии. Все жители этого села с конца XVII столетия занимались ткачеством. Основная продукция — холсты и знаменитое «ивановское» полотно. К 80-м годам XVIII в. у 37 владельцев текстильных заведений работало уже от 2 до 15 наемных рабочих. Интересно, что разбогатевшие капиталисты-крестьяне все равно оставались крепостными своего барина, целиком зависели от его произвола.

Укрупнение мелкотоварного производства, растущее применение наемного труда в XVIII столетии можно наблюдать и в других отраслях производства: в металлургии и металлообработке, кожевенном деле, химической промышленности и т.п. Встречаются предприятия капиталистического типа и в крупнейших городах России (Москва, Ярославль, Нижний Новгород, Казань и др.). В стране постепенно формируется капиталистический уклад.

Как писали современники, в 30-х гг. XVIII в. «непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожаи хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие бесчеловечия, приводящие в содрогание и помышляющих об оных, уныние, стон, слезы, вопль распространились по всей империи». Крестьяне боролись против угнетения и лихоимства как умели и как могли. Они бежали на юг и на север, бежали «к башкирцам» на восток. Бежали дворовые люди и солдаты, работные люди с заводов и мануфактур, бежали мобилизованные на строительные работы. Число беглых росло, несмотря на свирепые законы, наказания и устройство разного рода застав и кордонов. С 1719 по 1727 г. только по официальным данным

было зарегистрировано около 200 000 беглых. Порою уходили целыми деревнями. В 1735 г., например, в дворцовых селах Морозовской волости Можайского уезда ушло более половины всего населения. В 1742 г. только в одном Переславль-Залесском уезде остались пустыми 68 помещичьих деревень. В 20–30-х гг. XVIII в. из 16 вотчин князя А. М. Черкасского бежали свыше 11 000 человек, т.е. почти каждый пятый крестьянин. Кары за укрытие беглых становились все более суровыми, но это никого не останавливало. Волна побегов постепенно затухает лишь в конце 40-х — начале 50-х гг.

Другой формой протеста была подача жалоб в Сенат и Синод. Но искать правды у правительства было делом очень нелегким и практически всегда бесполезным. Даже тогда, когда под напором жалоб Сенат назначил в 1758 г. комиссию для разбора челобитий крестьян целого ряда монастырей, то, просуществовав 4 года, она оставила все жалобы без последствий. Тогда, отчаявшиеся крестьяне вступали и на путь активной борьбы. Они уходили в леса и образовывали «разбойничьи» шайки. Во второй четверти XVIII в. официальные документы их фиксировали в 10 губерниях Центральной России.

В 40–50-х гг. XVIII в. по всей стране прокатывается волна выступлений монастырских крестьян. Их положение в это время оказалось наиболее тягостным. Историки насчитывают в разных местностях помимо отработки барщины от восьми до тридцати денежных или натуральных видов оброков. Кроме того, монастырская система управления вотчинами имела множество мелких управленцев (приказчиков, сотских, различного рода посыльных от монастырской братии и т.д.), которые также чинили свой произвол, мелкий, но от того не менее разорительный. Этот произвол и угнетение монастырских крестьян в означенное время достигли высшей точки, что способствовало возникновению около 60 крупных крестьянских восстаний.

Массовые волнения монастырских крестьян привели в конце концов к обсуждению вопроса о них в правительственных кругах. С 1757 г. появились проекты секуляризации церковных имений, а в 1762 г. Петр III подписал указ о секуляризации церковных имуществ, практическое осуществление которого задержалось на два с лишним года. Восставали и помещичьи крестьяне.

Все эти выступления обычно завершались жестокими порками и экзекуциями присланных воинских команд. Однако в некоторых случаях возникало и вооруженное противостояние. Крестьяне Шацкого уезда Ново-Спасского монастыря, например, взяли в плен всю воинскую команду и сумели удержаться с августа 1756 г. по февраль 1757 г., когда восстание было жестоко подавлено с применением артиллерии.

Бурное сопротивление среди работных людей вызвал указ 1736 г. о «вечноотданных» к фабрикам и заводам. Еще вчера свободные, а теперь низведенные до положения крепостных, работные люди долгое

время стремились вернуть себе былую свободу. В 1748 г. вспыхнуло волнение работных людей на парусно-полотняной мануфактуре А.А. Гончарова в Малоярославецком уезде Калужской провинции. Они объявили акт 1736 г. незаконным. Во второй четверти XVIII в., начиная с 1722 г., почти непрерывно продолжались волнения работных людей на Московском суконном дворе. Жестокими наказаниями плетью, батогом, заключением в тюрьму власти подавили сопротивление восставших.

Отдельно следует сказать и о волнениях среди народов Поволжья и Сибири, вызывавшихся мздоимством царских чиновников, нарушением разного рода взаимных обязательств, захватом земель и пр. Так, в 1743 г. вспыхнули волнения мордвы в Терюшевской волости Нижегородской губернии. Поводом послужил приказ разрушить мордовские молельни и сжечь «священные рощи». Число участников достигло 6 тыс. человек. С оружием в руках крестьяне сумели продержаться около двух лет.

С 30-х гг. XVIII в. началось активное горнозаводское строительство на Южном Урале. Это вызвало приток населения из других областей России. В новые формы трудовой деятельности втягивалось и башкирское население. Развивается и башкирское феодальное землевладение. Местные башкирские феодалы, находившиеся на русской службе, стали вводить те же формы эксплуатации, что и русские помещики. Вместе с тем, у башкир еще бытовало и рабство.

Служилые башкиры-тарханы не платили ясак, полностью распоряжались землями своих волостей. Административная верхушка башкирского населения — старшины — к этому времени стала уже опорой царизма. Башкирское население несло нерегулярную военную службу в армии и на местных оборонительных линиях, было обложено ясачным окладом. В начале XVIII в. он был сравнительно небольшим (около 30 коп. с человека). С 30-х годов ясачный оклад начинает расти, и, в конце концов, в 1747 г. русское правительство ввело подушную подать в размере 80 коп. с души. Вместе с тем усилились земельные захваты русских дворян и служилых башкир. Наконец, активизация строительства оборонительных пограничных линий и крепостей легла огромным бременем на местное население. В связи с этим значительная часть общинных башкирских земель была изъята, а повинности населения резко возросли.

В итоге, в 1735 г. вспыхнуло восстание, целью которого было сопротивление строительству крепостей. В 1737 г. возникает новый очаг восстания на востоке края. Восставшие нападали на русские, чувашские, марийские селения, совершили набег на Воскресенский медный завод, нападали и на башкир, оставшихся верными правительству России. Подавить это выступление удалось лишь в 1738 г.

Наконец, в 1755 г. в Башкирии возникает новое движение, во главе которого встает мусульманское духовенство. Выступление было спровоцировано попытками царских властей запретить ислам и строительство мечети. И вот мулла Батырша (Абдулла Алеев) возглавил движение в защиту ислама, пытаясь вовлечь в «священную войну» всех мусульман. Батырша полагался на вмешательство Турции. Характерно, что на «священную войну» народ не пошел. Крупные башкирские феодалы участия в движении не приняли, а многие из них открыто выступили против восставших. Для подавления движения царские власти отправили 50- тысячное войско. Правительство объявило наряду с прямым подавлением амнистию всем сдавшимся, и восстание скоро заглохло. Однако царская администрация заметно изменила политику. Была прекращена насильственная христианизация, разрешено строительство мечетей. Одновременно правительство устраивало в Башкирии школы «для обучения инородцев русскому языку».

Вот тот социально-экономический фон, на котором началось царствование императора Петра III. Начало нового царствования, уже традиционно, было отмечено и перетряской в верхах. Из главных деятелей предыдущего царствования в окружении нового монарха остались Петр и Александр Шуваловы. Петр Иванович сохранил пост генерал-фельцехмейстерав (после его скорой смерти в 1762 г. эта должность досталась бывшему кабинет-министру генерал-поручику Александру Никитичу Вильбоа). Александр Иванович стал командиром гвардейского Семеновского полка. Еще один бывший фаворит Елизаветы Петровны, знакомый нам, Иван Иванович Шувалов утратил свои позиции при дворе, хотя и избежал откровенной опалы, оставшись куратором созданных им же высших учебных заведений — Московского университета и Академии художеств. Морганатический муж почившей императрицы Алексей Разумовский указом 6 марта 1762 г. был уволен от всех своих должностей, но не был лишен состояния. Сразу после смерти Елизаветы он поселился в своем Аничковом дворце и время от времени удостаивался визитов нового монарха, любившего иногда по вечерам выкуривать трубку в кампании гостеприимного графа. Его брат, Кирилл Разумовский продолжил исполнять обязанности Президента Академии наук.

Еще один бывший кабинет-министр императрицы Елизаветы генерал-аншеф Александр Иванович Глебов стал генерал-прокурором Сената, а бывший президент Военной коллегии Никита Юрьевич Трубецкой вступил в командование Преображенским полком.

Из высочайших милостей, объявленных от лица нового императора, было возвращение из ссылки в столицу опального фельдмаршала Бурхарда Миниха с сыном и Бирона с семьей. По докладу канцлера М. И. Воронцова Петр III распорядился вернуть из ссылки инициатора заговора с целью возведения на престол почившей императрицы

Иоганна Лестока. И только опальный канцлер Бестужев-Рюмин не удостоился высочайшего прощения.

Краткий период царствования Петра III ознаменовался рядом реформ, которые, к слову сказать, показывают, что инициировавший их монарх отнюдь не был столь глуп, как он представляется в записках его супруги. И первым из законоуложений нового царствования был именной указ о веротерпимости. Он был обнародован Сенатом 29 января 1762 г. Мы вскользь касались этого вопроса, когда я рассказывал о церковном Расколе в XVII в.[1] Напомню, что после свершения раскола противники нововведений, произведенных патриархом Никоном, находились под неизменным жесточайшим прессингом церковных и светских властей. При Петре Великом эти репрессии в принципе не ослабли, но... в государственной политике относительно старообрядцев произошли определенные изменения. Царь открыто осыпал благодеяниями тех представителей Раскола, кто занимался полезной, с его точки зрения, деятельностью. Так, выгорецкие и поморские раскольники получали от него льготы за организацию горных заводов в Олонецком крае и отыскание месторождений необходимых полезных ископаемых. Хотя при этом Петр открыто преследовал идеологов Раскола как активных противников модернизации страны. Их секли кнутом, прижигали раскаленным железом, вырывали ноздри, вырезали язык, ссылали в Сибирь, сгоняли на принудительные работы. Этим, к слову сказать, царь плодил новых фанатиков. Борьба с Расколом не прекращалась и при Елизавете Петровне.

Новый император по совету генерал-прокурора Глебова решил прекратить преследование инаковерующих. Пресловутым указом 29 января всем раскольникам, бежавшим от преследований на окраины государства, а также за границу, было разрешено вернуться в Россию, селиться в Сибири и жить по своим обычаям и старопечатным книгам. Арестованных раскольников предписывалось немедленно освободить. Запрещались гонения на инородцев на религиозной почве. Несмотря на то, что в практическом плане результаты реализации этого указа были невелики, но свергнувшей своего мужа Екатерине II пришлось подтвердить его в 1773 г., запретив архиереям православной церкви «вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам». В большей степени облегчение почувствовали на себе представители других конфессий России, в первую очередь, католики, протестанты и мусульмане. Тем не менее этот указ стал первым законодательным актом, обозначившим направление дальнейшего движения страны в сторону свободы вероисповедания.

---

[1] См.: *Гутнов Д. А.* Курс русской истории VI–XVII вв. Учебное пособие. М.: Проспект, 2020. С. 409–429.

В дополнение к этому 21 марта того же года был издан Указ о секуляризации монастырских и церковных имений. Вопрос о секуляризации церковных имуществ поднимался еще при Елизавете Петровне. Тогда церковным властям удалось отстоять свою собственность, но было принято решение, что управление монастырскими имениями должно осуществляться не церковными служителями, а светскими — отставными штаб- и обер-офицерами. Теперь же по новому указу управление этими имениями переходило в специально создаваемую Коллегию экономии. Крестьяне же освобождались от барщины, но обязаны были нести денежный оброк в пользу государства. Президентом новой коллегии стал князь В. Е. Оболенский. Указ существенно облегчил жизнь значительной части русского крестьянства, ибо «государево тягло» было в разы легче тягла монастырского (см. выше).

18 февраля 1762 г. был обнародован Манифест о вольности дворянства, существенно расширивший круг прав и свобод одного из сословий Российской империи — дворян. Если в 1736 г. указом Анны Иоанновны их служба была ограничена 25 годами, то теперь дворяне вовсе освобождались от несения военной и гражданской службы, получили право по собственному желанию вступать в нее и точно также по первому желанию с нее увольняться. Им запрещалось уходить с военной службы лишь в период ведения военных кампаний или брать отпуска за три месяца до начала войны. Более того, дворянам была дарована свобода передвижения: они теперь могли беспрепятственно выезжать за границу, жить и даже служить там по своему желанию. При этом выслуженные за границей чины сохранялись им и по возвращении домой. Запрещалось поступать на службу государям, находящимся в состоянии войны с Россией. Единственной обязанностью дворянского сословия согласно Манифесту о вольности дворянства оставалось обязательное получение образования в иностранных или российских учебных заведениях и домашнее обучение «через знающих и искусных преподавателей». Придя к власти, Екатерина II подтвердила этот манифест, а в 1785 г. существенно его дополнила и расширила в своей «Жалованной грамоте дворянству».

Явно популистским жестом было упразднение указом от 21 февраля 1762 г. Тайной канцелярии. Со времен правления Анны Иоанновны об этом учреждении шла дурная слава и, по совету своего ближайшего окружения, Петр III решил освободиться от того шлейфа негативных воспоминаний, эмоций и страхов, которые несло за собой это учреждение. Конечно же следствие по «Слову и делу государеву» в России не прекращалось, но уже другими инстанциями. Розыскные дела, согласно упомянутому выше указу, были переданы в Сенат, а эстафету тайных дел подхватила Тайная экспедиция. Формально она контролировалась и возглавлялась Генерал-прокурором Сената и просуществовала вплоть до 1801 г.

Однако же принятые законодательные акты не принесли Петру III ожидаемой популярности. Более того, в обществе зрело недовольство очередными кадровыми назначениями нового императора. Не последнюю роль здесь сыграл роспуск им Конференции — правительственного органа, определявшего внешнюю и внутреннюю политику страны в период царствования Елизаветы Петровны. 29 января 1762 г. был издан указ о «небытии» Конференции и передаче всех ее дел в Сенат и Иностранную коллегию. Последнюю хотя и возглавил действующий Канцлер М. И. Воронцов, однако на практике его роль сводилась к положению технического чиновника канцелярии. Внешнюю политику страны теперь определяли два немца: дядя императора, прусский генерал-майор в отставке, принц Георг Голштейн-Готтропский и прусский же посол при русском Дворе барон Бергардт-Вильгельм фон дер Гольц.

Недовольство императором возрастало и стало своего рода модным трендом. Даже придворные дамы осуждали между собой новый запрет монарха традиционных русских поклонов с заменой их французскими приседаниями. Причем, инициатор этого нововведения не гнушался передразнивать тех дам, у кого эти приседания плохо получались.

Интересно, что в своих донесениях в Берлин посол Гольц довольно точно информировал Фридриха II о растущем отчуждении между русским императором и его подданными и выражал опасения, что заговор с целью его свержения может произойти в случае даже недолгой отлучки Петра III из столицы. Реагируя на донесения посла, прусский король настойчиво предлагал Петру III поторопиться с коронацией.

Когда Фридрих II и его посол предостерегали Петра III от возможного против него заговора, они не знали, что подобный заговор уже существовал. И во главе его стоял не какой-нибудь авантюрист или ставленник конкурентов Пруссии по геополитической борьбе в Европе, но сама супруга императора — императрица Екатерина Алексеевна. В круг посвященных входили многие представители придворной титулованной аристократии: обер-гофмейстер Двора и воспитатель великого князя Павла Петровича Никита Иванович Панин, гетман Малороссии и президент Академии наук Кирилл Григорьевич Разумовский, генерал-прокурор Сената Александр Иванович Глебов, генерал-фельцехмейстер Александр Никитич Вильбоа, директор полиции Николай Андреевич Корф. Все эти лица в разной степени и по разным причинам были недовольны Петром III, полагали, что стране принесет больше пользы отстранение императора от престола, поддерживали Екатерину в ее стремлении взять власть, но не были столь решительны и единодушны, чтобы действовать. Так, например, Н. И. Панин предлагал возвести на престол не Екатерину, а ее сына — семилетнего Павла. Императрице же в этом плане была уготована роль регента.

Отдельно хотелось бы охарактеризовать еще одного участника заговора. Речь идет о Екатерине Романовне Дашковой (урожденной графине Воронцовой). Она была младшей сестрой Елизаветы Романовны Воронцовой — упоминавшейся мною ранее фаворитки Петра III. Родилась она в 1743 г. и воспитывалась в доме дяди — канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. С ранних лет девушка пристрастилась к чтению. Собственно, с цесаревной Екатериной Алексеевной их познакомило общее увлечение серьезной философской литературой и, через него, политикой.

В 1758 г. пятнадцатилетняя Екатерина Воронцова была сосватана за князя Михаила Ивановича Дашкова. Он был капитаном гвардии, находился в дружеских отношениях с братьями Орловыми и другими будущими заговорщиками. Таким образом, Дашкова оказалась связующим звеном между Екатериной Алексеевной и гвардией, с одной стороны, и придворной аристократией — с другой. Кроме того, она через свою сестру и других родственников по линии Воронцовых была хорошо осведомлена о планах окружения Петра III. Поэтому, когда она вошла в ближний круг Екатерины Алексеевны, ей многие из окружения молодой императрицы не доверяли, опасаясь близости ее отца и дяди к Петру III. Однако Екатерина Романовна сумела развеять эти сомнения.

В который раз практическое воплощение в жизнь планов заговорщиков стало возможно лишь после того, как в заговор оказались посвящены гвардейские офицеры. Первыми из них стали пять братьев Орловых, служивших в гвардейском Преображенском полку[1]. Главную роль в заговоре 1762 г. сыграли двое из них — Григорий и Алексей.

Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783 гг.) — артиллерийский офицер, получил домашнее образование и в 15 лет вступил в военную службу рядовым Семеновского полка. Участвовал в Семилетней войне. В сражении под Цондорфом был трижды ранен, но поля боя не покинул. Это снискало ему уважение и популярность в армии. По возвращении в Санкт-Петербург он обратил на себя внимание генерал-фельцехмейстера графа П. И. Шувалова, который взял его своим адъютантом. Правда, тут возникла одна незадача. У нового красавца-адъютанта и героя войны вскоре случился роман с возлюбленной его шефа княгиней Куракиной. Это закономерно закончилось отстав-

[1] Согласно семейной легенде, род Орловых вел свое происхождение от стрельца Григория Орла, который прославился тем, что принимал участие в стрелецком бунте и был приговорен к смерти. Во время казни он, якобы, сказал Петру, наблюдавшему за экзекуцией: «Отойди, государь, от плахи — как бы кафтан тебе не обрызнуть кровью». Петр запомнил смельчака и взял на себя заботу о его детях. В частности, отец упомянутых пятерых внуков Орла закончил свою карьеру в должности новгородского губернатора.

кой от должности, определением в фузилерский гренадерский полк и... ростом популярности в высшем петербургском (особенно женском) обществе. Летом 1761 г. он был представлен Екатерине Алексеевне, которая безоглядно в него влюбилась. Это был третий, и самый продолжительный роман в жизни будущей императрицы. Весной 1762 г., когда императорская чета переехала в обновленный Зимний дворец, от этой связи она родила своего второго сына — будущего графа А. Г. Бобринского.

Его брат, Алексей Григорьевич Орлов (1737–1807 гг.), получил образование в Шляхетском Сухопутном корпусе, откуда поступил рядовым в гвардейский Преображенский полк. К 1762 г. дослужился до сержанта. Его отличало атлетическое сложение и решительность действий. В развернувшихся вслед за тем событиях он сыграл не меньшую, а может быть и большую роль.

К лету 1762 г. в гвардейских полках уже насчитывалось около 40 офицеров, сочувствовавших или участвовавших в заговоре. Они могли по первому же зову Екатерины привести с собой 10 000 солдат Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. Многие из них предлагали действовать как можно скорее. Однако по настоянию более осторожных участников заговора из числа придворных, было решено выступить, когда император, планировавший начать войну с Данией, отправится в расположение русских войск в Померанию.

Но развязка наступила несколько раньше. 9 июня 1762 г. на торжественном приеме на 400 персон по случаю обмена верительными грамотами с послами Фридриха II не в меру вышивший Петр III в присутствии членов иностранного дипломатического корпуса обозвал свою жену дурой и вечером приказал адъютанту И. С. Барятинскому арестовать ее. Перепугавшийся князь, зная взбалмошный характер Петра, решил проконсультироваться с дядей императора — принцем Георгом. Тот поспешил в Зимний и настоятельно посоветовал племяннику отменить вздорный приказ пока не поздно. Протрезвев к тому моменту, Петр признался, что погорячился. Однако было уже поздно. Решение о перевороте было Екатериной и ее сторонниками принято. Заговорщики из числа гвардейцев были готовы действовать.

Такой момент настал 12 июня, когда Петр III с Елизаветой Воронцовой и свитой отбыли в Ораниенбаум. В свою очередь 17 июня Екатерина в сопровождении приближенных отправилась в Петергоф. 29 июня должен был праздноваться день именин Петра, и император предупредил жену, что прибудет в Петергоф 28 июня на праздничный обед.

Накануне, 27 июня был арестован один из участников готовящегося переворота капитан Преображенского полка Петр Пассек. К нему обратился один из солдат и спросил прямо, когда будут свергать императора. Капитан уклонился от ответа. Не удовлетворившись, солдат

повторил вопрос дежурному штаб-офицеру. Тот, узнав, что солдат перед этим спрашивал Пассека, арестовал обоих и доложил обо всем по вышестоящему командиру майору Воейкову. Через него информация о заговоре стала известна императору в Ораниенбауме, что и послужило сигналом к началу переворота.

Ранним утром 28 июня Екатерину, жившую во дворце Монплезир в Петергофе, разбудил прискакавший из столицы Алексей Орлов. Он сообщил ей все детали произошедших накануне событий и сказал, что надо немедленно ехать к гвардейцам. Поспешно одевшись, Екатерина села в карету. Орлов занял место на козлах. Сопровождавший его гвардейский офицер В. И. Бибиков (будущий первый Директор Императорских театров), изготовив пистолеты, расположился у дверцы. В пяти верстах от Петербурга карету встретили Григорий Орлов и князь Федор Барятинский. Последний уступил Екатерине свою лошадь, ибо кони, запряженные в карету, падали от усталости.

Экипаж Екатерины направился к казармам Измайловского полка в район нынешнего пересечения Измайловского проспекта и Красноармейских улиц в Санкт-Петербурге. Когда она прибыла в расположение полка, солдаты уже были подняты по тревоге. Прибывший к измайловцам шеф полка Кирилл Разумовский присягнул новой императрице. Священник полковой церкви привел к присяге личный состав полка. После этого Екатерина проследовала в расположение Семеновского полка в пригородную слободу Семенцы (район между современными Звенигородской улицей, Обводным каналом, Загородным и Московским проспектом в Санкт-Петербурге). Там и сейчас сохранились каменные казармы полка, построенные в конце XIX в. Семеновцы также приветствовали Екатерину криками «ура» и присягнули ей. Затем в сопровождении солдат и офицеров двух полков она направилась в Казанский собор, где новгородский архиепископ Дмитрий Сеченов отслужил молебен и торжественно провозгласил с амвона самодержавную императрицу Всея Руси Екатерину Алексеевну, а наследником Великого князя Павла Петровича.

Из собора карета новой императрицы в сопровождении Григория Орлова, Кирилла Разумовского, генерал-фельдмаршала Вильбоа и генерал-майора Брюса двинулась к Зимнему дворцу. Когда шествие достигло Дворцовой площади, на ней уже находились солдаты Преображенского полка. Они просили прощения за то, что прибыли последними, ибо их пытались задержать верные присяге офицеры. Позже к ним присоединились еще четыре полка армейской пехоты с артиллерией. Состоялся импровизированный смотр войск. Екатерина обошла выстроившиеся на площади полки. Затем под крики «ура» ее внесли в Зимний дворец и усадили на трон. К этому времени во дворце собрались члены Сената и Синода. Никита Панин поднес на подпись императрицы наскоро составленный Манифест о ее восшествии на

престол. Затем сенаторы и члены Святейшего Синода приняли присягу новой самодержице.

Решительная поддержка гвардии обеспечила Екатерине полную победу в столице. Зная, что солдаты Конногвардейского полка ненавидят своего шефа — принца Георга Готтентропского, она даже послала к его дому охрану. Однако эта мера запоздала. Конногвардейцы уже побывали в доме своего командира, изрядно побили его и разграбили имущество.

Затем последовали первые поручения новой императрицы: адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину было велено срочно отправиться в Кронштадт и принять командование гарнизоном крепости; вице-адмиралу Андрею Ивановичу Полянскому — привести к присяге корабли флота и личный состав Адмиралтейства; генерал-поручику Петру Ивановичу Панину — прибыть в расположение русской армии в Померании, принять командование и вернуться с войсками в Россию; генерал-аншефу Захару Андреевичу Чернышову — прекратить боевые действия вверенных ему войск на стороне Пруссии против Австрии и вернуться с ними домой.

Сделав эти распоряжения, императрица лично возглавила поход верных ей войск на Петергоф, куда к тому времени должен был прибыть Петр III. Интересно, что участвовавшие в походе офицеры успели выбросить ненавистную им прусскую форму и одели старые русские мундиры. Сама Екатерина была одета в мундир полковника Преображенского полка. Ее сопровождала княгиня Е. И. Дашкова.

Тем временем, ничего не подозревавший о происходящем в столице Петр III 28 июня провел смотр своим голштинским войскам в Ораниенбауме и ближе к полудню со всей свитой отправился в Петергоф. Посланный вперед генерал-адъютант А. В. Гудович неожиданно вернулся и сообщил, что Екатерины нет в Монплезире и никто не знает, где она. Петр вспылил и, выскочив из экипажа, вместе с Гудовичем через сад пешком направился к резиденции жены. Там он обнаружил только приготовленное для праздника ее бальное платье. Петр разразился громкими проклятиями в адрес супруги и бросился ее искать по саду. Наконец, некто, по виду крестьянин, передал ему записку от его бывшего камердинера, в которой сообщалось о дворцовом перевороте в столице.

Присутствовавшие при сем канцлер М. И. Воронцов, князь Н. Ю. Трубецкой и граф А. И. Шувалов вызвались отправиться в столицу разведать обстановку. Они прибыли в Санкт-Петербург вечером того же дня и тут же приняли присягу новой императрице. Воронцов временно от присяги воздержался и принял ее после смерти Петра III. Прибывшие рассказали о том, как развивались события в Ораниенбауме и Петергофе.

В три часа пополудни в Петергоф пришли новые тревожные известия из столицы. Прибывший на военном баркасе голштинец-фейерверкер рассказал о мятеже в Преображенском полку и о том, что солдаты, вышедшие из повиновения, кричали: «Да здравствует императрица Екатерина!». Петр от этих новостей растерялся.

Сначала он предполагал организовать оборону в Петергофе и даже вызвал свои голштинские войска из Ораниенбаума. Они прибыли в Петергоф вечером того же дня. Однако входивший в свиту Петра престарелый фельдмаршал Миних убедил его, что 700 голштинцев ничего не смогут сделать против гвардейских полков, присягнувших Екатерине. Тогда было принято решение перебраться в Кронштадт под защиту крепостных бастионов. Поздно вечером император со свитой погрузился на галеру и яхту и отплыл из Петергофа. Однако в Кронштадте уже вовсю командовал адмирал Талызин. Когда галера с свергнутым императором на борту приблизилась к крепостному рейду, с берега просигналили, что откроют огонь, если судно попытается пристать к берегу. Тот же Миних советовал Петру III идти на веслах до Таллина, а там пересесть на какое-нибудь судно побольше и бежать в Померанию. Однако, все нашли этот план неосуществимым. Низложенный монарх решил вернуться в Ораниенбаум и вступить в переговоры с супругой.

Тем временем Екатерина и сопровождавшие ее полки встали на ночлег в 10 верстах от Санкт-Петербурга. Наутро поход возобновился. Войска маршем дошли до Сергиевой Пустыни. Здесь Екатерину встречал вице-канцлер Александр Михайлович Голицын с письмом от Петра III. Император предлагал Екатерине разделить с ним власть. Ответа не последовало. Поход продолжился.

Почти у цели Екатерину встретил генерал-майор Лев Дмитриевич Измайлов. Он сообщил, что Петр III намерен отречься от престола, и добавил от себя, что после отречения он привезет свергнутого императора в расположение верных Екатерине войск, чем спасет Отечество от междоусобной войны. Екатерина не возражала, но вместе с Измайловым отправила гусарский отряд под командованием Алексея Орлова. Этот отряд и занял Петергоф. Затем к городу стали подходить и остальные полки.

Петр III подписал отречение от престола, составленное камергером Г. Тепловым. В первом часу дня Григорий Орлов и Измайлов привезли к Екатерине отрекшегося императора. Он был арестован. Вечером того ж дня его под охраной отправили в Ропшу — небольшой загородный дворец в 27 верстах от Петергофа. Екатерина же в сопровождении Е. Дашковой, Г. Орлова, К. Разумовского и других участников заговора отбыла в столицу.

На следующий день 30 июня 1762 г. состоялось восшествие на престол Екатерины II. Оно сопровождалось всеобщим ликованием.

Достаточно сказать, что позже Сенат вынужден был удовлетворить ходатайство винных торговцев о возмещении им 24 000 рублей убытков. В такую цену они оценили все выпитое в этот день во славу новой императрицы. На следующий день был опубликован Манифест, в котором подданные извещались, что бывший император скончался вследствие припадка геморрадической лихорадки... Однако в эту версию мало кто верил из современников. Не доверяли ей и историки.

Долгое время конец отрекшегося императора оставался неизвестным. Говорили, что он неожиданно скончался во время ужина в Ропшинском Путевом дворце. Факт его убийства подтвердился лишь 34 года спустя. Разбирая по поручению императора Павла I секретные бумаги почившей 6 дней назад императрицы, граф А. А. Безбородко обнаружил среди прочего и записку, адресованную Екатерине Алексеем Орловым. Он писал: «Матушка, милостиливая государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось? <...> Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда произошла! <...> он (Петр III. — *Д.Г.*) заспорил за столом с князем Барятинским — не успели мы их разнять, а его не стало. Не помним, что и делали, но мы все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата! <...>

Император Петр III был похоронен в Александро-Невской Лавре по ритуалу придворного офицера. Тело его в прусском военном мундире с большими крагами на рукавах и в треуголке было выставлено на всеобщее обозрение. Несмотря на то, что новая императрица хотела присутствовать на похоронах супруга, Сенат по инициативе Н. И. Панина нижайше просил Екатерину не делать этого.

Интересно, как оценил свершившийся в Санкт-Петербурге переворот пристально наблюдавший за всем происходившим прусский король Фридрих II. В беседе с французским посланником графом Сегюром, направлявшимся в Россию, он сказал: «По справедливости императрице Екатерине нельзя приписать ни чести, ни преступления этой революции: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, накануне развода и заточения. Орловы сделали все: княгиня Дашкова была только хвастливой мухой в повозке. Екатерина еще не могла ничем управлять; она бросилась в объятия тех, кто хотел ее спасти. Их заговор был безрассуден и плохо составлен. Но отсутствие мужества в Петре III, несмотря на советы храброго Миниха, погубило его: он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать».

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
2. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986.
3. *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998.

4. *Иванов О.А.* Екатерина II и Петр III: история трагического конфликта. М.: Центрполиграф, 2007.
5. *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
6. *Мыльников А.С.* Легенда о русском принце. Л.: Наука, 1987.
7. *Мыльников А.* Петр III: повествование в документах и версиях. Сер. ЖЗЛ. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009.
8. *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2000.
9. Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года. М.: Слово, 1997.
10. *Штелин Я., Мизере, Димсдейл Т.* и др. Екатерина: Путь к власти. 2-е изд. М.: Фонд Сергея Дубова, 2012.

Глава VIII

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II. НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ. «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ»

Первые шаги Екатерины II в качестве новой самодержавной императрицы свидетельствуют о ее стремлении укрепиться на престоле. Как мы помним из прошлого рассказа, в среде вельмож, поддерживавших новую обладательницу престола, были те, кто полагал, что императором следовало бы объявить не ее, а законного наследника — великого князя Павла Петровича. Чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений в том, кому отныне принадлежал русский престол, Екатерине требовалось провести официальную церемонию коронации. И она состоялась в Москве 22 сентября 1762 г. Этому событию предшествовал торжественный въезд Екатерины с наследником, чинами двора, двадцатью сенаторами и членами Святейшего Синода в древнюю столицу.

Церемония коронации проходила в Успенском соборе Кремля и была обставлена крайне пышно. По такому случаю народу было предложено богатое угощение: на Ивановской площади в Кремле и на Красной площади стояли пирамиды хлеба, жареные быки, бараны и другая снедь. Три ночи непрерывно били фонтаны вина и водки. В народ разбрасывали деньги — было приготовлено 120 дубовых бочек, в каждую из них входило до 5 000 руб. разменной монеты.

После коронации Екатерина отправилась на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, а оттуда пешком ходила в Ростов на поклонение мощам святого Димитрия Ростовского. Все это свидетельствовало о желании новой императрицы быть популярной в самых широких народных массах. Однако «состояние обеих столиц одинаково возбуждало опасения и заботы правительства».

Среди вельмож и гвардейских офицеров, которые составили заговор с целью возвести Екатерину на престол, стал намечаться очевидный раскол. Братья Орловы, сыгравшие ключевую роль в перевороте (за что удостоились высочайших наград и пожалований, включая графское достоинство), вызывали ревность и зависть у менее деятельных участников заговора. К тому же ни для кого не были секретом отношения,

связывавшие императрицу с Григорием Орловым. Более того, Екатерина даже предполагала узаконить эти отношения и вступить в брак со своим фаворитом.

Однако, на этом пути стояло множество юридических и процессуальных препон. Бракосочетание императрицы и простого гвардейского офицера (пусть даже дворянина) по тем временам было нонсенсом. Правда, как мы помним, прецеденты на русском престоле все же были. Достаточно вспомнить второй брак Петра Великого с Мартой Скавронской или же морганатический брак Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. И Екатерина решила действовать. По ее указанию были составлены два манифеста: в первом объявлялось, что императрица вступает в брак с Григорием Орловым. Во втором же престарелый Алексей Разумовский награждался титулом императорского высочества, поскольку он хотя и тайно, но законным порядком был обручен с покойной императрицей Елизаветой. Оставалась самая малость — получить согласие самого бывшего «полночного императора», который коротал старость в Аничковом дворце.

Для выполнения этой деликатной миссии к Алексею Разумовскому был отправлен канцлер М. И. Воронцов. Ознакомившись с проектом манифеста, хозяин Аничкова дворца достал из потайного ларца брачные документы, зачитал их канцлеру и бросил в пылавший камин. После чего спокойно добавил: «Я был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих... Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов». Когда Воронцов доложил Екатерине о результатах своей миссии, она заметила: «Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало... Шепот о сем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик не предупредил меня, но я ожидала этого...»

Почувствовав себя после этого более уверенно, Екатерина предприняла шаги, направленные на то, чтобы освободиться от вельмож, занимавших высокие должности при дворах Елизаветы и Петра III. Отставку получили генерал-фельдмаршалы А. И. Шувалов и Н. Ю. Трубецкой, а также генерал-адмирал М. М. Голицын. Уличенный в денежных махинациях, лишился своего почетного поста генерал-прокурор А. И. Глебов. Он уступил это место князю Я. П. Шаховскому. Бывший в дружеских отношениях с императрицей, генерал З. Г. Чернышев тоже не избежал отставки, но через год, после письменных заверений в его личной преданности, снова вернулся на должность вице-президента Военной коллегии. Для характеристики личности Екатерины этого периода очень показателен эпизод с просьбой об отставке генерал-поручика П. А. Румянцева — выдающегося военачальника, снискавшего славу в годы Семилетней войны. Он пользовался расположением Петра III, и потому сам подал прошение об увольнении со службы.

Известен ответ Екатерины. «Вы судите меня по старинным поведениям, когда персоналитет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека, и думается, что бывший ваш фавер ныне вам в порок служить будет... Но позвольте сказать: вы мало меня знаете, приезжайте сюда, если здоровье ваше то дозволит, вы приняты будете с тою отменностию, которую ваши отечеству заслуги и чин ваш требуют». Отставка Румянцева принята не была. Более того, ему вскоре было дано ответственное задание, о котором я скажу чуть позже.

Уже в первые дни после переворота Н. И. Панин, возглавивший вместо М. И. Воронцова Иностранную коллегию, подал императрице проект учреждения т.н. Императорского совета. Он должен был состоять из четырех статских секретарей: иностранных дел, внутренних дел, военного и морского департамента и двух советников, обсуждавших дела насущного государственного управления непременно в присутствии императрицы, после чего она должна была «определять последнюю резолюцию». Как полагают многие исследователи, таким образом под видом защиты монархии Панин пытался склонить Екатерину к той или иной форме «аристократического правления». В конце проекта автор предлагал разделить Сенат на шесть департаментов.

Екатерина не осуществила панинского проекта, но реализовала его заключительную часть. 15 декабря 1763 г. был подписан указ о разделении Сената на шесть департаментов. Первые четыре, ведавшие внутренними и политическими делами, полицией, делами судными, военными и морскими, положением в Малороссии, Финляндии и Остзейских провинциях, Академии наук и Академии художеств и университета, находились в Петербурге. Пятый, московский, департамент принял дела бывшей Сенатской конторы, а шестой дублировал деятельность второго петербургского, т.е. занимался судными делами. На департаменты были разделены многие бывшие коллегии: Юстиц-коллегия, Вотчинная коллегия, и пр. Этой реформой Екатерина подорвала единство сплоченной дворянской бюрократии и развязала себе руки для единоличного управления страной. Так она в дальнейшем и правила, в исключительных случаях созывая в качестве совещательного органа Совет при высочайшем дворе, составленный из крупных сановников по ее выбору.

С другой стороны, отдавая отчет в трудности своего положения, намереваясь сгладить впечатление от захвата власти и желая стать популярной в чужом отечестве, императрица щедро одарила своих приверженцев земельными пожалованиями и крепостными. Участникам переворота, обеспечившим ей трон, она пожаловала 18 000 крепостных и 86 000 руб. наградных. За время своего царствования она раздала дворянам 800 000 крестьян обоего пола.

Возведенная на престол гвардией, императрица знала, что дворянство не довольствовалось Законом о вольности дворянства, а требовало

расширения и укрепления своих прав как господствующего сословия. Целям укрепления монопольных прав дворян на землю был подчинен указ 1762 г. о запрещении промышленникам покупать к своим предприятиям крепостных крестьян. Указ этот имел двоякое значение. С одной стороны, он знаменовал собой окончание повсеместной практики покупки крестьян к заводам. Поэтому купцы, основывавшие новые мануфактуры, вынуждены были искать и находить наемных рабочих, а это — признак зарождения капиталистических производственных отношений. С другой стороны, этот документ служил целям монополизации прав дворян на землю и никак не мешал тем из них, кто решил заняться предпринимательством, использовать на производстве своих крепостных. В дополнение к этому указу в том же году Екатерина подтвердила положения Манифеста о вольности дворянства.

Поскольку, как мы говорили в прошлой лекции, воспользовавшись этим Манифестом, многие дворяне потянулись в свои имения и начали ими управлять, это породило в дворянском обществе ряд проблем. Их пришлось решать, в том числе, и на законодательном уровне. Сосредоточив в своих руках, согласно Манифесту, огромные земельные владения, многие помещики сталкивались с неопределенностью границ своих угодий. Где-то эти границы вызывали споры «хозяйствующих субъектов», где-то имели место захваты порубежных участков, статус отдельных владений был не определен и пр. Еще в 1754 г. правительством Елизаветы Петровны была сделана попытка навести порядок в этой области, однако успехом она не увенчалась. И вот в 1765 г. манифестом правительства было начато Генеральное межевание. Манифест и «Генеральные правила, данные Межевой комиссии для сочинения по оным Межевой инструкции» устанавливали цель генерального межевания — «утвердить спокойствие, права и надежность каждого владельца в его имении». Генеральные правила объявляли, что обязательное прекращение общего и чересполосного владения является делом будущих специальных и уездных межеваний и что прямая задача Генерального межевания — размежевать дачи, а не владельцев, кроме тех, которые разведутся полюбовно и будут просить об укреплении их полюбовных границ. Генеральное межевание устанавливало, что фактическое владение на 1765 г. должно служить основанием для закрепления права на будущее. Этому процессу сопутствовала продажа из казны помещикам по дешевой цене степных земель, не имевших «законных» владельцев. Межевые работы были начаты с Москвы. Уже в первое лето производства межевых работ в Московской губернии было обмежевано 1398 дач, а на следующий год работы в столичной губернии были завершены. За период с 1766 г. по 1781 г. работы по Генеральному межеванию выполнялись, помимо Московской, в Рязанской, Владимирской, Орловской, Воронежской губерниях. Всего за это время было обмежевано 29855 дач.

Другим препятствием на пути рациональной организации хозяйства была повальная неграмотность дворян в области сельскохозяйственного производства, агрономии и управления имениями. Каждая новая хозяйственная потребность помещика обычно удовлетворялась путем установления нового налога на крепостные души. Решить эту проблему должно было открытие в 1765 г. в Санкт-Петербурге под покровительством самой Екатерины II Вольного Экономического общества — одной из старейших из ныне существующих научно-просветительских организаций в нашей стране. Согласно своему уставу, Общество имело целью изучение положения русского земледелия, условий хозяйственной жизни страны и распространение полезных для сельского хозяйства сведений. Одним из первых в России оно стало собирать статистические данные (в частности, о состоянии почв и лесов, о хлебной торговле и разведении пчел, о селекции скота и т.д.), издавать свои труды и проводить открытые конкурсы. Эти меры имели свои благотворные последствия в лице появления отдельных представителей дворянского сословия, которые внесли реальный вклад в дело становления отечественной агрономии. В качестве примера здесь можно привести фигуру Андрея Тимофеевича Болотова — тульского помещика, философа-моралиста, писателя и одного из первых русских ученых-агрономов, который своими трудами, публиковавшимися в изданиях Вольного Экономического общества, заложил основы русской агрономической науки. По рекомендации общества он описал, а затем более двадцати лет управлял собственными имениями Екатерины II в Киясовской и Богородицкой волостях Тульской губернии.

Кстати говоря, одним из первых конкурсов, объявленных с ведома и согласия императрицы, был конкурс на лучший проект решения крестьянского вопроса в России. В нем, между прочим, могли участвовать и иностранцы. Так, было подано несколько интересных проектов.

Из русских работ выделили проект А. Поленова, который предложил максимально послабить крепостничество в России, передавая крестьянам большие наделы земли, однако взамен наделив их повинностями. Эта работа так и не была напечатана, поскольку содержала детальную критику крепостнической системы России. Из иностранных сочинений самым радикальным был проект Вольтера, который предложил полностью освободить крестьян, передав в их собственность земли. Сам факт участия в конкурсе великого французского философа привлек к этому событию внимание всей Европы. Победителем же был назван проект француза Беарде де Лабея, который предложил освободить крестьян, но передать им в собственность малые наделы земли, что вынуждало бы их брать землю в аренду у собственников — дворян. Несмотря на большой интерес к конкурсу, высказанные в ходе его идеи

так и остались на бумаге. Однако заслугой проведенного мероприятия было то, что он впервые поставил в русском образованном обществе вопрос об эффективности крепостного труда и вообще о будущем крепостного права.

Продолжавшиеся волнения монастырских крестьян, о которых я говорил в предыдущей главе, а также стремление увеличить государственный земельный фонд, который затем можно будет раздавать в качестве пожалований дворянству, предопределили действия Екатерины в области секуляризации церковных имуществ. Собственно, секуляризация должна была начаться еще по указу, подписанному императором Петром III, но практического воплощения она тогда не получила. Вступив на престол, Екатерина отменила этот указ, боясь, что проведение его в жизнь вызовет противодействие со стороны духовенства. Прошло два года, и в 1764 г. императрица восстановила этот указ, по которому из ведения церкви изымались вотчины церквей, монастырей и архиереев. Реформа повлекла за собой упразднение более половины существовавших в России монастырей: из 881 оставлено 385. Для управления бывшими монастырскими крестьянами была учреждена коллегия Экономии, а для содержания «штатных» 28 монастырей установлен особый рублевый сбор. Важным результатом секуляризации явилось улучшение положения бывших монастырских крестьян. Работа на монастырской барщине была заменена денежным оброком, что в меньшей мере регламентировало хозяйственную деятельность крестьян. Последние получили в свое пользование и часть монастырских земель.

Теперь вернемся к неожиданному повороту карьеры П. А. Румянцева, оставленного на службе императрицей после событий 1762 г. В 1764 г. он был вновь востребован в довольно необычном для себя амплуа. Дело было так. Кирилл Григорьевич Разумовский — брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича и с 1750 г. — гетман Малороссии, обратился к Екатерине II с просьбой узаконить наследственность гетманства на Украине и расширить его привилегии. Именно тогда, по всей вероятности, императрица решилась упразднить автономию Малороссии и включить эти территории в общерусскую систему центрального управления. 10 ноября 1764 г. было объявлено о ликвидации гетманства на Украине с одновременным созданием в череде центральных правительственных учреждений Малороссийской коллегии в составе четырех местных старшин, четырех российских представителей, прокурора, двух секретарей и председательствующего. Им то и был назначен П. А. Румянцев. Таким образом, К. Г. Разумовский вошел в историю как последний гетман Украины.

Ну а Румянцев в 1765 г. прибыл на Украину и до своего назначения командующим на театр военных действий Русско-турецкой

войны, довольно активно занимался вопросами интеграции малороссийских территорий в Российское государство. Примечательно, что, отправляя Румянцева на Украину, Екатерина снабдила его т.н. «Секретным письмом», которое содержало идею о необходимости создания и поддержания единообразной системы управления Российской империи. Во исполнение монаршего поручения Румянцевым была инициирована и проведена т.н. «Генеральная опись Малороссии» — перепись населения и хозяйства Украины, который и ныне является очень ценным источником по истории Украины. Кроме того, им велась подготовка к созыву Уложенной комиссии от малороссийских провинций, контролировался ход выборов и составления наказов. Окончательно же интеграция Украины в состав России состоялась в 1775 г., когда Екатериной II был подписан указ о ликвидации Запорожской Сечи.

Наконец, еще одним актом, который имел место в прошлом царствовании и был подтвержден Екатериной II, был указ о веротерпимости 1773 г. Формально этим указом архиереям было запрещено вмешиваться в религиозные дела представителей других конфессий, включая мусульман и буддистов, насильственно обращать их в православие. Было разрешено строительство молельных домов, мечетей и школ при них. Интересно, что представители духовенства неправославных конфессий, согласно указу, получали содержание за счет казны. Причем отпускавшиеся на эти цели суммы зачастую превышали те, которые выделялись на содержание православного духовенства. До известной степени этот указ узаконивал изменившееся к тому времени отношение власти к старообрядцам — наименее защищенной конфессии из всех, терпимых государством. Еще 14 декабря 1762 г. вышел сенатский указ, позволявший раскольникам переезжать и селиться в России в местах, обозначенных государством. Помимо окраин, им было разрешено проживать на ряде территорий Воронежской, Казанской и Белгородской губерний. Однако для старообрядцев-переселенцев и подданных сохранялся и ряд ограничений: двойное подушное обложение, запрет на поступление на государственную службу. Ряд ограничений (в т.ч. черта оседлости) сохранялись и для лиц иудейского вероисповедания.

Очень часто Екатерину II характеризуют как «философа на троне» и это в какой-то степени верно. Императрица действительно была в курсе новейших философско-политических теорий своего времени и вела оживленную переписку со многими их авторами. Среди корреспондентов Екатерины II были такие мыслители, как Дени Дидро, Франсуа-Мари Аруэ Вольтер, Жан Лерон д'Аламбер. Все они развивали теории, которые сегодня принято объединять под общим определением «просвещенного абсолютизма». Поскольку я не имею возможности на этих страницах в полной мере углубиться в историю

философской мысли XVII–XVIII веков, мне придется лишь пунктирно охарактеризовать тот пласт новых идей и воззрений, которые стали широко популярны в Европе ко второй половине XVIII в.

Усилиями таких мыслителей, как Гуго Гроцци, Томас Гоббс и Ж.-Ж. Руссо взгляд европейцев на начало человеческой истории сильно изменился. Теперь он виделся как переход из состояния первобытного хаоса и «войны всех против всех» к государственным началам, которые стали возможными при возникновении в обществе т.н. «*Общественного договора*».

Смысл этой интеллектуальной новеллы заключался в предположении, что измученные превратностями и непредсказуемостью жизни люди делегировали часть своих, изначально принадлежавших каждому по отдельности прав, государству для упорядочения общего строя жизни, отражения внешней угрозы, установления внутреннего порядка, ведения нормального хозяйства и пр. Иными словами, между гражданами и государством был заключен некий договор на взаимовыгодных условиях, где каждая сторона имела свои права и обязанности. Это стабилизировало человеческое существование и породило некий «золотой век» истории. Все последующие беззакония и противоречия, с которыми люди подошли к XVIII веку, с этой точки зрения стали следствием тех или иных нарушений данного договора. Таким образом, государство здесь выступало не как некая ниспосланная человеку богом сущность, а как дело рук, свободной воли и рационального поведения самого человека. А если же это так, то указанные выше накопившиеся противоречия в отношениях между государствами и их гражданами получили потенциальную возможность для своего разрешения: ведь человеческую ошибку исправить легче, чем идти против воли божественного провидения.

Путь к улучшению общества виделся через совершенствование общественного договора, а иными словами – улучшение законов, управляющих обществом. Соответственно, модернизация и гуманизация законов должна, по мысли просветителей, изменить тот печальный вид общежития, с которым человечество вступило в новую эпоху (не случайно же, главный труд одного из идеологов французского просвещения Ш. Л. Монтескье так и назывался «О духе законов»).

Если создание подобных, «справедливых» законов для философов-просветителей не представляло особой проблемы, то вопрос о том, каким образом заставить государство их исполнять, был более сложным. Строго говоря, к тому времени мировая практика знала лишь один путь как добиться этого – совершить революцию, наподобие Английской или Нидерландской буржуазных революций XVII века. Поэтому, кстати говоря, вождь мирового пролетариата и организатор Октябрьской революции в России В. И. Ленин в своей знаменитой статье «Три источника, три составных части марксизма» первым среди

этих источников называл именно воззрения философов-просветителей XVIII в. Данный тезис в упрощенном виде перекочевал во все советские учебники по обществоведению и многие поколения советских людей были уверены, что такие выдающиеся французские мыслители, как Д. Л д'Аламбер, Ш.Л. Монтескье, Д. Дидро, Ф.-М. А. Вольтер и другие спали и видели, чтобы только совершить Великую Французскую революцию. Но, увы, это не так.

Высказывая революционные для будущего всего мира взгляды, означенные ученые отнюдь не желали ввергнуть свою страну в хаос социального взрыва и гражданской войны. Более того, они всеми силами стремились предотвратить такое развитие событий. Для этого ими была предложена оригинальная концепция, позволявшая, как им казалось, провести модернизацию общества, избежав при этом социальных потрясений. Называлась она концепцией *просвещенного абсолютизма*

Согласно ей, встав у руля управления государством, такой «просвещенный» монарх, осознав свою миссию перед народом, сам инициирует и проводит необходимые изменения в законодательстве «сверху», руководствуясь при этом заботами исключительно о благе собственных подданных. Я не буду на этих страницах критиковать данную концепцию. Как бы мы сейчас сказали, ее авторы, уделив первостепенное внимание вопросам законотворчества, совершенно не разработали вопрос правоприменения своих гипотетических «просветительских» законов. Они не видели классовой природы государства, инерциальных особенностей любой государственной машины, в т.ч. французской и многое другое. Не суть в том.

Когда трудами прежде всего Ф.-М. А. Вольтера, а вслед за ним и других французских философов эта концепция распространилась среди европейской читающей публики, королевские дворы Европы охватила повальная мода на «просветительство». Начался своего рода неформальный конкурс на звание самого «просвещенного монарха» Европы, где главными арбитрами выступали философы-авторы этой концепции.

С другой стороны и сами авторы озвученной идеи также желали увидеть в окружавших их коронованных особах кого-то из «просвещенных монархов». Тот же Вольтер к рассматриваемому времени уже создал ряд трудов, прославляющих «просветительские» черты ряда монархов. Речь идет об «Истории Карла XII» (1730 г.) и «Истории Людовика XIV (1751 г.). В 1750 г. он планировал создать (но не создал) аналогичный труд и о Фридрихе II.

Вольтер в 1750 г. по приглашению прусского короля даже побывал в Пруссии, поселился в королевском дворце Сан Суси, получил должность камергера с содержанием 20000 ливров в год и был награжден орденом *Pour le mérite* («за заслуги») в честь будущих заслуг. Известно,

однако, что эти два замечательных человека своего времени не ужились друг с другом. Существует целая анекдотическая история пребывания Вольтера при прусском дворе, суть которой сводится к тому, что по своим характерам и Вольтер, и Фридрих не умели уступать. Росту напряженности между ними способствовали многочисленные «доброхоты», передававшие одному о другом разные сплетни. В итоге Вольтер отослал Фридриху свой камергерский патент и уехал обратно в Швейцарию, а планировавшийся им труд о великом императоре так и не был написан.

Под влиянием этих интеллектуально-политических брожений и русский двор заказал Вольтеру аналогичное сочинение про Петра Великого. Предложение написать историческое сочинение о русском царе-реформаторе было сделано ему в 1759 г. через фаворита Елизаветы Петровны И. И. Шувалова. В ответ Вольтер сообщил о том, что мечтал о подобной работе «вот уже тридцать лет». Однако же он любезно отклонил предложение русской стороны о приезде в Россию для знакомства с историческими материалами, повествующими о биографии Петра. Ссылаясь на возраст и незнание русского языка, великий француз просил прислать ему необходимые материалы в Швейцарию в виде переводов.

Условия были приняты заказчиком и в России развернулась кипучая работа. Куратором проекта был назначен М. В. Ломоносов. Он руководил отбором и переводом материалов, необходимых для работы Вольтера. Переводы делали частично студенты академического университета, частично делопроизводители Канцелярии И. И. Шувалова. В связи с этим подготавливаемые к отправке Вольтеру материалы были явно не самого высокого качества. Но других переводчиков у нас для фернейского затворника не было. В качестве методического пособия Ломоносов распорядился перевести и переслать Вольтеру панегирик собственного сочинения «Похвальное слово Петру Великому». Насколько можно судить из исследований, посвященных этому занятному сюжету, на всех этапах подготовки необходимых французскому писателю материалов допускались существенные огрехи. Это касается и стремления самого Михаила Васильевича повлиять на взгляд Вольтера (через тенденциозный отбор документов и навязывание определенного угла зрения) на личность и деяния Петра, и неритмичности поставки материалов во Францию, и качества переводов. В итоге представленный в начале 60-х гг. XVIII в. в Санкт-Петербург первый том сочинения произвел на заказчика крайне негативное впечатление обилием фактических неточностей, неправильных названий топонимов, населявших Россию народов, недостоверной трактовкой ряда исторических событий и пр. Так что данный проект до конца доведен не был. Остается добавить, что несмотря на разорванный контракт,

Вольтер получил довольно солидный гонорар и стороны расстались довольные друг другом.

Все эти события происходили уже на глазах Екатерины II, которая к тому времени пребывала в России в ранге великой княгини и жены наследника престола. Став императрицей, она решила вновь попытаться прорастить семена европейского Просвещения на русской почве.

Придавая, вслед за европейскими философами-просветителями огромное значение законодательству, Екатерина обратила внимание на неудовлетворительное положение дел в области кодификации законов, сложившееся при ее предшественниках. Действительно, Соборное Уложение 1649 г., принятое еще при Алексее Михайловиче, безнадежно устарело, но формально отменено не было. Еще Петр I для составления нового свода законов в 1700 г. образовал специальную Палату из служилых людей — бояр, окольничих, думных дворян и дьяков. Палата работала три года, составила новоуложенную книгу, написала «предисловие» и «манифест» и... была распущена. В 1714 г. была учреждена еще одна законодательная Комиссия. Она проработала до 1718 г., составила 10 глав нового Уложения, после чего тоже была упразднена. В 1718 г. Петр I решил создать Уложение на этот раз на основании шведских и датских законов, для чего в 1720 г. образовал комиссию из трех иностранцев и пяти русских членов. Однако и эта законодательная инициатива почила в бозе со смертью императрицы Екатерины I. При Петре II снова возникла мысль о необходимости создания свода законов. В мае 1728 г. Верховный тайный совет предписал «выслать к Москве «из офицеров и из дворян добрых и знающих людей с каждой губернии, кроме Лифляндии, Эстляндии и Сибири, по пяти человек за выбором от шляхетства». Выборы оказались неудачными, и съехавшиеся к 1 января 1729 г. выборные были отпущены по домам. Новые выборы проходили под жестким контролем местных властей. Избранные депутаты собрались уже во время правления Анны Иоанновны и, по-видимому, тоже были распущены, так как 1 июня 1730 г. появился новый указ о немедленном завершении начатого Уложения. Для этого вновь который раз надлежало «определить к тому «добрых, знающих людей из шляхетства, духовенства и купечества». Поскольку в этот раз большинство депутатов не смогли вовремя приступить к работе, правительство назначило Комиссию из чиновников. Последняя действовала в продолжение всего правления Анны Иоанновны, перешла в царствование Елизаветы и без каких-либо видимых результатов закончила свое существование около 1744 г. 28 июня 1754 г. была учреждена — уже в который раз! — новая Комиссия из восьми членов. Она распалась на общую и частные подкомиссии, которые состояли при коллегиях. Общая Комиссия закончила основную часть своих работ, но они

не были утверждены императрицей. В 1760 г. Комиссия обратилась в Сенат с предложением созвать съезд представителей разных сословий для подготовки проекта нового Уложения. Сенат согласился, и датой съезда депутатов было назначено 1 января 1762 г. Но и эти выборы затянулись, а когда они состоялись, то депутаты, прибывшие в Москву на коронацию Екатерины, обратились к ней с просьбой распустить их по домам. Желание это было удовлетворено.

Таким образом, вступив на престол, новая императрица так и не получила ни работоспособного законодательного органа, ни сколько-нибудь систематического законодательства. И потому естественно у нее появилось желание собственноручно заняться этой застарелой проблемой русской государственности — «просвещенная» императрица хотела показать себя всей просвещенной Европе. Используя идеи французских просветителей, она начала писать наставление Комиссии по составлению Уложения, получившее в истории наименование «Наказа». К середине 1766 г. Екатерина завершила свою работу, показав ее на первых порах только Никите Панину и Григорию Орлову.

Основным источником для «Наказа» послужили трактат «О духе законов» Ш.Л. Монтескье и «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Все заимствования делались либо буквально, либо в виде компиляции. По этому поводу в 1765 г. сама Екатерина писала д'Аламберу, что вскоре пришлет ему рукопись своего сочинения, из которого «вы увидите, как в нем для пользы моего государства я ограбила президента Монтескье, не называя его: но надеюсь, что если он с того света увидит мою работу, то простит мне этот плагиат во имя блага двадцати миллионов людей, которое должно от этого произойти. Он слишком любил человечество, чтобы обидеться на меня. Его книга для меня — молитвенник».

«Наказ» имел введение и 22 главы. В них Екатерина излагала свои взгляды на такие важные вопросы, как монархическая власть, законы, преступления и наказания, народное хозяйство, воспитание, наследственное право, суд и расправа, кодификация законов. Черпая у Монтескье и Беккариа материал для своей работы, Екатерина заимствовала у них скорее отдельные мысли и статьи, нежели общий дух их учения. Поэтому идеи просветителей в области естественного права нашли в «Наказе» отражение лишь в той мере, в какой они казались Екатерине применимыми на русской почве. Более того, в ряде случаев державный автор весьма ловко сместила акценты. Да так, что просветительские идеи превратились в свою противоположность. Например, известный принцип, который в сочинении Монтескье звучит как «разрешено то, что закон не запрещает» в трактовке Екатерины II сменился на полную свою противоположность из-за замены одного слова. Екатерина пишет: «Разрешено то, что дозволено законом». Эта изящная манипуляция утвердилась в качестве основополагающего

законодательного принципа русского права и вот уже третий век отличает практически все русское конституционное законодательство (включая Конституцию РФ образца 1993 г.) от большинства европейских аналогов.

Далее, Монтескье, считая республиканскую форму правления наиболее естественной, тем не менее находит в своем труде, что монархия как форма правления в больших государствах наиболее соответствует их протяженности и географическому многообразию «при условии чтобы государь не нарушал свободы граждан и сообразовался с законами». Оставив это определение без изменения, Екатерина сделала вставку о том, что самодержавие является единственной возможной формой правления в России. И далее с легкой душой продолжила цитировать определение самодержавия Монтескье о том, что «самодержавных правлений намерение есть и конец, и слава граждан, государства и государя. Но от нея происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в сих державах может произвести столько же великих дел и столько споспешествовати благополучию, как и самая вольность». Таким образом, устоявшаяся западная формула «свобода каждого есть гарантия законности для всех» перевернута и теперь понимается как «самодержавная законность есть гарантия чувства свободы всех». Подобные примеры можно продолжать долго. Поэтому анализ содержащихся в «Наказе» правовых и философских воззрений Екатерины II и сегодня не утерял актуальности для историков и правоведов. Факт заключается в том, что благодаря множеству подобных изменений, интерполяций и интерпретаций суть этого документа из трансляции на русскую почву идей западного права и законности превращается в манифест самодержавия, опирающегося на принципы западного права и законности.

14 декабря 1766 г. императрица объявила манифест о созыве комиссии по составлению нового Уложения. Манифест имел приложение, в котором устанавливался порядок выборов депутатов — членов комиссии. Последние избирались в следующем количестве: от дворян каждого уезда — по одному депутату; от жителей каждого города — по одному депутату; от однодворцев каждой провинции — по одному депутату; от солдат и разных служилых людей каждой провинции — по одному депутату; от государственных крестьян каждой провинции — по одному депутату; от инородцев каждой провинции на равных началах — до одному депутату; от чиновников каждого центрального учреждения — по одному депутату; число депутатов от Войска Запорожского и от казацких войск определяли их высшие командиры. Духовенство было представлено одним депутатом от Синода. Большая же часть населения страны — крепостные крестьяне — была лишена права посылать в Комиссию своих представителей. Возраст депутатов устанавливался не моложе 25 лет. Избранные ото всех сословий члены комиссии с на-

казами своих избирателей должны были собраться в Москве в конце июля 1767 г. Всего в комиссию вошло: городских депутатов — 208, дворянских — 161, от свободных крестьян — 79, от казаков — 54, от иноверцев — 34 и от центральных учреждений — 28.

В соответствии с манифестом каждый депутат должен был иметь с собой наказ от населения своей губернии, в котором люди высказывали свои чаяния и проблемы. Как быстро выяснилось после начала работы Комиссии, этих наказов было значительно больше, чем самих депутатов. Особенно это было характерно для представителей более низких сословий. Так, 167 депутатов от крестьян, казаков и иноверцев привезли в Комиссию 1066 наказов.

В назначенное время в Москве собрались 652 депутата. 30 июля они были представлены императрице, а 31 июля в Грановитой палате Московского Кремля состоялось первое заседание Уложенной комиссии, на котором генерал А. И. Бибиков по рекомендации Екатерины был избран председателем (маршалом). По регламенту он назначал заседания, вносил предложения и ставил их на голосование. По всем вопросам работы комиссии Бибиков совещался с генерал-прокурором А. А. Вяземским. Девизом работы Уложенной комиссии стали слова: «Блаженство каждого и всех». Есть свидетельства, что сама императрица секретно присутствовала в зале заседаний и лично выслушивала происходившие там прения. Для этого часть зала была отгорожена большими ширмами, за ними и было поставлено кресло для державной слушательницы.

Комиссия заседала в Москве до 14 декабря 1767 г. Работа ее отличалась очень слабой подготовкой и отсутствием продуманной системы. Например, семь ее первых заседаний были посвящены чтению большого «Наказа», «обряда управления» и вопросу поднесения Екатерине II титула «Великой, Матери Отечества». После того, как титул был утвержден и поднесен, следующие восемь заседаний ушли на чтение и обсуждение 12 крестьянских наказов. Потом 10 заседаний были заполнены обсуждением законов «о правах благородных». В продолжение 36 заседаний читались законы о купечестве и обсуждались предложения о лифляндских и эстляндских привилегиях.

На заседаниях комиссии депутаты от дворянства отстаивали свое право владения крепостными, защищали крепостнические порядки и вообще выступали за дальнейшее расширение своих сословных прав и привилегий. Но если дворянство требовало исключительного права владеть крестьянами, то купцы требовали такого же исключительного права заниматься производством и торговлей. Общим желанием государственных крестьян было улучшение суда. Наказы этой категории русского общества содержали требования предоставить право решать незначительные дела по долгам, раз-

бирать домашние ссоры, делить сенокосы и пр. своим старостам. Собственно, из-за обсуждения этого вопроса в центре дискуссии оказались крепостнические порядки.

Среди депутатских наказов от правительственных мест фигурировала статья «о учинении закона, как поступать в случае того, когда от побой помещиков случится людям смерть». Депутат Г. Коробьин, выступая по данному вопросу, упомянул о беглых и заявил, что причины бегства, как правило, сводятся к жестокому обхождению помещиков с крестьянами, слишком большим оброкам или просто грабежу помещиками честно нажитого крестьянского имущества. Коробьии предлагал ограничить власть помещиков над имением крестьян. Эта мысль получила развитие в речах депутатов Я. Козельского, И. Чупрова и И. Жеребцова. А крестьянин-однодворец А. Маслов и вовсе предложил четкую регламентацию крестьянских повинностей. Но эту инициативу почти никто не поддержал. Через год после открытия комиссия стала собираться сначала по 4 раза в неделю вместо 5, а затем все реже и реже. Екатерина II была разочарована в этом проекте, либо просто потеряла к нему интерес.

В последних числах декабря 1767 г. комиссия из Москвы переехала в Петербург. Там она продолжала работать с 18 февраля до 18 декабря 1768 г., после чего последовал указ о ее временном роспуске в связи с началом Русско-турецкой войны. «Временный роспуск», как потом выяснилось, оказался постоянным. Больше депутаты уже не собирались. Комиссия не выполнила своей прямой и непосредственной задачи: она не только не выработала новый кодекс законов взамен устаревшего Уложения 1649 г., но даже не закончила рассмотрения всех вопросов, подлежавших ее обсуждению. Однако же деятельность ее не была совсем бесплодной.

Из выступлений и наказов депутатов Екатерина смогла составить себе довольно ясное представление о главных чаяниях и требованиях различных групп населения страны. Поэтому сам «Наказ» и материалы Уложенной комиссии во многом предопределили дальнейшую законодательную практику екатерининского царствования. Их роль во внутренней политике Екатерины II была сродни той, какая выпала на долю шляхетских проектов 1730 г., ставших программой действий правительства Анны Иоановны. Следы этого влияния мы можем видеть и в «Учреждении о губерниях», и в «Жалованных грамотах» дворянству и городам, и в других законодательных инициативах власти.

Очевидным итогом деятельности Комиссии стало укрепление положения Екатерины на троне — после переворота и гибели супруга она остро нуждалась в опровержении репутации узурпатора власти. Поднесение ей титула «Матери Отечества» являлось не чем иным, как общественным признанием ее прав на престол.

Деятельность Уложенной комиссии способствовала распространению в России идей Просвещения. Роль распространителя этих идей, хотела того императрица или нет, выпала на долю ее «Наказа», который в ее царствование переиздавался 7 раз и который читали в правительственных учреждениях наравне с петровским «Зерцалом правосудия».

В качестве еще одного проявления политики просвещенного абсолютизма обычно называется довольно бурный рост в екатерининское царствование книгоиздательской деятельности и усиление роли журналистики. Причем сама императрица была не просто наблюдателем, но и участником этого процесса. Так, конец 60-х гг. XVIII в. отмечен внезапным ростом числа журналов с ярко выраженной сатирической направленностью, рассчитанных на широкие читательские круги. Застрельщиком здесь выступал журнал «Всякая всячина», издававшийся в Санкт-Петербурге. Издателем на титуле издания был обозначен Г. В. Козицкий, и не многие были осведомлены, что этим человеком был не кто иной, как кабинет-секретарь самой императрицы. Поэтому во всей дальнейшей редакционной политике данного издания угадывалась невидимая монаршая рука. Примечательно, что вместе с изданием первого номера в январе 1769 г. последовало высочайшее разрешение издавать подобные журналы всем желающим. Журнальные книжки состояли из нескольких листков форматом в половину страницы школьной тетради. Тираж первого выпуска составил 1692 экземпляра, следующие двенадцать вышли тиражом в 1500 экземпляров, затем количество экземпляров снизилось до 1000, а последних шесть номеров отпечатано было по 600 экземпляров. Вышло 52 выпуска в 1769 г. и 18 выпусков в 1770 г. Журнал выступал за сатиру в «улыбательном духе», за обличение пороков, но не отдельных лиц и конкретных недостатков государственного и социального строя России. Среди авторов материалов в журнале были замечены И. И. Шувалов, драматурги А. О. Аблесимов и А. П. Сумароков, а также ряд анонимов. Не забывал себя публиковать и редактор Козицкий. При помощи журнала, в котором легкая, ни к чему не обязывающая сатира перемежалась с назидательными поучениями, манипулируя мнениями многочисленных корреспондентов журнала, зачастую мнимых, скрывавшаяся за псевдонимом И.Е.А.[1] Екатерина II рассчитывала руководить общественным мнением страны, предлагая читателям свое видение общеполитической обстановки в государстве.

В течение полугода после выхода «Всякой всячины» в столице начинают выходить новые периодические издания. В середине января 1769 г. появляется журнал «И то, и сио», за которым тотчас последовал

[1] Псевдоним расшифровывается как Императрица Екатерина Алексеевна.

журнал «Ни то, ни сио». Вслед за этими изданиями начал выходить журнал под названием «Поденщина», и уже в начале апреля к этому списку прибавился журнал «Смесь». А с начала мая в Москве начинает выходить «Трутень» — сатирический журнал, вступивший в полемику со «Всякой всячиной». Журнал издавался до апреля 1770 г. В 1769 г. было выпущено 36 номеров общим тиражом 1242 экземпляра. В 1770 г. в продажу поступило еще 17 номеров с тиражом 750 экземпляров. Среди авторов журнала фигурировали Д. И. Фонвизин, Ф. А. Эмин, В. И. Майков. Издателем числился Николай Иванович Новиков (1744–1818).

Будущий известный русский журналист и издатель родился в 1744 г. в семье отставного флотского офицера И. В. Новикова в родовом имении Новиковых Тихвинское-Авдотьино Бронницкого уезда Московской губернии. Начальное образование получил у местного дьячка, затем в возрасте 11 лет поступил в Московскую дворянскую гимназию, откуда в 1755 г. — в только что открытый Московский университет. Правда, проучившись до 1760 г., он был оттуда исключен «за леность и нехождение в классы» и, продолжая семейную традицию, пошел в армию. Поступив в лейб-гвардии Измайловский полк (куда он был записан еще ребенком), Новиков волею случая оказался вовлечен в переворот 1762 г. Он стоял на часах и охранял подъемный мост у казарм Измайловского полка, когда туда прибыла Екатерина в сопровождении Орловых. В связи с этим он сверхсрочно был произведен в унтер-офицеры и продолжил службу до 1769 г.

Уже во время службы в полку Новиков обнаруживал «вкус к словесным наукам» и склонность к книжному делу: он издал две переводные французские повести и «Реестр российским книгам, продаваемым в Большой Морской, в Кнутсоновом доме». Как человек «книжный», Новиков оказался в числе молодых людей, которым было поручено ведение протоколов в комиссии депутатов для сочинения проекта нового Уложения. Этот серьезный жизненный опыт дал молодому человеку возможность ознакомится со многими важными вопросами, выдвинутыми русской жизнью, что стало важным этапом в формировании его просветительских взглядов. По завершении деятельности Уложенной комиссии Новиков подал в отставку, чтобы всецело посвятить себя журналистике и книгоиздательской деятельности. И вот в 1769 г., откликнувшись на призыв императрицы, он стал издавать журнал «Трутень».

Поначалу ничто не предвещало грозы. «Всякая всячина» постепенно приучала читателей к нравоучительно-развлекательному тону своих еженедельных листков. Стараясь быть ненавязчивой в намеках, Екатерина II в иносказательной форме предпринимала попытки разъяснить читателям журнала некоторые аспекты своей внутренней политики и порицала распространенные среди дворян и придворных

пороки, такие как властолюбие и корысть, высмеивала досаждавших императрице авторов всяких утопических проектов. Все это было облечено в форму дружеских наставлений, якобы предназначавшихся строптивым домашним или непослушным детям.

Камнем преткновения, вызвавшим острую полемику между новиковским «Трутнем» и екатерининской «Всякой всячиной», стал вопрос о предназначении сатиры и границах дозволенности осмеяния конкретных носителей пороков и виновников общественных злоупотреблений. Повод для полемики дала сама «Всякая всячина». Касаясь вопроса о задачах и характере сатиры, «Всякая всячина» заявляла, что «добрый вкус и здравое рассуждение... одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение Всякия всячины за руку ведут». Но цель эту можно было осуществлять двояко: направляя острие сатиры на порок и не касаясь его конкретных носителей, или же наоборот, высмеивая порочных людей и тем самым поражая порок. На языке сатирических писателей того времени эти две возможности обозначались терминами сатира «на порок» или сатира «на лицо». Екатерина была сторонником первого метода, Новиков — второго. Даже эпиграфом к своему изданию он избрал слова: «Они работают, а вы их труд ядите». «Трутень» вступил в смелую полемику со «Всякой всячиной». В журнале осуждались злоупотребления помещичьей властью, бичевались неправосудие и взяточничество, подвергались осмеянию пороки конкретных представителей высшего общества, щеголей и кокеток. Отвечая Екатерине, Новиков писал, что «больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным потакает». В полемику «Трутня» и «Всякой всячины» стали втягиваться другие журналы, разделившиеся на два лагеря. Одна их часть, вслед за «Всякой Всячиной» проповедовала умеренность, снисходительность к слабостям, осуждая «всякое задевание особ». Сторонники «Трутня» пытались обличать пороки общества. Борьба эта, однако, была явно неравной: «Трутень» сначала должен был умерить тон, совершенно отказаться от обсуждения крестьянского вопроса, а затем издатель и вовсе получил недвусмысленный намек о возможном закрытии журнала. В этом историки журналистики видят негласное признание Екатерины своего поражения в этой дискуссии. В апреле 1770 г. Новиков сам прекращает издание «Трутня». Правда, он до конца не порывает с сатирой. В том же году им была предпринята попытка издания сатирического журнала «Пустомеля», однако оно было прервано на втором номере; затем в 1772 г. появляется «Живописец», где Новиков также горячо ратовал против крепостного права. Журнал содержал обличения помещиков и врагов просвещения, критику представителей правительственной администрации и судебной власти, помещичьих нравов. Это издание продолжалось почти год и было закрыто в июне 1773 г.

Но журналистика была лишь частью деятельности Новикова. В 1779 г. директором Московского университета М. М. Херасковым Новикову было предложено возглавить университетское издательство. Он принял это предложение. За десятилетие, которое Николай Иванович направлял издательскую деятельность Московского университета, было издано около 800 книг. На русском языке вышли сочинения Шекспира, Сервантеса, Мольера, Бомарше и других известных европейских писателей. Были опубликованы и стали доступны широкому кругу читателей переводы на русский язык философских сочинений Вольтера, Дидро и Монтескье. По его инициативе увидели свет и произведения русских писателей Д. И. Фонвизина, А. П. Сумарокова, Н. М. Карамзина. Новиков первым в России стал издавать специализированные детские, женские, научные и литературные журналы. Стремясь к повсеместному расширению границ просвещения, Николай Иванович много сделал для создания книготорговой сети в Москве. Помимо двух существовавших к тому времени университетских книжных лавок, благодаря Новикову открылось еще как минимум двадцать.

Однако бурная издательская и общественная деятельность Новикова была прервана рядом расследований. В 1784 г. ему пришлось оправдываться за издание по поручению Главноуправляющего Москвы З. Г. Чернышева учебников для Комиссии народных училищ. Дознание было поручено митрополиту Московскому Платону, который должен был подвергнуть Новикова «испытанию в вере». И несмотря на то, что в своем донесении в столицу по итогам расследования Платон сообщал: «Молю всещедрого Бога, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков», а из 460 изданий лишь 23 были признаны «могущими служить к разным вольным мудрованиям», неприятности издателя на этом не закончились. Ко всему прочему добавились недоказанные подозрения в благонадежности Новикова, связанные с его участием в масонстве.

В конце концов по навету нового Главноуправляющего Москвы князя Прозоровского издатель был арестован, подвергнут следствию и приговорен к 15 годам заключения в Шлиссельбурге. Из этого срока он отсидел 4 года. Между прочим, местом его заключения была камера № 9, пустовавшая после смерти другого известного обитателя этой темницы — Иоанна Антоновича. После смерти Екатерины II новый император Павел I в первый же день своего царствования освободил Новикова. Когда престарелый издатель вернулся домой, то обнаружил, что пока он пребывал в заключении, все его имущество (в том числе имение Авдотьино) было продано с аукциона. Старик смог добиться возвращения собственности, но при этом его финансовое положение было таким плачевным, что имение пришлось довольно скоро заложить. Кое-как поправив свои дела, Новиков доживал свой век

в Авдотьине и уже не помышлял ни о какой издательской или общественной деятельности. Он умер забытый всеми, разбитый параличом и потерявший память в 1818 г.

Говоря о просветительской политике Екатерины II, нельзя не остановиться на ее образовательной реформе, проводившейся при деятельном участии известного русского государственного деятеля Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795 гг.). Строго говоря, уже в своем «Наказе» Екатерина высказала идею о необходимости образования, и, что более важно, воспитания подданных. Этим императрица свидетельствовала о знакомстве с главными течениями педагогической мысли своего времени — трудами Фенелона, Яна Амоса Коменского, того же Локка. Инициативу императрицы было поручено воплощать в жизнь такому европейски образованному человеку как И. И. Бецкой. Внебрачный сын генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого и знатной шведской дамы, он родился в 1704 г. в Стокгольме, где отец его пребывал в плену. Там же будущий организатор русского образования прожил свои детские годы. Среднее образование он получил в датском кадетском корпусе в Копенгагене, после окончания которого недолго служил в датском кавалерийском полку. Во время одного из учений он упал с лошади и получил травмы, заставившие его отказаться от военной карьеры. Он долго путешествовал по Европе. 1722–1726 гг. провел в Париже, где был секретарем при русском после, потом был представлен и снискал расположение герцогини Иоанны Елизаветы Ангальт-Цербстской, матери Екатерины II. В России Бецкой числился флигель-адъютантом при отце в Киеве и в Москве. В 1729 г. он поступил на службу в коллегию Иностранных дел, благодаря чему в качестве дипломатического курьера часто бывал в Берлине, Вене и Париже. По протекции отца и сестры Анастасии Ивановны (супруги принца Людвига Гессен-Гамбургского), Бецкой стал близок ко двору Елизаветы Петровны. Вследствие происков канцлера Бестужева в 1747 г. был вынужден уйти в отставку и уехать за границу, где провел в общей сложности 15 последующих лет. Большую часть этого времени он жил в Париже, где посещал светские салоны, знакомился с энциклопедистами и усвоил многие просветительские идеи. Петр III в начале 1762 г. вызвал Бецкого в Петербург и назначил главным директором Канцелярии строений и домов Его Величества. В перевороте 28 июня 1762 г. Бецкой участия не принимал, но Екатерина, знавшая его с самого приезда своего в Россию, оценила образованность Бецкого, его изысканный вкус и тяготение к рационализму и приблизила его к себе.

В 1764 г. она предложила И. И. Бецкому составить план образовательной реформы. В том же году он представил на усмотрение императрицы документ «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», в котором изложил свои взгляды на воспитание

молодого поколения, сложившиеся под влиянием идей Дж. Локка и французских просветителей (Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, К.А. Гельвеция). Суть концепции заключалась в следующем. России нужны просвещенные, законопослушные, преданные монарху подданные. Необходимо с раннего детства воспитывать у детей любовь к Отечеству, уважение к существующему правопорядку, трудолюбие. И.И. Бецкой надеялся посредством воспитания создать новую «породу» людей (образованных, гуманных и воспитанных в верноподданническом духе дворян, купцов, ремесленников) с целью сглаживания противоречий в обществе. Условием формирования поколения «новых людей» автор считал строгую изоляцию воспитанников от пагубного влияния общества, его предрассудков и пороков.

Идеи эти были Екатериной в целом приняты, и в 60–70-х гг. XVIII в. в Москве и Петербурге создается система закрытых учебно-сословных воспитательных учреждений для детей от 5 до 17 лет. По проектам И.И. Бецкого открываются воспитательное училище при Академии художеств, Московский Воспитательный дом и позже — Коммерческое училище при нем. Сама императрица пожертвовала на закладку здания 100 тысяч рублей и выделяла из своих средств 50 тысяч ежегодных поступлений, призвав своих подданных последовать ее примеру. Позже уже на собственные средства Бецкой основал по образцу Московского Петербургский Воспитательный дом. Ко всему прочему с 1765 г. он был назначен шефом Сухопутного Шляхетского корпуса, для которого составил новый устав и образовательную программу. Особое внимание И.И. Бецкой отводил женскому образованию. Он способствовал открытию первого женского воспитательно-образовательного учреждения — Смольного института благородных девиц. Первый прием воспитанниц был осуществлен в 1764 г. Через год по предложению Бецкого было открыто отделение для девушек-мещанок.

Однако инициативы И.И. Бецкого, сколь бы ни были прогрессивны его взгляды, не достигли своей главной цели — воспитания «новой породы людей». Связано это было как раз с тем, что считалось сердцевиной его проекта. Предусматривая гуманное воспитание детей и развитие их природных дарований в условиях изолированности от реальной жизни, в закрытых, по большей части, сословных учебных заведениях, Бецкой фактически отрезал их от повседневной жизни, ее потребностей и проблем, влияния семьи и общества. И это обстоятельство делало планы создания «нового человека» утопическими.

Чувствуя некоторую неудовлетворенность опытами Бецкого в сфере образования, Екатерина вновь вернулась к этим вопросам уже во второй половине своего царствования. Известно, что она внимательно изучала опыт организации образования в Европе и даже

обратилась с просьбой к французскому просветителю Дени Дидро, чтобы тот подготовил ей наставления по перенесению этого опыта на русскую почву. В итоге в 1775 г. на свет появился его «План университета для России»[1]. Он был представлен императрице, но положен под сукно из-за своего радикализма. Тогда в качестве эксперта из-за рубежа был приглашен более умеренный специалист — серб по национальности Ф. И. Янкович де Мириево (1741–1814 гг.), который имел опыт проведения школьной реформы в Австро-Венгрии. Он стал главным идеологом новых преобразований и разработал документы по их реализации. В 1782 г. Екатерина II утвердила представленный Янковичем «План к установлению народных училищ в Российской империи», предусматривавший создание в России по образцу Австро-Венгрии школ для третьего сословия (мещан) — *народных училищ*. Принятый затем «Устав народным училищам в Российской империи» (1786 г.) утвердил школьную систему в виде *малых училищ* в уездных городах и селах (начальная ступень образования) и *главных училищ* в каждом губернском городе (среднее образование). Одновременно с учреждением народных училищ планировалось подготовить учителей и издать новую учебную литературу, в создании которой Янкович принял активное участие. Им были изданы «Букварь», «Прописи и для них руководство по чистописанию», «Всемирная история», подготовлены географические и исторические карты, атласы. В педагогической практике стали пользоваться наглядными пособиями — глобусом и картами, а для записи учебного материала в классах досками и мелом.

Интересно заметить, что в соответствии с вышеизложенным планом российская школа получила не только первые учебники, но и методические указания к ним. Так, в 1786 г. были изданы учебник по естествознанию «Начертания естественной истории», «Краткое руководство к геометрии», «Краткая Российская грамматика» и др. Основным учебным пособием для российских учебных заведений стала книга для чтения «О должностях человека и гражданина» И. И. Фельгибера (1783 г.), в которой была изложена государственная концепция воспитания и образования учащихся. Таким образом, очевидно, что Екатерина предприняла одну из первых попыток создания в России целостной системы государственного образования, хотя и делала это не столько для того, чтобы дать подданным начала научных и технических знаний и умений, сколько в целях воспитания грамотных и патриотичных подданных.

Подводя некоторый итог сказанному, хочу отметить, что вопрос о сущности русского варианта политики просвещенного абсолютиз-

[1] Под понятием «университет» Дидро подразумевал систему образования.

ма, который воплощала в жизнь Екатерина II, до сих пор не получил однозначной оценки у историков. С одной стороны, еще сильна традиция, которая господствовала в советской историографии. Она отрицает действительное, существенное влияние просветительской философии на Екатерину и соответственно характеризует политику просвещенного абсолютизма как заведомо ложную, демонстративную, нацеленную на использование западноевропейского общественного мнения и элементов просветительской философии для укрепления самодержавного строя, сословного деления общества и утверждения феодальных принципов организации жизни. Именно этим целям, с данной точки зрения, служили искажения идей просветителей в «Наказе» и тот разительный контраст, который наблюдается между прогрессивностью проведенных Екатериной реформ суда и управления с консервативным характером тех социально-экономических отношений, которые эти реформы были призваны обеспечивать.

Другая точка зрения исходит из более сложного понимания эволюции взглядов Екатерины. Согласно ей, вступив на престол, Екатерина верила в возможность преобразования страны на принципах просвещения, но ее опыт управления заставил изменить эти взгляды. Она осознала невозможность их применения к реалиям российской действительности. Крепостническую и продворянскую, по сути, политику императрицы современные историки склонны объяснять необходимостью соблюдения интересов господствующего сословия. Согласно распространенному ныне мнению, Екатерина как умный человек понимала негативные стороны крепостного состояния, однако не была способна в силу очевидных причин противостоять дворянству, которое не принимало идеи изменений существующих сословных отношений.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998.
2. *Афанасьев А.Н.* Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. / репр. изд. М.: Либроком, 2012.
3. *Боголюбов А.Н.* Новиков и его время. М.: Изд-во Сабашниковых, 1916.
4. *Ерошкина А.Н.* Деятель эпохи просвещенного абсолютизма И.И. Бецкой // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 165–169.
5. *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
6. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 2000.
7. *Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...»: вторая половина XVIII в. СПб., 1992.
8. *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии. СПб., 1904.

9. *Оганесян К.Т.* Земельно-кадастровые отношения в Российской империи (1721–1825 гг.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. Март (№ 107).
10. *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
11. *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2000.
12. *Рулев М.С.* Реформы межевания и межевого суда в XVIII веке: проблемы и результаты // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. Вып. № 4.
13. *Рындзюнский П.Г.* Церковь в дворянской империи (XVIII век) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 230–308.
14. *Шмидт С.О.* Политика «Просвещенного абсолютизма» в России в середине XVIII в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 261–286.
15. *Штелин Я., Мизере, Димсдейл Т.* и др. Екатерина: Путь к власти. 2-е изд. М.: Фонд Сергея Дубова, 2012.

Глава IX

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА И РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

По мере расширения сословных прав и привилегий дворянства на протяжении всего XVIII века, положение крестьянства, наоборот, продолжало ухудшаться. В годы правления Екатерины II этот процесс получил дополнительный импульс. Когда новая императрица столкнулась с масштабными волнениями крестьян в начале своего царствования, то уже в 1763 г. ею был подписан указ, обязывающий крестьян оплачивать государственные расходы на подавление собственных выступлений. После того, как выяснилось, что эта мера оказалась малоэффективной, в 1765 г. последовал новый указ, позволявший владельцам крестьян ссылать своих крепостных не только на поселение в Сибирь (подобная возможность была предусмотрена указом 1760 г.), но и на каторгу, записывая их в официальных документах как отданных в солдаты. Созыв Уложенной комиссии, где, напомним, единственным не представленным социальным слоем были именно владельческие крестьяне, сопровождался сбором наказов и валом крестьянских жалоб на свое бедственное положение. Чтобы не допустить дискредитации правящего класса и опоры престола, Екатерина вынуждена была в 1767 г. издать специальный указ, который под страхом ссылки на Нерчинскую каторгу запрещал крестьянам подавать какие бы то ни было жалобы на своих помещиков. После того, как первую волну крестьянских выступлений удалось сбить, в 1770 г. последовал новый указ, фактически делегировавший помещикам право суда и следствия над своими крепостными. Наконец, в 1792 г. был опубликован указ, разрешавший продажу крепостных за долги их владельцев с публичного торга.

Расширение пределов Российской империи лишь усугубило положение крестьян тех регионов, что вошли в состав России. Так, ликви-

дация автономии Украины в составе Российской империи повлекла за собой распространение на ее территорию крепостнических порядков (указ 1783 г.). Девять лет спустя крепостничество было узаконено и на территории вновь присоединенной и активно колонизуемой Новороссии (указ 1796 г.).

Все вышеперечисленные меры однозначно свидетельствуют о том, что крепостные крестьяне рассматривались российским государством как род движимого имущества помещика наряду со скотом, сельскохозяйственным инвентарем и прочей собственностью. Такая оценка правового положения крепостных в России хорошо известна из учебников по истории, особенно советской эпохи. И это правда. Но не вся.

Менее известно, что при всем этом крестьянство сохраняло и ряд важных признаков гражданской ответственности. Крестьянин все же имел право владеть определенной собственностью (домашним скотом, орудиями труда, сельскохозяйственными постройками) без чего он не смог бы работать на барской запашке и выплачивать налоги. Поэтому крестьяне продолжали считаться податным классом общества, имели-таки право, правда ограниченное и не для всех категорий, выступать в суде и быть в нем свидетелями, могли вступать в гражданские обязательства и даже записываться в купцы с согласия помещика. Казна допускала их к откупам под поручительство помещика. И даже касаясь частных отношений крестьянина и его владельца, закон не доходил до признания полного его рабства и считал должным ограничивать право распоряжения крестьянином. Помещик должен был поддерживать своих крепостных в периоды неурожаев или стихийных бедствий, не мог своей властью лишать жизни крестьянина, даже обладая судебной прерогативой над ним. Он мог продавать и отпускать на волю крестьян, но закон запрещал ему отпуск на волю или продажу таких крепостных, которые не могли прокормить себя по болезни или старости. Подобные правовые ограничения можно продолжить. Их было ничтожно мало, чтобы ограничить произвол крепостников, но очевидно, что в глазах закона, крестьянин одновременно был не только частным рабом, но и гражданином, правда, в крайне урезанной форме.

Другое дело, что наиболее вопиющие и потому ставшие достоянием общественности преступления крепостников против своих крепостных происходили как раз в этой зоне, где гражданские права крестьян, и без того призрачные, попирались без всякой оглядки на закон божеский и человеческий. Наиболее известный пример этого — судебный процесс над московской помещицей Дарьей Салтыковой.

Дочь столбового дворянина Николая Иванова, она вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии Конного полка Глеба Салтыкова, породнившись тем самым с одним из родовитейших кланов русской аристократии, находившемся в родственных связях с царствующей династией. В браке у нее родилось двое детей и ничто не выдавало

в ее образе жизни будущую хрестоматийную мучительницу людей. Но в 1756 г. в возрасте 26 лет она овдовела и стала полновластной хозяйкой обширной усадьбы, расположенной в Москве, на углу Кузнецкого моста и Лубянки (на этом месте стоят ныне административные корпуса, принадлежащие ФСБ), и шестисот крепостных душ в Московской, Вологодской и Костромской губерниях. И вот эту, в общем еще цветущую и притом, как утверждали ее знакомые, весьма набожную женщину, будто подменили. С некоторых пор она под любым, и больше всего надуманным, предлогом стала зверски расправляться со своими крепостными: собственноручно била их по голове скалкой, поленом, утюгом, жгла волосы, обливала кипятком, рвала уши раскаленными щипцами, зимой заставляла избитых баб и мужиков часами стоять полураздетыми на улице под барскими окнами. Очень часто она выбрасывала свою жертву во двор слугам, и те по приказу госпожи кнутом или плетьми забивали ее насмерть. При этом Салтычиха кричала: «Бейте до смерти! Я сама в ответе и никого не боюсь!». Эти зверства продолжались около семи лет.

Между прочим, доставалось от нее не только крестьянам. Среди жертв Салтыковой оказался дворянин, землеустроитель Николай Тютчев — дед нашего знаменитого поэта. Правда, здесь были замешаны чувства. Он долгое время состоял с Салтыковой в любовной связи, но потом решил жениться на девице Панютиной. Салтычиха решила сжечь дом Панютиной и дала своим дворовым серы, пороха и паклю для совершения этого преступления. Но те испугались и не выполнили приказа. Когда же Тютчев и Панютина уже поженились и ехали в свою орловскую вотчину, Салтычиха приказала своим крестьянам убить их. Тогда салтыковские крестьяне сами донесли об этом Тютчеву. История эта временно была замята.

О злодействах Салтычихи по всей Москве ходили слухи, и несмотря на запрет жаловаться на своих помещиков, на нее была подана 21 жалоба. Но благодаря влиятельному родству и многочисленным подкупам должностных лиц все эти жалобы возвращались в ее собственные руки вместе с жалобщиками, которых ожидала после этого мучительная смерть. Ей угождали не только гражданские чины, но и духовные пастыри. Священник московской приходской церкви Введения у Кузнецкого моста Иван Иванов и священник Троицкой церкви в подмосковном поместье Салтычихи Степан Петров не только знали о преступлениях этой барыни, но и всячески скрывали их — они как ни в чем не бывало причащали ее жертвы и хоронили их по православному обряду.

Летом 1762 г. двое дворовых Салтычихи (у одного из них она убила трех жен подряд) бежали из ее подмосковного поместья в селе Троицко-Говорово и добрались до Петербурга. Там им удалось подать жалобу в руки самой Императрицы. Не так давно вступившая на престол Ека-

терина II приказала Юстиц-коллегии провести расследование. Следствие длилось целых 6 лет! Салтычиха отрицала свою вину, продолжая всеми доступными ей способами добиваться защиты у власть имущих. Надворный советник Волков, которому было поручено расследовать это дело, должен был установить судьбу 138 потенциальных жертв Салтыковой, выявленных на основании данных домовых книг. Согласно официальным записям 50 человек считались «умершими от болезней», 72 человека — «безвестно отсутствовали», 16 считались «выехавшими к мужу» или «ушедшими в бега». Подавляющее их число составляли молодые женщины и девочки.

По итогам дознания в 1768 г. Юстиц-коллегия была вынуждена все-таки признать, что подследственная «немалое число людей своих мужеска и женска пола бесчеловечно, мучительски убивала до смерти». Кровавая помещица удостоилась смертного приговора. Однако Екатерина II решила не наказывать Салтыкову как дворянку и приговор был изменен. Она была лишена дворянства, на один час возведена на эшафот, сколоченный на Красной площади, и прикована к позорному столбу. На груди ее висела табличка со словами: «Мучительница и душегубица». После этого ей предстояло пожизненное заключение в тюрьме Ивановского девичьего монастыря, расположенного неподалеку от ее московского дома, в районе Солянки. Монастырь этот сохранился по сей день. Знаменательно, что сообщники Салтычихи — ее дворовые люди и один из священников — понесли более тяжкое наказание: они были биты кнутом с вырезанием ноздрей и сосланы в Нерчинск на вечные каторжные работы.

До 1779 г. Салтычиха сидела в подземелье под сводами церкви. Существует легенда, что в попытке смягчить наказание она в 1778 г. если не соблазнила, то разжалобила караульного солдата, забеременела от него и родила ребенка. Но ее не помиловали, а только перевели из подвала в каменный застенок с маленьким окошком. Ребенка, якобы, отдали в приют, а следы жалостливого солдата потерялись в Сибири. Однако, документального подтверждения этой истории нет. В общей сложности Салтыкова провела в заключении 33 года и за это время ни разу не обнаружила раскаяния. Умерла она в 1801 г. и, несмотря на то, что олицетворяла собою одну из позорных страниц в истории царствования Екатерины II, была похоронена на кладбище Донского монастыря — рядом со многими выдающимися людьми России. В каком-то смысле она тоже сыграла выдающуюся роль, только иного рода. Архивы Правительствующего Сената по сей день хранят сотни жалоб на издевательства и вопиющие насилия помещиков над своими крепостными, однако имя Дарьи Салтыковой стало нарицательным, а ее образ — наглядным воплощением этих самых темных сторон крепостничества.

Усиление крепостного гнета закономерно сказывалось на усилении социальной напряженности в обществе, крестьянских побегах, росте числа «лихих людей», занимавшихся грабежами и поджогом усадеб, порчей и захватами господского имущества и пр. Хорошо вооруженные, насчитывающие в своем составе несколько десятков человек, эти отряды громили поместья, нападали на заводы и купеческие суда. В 60–70-х годах они действовали преимущественно на Волге, Каме, Суре и Оке.

С 1762 по 1772 г. в губерниях Московской, Тульской, Воронежской, Нижегородской, Казанской и Петербургской по официальной статистике произошло не менее 50 крестьянских выступлений. Всего в европейской части России в 60-х годах зафиксировано властями 122 восстания. Не отставали и работные люди. В эти же годы стихийные выступления горнозаводских рабочих охватили Кыштымские заводы Демидова, Вознесенский завод Сиверса, Каслинский, Боткинский, Ижевский, Туринский, Юговский, Невьянский и Нижне-Тагильский заводы Урала. Волнения рабочих имели место и в других районах страны. В 1769–1771 гг. поднялись олонецкие приписные крестьяне, работные люди на мануфактурах легкой промышленности и в других отраслях.

В 1771 г. в Москве вспыхнуло крупное восстание горожан, получившее название «Чумной бунт». Непосредственным поводом этого выступления была эпидемия чумы, которая началась в Причерноморье и поразила в равной степени русскую и турецкую армии на театре боевых действий Русско-турецкой войны. Раненых везли в Москву и, по всей вероятности, вместе с санитарными обозами распространялась и инфекция. В Москве раненых помещали в Лефортово, где еще во времена Петра I был основан военный госпиталь. В ноябре 1770 г. там умер первый привезенный с фронта офицер, затем его лечащий врач, а после этого — более 20 человек, проживавших вблизи госпиталя. Вторым очагом заражения стал Большой суконный двор в Замоскворечье — крупная ткацкая фабрика, куда предположительно могла быть завезена зараженная чумой «трофейная» шерсть: к 1771 г. от чумы погибли 57 человек на самой фабрике, а также более 40 рабочих в разных домах вне ее стен.

Московский генерал-губернатор П. С. Салтыков не сумел принять действенных карантинных мер, в результате чего к августу 1771 г. «моровая язва» охватила практически весь город и окрестности. Чтобы не допустить паники, власти еще некоторое время пытались скрыть факт эпидемии в городе, однако к сентябрю погибших было так много, что для них не хватало гробов. Отпевания в церквях не успевали проводить и непогребенные тела скапливались в домах и на улицах, где их собирали мортусы — специальные чиновники, в задачу которых входил сбор и вывоз трупов с улиц Москвы за городскую черту. Мортусов не

хватало, поэтому тела могли лежать по несколько дней, разлагаясь и способствуя распространению заразы. Тогда уборка и захоронение трупов были поручены московской полиции. Однако, полицейские очень неохотно занимались этой работой и предпочитали не контактировать с зараженными телами. В санитарных целях захоронения в городской черте были запрещены, и умерших хоронили в братских могилах на специально организованном (и первом в Москве) кладбище у села Новое Ваганьково (с этого момента ведет свою историю современное Ваганьковское кладбище). Похороны сопровождались непрерывным колокольным звоном, так как, согласно поверьям, он отпугивал болезнь.

Все, кому было куда бежать, предпочли уехать из города. Сам губернатор Салтыков, дезориентированный ситуацией, послал императрице депешу с просьбой о разрешении покинуть Москву и, не дождавшись ответа, бежал в свое подмосковное имение Марфино. Вслед за ним Первопрестольную покинули и почти все остальные ответственные чины городской администрации. Таким образом, фактически, причиной Чумного бунта в Москве стало бездействие властей и отсутствие мер по борьбе с заболеванием. Кроме того, в городе начался голод, а на улицах орудовали мародеры. Среди лишенных какой-либо поддержки москвичей стали распространяться слухи и паника. Для социального взрыва не хватало случайной искры.

Этой искрой стали действия московского архиепископа Амвросия. Дело в том, что за неимением действенных способов лечения чумы наиболее эффективной мерой борьбы с ней в народе считались молитвы и заговоры. В частности, среди горожан стал распространяться слух, что чудотворная Боголюбская икона Божией Матери, размещенная над Варварскими воротами Китай-города, помогает исцелению от «моровой язвы». Люди спустили икону с ворот и стали устраивать у нее стихийные молебны. Понимая, что массовое скопление людей только способствует распространению чумы, просвещенный архиепископ запретил молебны у иконы. 26 сентября по его приказу икона была сложена в короб для приношений, который был запечатан и спрятан в надежном месте, о котором никто не знал.

Москвичи не оценили действий предстоятеля. Решив, что Амвросий спрятал икону злонамеренно, чтобы они не могли просить у нее заступничества, люди окончательно запаниковали, и толпа стала неуправляемой. Ударили в набат. Собравшийся на Красной площади народ ворвался в Кремль, разгромил Чудов монастырь в надежде отыскать в нем чудотворную икону и самого архиепископа. Амвросий незадолго до этого успел укрыться в Донском монастыре, однако, на следующий день толпа взяла Донской монастырь приступом. Архиепископа схватили и выволокли на задний двор для допроса, где и убили с особой жестокостью: его били кольями в голову и грудь, переломa-

ли кости и изрезали лицо. Имущество монастырей было уничтожено и разграблено: толпа рвала книги в церковных библиотеках, крушила мебель, избивала служителей. Разгромив монастыри, люди переключились на дома знати и купцов, занимаясь уже откровенным грабежом. В ожесточении мятежники громили даже чумные карантины, избивая и без того немногочисленных лекарей[1], оставшихся в городе, поскольку полагали, что как раз они-то и виноваты в распространении болезни, и даже пытались освободить каторжан из тюрем.

Генерал-поручик Петр Еропкин, который на тот момент возглавлял Главную соляную контору, был одним из немногих чиновников, кто остался в Москве. Он принял командование на себя и, собрав небольшой отряд из остатков московского гарнизона, 27 сентября начал наводить в городе порядок. По его приказу конные разъезды рубили бунтовщиков (многие из которых были в стельку пьяны после разграбления винных погребов) вне Кремля, а войска заняли позиции вокруг Чудова монастыря, откуда в них полетели камни. Солдаты ответили оружейным огнем, затем прорвались в монастырь и добили бунтовщиков штыками. Мятежники были вытеснены с территории Кремля, однако вновь стали бить в набат во всех окрестных церквях, чтобы собрать народ и взять крепость приступом. Офицеры пытались уговорить людей разойтись, но народ решительно отказался, и для острастки по штурмующим Кремль мятежникам сделали холостой залп из пушки, установленной перед Спасскими воротами. Это произвело неожиданный обратный эффект: увидев, что никто не убит, бунтующие решили, что их защищает Бог, и еще решительнее устремились к Кремлю, захватили пушку и развернули ее к Спасским воротам, но не смогли выстрелить, ибо стрелять было нечем.

На следующий день восставшие вновь подступили к Кремлю с требованием выдать им Еропкина на растерзание, освободить пленных и раненых, а всех бунтовщиков простить. Офицеры опять попытались уговорить людей разойтись, но те отказались, и их пришлось разогнать силой.

После трехдневных боев бунт был подавлен. По данным Еропкина, всего было убито около 100 человек. После разгрома восстания для наведения порядка правительство направило в Москву из столицы четыре лейб-гвардейских полка под командованием Григория Ор-

[1] Между прочим, по большей части лекари эти были студентами и профессорами Медицинского факультета Московского университета, которые взяли на себя ответственность за выхаживание больных и организовали на базе университетских клиник несколько карантинных бараков. В благодарность за этот самоотверженный труд в 1791 г. Екатерина II даровала Медицинскому факультету, первому из всех факультетов университета, право возводить своих членов в «научные градусы», т.е., говоря современным языком, присваивать ученые степени.

лова. Для ведения следствия и суда над бунтовщиками вслед за ним прибыла Генеральная комиссия из восьми человек во главе с генерал-прокурором В. А. Всеволожским. В Москве начались облавы и аресты, имена зачинщиков движения выясняли под пытками.

По итогам следствия 300 участников выступления были отданы под суд, 173 — биты кнутом и сосланы на каторгу, 4 человека казнены за убийство архиепископа Амвросия. По приказу Екатерины II была наказана и Набатная башня Кремля: чтобы в будущем бунтовщики не смогли собрать народ, у колокола Спасского набата сняли язык.

Наделенный широкими полномочиями Григорий Орлов приказал усилить все имевшиеся в наличии в Москве карантины, создать изолированные инфекционные больницы и увеличить жалованье докторам (с обещанием выплаты компенсации родственникам в случае смерти доктора), открывал новые бани, организовал дезинфекцию жилищ и работы по очистке города от грязи. Также он запретил постоянный колокольный звон в церквях (многие верили, что он отпугивает болезнь, но на деле это сеяло панику). Помимо прочего, на улицах Москвы были уничтожены бродячие животные. На въезд и выезд из города наложили запрет, а мародеров и грабителей было приказано казнить на месте преступления. Благодаря Орлову в город возобновились поставки продовольствия и питьевой воды. Чтобы торговцы не боялись заразиться, были организованы специальные торговые ряды со рвом между продавцом и покупателем (деньги передавали в плошке с уксусом для дезинфекции). Городские службы вновь заработали, и город стал возвращаться к жизни.

А в 1773 г. по стране распространился слух о «счастливо спасшемся императоре Петре III», который объявился на Урале и сразу нашел вокруг себя массу соратников. Строго говоря, слух этот был не первый. До него власти вынуждены были вести следствие в отношении по крайней мере пяти самозванцев, именовавших себя почившим в бозе императором. Но в данном случае, дело было серьезнее. Уж очень изворотлив и живуч был новый самозванец. Благо личность его установить не представляло особого труда.

Это был донской казак Емельян Иванович Пугачев. Уже место его рождения не обещало властям ничего хорошего. Родился он в станице Зимовейская на Дону — той самой, которая веком ранее дала миру другого известного мятежника — Степана Разина[1]. Происходил из

[1] Любопытный факт: Разин и Пугачев были не единственными известными революционерами, родившимися в Зимовейской станице. К ним примыкает фигура еще одного их односельчанина — революционера-народовольца В. Д. Генералова, который вместе с А. И. Ульяновым готовил покушение на императора Александра III, был арестован 1 марта 1887 г. и, согласно вердикту Особого присутствия Сената, был казнен в Шлиссельбургской крепости.

семьи донского казака Ивана Михайловича Пугачева. Год его рождения документально не установлен, однако по косвенным данным, в том числе материалам допросов, считается что родился он между 1742 и 1744 годами.

До 17 лет Емельян помогал семье по хозяйству, «боронил за отцом землю», а в 1759 г. был записан на казацкую службу вместо ушедшего в отставку родителя. Участвовал в Семилетней войне 1756—1763 гг. Со своим полком состоял в дивизии графа З. Г. Чернышева. Походный атаман донских полков полковник Илья Денисов взял Пугачева к себе в ординарцы. За три года службы в Пруссии Емельян побывал в Торуне, Познани, Кобылине, участвовал в ряде сражений. По не совсем достоверным сведениям, Пугачев входил в состав отряда Тотлебена, который в 1760 г. на несколько часов захватил столицу Пруссии Берлин. Если верить этой легенде, именно Тотлебен указал на сходство Пугачева с Петром III, чем предвосхитил дальнейшую судьбу последнего.

По окончании Семилетней войны Пугачев вернулся в родную станицу, но через полтора года с отрядом казаков был командирован в Польшу — там русские войска во главе с Суворовым успешно сражались с конфедератами, выступившими против нового короля Польши Станислава Понятовского. Отряд казаков вскоре был распущен, и Пугачев снова оказался в родной станице, где прожил около четырех лет, В 1770 г. он принял участие в первой русско-турецкой войне в составе Второй русской армии графа Петра Панина и участвовал в осаде крепости Бендеры. Под Бендерами Пугачев за проявленную храбрость получил звание хорунжего — первый казачий офицерский чин.

На этом, однако, воинская служба новоиспеченного хорунжего закончилась. Как утверждали официальные документы «у него стали гнить грудь и ноги». Поэтому сначала его списали из действующей армии в лазарет. Но лечиться за государственный счет Пугачев не захотел, пользовал себя сам, а затем стал хлопотать об отставке. Однако же никак не мог ее получить. Тогда он вместе с несколькими такими же, как он, товарищами по несчастью решил бежать на Терек.

После целой серии злоключений, беглецам все же удалось попасть на территорию Терского казачьего войска. Каких-либо подозрений он, видимо, не вызвал и был записан в реестр казаков Терского семейного войска. Примечательно, что на Дону Пугачев был женат на казачке станицы Есауловской Софье Дмитриевне Недюжевой, от которой прижил троих детей. А на Тереке его женой значилась некая Прасковья Фоминишна. Точно неизвестно, успел ли Пугачев обзавестись другой супругой, или, по каким-то соображениям, решил представить прежнюю жену подложным именем. В любом случае, его служба на Тереке выдалась совсем недолгой. Волжские и донские казаки, принудительно переселенные правительством для укрепления недавно созданной Терской оборонительной линии, были крайне не-

довольны переселением и условиями новых мест службы. В феврале 1772 г. казаки станиц Ищерской, Галюгаевской и Наурской решили направить жалобу в Военную коллегию. С делегацией станичников вызвался отправиться и Емельян Пугачев.

Получив от казаков 25 рублей на дорогу, он поехал хлопотать об их нуждах, для чего в Моздоке закупил нужный «харч». Но при выезде из города был задержан. В ходе разбирательства Пугачев сознался, что ушел с Дона, был посажен на гауптвахту, но сумел бежать из-под стражи, подговорив караульного солдата Венедикта Лаптева. На Дону был вновь задержан и конвоирован в Черкасск. При конвоировании через Цимлянскую станицу сослуживец Пугачева по Прусскому походу Худяков по просьбе Пугачева взял его на поруки, обязавшись доставить к месту назначения в сопровождении своего сына. Зная, что сыну из-за малолетства наказания не последует, Худяков поручил ему отпустить арестанта, и Пугачев вновь скрылся.

Следуя маршрутами раскольников, бежавших от преследования в Польшу, он побывал в старообрядческих селениях на реке Ковсуге (Койсухе), затем в слободе Кабаньей (ныне поселок Краснореченское Луганской области Украины), где познакомился с раскольником Осипом Коровкой (Коровкиным), подсказавшим ему способ вернуться к легальной жизни. Для этого надо было пробраться в Польшу, а затем, воспользовавшись указом Сената от 1762 г. о разрешении вышедшим из Польши старообрядцам селиться по их желанию в Оренбургской губернии, в Сибири и других местах, заявить о направлении на место поселения. Так и сделав, 12 августа 1772 г. в Дебрянском форпосте Пугачев получил паспорт и направление на поселение в Мечетную слободу на реке Иргиз (ныне город Николаевск Самарской губернии).

Прибыв к месту назначения в ноябре 1772 г., он поселился в старообрядческом скиту Введения Пресвятой Богородицы, у настоятеля Филарета, от которого услышал о волнениях в Яицком казачьем войске. Через несколько дней в конце ноября — начале декабря Пугачев отправился в Яицкий городок за рыбой и там встретился с одним из участников казацких волнений Денисом Пьяновым. В разговоре с ним Пугачев обсуждал возможность организации побега скрывающихся участников восстания на Кубань и впервые назвал себя спасшимся Петром III (возможно, что неожиданно и для самого себя).

По возвращении в Мечетную слободу по доносу бывшего с ним в поездке крестьянина Филиппова Пугачева арестовали и направили для проведения следствия сначала в Симбирск, а затем, в январе 1773 г. в Казань. По окончании следствия было предписано наказать Пугачева плетьми и отправить на каторгу в Сибирь, «где употреблять его на казенную работу, давая за то ему в пропитание по три копейки в день».

Однако в мае 1773 г., вследствие перестройки тюрем, русская пенитарная система испытывала финансовые трудности. Чтобы их

решить, заключенных периодически выпускали под конвоем за ворота тюрьмы для прошения милостыни «на пропитание». Воспользовавшись этим, Пугачев сговорился о побеге с отбывавшим заключение вместе с ним купцом Парфеном Дружининым и караульным солдатом Григорием Мищенковым. 29 мая заговорщики напоили второго караульного солдата и сбежали. Расставшись с подельниками после побега, в начале августа 1773 г. Пугачев добрался до Яицкого войска.

Побег Пугачева был как нельзя более своевременным. Почти следом за ним в Казань прибыло распоряжение из Петербурга. Оказалось, что его персоной заинтересовалась сама государыня Екатерина II. 6 мая она высочайше повелела казаку Пугачеву «учинить наказание плетьми и послать, как бродягу и привыкшего к праздной и продерзостной притом жизни, в город Пелым, где употребить его в казенную работу, такую, какая случиться может, давая ему в пропитание по три копейки на день». Известие о побеге Пугачева произвело в Петербурге впечатление — в Казань последовало приказание о его немедленной поимке. Пугачев же вновь появился в Яицком городке. Там он открыл «свое происхождение» нескольким казакам и разрешил сообщить об этом казацкому кругу.

Атмосфера в Яицком городке была накалена до предела. В тот момент там должен был быть приведен в исполнение приговор по делу об убийстве в ходе прошлогодних казацких волнений генерала Траубенберга. И казаки «войсковой стороны» были особенно возбуждены. Поэтому слухи о том, что Петр III жив, что он скрывается где-то недалеко, принимали легендарный характер. И как только появилось известие, что «император» под видом простого пришельца укрылся в Таловом умете, казаки пожелали с ним встретиться.

Перед этой встречей Пугачев был озабочен поиском «письменного человека», который мог бы с его слов составить именной указ «великого государя Петра Федоровича». С этой целью он вместе со Степаном Оболяевым 27 августа предпринял поездку в старообрядческий монастырь, находившийся в Мечетной слободе. Эта поездка окончилась полной неудачей: «письменного человека» не нашли, Оболяев был опознан, схвачен и арестован, а самому Пугачеву пришлось спасаться бегством.

Добравшись до Талового умета, счастливо спасшийся «император» встретился с казаками Яицкого городка. В качестве полномочных представителей «войсковой стороны» к нему прибыли Денис Караваев, Тимофей Мясников, Максим Шигаев, Иван Зарубин, по прозвищу Чика, и Афанасий Чучков. В целях конспирации свидание состоялось в степи. Казаки не очень верили в царскую принадлежность Пугачева. Особенно сомневался в этом Чика-Зарубин. Но они твердо решили примкнуть к нему. Караваев прямо сказал сомневающемуся Чике,

что «это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре».

Довольные результатами переговоров, участники встречи разъехались в разные стороны. Шигаева и Караваева Пугачев послал в городок подготовить население к прибытию «императора», разыскать «письменного человека», а также обзавестись знаменами и более приличной одеждой для «батюшки-государя». Утром 16 сентября в стан Пугачева на Усихе вместе с Мясниковым и Василием Плотниковым прибыл Иван Почиталин — его будущий неизменный секретарь. Он привез Пугачеву новый зеленый зипун с золотым позументом, шелковый кушак, подержанный бешмет и мерлушковую шапку с бархатным верхом.

В полдень из Яицкого городка пришло известие, что комендант Симонов снарядил большой отряд на Усиху, чтобы одним разом захватить всех заговорщиков. Пугачев и весь его отряд, насчитывавший к тому времени несколько десятков человек, устремились к хутору, расположенному в ста верстах от городка. В пути Пугачев подумал о том, что наступил как раз тот момент, когда к народу надлежит обратиться с «именным указом». На привале об этом было сказано Почиталину. Последний прямо на земле разложил свою «канцелярию» приступил к составлению первого манифеста «царя-батюшки». Он гласил: «Самодержавнаго императора, нашего великаго государя Петра Федаровича Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая. Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежным царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю, императорскому величеству Петру Федоравичу, винные были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до усья и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиянгом. Я, великий государь Император, жалую вас, Петр Федаравич. 1773 году синтября 17 числа»

На хутор отряд Пугачева прибыл к полуночи. Здесь к нему примкнули казаки Кожехаровского и Бударинского форпостов. На другой день всем собравшимся под знаменем Пугачева Почиталин торжественно объявил манифест. Казаки с радостью присягнули «царю», дав клятву служить ему верой и правдой, не щадя живота своего. Так началось восстание, масштабы которого заставляют некоторых исследователей именовать его войной.

Историки Крестьянской войны традиционно делят ее на несколько этапов. Первый начинается с провозглашения Пугачевым себя императором 17 сентября 1773 г. и оканчивается неудачей, постигшей

восставших при осаде Оренбурга 24 марта 1774 г. С этим поражением начинается второй этап Крестьянской войны, который длится до 12 июня того же года, когда Пугачев предпринял неудачную попытку захватить и закрепиться в Казани. Наконец третий, заключительный этап войны длится с июня 1774 г. по январь 1775 г. и характеризуется разгромом восставших, пленением Пугачева, следствием над ним и казнью 10 января 1775 г.

Теперь мы можем охарактеризовать все эти три этапа Крестьянской войны поподробнее. Итак, после провозглашения себя императором «названный Петр III» 18 сентября 1773 г. с отрядом до 300 человек, с развернутыми знаменами подошел к Яицкому городку, остановившись в трех верстах от него за р. Чаган. Командовавший гарнизоном Яицкого городка подполковник Симонов выслал навстречу бунтовщикам команду премьер-майора Наумова числом 500 казаков и 270 солдат, с несколькими орудиями. В авангарде этого отряда шли две сотни казаков под началом капитана Крылова. Когда противники сблизились, половина этих казаков тут же перебежала на сторону Пугачева. Видя такую измену, Наумов не стал испытывать судьбу и ни с чем вернулся в город.

Оставив небольшую часть своих соратников для осады Яицкого городка, Пугачев с главными силами двинулся вверх по Яику, направляясь к Оренбургу. На пути им были взяты плохо укрепленные форпосты: Гниловский, Илецкий городок, крепости Рассыпная и Нижне-Озерная. В них повстанцы захватывали пушки, оружие, боеприпасы. 27 сентября пугачевцы подошли к Татищевой крепости, расположенной в 66 верстах от Оренбурга

Губернатор Оренбурга генерал-поручик И. А. Рейнсдорп получил первые вести о действиях Пугачева 22 сентября во время бала по случаю дня коронации императрицы. Только 24 сентября он послал против мятежников небольшой отряд под командованием бригадира барона Билова при 6 полевых пушках. Но как только Билов 25 сентября подошел к Татищевой крепости, оттуда ушли все калмыки. Поэтому, когда к крепости подошли пугачевцы, 27 сентября после непродолжительного боя она сдалась. Билов и комендант Татищевой полковник Елагин с женой были убиты. Пугачев захватил весь провиант, более двух тысяч рублей деньгами и 30 пушек. Здесь к Пугачеву добровольно присоединился с 500 казаками сотник Тимофей Падуров — в прошлом депутат Уложенной комиссии от Оренбургского казачьего войска. Пугачев на радостях произвел сотника сразу в полковники.

Следующей своей целью Пугачев сделал Оренбург. 2 октября пугачевцы беспрепятственно вступили в Сакмарский городок. Там к Пугачеву прибыл Афанасий Соколов по прозвищу Хлопуша. По своему происхождению он был крестьянином села Мошкович Тверской губернии. Затем был извозчиком в Москве. Потом голодная жизнь довела его

до Сибири. С вырванными ноздрями и с клеймом на лице, он дважды убегал с каторги, четыре раза был бит кнутом и в последнее время сидел в Оренбурге в остроге. В какой-то момент коменданта Оренбурга вдруг осенила «счастливая» мысль легко разделаться с Пугачевым: он призвал к себе Хлопушу, вручил ему четыре указа и отправил к мятежникам. Первый указ губернатора предназначался яицким казакам, второй — илецким, третий — оренбургским, а четвертый — самому Пугачеву. Хлопуша должен был образумить казаков, убедить их в самозванстве Пугачева, а его самого схватить и привезти к губернатору. Разумеется, курьер воспользовался детской наивностью Рейнсдорпа. По прибытии в Сакмарский городок все указы губернатора он передал в руки Пугачева, а сам стал его верным сподвижником в звании полковника.

5 октября 1773 т. главные силы восставших подошли к Оренбургу. Войско Пугачева в это время насчитывало 2440 человек при 20 пушках. Город обороняли 2900 человек, из них 174 кадровых военных, 1314 престарелых гарнизонных солдат, 350 ненадежных татар, остальные — казаки и инвалиды. У защитников города было 70 орудий.

Попытка наступающих штурмом овладеть крепостью провалилась: сказалось преимущество обороняющихся в артиллерии. К этому времени наступили холода. Тогда Пугачев переместился со своим штабом на зимние квартиры в шести верстах от города, в Бердскую слободу, надеясь голодом принудить Рейнсдорпа к капитуляции. Именно Бердская слобода на некоторое время стала эпицентром восстания. В это время складываются основные руководящие органы восстания. Необходимость привести разноплеменные, разноуправляемые и плохо дисциплинированные войска к единому командованию, наладить их снабжение, укомплектование и просто поддержание элементарного порядка, заставили Пугачева создать некое подобие государственной организации. В качестве руководящего органа в стане Пугачева была образована т.н. Военная коллегия. В ее состав вошли 10 наиболее способных его соратников, успевших показать себя в прошедших боях. Коллегия являлась одновременно главным штабом армии, высшей судебной инстанцией и органом снабжения войск. Ее обязанности сводились к следующему: давать распоряжения командирам, назначенным «государем»; поддерживать дисциплину, бороться с мародерством и следить, чтобы никто не обижал крестьян, горнорабочих, представителей национальных меньшинств и всякую «чернь бедную»; ведать административными делами на территории, освобожденной от царских властей; распределять имущество, отобранное у помещиков, чиновников, купцов и духовенства; обеспечивать доставку провианта и фуража для войска; вести учет хлеба, соли, вина и денежной казны; комплектовать войско, заказывать заводам оружие, издавать от имени государя указы и манифесты.

Из Берды от Пугачева во множестве отправлялись «царские манифесты». Они распространялись среди разноязычного населения по городам, хуторам, кочевьям и улусам. Писались они не только на русском, но и на татарском, немецком, арабском, турецком и даже персидском языках. Их содержание отчетливо отражало лозунги и цели восстания, носившие ярко выраженный антикрепостнический характер. Пугачев обещал казакам ту самую вольность, за которую, проливая свою кровь, боролась «войсковая сторона» Яицкого края. Казаков «император» жаловал «землею, водою, травами, ружьями и провиантом», крестьян освобождал от подневольного труда на помещиков и заводчиков, от податей и повинностей. Обращаясь своим именным указом от 1 октября 1773 г. специально к башкирам и калмыкам, он тоже награждал их «землею, водою, солью, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем».

Военная коллегия и сам «государь» большое значение придавали заводам Урала. На Авзяно-Петровский завод Демидова был послан Хлопуша с «царскими указами» и заданием «возмущать рабочих и лить мортиры». Вскоре пришло известие о занятии пугачевцами Воскресенского, Преображенского и Верхотурского заводов. В конце ноября сторонники Пугачева захватили заводы: Катав-Ивановский, Симский, Усть-Катавский и Юрюзанский.

Не прошло и месяца после начала крестьянской войны, а вся Оренбургская и Казанская губернии пришли в смятение. Крепостные крестьяне и работный люд «вышли из послушания», массами уходили «на волю» к Пугачеву, начались самосуды над помещиками, их имущество растаскивалось по крестьянским дворам, помещики в панике бежали в Оренбург и Казань.

Первоначальные успехи бунтовщиков зиждились еще и на том обстоятельстве, что к моменту начала крестьянской войны регулярных войск в Поволжье и Приуралье почти не было — они находились на юге России, где происходили военные действия против турок. Зная это, в некоторых местах дворяне по собственной инициативе пытались создать свое ополчение из мобилизованных дворовых и крестьян, но последние неохотно шли против «батюшки-царя».

Первые известия о восстании крестьян и казаков в Оренбургской губернии достигли Петербурга только 14 октября 1773 г. После того, как стала очевидна опасность действий нового самозванца о «злодее Пугачеве» был объявлен специальный манифест императрицы. На подавление его «злокозненных действий» был послан генерал-майор В. А. Кар. Ему предписывалось принять начальство над войсками и «учинить над оным злодеем поиск, его самого и злодейскую шайку его переловить». 30 октября Кар прибыл в Кичуевский фельдшанец, расположенный в 432 верстах от Оренбурга и вступил в командование отрядом, насчитывавшим 3468 человек.

Получив донесение, что отряд Хлопуши занял Авзяно-Петровский завод, Кар 7 ноября решил пойти в наступление. Однако оно потерпело неудачу: в деревне Юзеевой вверенные Кару войска были разбиты мятежниками. 32 офицера оказались в плену и были повешены. Рота 2-го гренадерского полка, шедшая из Симбирска на помощь Кару, тоже попала в окружение и после капитуляции была отправлена в Берду. Из-под Юзеевой Кар с остатками войск отступил в Бугульму и там стал ждать новых подкреплений. Не дождавшись их, он отступил в Казань, сказался больным и прямиком отправился дальше — в Москву

Появление Кара в Казани вызвало панику среди дворян и местных властей. Многие помещики в страхе за свою жизнь бежали в Москву и другие города. Их поместья, оставшиеся без присмотра, грабили осмелевшие крестьяне. Беспорядки в крае принимали широкий размах. Поведение генерала возмутило даже саму императрицу. Он был уволен со службы с запрещением жительства в обеих столицах, а командующим войсками, посланными против Пугачева, был назначен генерал-аншеф А. И. Бибиков, возглавлявший до того работу Уложенной комиссии. Ему были предоставлены полномочия полновластного диктатора всего юго-восточного края страны[1]. Как известно, чтобы поддержать воинственный дух дворян, сама Екатерина II объявила себя «казанской помещицей».

Пока власти собирались с силами, восстание продолжало распространяться на новые территории. Весь Оренбургский край, Южный Урал и Зауралье были охвачены беспорядками. «Зараза» мятежного духа стала проявлять себя уже в Челябинске, Омске и даже в Тобольске. Атаман И. Арапов с манифестом Пугачева беспрепятственно дошел до Самары. 25 декабря население города торжественно встретило его и присягнуло «императору Петру III».

Салават Юлаев и мещеряк Канзафар Усаев подняли на восстание Башкирию. Были взяты Красноуфимск и Сарапул, башкиры подходили к Уфе. На помощь им Пугачев послал Чику-Зарубина, предварительно объявив его графом Чернышевым. Последний очень быстро собрал вокруг себя большое ополчение, обосновался со своим штабом в селе Чесноковке и осадил Уфу. Сотника Кузнецова Чика отправил с войском под Кунгур, атамана Грязнова послал брать Челябинск, а сам 23 декабря сделал попытку, правда неудачную, овладеть Уфой.

Бибиков прибыл в Казань 26 декабря 1773 г. и сразу же предпринял энергичные меры по мобилизации края на борьбу с мятежниками. В дополнение к четырем регулярным полкам, в составе которых насчитывалось 2547 человек пехоты и 1562 человека кавалерии, по его

[1] Со штабом Бибикова в Казань выехал подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Гавриил Романович Державин — будущий известный русский поэт. У него в Казанской губернии было небольшое имение, где проживала его мать.

приказу было сформировано казанское дворянское ополчение. За ним появились ополчения симбирских, свияжских и пензенских дворян. Интересный эпизод произошел в расположенном неподалеку от Шацка г. Керинске. Здесь энергичный местный воевода наряду с ополчением создал даже отряд из пленных турок. Неожиданной атакой на рассвете конные турки и дворянское ополчение рассеяли 10 тыс. пугачевцев и не позволили им захватить город. Узнав об этом, Екатерина II в награду находчивому воеводе пожаловала 5000 рублей и освободила всех участвовавших в бою турок, с вознаграждением по 100 рублей каждому.

К началу 1774 г. под знамена Пугачева собралось около 30 тыс. человек при 100 орудиях. На полях крестьянской войны действовали три главных отряда восставших: сам Пугачев продолжал держать осаду Оренбурга, находясь в Берде; Иван Зарубин держал осаду Уфы и продолжал контролировать положение в Башкирии; Иван Белобородов, сын заводского крестьянина, солдат, затем рабочий порохового завода, поднимал рабочих уральских горных заводов. К февралю 1774 г. на Урале было охвачено восстанием 92 завода, т.е. три четверти всего горнозаводского хозяйства. Часть рабочих этих заводов оставалась на своих местах лить пушки и ядра для повстанческой армии, часть вливалась в отряды Пугачева, часть создавала собственные вооруженные отряды, а некоторые из рабочих разбегались по «прежним своим жительствам».

Чтобы обезопасить тылы, Пугачев решил взять Яицкий городок — там до сих пор отсиживался комендант Симонов со своим стойким гарнизоном. 31 декабря туда был послан отряд во главе с атаманом М. Толкачевым. Но последний не смог овладеть крепостью. Тогда к Яицкому городку прибыл сам Пугачев. 20 января был предпринят очередной штурм крепости, но и он оказался неудачным. Имея большой запас пороха и оружия, включая пушки, Симонов оборонялся достойно. Осаждавшие решили сделать подкоп под крепость и попытаться взорвать ее во время нового, последнего приступа. Подкоп был сделан под церковь, где, как говорили пленные, Симонов прячет весь свой пороховой запас. Штурм был назначен на 19 февраля. Но Симонова вовремя предупредили, и он успел освободить подвал храма от опасного груза. Поэтому подрыв церкви желаемого эффекта не дал. Осаду пришлось свернуть.

Во время этих событий Пугачев вновь женился. Его новой избранницей стала семнадцатилетняя казачка Устинья Кузнецова. Венчание состоялось 1 февраля 1774 г. Между тем, пока вождь крестьянской войны справлял свадьбу, положение его армии становилось все более угрожающим. Войска подчиненного Бибикову генерала П. М. Голицына подошли к Оренбургу. Отряд майора К. И. Муфеля выбил из Самары казаков атамана Арапова, который с двумя тысячами человек и 15 пушками отошел к Бузулуку. Подошедшие туда войска генерала П. Д. Мансурова в четырехчасовом бою разбили пугачевцев. Бросив

артиллерию, они отступили. В конце февраля правительственные силы заняли Тоцкую и Сорочинскую крепости в 150 верстах северо-западнее Оренбурга. Чтобы преградить путь наступающим, Пугачев выдвинулся к Татищевой крепости. Он хотел овладеть ею и сделать своим главным опорным пунктом, чтобы не допустить правительственные силы к Оренбургу, Яицкому городку и Илецкой заставе. К 22 марта к Татищевой крепости подошли основные пугачевские отряды из Берды и правительственные войска.

В ходе развернувшегося вслед за этим сражения Пугачев потерпел поражение. На поле боя пугачевцы оставили более двух тысяч убитыми, около четырех тысяч пленными и 36 пушек. Потери правительственных сил составили 3 офицера и 138 солдат убитыми и 19 офицеров и 417 солдат раненными. Так закончился первый этап Крестьянской войны.

Оренбург был деблокирован. Вечером 24 марта Рейнсдорп выслал в Берду отряд, который безо всякого сопротивления занял слободу, захватив в ней 50 пушек и 17 бочек медной монеты на сумму 1700 руб. В голодный Оренбург немедленно потянулись обозы с продовольствием. Вслед за этим в город доставили скованного по рукам и ногам Хлопушу. Он был схвачен в Каргале бывшими сторонниками Пугачева и выдан властям. В июне 1774 г. его казнили.

Пугачев с уцелевшими силами отступил к Переволоцкой крепости. Однако, столкнувшись по пути с разведкой Голицына, изменил маршрут и неожиданно атаковал Каргалу. Здесь он узнал о пленении Хлопуши и расправился с виновниками этого. Но долго в Каргале не задержался и в 24 марта вступил в Сакмарский городок. Здесь он пополнил провиант и соединился с несколькими подошедшими к нему отрядами. Теперь в его распоряжении находилось около пяти тысяч бойцов.

Еще в январе 1774 года Чика Зарубин со своим 12-тысячным отрядом вторично попытался овладеть Уфой. Но ее двухтысячный гарнизон во главе с комендантом полковником С. С. Мясоедовым отразил штурм. Потеряв 250 человек убитыми, Чика вынужден был перейти к осаде. На помощь осажденным по приказу Бибикова выдвинулся отряд полковника И. И. Михельсона. Прознав про это, Зарубин отправил ему на встречу семитысячный казацкий отряд с десятью пушками. В бою, состоявшемся 24 марта, казаки были рассеяны. Более 1500 восставших попали в плен, Михельсон отпустил их по домам. Чика Зарубин с двумя десятками своих людей бежал в городок Табынск, расположенный на р. Белой между Уфой и Стерлитамаком. Там табынский казачий есаул Медведев со своими казаками ночью захватил и заковал его и его товарищей по оружию в кандалы. Арестованных Михельсон отправил в Уфу, куда 4 апреля прибыл и сам. После этого

власти начали наводить «порядок» во всей Башкирии. Салават Юлаев, вождь башкир, отошел на северо-восток, в Уральские горы.

1 апреля правительственные войска под командованием П. М. Голицына выступили из Берды на Каргалу. Сражение с пугачевцами произошло между Каргалой и Сакмарским городком. И здесь регулярные войска взяли верх. Голицын захватил 10 пушек, около 1500 пленных и большой обоз провианта и фуража. В этом бою в плен попали ближайшие сподвижники Пугачева: сотник Тимофей Падуров, Максим Шигаев и Иван Почиталин. Сам Пугачев с отрядом в 500 казаков, заводских крестьян, татар и башкир бежал сначала в село Гашлы, а потом на уральские заводы.

В первых числах апреля 1774 г. генерал Мансуров занял Илецкий городок. По пути он разгромил отряд атамана Овчинникова. Развивая наступление правительственных войск на огромной территории юго-восточного края, Бибиков из Казани переехал в Кичуевский фельдшанец — поближе к центру событий. Здесь он тяжело заболел, перебрался в Бугульму, но в дороге простудился и 9 апреля скончался. А в Петербурге в это время праздновали победу — там считали, что успехи правительственных войск под Татищевой крепостью, Уфой и Сакмарой означают конец «пугачевщины». Поэтому генерал-поручику князю Ф. Ф. Щербатову, назначенному на место Бибикова, были даны не столь широкие полномочия: он получил право командовать всеми военными, а вся административная власть возвращалась губернаторам. Но ликование в Петербурге было преждевременным. Крестьянская война продолжалась.

Пугачев появился на Южном Урале. Здесь на Вознесенском, Авзяно-Петровском, Воскресенском и Белорецком заводах его ждали. Народ снова стекался к нему отовсюду. Это были башкиры, татары, заводские люди, калмыки, казаки, беглые крестьяне. И снова по всей Башкирии начали ходить «указы государя». К началу мая Пугачев собрал до 5 тыс. человек. Пугачевцы осадили и овладели 6 мая Магнитной крепостью. Утром 8 мая в стан Пугачева прибыл Белобородов с отрядом в 600 человек. Несколько позже явились его старые сподвижники: атаманы Овчинников, Перфильев, Пустобаев. Овчинников привел с собою 500 человек.

19 мая Пугачев штурмом овладел сильной Троицкой крепостью, расположенной в 100 верстах к югу от Челябинска, после чего стал лагерем в полутора верстах от нее. 21 мая сюда подошел с войсками генерал И. А. Деколонг. Пугачевцы не выдержали трудного 4-часового боя и отступили. 27 мая к южноуральским заводам подошли войска, которыми командовал Михельсон. Он без боя занял Саткинский завод, незадолго до того оставленный Салаватом Юлаевым, который двинулся на соединение с Пугачевым. 3 июня Михельсон был неожиданно атакован пугачевцами, однако же устоял и наутро выдержал

еще один бой с тем же результатом. Пугачев отступил в долину реки Миас. Михельсон же направился для пополнения припасов и отдыха войск к Уфе.

21 июня пугачевцы овладели крепостью Оса на Казанском тракте в трех верстах от реки Кама и сожгли ее. Затем они переправились через Каму и повернули в сторону Казани. Следуя через Боткинский и Ижевский заводы, основные силы восставших пополнили запасы продовольствия и пороха и 4 июля в районе Мамадыша форсировали Вятку. 11 июля 1774 г. Пугачев подошел к Казани и встал лагерем в семи верстах от нее. К этому времени повстанческая армия возросла до 20 тыс. человек.

12 июля, на заре, Пугачев начал штурм Казани. Оборонявшиеся не смогли сдержать натиска и очень скоро атакующие толпами хлынули на улицы города. Последствия штурма были ужасны. Из 2867 домов, насчитывавшихся в городе, сгорело 2057. Были сожжены и разграблены 25 церквей и 3 монастыря. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри, хотя и уцелели, но были также разграблены. Бóльшую часть населения города захватчики выгнали на Арское поле. Небольшая часть горожан во главе с губернатором Брантом, его чиновниками, членами секретной комиссии и ее председателем генерал-майором П. С. Потемкиным (дальним родственником фаворита императрицы) укрылась в Казанском кремле — его пугачевцы взять штурмом не смогли.

На другой день к Казани подошел корпус Михельсона и с ходу вступил в бой. Первый штурм Казани длился семь часов до сумерек. В ходе сражения правительственные войска захватили несколько пушек и до 700 пленных. Правда, осажденные в Казанском кремле побоялись развить успех и выступить навстречу правительственным войскам. На следующий день утром сражение возобновилось. Михельсону удалось передать в блокированный кремль просьбу организовать вылазку. В итоге остатки гарнизона Казани числом в 150 человек под командованием П. С. Потемкина вышли из крепости, пробились на Арское поле, где соединились с основными силами Михельсона. Вместе с этим отрядом он перешел в наступление и второй раз разбил пугачевцев. Пугачев вынужден был оставить город и отступить.

В тридцати верстах от Казани его нагнали царские войска. Состоявшийся третий бой был особенно яростным. Силы Михельсона были на исходе. Достаточно сказать, что в последнюю атаку он повел всех, кто был под рукой, включая команду обоза. Тем не менее ему удалось загнать мятежников под кинжальный картечный огонь своих пушек. Пугачевцы были рассеяны и перебиты. Михельсон преследовал Пугачева еще 20 верст, а затем повернул обратно.

Казань была освобождена. Для восстановления спокойствия в крае из города в нескольких направлениях были высланы отряды прави-

тельственных войск. Некоторым из них удалось захватить отдельных сообщников Пугачева. В частности, в окрестностях Казани попал в плен верный сподвижник лидера Крестьянской войны Иван Белобородов. Он был высечен кнутом, потом отправлен в Москву и там казнен. За победы над Пугачевым Михельсон получил чин полковника, 600 крестьянских душ с землею в Полоцкой провинции и специальный подарок от владельца уральских заводов П. А. Демидова. Офицерам из отряда Михельсона было роздано 3146 крестьян с землею, а некоторые из них получили пожизненные пенсии. Все нижние чины удостоились тройного жалованья. На этом завершился второй период крестьянской войны.

Из-под Казани Пугачев с остатками своих разрозненных сил двинулся левым берегом Волги в сторону Нижнего Новгорода. Пройдя около 100 верст, он 18 июля с помощью бурлаков на «купеческих посудинах», плотах и лодках переправился на правый берег у селения Сундырь. Здесь вокруг него стали собираться новые толпы. Как писал по этому поводу А. С. Пушкин, ставший волею обстоятельств одним из первых биографов Пугачева и историков Крестьянской войны: «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием».

Чтобы собрать как можно больше людей, новым сторонникам зачитывали Манифест «государя Петра Федоровича» от 31 июля 1774 г. В нем объявлялись воля, вера и сносная жизнь всем обездоленным: «Жалуем сим именным указом о монаршим и отеческим нашем милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне; и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку; и освобождаем всех от прежде чинимых от злодеев-дворян и градских мздоимцов-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев...». Сейчас мы бы охарактеризовали дарованные «царем» права и свободы как безудержный популизм. Более того, совершенно неочевидно, что Пугачев собирался выполнять свои обещания. Но в 1774 г. они позволили существенно увеличить численность восставших.

О том, что положение складывалось угрожающее, свидетельствует реакция на действия Пугачева со стороны Екатерины II. В Петербурге о переходе Пугачева на правый берег Волги узнали 21 июля. Тут же возникли опасения, что под удар мятежников может вскоре попасть Москва. Поэтому на следующий день императрица созвала заседание Совета при Высочайшем присутствии, где высказала свою крайнюю обеспокоенность ситуацией и даже заявила намерение самой ехать «для спасения Москвы и внутренности империи». Не ожидавшие по-

добного демарша члены Совета долго не могли прийти в себя, а когда пришли, то стали давать императрице противоречивые советы. В итоге, не придя к единому мнению, они решили обождать.

По настоянию Г.А. Потемкина и Н.И. Панина Екатерина согласилась отправить на Волгу находящегося на излечении в Москве боевого генерала, командующего Второй русской армией на театре военных действий Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Петра Ивановича Панина. Герой штурма Бендер, он приходился братом Н.И. Панину и, по словам последнего, мечтал расправиться с «адским злодеем Емелькой Пугачевым».

Еще спустя два дня, 23 июля, в Петербург пришло второе, очень важное известие о том, что 10 июля на выгодных для России условиях с турками был подписан Куйчук-Кайнарджийский мирный договор. Трудная война с Турцией, длившаяся шесть лет, закончилась. Таким образом, у правительства Екатерины были развязаны руки, и оно могло бросить против Пугачева все свои резервы. На усмирение восставших решено было послать вдобавок генерал-поручика А.В. Суворова. Семь конных и пеших полков, квартировавших в Новгороде, Воронеже и других городах, получили приказ немедленно следовать в Москву.

Тем временем П.И. Панин принял командование над всеми разрозненными правительственными силами, находившимися в Казанском крае и на Урале. Они включали: отряд генерала Н.И. Чорбы в составе 3162 человек при восьми пушках; гарнизон Оренбурга с присовокуплением трех полевых команд, дислоцированных в городе; гарнизон Уфы под командованием полковника И.К. Рылеева; отряды Юшкова и Кожина, находившиеся в Бугульме; отряд полковника Шепелева, действовавший в Башкирии по реке Белой. Также в распоряжение Панина предоставлялись силы, дислоцированные на оборонительных линиях: Верхне-Яицкой — генерала Фреймана и Сибирской — корпус Деколонга. Преследование Пугачева было поручено Михельсону, Меллиину и Муфелю. В дополнение ко всему были двинуты полки из Крыма, с Дона и Кубани. Если подвести некоторый итог этим мобилизационным мероприятиям, то получится, что правительство Екатерины II выставило против мятежников целую армию, состоявшую из 8 полков пехоты, 9 полевых команд, 18 гарнизонных батальонов, 8 полков регулярной кавалерии, 4 полков донских и 1 полка малороссийских казаков, а также других более мелких частей.

25 июля Москва была объявлена на осадном положении. Сенат призвал к самозащите дворян, торговых людей и мещан и постановил денежные суммы всех городов Московской губернии немедленно отправить в бывшую столицу. Пугачев же, тем временем двигался вниз по Волге. 27 июля ему без боя сдался Саранск. Там он забрал семь пушек, ядра, порох, 9 тыс. рублей медной монетой и, не задерживаясь, направился в Пензу. 1 августа Пенза также открыла перед пугачевцами

свои ворота. Почти следом за мятежниками шел со своими солдатами граф К.-Г. Меллин.

3 августа Пугачев двинулся дальше, к Саратову, прихватив с собою шесть пушек, 590 ядер, 54 пуда свинца, 16 пудов пороха, много ружей и сабель и 13 тыс. рублей медной монетой. 5 августа в Пензу вступили правительственные войска.

6 августа после непродолжительного штурма восставшие овладели Саратовым. Город не был подготовлен к обороне — его комендант полковник И. К. Бошняк, бригадир Ладыженский и представитель казанской Комиссии поручик Г. Р. Державин не могли поделить между собою власть и в пререканиях упустили дорогое время. Поэтому несколько выстрелов с Соколовой горы, произведенных по приказу Пугачева, вызвали общую панику и дезорганизацию обороны. Среди саратовских трофеев было более тысячи ружей, много пороха, пять пушек и 26 тыс. рублей медной монетой. Взятие Саратова было отмечено грабежами, мародерством, погромом купеческого посада и массой жертв среди мирного населения. По приказу Пугачева население города было приведено к присяге, а пленных дворян ружьями и пиками погнали топить в Волгу. Человека четыре, умевшие плавать, почти пересекли реку, но их догнали на лодках и также утопили.

Пробыв в захваченном городе три дня, до основания разграбив и спалив его, мятежники двинулись дальше. 11 августа в Саратов вступили царские войска под командованием Меллина и Муфеля. 14 августа в город пришел полковник Михельсон. И почти следом за ним появился отряд генерала Мансурова.

августа 1774 г. Пугачев подступил к Царицыну. Попытка с ходу взять город не увенчалась успехом. Тогда наступавшие отошли к Сарепте. 22 августа к Царицыну подошли войска Михельсона. Не принимая боя, Пугачев направился вниз по правому берегу Волги, к Черному Яру. 24 августа корпус Михельсона настиг отступавших у Солениковой ватаги, в 105 верстах от Царицына. Здесь произошел последний бой, в котором Пугачев потерпел окончательное поражение. Он потерял 2 тыс. человек убитыми и 6 тыс. пленными. Среди убитых был главный войсковой атаман Овчинников. На поле боя восставшие оставили 24 пушки. Пугачев бежал за Волгу, в степи. С ним бежали его атаманы Творогов, Чумаков и Федульев, а также 160 яицких казаков и небольшой отряд «разночинцев».

3 сентября в Царицын прибыл А. В. Суворов. Приняв командование войсками от Михельсона, он переправился через Волгу и организовал преследование пугачевцев. Пугачев же хотел идти к Каспийскому морю, рассчитывая затем скрыться в киргизских степях. Тут среди его сподвижников созрел заговор против него. Атаманы сумели склонить к предательству рядовых казаков. Затем заговорщики уговорили Пугачева завернуть в Узень — станицу, где находились его жены и дети.

8 сентября 1774 г., добравшись до Узеня, они связали своего предводителя и в ночь с 14 на 15 сентября доставили его с домочадцами в Яицкий городок. Пугачев был передан под арест капитану Маврину. Днем позже пленники были переданы А. В. Суворову. Известно, что он допрашивал Пугачева 4 часа без свидетелей.

Для конвоирования особо важного арестанта в Яицком городке была сооружена большая деревянная клетка на колесах. Помещенный внутрь ее, закованный цепями, Пугачев отправился в Симбирск под конвоем трех рот пехоты и двухсот казаков. Позади клетки с Пугачевым на двух крестьянских подводах везли его двенадцатилетнего сына Трофима, двух дочерей и жен. 1 октября конвой достиг места назначения, и Суворов передал Пугачева в руки Панина.

Из Симбирска Пугачева, членов его семьи и всех остальных главных «бунтовщиков» направили в Москву. Их переезд происходил с большими предосторожностями. По приказу Петра Панина во всех крупных попутных селениях по ходу движения конвоя были размещены воинские команды. 4 ноября арестантов привезли в Москву и поместили в специально оборудованную камеру в подвале Монетного двора на Китай городе. Следствие по делу Пугачева вели генерал-губернатор Москвы князь М. Н. Волконский, генерал-майор П. С. Потемкин и обер-секретарь Тайной экспедиции С. И. Шешковский. Екатерина II живо интересовалась ходом следствия, указывая направления, в которых должны вестись допросы. Императрица была также обеспокоена донесениями об ухудшении здоровья главных подследственных и передала послание следователям: «Весьма неприятно бы было Ее Величеству, если бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев от какого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания».

По окончании следствия манифестом Екатерины II от 19 декабря 1774 г. был определен состав суда. Судьями были назначены 14 сенаторов, 11 «персон первых трех классов», 4 члена Синода и 6 президентов коллегий. Наблюдать за проведением процесса был назначен генерал-прокурор князь А. А. Вяземский. Первое заседание суда состоялось 30 декабря в Тронном зале Кремлевского дворца. Были оглашены и рассмотрены результаты следствия. 31 декабря утром в суд был доставлен Пугачев. Стоя на коленях, он ответил на заготовленные вопросы о признании своих преступлений, после чего суд принял решение: «Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь». Вместе с Пугачевым к четвертованию был приговорен и Афанасий Перфильев. Еще три человека (М. Шигаев, Т. Подуров и В. Торнов) были приговорены к повешению, а Иван Зарубин — к отсечению головы, причем его должны были казнить в Уфе, осаду которой он вел. При этом члены суда духовного звания хотя и согласились

с приговором, но воздержались от подписания окончательного текста, так как приговором предусматривалась смертная казнь, а «поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем». Две жены Емельяна Пугачева, Софья Дмитриевна и Устинья Петровна, и трое его детей от первого брака по приговору суда были пожизненно заключены в казематы Кексгольмской крепости (ныне г. Приозерск Ленинградской области)[1].

Приговор Пугачеву и осужденным вместе с ним его соратникам был приведен в исполнение 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве. По рассказам современников палач имел тайное указание от Екатерины II сократить мучения осужденных, и Пугачеву с Перфильевым сначала отсекли головы и лишь потом четвертовали. Стоя на эшафоте, Пугачев крестился на соборы, кланялся на все стороны и говорил: «Прости, народ православный, отпусти мне, в чем я согрешил перед тобой... прости, народ православный!» Через несколько минут отрубленная палачом голова была показана народу и оказалась на спице, остальные части тела — на колесе. Эта казнь была последним официальным четвертованием в России.

Несмотря на свершившуюся казнь главного вдохновителя и руководителя Крестьянской войны, в местах, где она происходила, было неспокойно. Карательными операциями против разрозненных отрядов мятежников руководил полковник Михельсон. С целью искоренения любых упоминаний событий, связанных с Пугачевским движением и обстоятельств его подавления, выставлявших ее правление не в лучшем свете в Европе, Екатерина II издала указы о переименовании всех мест, связанных с этими событиями. Так, станица Зимовейская на Дону, где родился Пугачев, была переименована в Потемкинскую, а его дом в станице было велено сжечь. Река Яик была переименована в Урал, Яицкое войско — в Уральское казачье войско, Яицкий городок — в Уральск. Имя Пугачева предавалось в церквях анафеме наряду со Стенькой Разиным. Для описания событий пугачевского бунта было предписано использовать лишь такое выражение, как «известное народное замешательство» и т.п.

Была скорректирована политика по отношению к казачьим войскам, связанная со скорейшей их трансформацией в армейские подразделения. Первым шагом на этом пути стала. ликвидация в августе 1775 г.

---

[1] Суровые условия заключения семьи Пугачева сохранялись все правление Екатерины и лишь распоряжением Павла I в 1796 г. им было разрешено выходить из своей камеры и свободно перемещаться по внутреннему двору замка. В 1803 г., побывав в Кексгольме, уже новый император Александр I «высочайше повелеть соизволил содержащихся в крепости жен известного Емельяна Пугачева с тремя детьми из-под караула освободить, предоставить им жительство в городе свободное с тем, однако, чтоб из оного никуда не отлучались, имея при том за поступками их неослабное смотрение».

Запорожской Сечи (см. выше). Во всех оставшихся войсках казачьим офицерам было признано желательным передавать дворянство с правом владения своими собственными крепостными, что должно было сделать войсковую старшину оплотом Правительства. Наряду с карательными мерами, царское правительство предприняло ряд шагов для умиротворения ситуации политическими и благотворительными мерами. Так, Манифестом 17 марта 1775 г. даровалось прощение всем беглым государственным (но не крепостным) крестьянам, при условии их возвращения в деревни в течение двух лет. Указ императрицы от 6 апреля 1775 г. потребовал захоронить тела повстанцев, а места и орудия казней уничтожить. Вновь вводился запрет на смертную казнь, отмененный во время восстания.

Одним из наиболее существенных итогов Крестьянской войны стала Губернская реформа Екатерины II. Очевидно, что успехи пугачевцев в значительной степени были связаны с аморфностью и слабостью власти на местах. Отсюда проистекало столь серьезное внимание императрицы к вопросам реформирования местного управления. 7 ноября 1775 г. было издано «Учреждение для управления губернией Всероссийской империи». Целью «Учреждения» было, с одной стороны, усилить административный аппарат на местах, с другой — дать в руки провинциальному дворянству средства к подавлению крестьянских восстаний, сродни пугачевскому.

Новая губернская реформа внесла изменения в административное деление. Вместо прежних трех степеней областного управления: губерния — провинция — уезд осталось только две: губерния и уезд. Вместо существовавших прежде 20 было образовано 50 губерний из расчета населения по 300–400 000 человек в каждой. Губернии делились на уезды, по 20–30 000 человек в каждом.

Для управления губерниями был предусмотрен единообразный штат губернских учреждений и чиновников, при них состоявших. Главой губернии объявлялся губернатор, который был облечен доверием государыни и являлся высшим военным и гражданским руководителем вверенной ему территории в рамках губернских границ. Его помощником и заместителем был вице-губернатор. Уезды управлялись капитанами-исправниками, а уездные города — городничими.

Главным исполнительным учреждением в каждой губернии было губернское правление, состоявшее из губернатора, двух губернских советников и губернского прокурора. Это правление обнародовало в губернии указы и распоряжения правительства, наблюдало за правильным течением всех дел в других учреждениях и за общим порядком. Губернскому прокурору подчинялись прокуроры других учреждений губернии (судов, магистрата).

Финансовым управлением губернии ведала Казенная палата, возглавляемая вице-губернатором. Она управляла всеми казенными

сборами, подрядами и различными постройками. Казенные доходы хранились в губернском казначействе.

Новым для русской административной практики было появление в ряду губернских учреждений Приказа общественного призрения — органа, призванного заниматься попечением по делам *просвещения* (школы), *благотворительности* (приюты, богадельни) и *здравоохранения* (больницы). В нем заседали выборные представители сословий под председательством капитана-исправника. Кроме перечисленных учреждений в уездных городах создавалась *дворянская опека*, ведавшая делами малолетних дворян и дворянских вдов. Аналогичные функции в отношении городского населения исполнял сиротский суд.

В уездах органом исполнительной власти был Нижний земский суд, управлявшийся капитаном-исправником, избиравшимся из числа местных дворян на три года. Он наблюдал в своем уезде за торговлей, заботился о благосостоянии жителей, производил предварительное следствие по судебным делам. Уездный стряпчий исполнял в уезде обязанности прокурора. Те же функции в уездных городах исполняли городничие.

Города получили самостоятельный административный статус. Они разделялись на части (районы), объединенные в кварталы, над которыми учреждался строгий полицейский контроль. Районы (части) контролировались частными приставами, а кварталы — квартальными надзирателями, подчинявшимися городничему.

Существенные изменения претерпела и организация судопроизводства. Используя теорию разделения властей, Екатерина II отделила судебные органы власти от исполнительных. Это нововведение носило ярко выраженный сословный характер. Все сословия кроме частновладельческих крепостных крестьян (для них хозяином и судьей был их владелец) должны были принимать участие в местном самоуправлении. Каждое сословие получило свой суд. В губернии помещика судил *Верхний земский суд*, а в уезде — *Нижний земский суд*. Государственные крестьяне судились в *Верхней земской расправе* в губернии и *Нижней земской расправе* в уезде. Горожан судил *Губернский магистрат* в губернии и *городовой магистрат* в уезде. Все эти суды формировались на выборной основе, исключая Нижнюю расправу (т.е. крестьянский уездный суд). Она назначалась губернатором. Представители духовного сословия судились в церковном суде, а военные — в военных трибуналах. Новым явлением для русской судебной системы стал еще один элемент — *Совестный суд*. Он был призван разрешать конфликты в досудебном порядке и, в отличие от всех вышеперечисленных судебных органов, он формировался на бессословной основе.

Более высокой судебной инстанцией в губерниях были *судебные палаты* — гражданская и уголовная, которые координировали дея-

тельность нижестоящих судов и разбирали наиболее запутанные дела. Их члены не избирались, а назначались губернатором. Высшим же судебным органом империи был Сенат.

Таким образом, осуществляя на практике принцип разделения властей, о котором Екатерина говорила еще в своем «Наказе», она преследовала цель создания независимого судопроизводства, подчинявшегося лишь закону. На практике же, регулярного законодательства создано не было и независимости судов не наблюдалось. Губернаторы назначали и отстраняли судей, приостанавливали ход рассмотрения дел, утверждали судебные решения. Поэтому независимая судебная система в России так и не сложилась. В результате в стране так и не сформировалось уважение к суду и закону.

Окончательное оформление сословного строя в России произошло после публикации т.н. «Жалованных грамот». 21 апреля 1785 г. была издана «Жалованная грамота дворянству», которая подтвердила привилегии, полученные дворянами ранее: освобождение от телесных наказаний, подушной подати, обязательной государственной службы, исключительное право на владение имениями, землей и ее недрами, право торгово-промышленной деятельности. Лишение дворянского достоинства могло производиться лишь по решению Сената с высочайшим утверждением императора. Причем имения осужденных дворян не подлежали конфискации, а само дворянство отныне стало именоваться «благородным сословием».

Широкие полномочия получило дворянское самоуправление. Оно получило наименование *«Дворянского собрания»*. Дворянские собрания в губерниях заседали под руководством губернатора и избираемого дворянами губернского предводителя дворянства. Дворянские собрания в уездах избирали уездных предводителей. Предводители дворянства обоих уровней могли делать представления властям о своих нуждах. Действие этого документа распространялось на все области империи, на Прибалтику и Украину, а также на Белоруссию и местности, приобретенные по польским разделам.

Интересно, что в «Жалованной грамоте дворянству» не говорилось о праве дворян владеть крепостными душами. Вероятно, этим императрица хотела показать, что это право не будет сохранено за дворянством навечно.

Одновременно с «Жалованной грамотой дворянству» была издана «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», которая часто именуется в литературе, как «Жалованная грамота городам». Этот документ регулировал права и обязанности городского населения и систему управления в городах. На содержание этого документа оказали влияние пожелания купеческих депутатов и городские наказы в Комиссии по составлению нового Уложения 1767 г. Кроме того, при

разработке проекта Грамоты были использованы уставы, определявшие устройство прибалтийских городов.

Жалованная грамота городам делила все городское население на шесть разрядов. В первый разряд независимо от сословных принадлежностей входили «настоящие городовые обыватели», т.е. люди, имевшие в городе дом или землю; к ним относились также дворяне и духовенство. Второй разряд составляли купцы трех гильдий. При этом номер гильдии определялся размером купеческого капитала.

В первую гильдию записывались купцы с капиталом от 10 до 50 тыс. рублей, во вторую — с капиталом от 5 до 10 тыс. рублей и в третью — с капиталом от тысячи до 5 тыс. рублей. Цеховые ремесленники города комплектовали третий разряд. В четвертый разряд входили иногородцы и иностранные гости, пятый разряд составляли «именитые граждане». Ими считались ученые, художники, банкиры («которые деньги переводят»), оптовые торговцы и судовладельцы. И наконец, к шестому разряду относились «посадские люди», которые «промыслом, рукоделием или работой кормятся» и которые «в других частях Городовой обывательской книги не внесены». Основную массу горожан составляли жители третьего и шестого разрядов — они получили общее наименование мещан (на украинском и белорусском языках слово «место» означало город).

Жители всех разрядов, достигшие 25 лет, получили право раз в три года собираться на Общую городскую думу, где они из своей среды сроком на три года избирали *городского голову* и шесть *гласных* (по одному от каждого разряда), которые составляли *Шестигласную думу*. Эта Шестигласная дума заведовала текущими делами города, его расходами, доходами, общественными постройками и должна была заседать под председательством Городского головы каждую неделю. Но главная ее обязанность заключалась в том, чтобы заботиться о раскладке и сборе податей, об исполнении всех казенных повинностей, за исправность которых несло ответственность все «общество градское». О нуждах своего города Шестигласная дума могла ходатайствовать перед губернатором.

У Екатерины первоначально было намерение дать Жалованную грамоту государственным крестьянам. Но правительство отказалось от такого рискованного шага, опасаясь недовольства дворян. Так или иначе, но изданием двух вышеперечисленных документов, императрица окончательно определила права и обязанности наиболее влиятельных сословий России, на которые, как она полагала, должна опираться русская государственность. Считается, что с появлением «Жалованных грамот» дворянству и городам в России окончательно был оформлен сословный строй.

События Крестьянской войны внутри России во второй половине XVIII в. дополнились тревожными новостями из-за границы.

В североамериканских владениях Великобритании началась война за независимость (1775–1783 гг.), которая привела к возникновению Соединенных Штатов Америки, а во Франции вспыхнула Великая Французская революция (1789 г.). Поэтому в политике престарелой Екатерины II все явственнее начинают проступать реакционные, охранительные черты.

Еще в 1779 г. Екатерина повелела доставлять ей с Санкт-Петербургского почтамта секретно вскрытую корреспонденцию. Постепенно все более расширялся круг лиц, чья переписка попадала под наблюдение. Это были и иностранные дипломаты, и фрондирующие аристократы, и вольнодумствующие граждане. 18 апреля 1794 г. ею был принят указ об организации государственной службы перлюстрации. Этой работой должны были заниматься чиновники Санкт-Петербургского почтамта и Рижской почтовой конторы. В 1795 г. главный директор почт граф А.А. Безбородко предписывал почт-директору Литвы учредить «в губернских городах Минске и Изяславле секретные Экспедиции», для чего были направлены «четыре чиновника, знающие искусство перлюстрации» и дана одна из первых служебных инструкций, определяющая основные составляющие процесса перлюстрации: вскрытие писем, снятие копий или краткое изложение содержания, порядок направления выписок заинтересованным лицам. С этого времени порядок перлюстрации регулировался тайными инструкциями. Известно, что сама императрица нередко лично читала перлюстрированные письма и давала указания почт-директору Петербургского почтамта о том, на какого рода сведения следует обратить особое внимание. С 1770-х годов Екатерина II внимательно следила за корреспонденцией своего нелюбимого сына Павла Петровича и его адресатами. Нередко чтение перлюстрации сопровождалось комментариями императрицы.

В свете растущего Высочайшего недоверия к настроениям в обществе значительно ужесточилось отношение к отечественным вольнодумцам. Печальную историю известного русского просветителя и издателя Н.И. Новикова мы уже обсуждали в предыдущих главах. Поэтому сегодня обратимся к фигуре другого известного русского мыслителя — Александра Николаевича Радищева (1749–1802 гг.)

Он родился в семье помещика Кузнецкого уезда Саратовской губернии и был старшим ребенком в семье. Получив начальное образование дома, был отправлен в Москву к родственникам матери для дальнейшего обучения. До 1762 г. Александр учился вместе с хозяйскими детьми под руководством иностранного гувернера, а затем поступил в недавно открывшийся в столице Пажеский корпус. Там он пробыл до 1766 г., когда по указанию императрицы 12 молодых дворян были отправлены для учебы в Лейпциг. Среди них было 6 пажей. В том числе — Александр Радищев, отличавшийся способностями и похвальным

поведением. В Лейпциге русские студенты обучались латинскому, французскому и немецкому языкам, философии, истории и теории права. Кроме того, Радищев по собственной инициативе весьма серьезно занимался химией и медициной (впоследствии он с успехом лечил людей). Позже он выучился также английскому и итальянскому языкам.

Вернувшись в 1771 г. на Родину, Радищев сначала поступил на службу в Сенат в чине титулярного советника, а потом перешел в штаб генерал-аншефа Я. А. Брюса в качестве обер-аудитора. В 1775 г. он вышел в отставку в чине секунд-майора, но в 1778 г. вновь был определен на службу в Коммерц-коллегию. В 1788 г. его перевели в Петербургскую таможню, сначала помощником управляющего, а потом управляющим. С 1775 г. по 30 июня 1790 г. он жил в Петербурге по адресу: Грязная улица, 14[1]. (Ныне — ул. Марата.).

После смерти жены в 1783 г. Радищев целиком посвятил себя литературной деятельности. Сначала он делал переводы, а потом и сам стал автором. Еще в 1771 г. в разгар полемики между «Трутнем» и «Живописцем» Радищев прислал в редакцию «Живописца» отрывок из своей будущей книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Материал этот был напечатан, правда анонимно и не вызвал скандала. Это убедило Радищева в том, что и полный текст его будущего сочинения сможет увидеть свет без серьезных осложнений. Воспользовавшись указом о вольных типографиях, он завел в своем доме собственную типографию и в 1790 г. напечатал в ней свое «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего». В нем описывалось открытие памятника Петру Великому и высказывались общие соображения о государственной жизни и о власти вообще. Широкого общественного резонанса эта работа Радищева не вызвала. Работая над «Путешествием из Петербурга в Москву», Радищев отвлекался и на другие литературные опыты. Одним из них стала его знаменитая ода «Вольность», которая стала явным откликом на победу американской революции, затем статья «Беседа о том, что есть сын Отечества» и ряд других сочинений.

Наконец, в мае 1790 г. увидело свет главное сочинение А. Н. Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву». Эта книга содержит посвящение и делится на главы. Первая из них называется «Выезд», а остальные носят названия почтовых станций между Петербургом и Москвой. Эпиграф к книге взят из «Телемахиды»[2]. Адресован он

---

[1] Дом А. Н. Радищева сохранился, но неоднократно перестраивался и надстраивался.

[2] Телемах — сын Одиссея и Пенелопы. Его история изложена в знаменитом романе Фенелона, который был переведен в стихах русским поэтом В. К. Тредиаковским под названием «Телемахида».

самодержавию и крепостничеству и содержит в себе огромную обличительную силу: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». В посвящении автор с полным откровением передает свое личное отношение к рассматриваемой теме: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

В «Путешествии» Радищев смело и правдиво показал безысходное положение крепостных крестьян. Их типажи выписаны с глубоким сочувствием к тяжелой крестьянской доле. Радищев был первым из дворян, кто выступил не просто против какого-то монарха (это было частым явлением в эпоху дворцовых переворотов), но против самодержавия как системы власти в целом, без оглядки на личности. Глубина его мысли в том и заключалась, что он отчетливо понимал неразрывную связь между самодержавием России, господством дворян и крепостничеством. Поэтому мы по праву называем его первым русским революционером. В «Путешествие» Радищев частично включил свою оду «Вольность». Полностью текст этого сочинения увидел свет лишь в 1906 г.

Примечательно, что книга «Путешествие из Петербурга в Москву» издавалась с дозволения Управы Благочиния, т.е., говоря современным языком, с разрешения установленной цензуры. Это обеспечило изданию читательский успех. Книга быстро распродавалась. Смелые рассуждения о крепостном праве и других печальных явлениях тогдашней общественной и государственной жизни обратили на себя внимание самой императрицы, которой кто-то доставил «Путешествие». Известно, что по прочтении книги она сказала о Радищеве: «бунтовщик, хуже Пугачева». Сохранился экземпляр книги, попавшей на стол к Екатерине, которую она испещрила весьма циничными ремарками.

Радищев был немедленно арестован и посажен в крепость. Почти весь тираж «Путешествия...» был уничтожен, от первого издания осталось лишь несколько экземпляров. Однако роман расходился в рукописных копиях. Следствие над автором было поручено известному «сыскных дел мастеру» С. И. Шешковскому. Ему же императрица передала свои замечания на книгу подследственного. В отличие от своего наставника Андрея Ивановича Ушакова, слывшего человеком умным, проницательным и, в какой-то степени, можно сказать, интеллектуалом от сыска, Степан Иванович Шешковский олицетворял собой всепроникающий и подавляющий все человеческое существо государственный страх. Точно известно, например, что А. Н. Радищев не подвергался ни пыткам, ни телесным наказаниям, Но, как свидетельствует сын А. Н. Радищева, его отец упал в обморок, когда узнал, что за ним приехал человек от Шешковского. По отзывам тех, кто был свидетелем методов дознания этого мастера отечественного сыска, Степан Иванович являл собой тип этакого иезуитствующего ханжи, который допрашивал подследственных перед образами и лампадками,

поминал о Господе, говорил елейно-сладко и при этом крайне зловеще. И этот липкий страх обволакивал допрашиваемого, не давая ему сосредоточиться и как-то сопротивляться такому психологическому насилию

Одновременно началось расследование в отношении цензора Управы Благочиния, допустившего книгу Радищева к печати. Удивительно, но факт. Следствие вскрыло, что «Путешествие из Петербурга в Москву» прошло цензуру, потому что цензор посчитал его... путеводителем. Он посмотрел только содержание, а главы романа называются по городам и местам. Вникать в содержание книги не стал.

Судьба Радищева была решена: его признали виновным в «заговоре и измене», «покушении на государево здоровье» и приговорили к смерти. Почти месяц Радищев ожидал казни. Наконец, 4 сентября 1790 г. «По милосердию и для всеобщей радости и по случаю заключения мира со Швецией» Екатерина II смертную казнь Радищеву заменила ссылкой его в Сибирь, в Илимский острог, «на десятилетнее безысходное пребывание». В ссылку за Радищевым последовала сестра его покойной жены Елизавета Васильевна Рубановская. Именно она стала воспитывать детей писателя после смерти их матери. Затем они с Радищевым стали близки. Но официально стать мужем и женой не могли: это было бы нарушением церковных правил и приравнивалось к кровосмешению. Когда Радищева арестовали, Елизавета Васильевна собрала все свои бриллианты и, по легенде, все отдала палачу, чтобы спасти мужа от пыток. В Сибири она родила Радищеву троих детей и умерла в Тобольске в 1797 г. от простуды.

Император Павел после своего воцарения высочайшим повелением от 23 ноября 1796 г. освободил политического преступника из заключения, вернул ему чины и дворянство и предписал жить в собственном имении в Калужской губернии под наблюдением губернатора. Сменивший Павла I на престоле Александр I предоставил Радищеву полную свободу и даже назначил членом Комиссии по составлению законов. Радищев увлекся открывшейся перед ним перспективой, вспомнил старину и представил начальству проект, в котором изложил свои прежние мечты об освобождении крестьян. Ознакомившись с этим либеральным проектом, председатель Законодательной комиссии граф П. В. Завадовский удивился наивности уже поседевшего Радищева, сделал ему строгое внушение и даже напомнил о Сибири. Радищев был настолько потрясен этим, что решил покончить жизнь самоубийством. Он принял яд и умер в страшных мучениях в ночь на 12 сентября 1802 г. Правда, некоторые историки уже в XX веке оспаривали эту версию, указывая, что со времени своей сибирской ссылки Радищев страдал серьезными недугами и умер от неправильно приготовленного лекарства, которое выпил накануне смерти.

Литература

1. *Александер Дж.* Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2011.
2. *Буганов В.И.* Пугачев. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1984.
3. *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1–2. М., 1913–1941.
4. *Дело Д.Н.* Салтыковой // Зритель. 1863. № 35–36.
5. *Елисеева И.* Радищев. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015.
6. Законодательство императрицы Екатерины II. 1783–1796 годы / сост. и автор вст. статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011.
7. *Макогоненко Г.П.* Радищев и его время. М.: Госполитиздат, 1956.
8. *Пушкин А.С.* История Пугачева. М.: КРАСАНД, 2014.
9. *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерк XII: Чума и бунт в Москве (1770–1772) // Очерки истории чумы: в 2 кн. Кн. I: Чума добактериологического периода. М., 2006. С. 78–131.
10. *Трефилов Е.Н.* Пугачев. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015.
11. *Щеголев П.Е.* Из журнальной деятельности А.Н. Радищева (1789). СПб., 1908.

Глава X
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

В прошлой главе мы с вами довольно подробно обсудили вопрос о русском самозванчестве в эпоху правления императрицы Екатерины II, без которого было бы невозможно появление Емельяна Пугачева, поднявшего на борьбу с самодержавием огромные массы людей. Однако же, обуздав в конце концов эту народную стихию, императрице пришлось отбиваться от самозванцев и на международной арене. Речь вот о чем: в самом начале 70-х годов XVIII в. из Франции стали приходить тревожные известия о том, что некая молодая особа, именовавшая себя принцессой де Володомир, стала публично заявлять, что она является дочерью русской императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. По словам этой авантюристки, она все детство воспитывалась у дяди в Персии, а по достижении совершеннолетия приехала в Европу с целью отыскания наследства, находившегося в России. Появление в Париже госпожи Володомир совпало по времени с началом разделов Польши, сопровождавшихся появлением в Европе многочисленной польской политической эмиграции. Поэтому, в общем, закономерно, что этой странной молодой женщиной (к тому же не говорившей по-русски) решили воспользоваться польские эмигранты и инсургенты в своих политических целях. Большую роль в том, что обыкновенная авантюристка превратилась в «принцессу» сыграл князь Михаил Огинский (автор полонеза Огинского). В ходе Первого раздела Польши он, сторонник Барской конфедерации (см. об этом ниже), участвовал в боевых действиях против русских войск, был разбит, лишен всех своих владений в Речи Посполитой и эмигрировал во Францию. В Париже он формально состоял при французском дворе в качестве посла польского короля Станислава Понятовского, а неофициально был агентом польских конфедератов. Судя по сохранившейся переписке между ним и Володомир, она обещала князю некую финансовую помощь, которую она должна была получить от своего персидского «дяди».

Не без помощи Огинского, «княжна» приобрела в Париже новых поклонников: престарелого маркиза де Марина и графа Рошфора де

Валькура, гофмейстера при дворе графа Филиппа Лимбургского. Более того, она приняла предложение Рошфора де Валькура стать его женой. В начале 1773 г. у нее закономерно возникли проблемы с кредиторами: персидский «дядя» задерживал платежи. «Княжна» исчезла из столицы Франции и через некоторое время объявилась во Франкфурте на Майне. Здесь поначалу все складывалось весьма плачевно: она даже была выдворена из гостиницы за неуплату и ей грозила долговая тюрьма. Однако на этот раз ей пришел на помощь сам Филипп Фердинанд де Лимбург, прибывший в город вместе с Рошфором де Валькруа. Встретившись с «княжной», 42-летний граф воспылал к ней горячими чувствами, немедля уладил дела с кредиторами и пригласил ее к себе. В скором времени она перебралась в принадлежавший графу замок Нейес во Франконии. Влюбленный граф предоставил ей возможность едва ли не бесконтрольно распоряжаться доходами с его владений, а своего соперника Рошфора заключил в тюрьму как «государственного преступника». Самозванка переменила имя, назвавшись султаншей Али-Эмете, или Алиной (Алиенорой), принцессой Азовской. Здесь она завела свой двор и даже учредила орден «Азиатского креста».

В октябре 1773 г. «принцесса Азовская» переселилась в графство Оберштейн, которое ей подарил богатый жених. Здесь к ней стал часто наведываться Михаил Доманский, ближайший друг и помощник князя Карла Радзивилла, одного из лидеров Барской конфедерации, выступившей в защиту древних прав и привилегий шляхты, против Станислава Понятовского и вообще политики Екатерины II в польском вопросе.

Карл Радзивилл слыл человеком гордым, тщеславным, богатым и склонным к эксцентричным выходкам. Вокруг него подвизались многочисленные польские эмигранты, которых он ссужал деньгами. Непонятно, была ли это его идея — использовать «княжну» в заговоре против Екатерины II, или же свою роль сыграл Михаил Огинский, который был первым из поляков, уготовавших «принцессе Володимирской» центральное место в смелой политической авантюре еще в Париже.

Как бы то ни было, но в декабре 1773 г. в Оберштейне самозванка объявила себя ни больше ни меньше, как дочерью императрицы Елизаветы Петровны и, таким образом, претенденткой на русский престол еще под одним именем — принцессы Елизаветы II. После того заговорщиками был принят следующий план: «принцесса Елизавета», князь Радзивилл и его ближайшее окружение отправляются в Константинополь к турецкому султану. Оттуда «Елизавета» посылает в русскую армию, находившуюся в турецких владениях, воззвание с призывом свергнуть Екатерину II с престола, занятого ею незаконно. Русской императрицей провозглашается Елизавета II. Станислав Понятовский

лишается королевского трона, а Польше возвращаются все земли, отторгнутые при первом разделе.

13 мая 1774 г. самозванка под именем графини Пиннеберг прибыла в Венецию. Туда же отправились князь Радзивилл со своими конфедератами и Михаил Доманский. С одобрения Людовика XVI для графини был приготовлен роскошный дом французского посольства при Венецианской республике. Этот факт подтверждает негласное участие Парижа во всей этой авантюре. Пребывание в Венеции очаровательной мадам Пиннеберг наделало много шуму. В ее окружении кроме Радзивилла и Доманского оказались вельможные паны Потоцкий, Пржездецкий, Чарномский, большая группа польских и французских офицеров, были англичане и два турецких капитана — Гассан и Мехемет, корабли которых стояли в Венецианском порту.

После серии пышных обедов и приемов графиня Пиннеберг, князь Радзивилл и их свита 16 июня 1774 г. на кораблях Гассана и Мехемета отплыли в Константинополь. Сначала путешествие шло хорошо. Но вскоре поднявшаяся буря вынудила Гассана вернуться в Венецию, а корабль Мехемета со свитой «графини» на борту бросил якорь в Рагузе. Там у самозванки появились документы, «подтверждавшие» ее права на русский престол. Вероятно, они заблаговременно были подготовлены поляками, а здесь только переписаны на французском языке рукою самой претендентки. Документы эти представляли собою копии с подложных духовных завещаний Петра I и Елизаветы Петровны, а также выдержки из действительного «Тестамента» Екатерины I. «Принцесса» была при этом заверена, что подлинники духовных завещаний на русском языке хранятся в надежных руках.

Слух об объявившейся невесть откуда наследнице русского престола получил в Рагузе всеобщее распространение. Опасаясь в этих условиях неприятных последствий, местный сенат указал своему поверенному в Петербурге сообщить Н. И. Панину, руководившему русской внешней политикой, «о домогательствах неизвестной женщины». Однако, последний не придал значения полученному сообщению и просил Сенат Рагузы «не обращать внимания на эту побродяжку».

Из Рагузы «Елизавета» отправила два важных письма. Одно из них было адресовано турецкому султану. В нем она сообщала повелителю османов о своих намерениях стать верным союзником Турции, предлагала не подписывать мира с русскими и просила выслать на ее имя фирман[1]. Радзивилл был озадачен этим шагом своей подопечной. Он боялся скомпрометировать себя перед лицом всей Европы и поэтому приказал своему агенту в Константинополе не передавать письма по назначению, о чем, однако, не поставил в известность «княжну».

[1] Фирман — специальный указ султана.

Второе письмо было направлено 18 августа 1774 г. графу Алексею Орлову-Чесменскому — командующему русским флотом, стоявшему на рейде Ливорно. Его целью было склонить командующего русской эскадры к сотрудничеству. «Княжна Елизавета» и Радзивилл хорошо знали, что братья Орловы к тому времени утратили доверие Екатерины II. При русском дворе теперь распоряжался новый фаворит — Григорий Потемкин.

Однако Алексей Орлов, трезво оценивая обстановку, не только не собирался изменять Екатерине, но, напротив, искал повода вернуть себе ее расположение. Получив пакет, он немедленно отправил его императрице, сообщая при этом свое мнение, что, «буде найдется такая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо в Кронштадт». Ответ из Санкт-Петербурга пришел в декабре 1774 г. Это был приказ Екатерины: «Поймать вклепавшую на себя имя во что бы то ни стало». Командующий русской эскадрой был даже уполномочен пойти с кораблями к Рагузе, потребовать выдачи самозванки и в случае отказа бомбардировать город.

В Рагузу тем временем поступило известие о мире между Россией и Турцией. В октябре из Константинополя пришло подтверждение о ратификации обеими сторонами мирного договора. Ответа же от Орлова так и не пришло. Представитель Версаля перестал поддерживать новоявленную претендентку на русский престол. В европейских газетах появились статьи, по-разному освещавшие затею Радзивилла. И, наконец, снова наступило безденежье. Радзивилл, разуверившись в успехе задуманного дела, охладел к своей протеже и поссорился с ней. Сама «княжна» заболела (признаки чахотки появились у нее еще в Венеции). В эту трудную минуту не изменили своей госпоже Доманский, Тарномский, бывший иезуит Ганецкий, имевший надежные связи в Риме и в Ватикане, и капитан Гассан, успевший стать ее очередным любовником.

В 1775 г. на корабле Гассана «княжна» неожиданно прибыла в Неаполь, где через английского посланника Гамильтона получила паспорта для своего пребывания в Риме с малой свитой. В Риме первой неприятностью оказалось отсутствие папы — Климент XIV умер в сентябре 1774 г., а нового папу пока еще не успели избрать. В первых числах января 1775 г. через аббата Рокотане «княжне» удалось вступить в переписку с кардиналом Альбани, который считался наиболее вероятным кандидатом на папский престол. Однако это мало что давало. Продолжая вести роскошную жизнь, «княжна» делала новые долги. Вскоре появилась угроза со стороны кредиторов. Тогда в поисках средств она обратилась с письмом к Гамильтону, и открылась ему во всех своих замыслах. Последний в деньгах деликатно отказал, а полученное письмо направил Алексею Орлову.

Получив известие, Орлов действовал быстро и решительно. Он послал своего адъютанта Ивана Христенека в Рим с поручением войти в доверие к «княжне» и добиться ее согласия принять необходимую ей помощь от командующего русской эскадрой. Одновременно он договорился с английским банкиром Дженкинсом, чтобы тот открыл «княжне» неограниченный кредит.

Получив от Христинека столь заманчивое предложение, «княжна» некоторое время колебалась. Однако же, недолго. За долги ей очередной раз грозила тюрьма. Приняв, наконец, помощь Дженкинса, она выплатила кредиторам 16 тысяч золотых, 7,5 тысячи были посланы ею Радзивиллу. Поддавшись уговорам Христинека, «Елизавета» собралась в Пизу, куда и отправилась под именем графини Зелинской 11 февраля, заняв у Дженкинса еще 2 тысячи золотых на дорогу.

Алексей Орлов нашел для самозванки дворец, в котором она 15 февраля остановилась со своей свитой, и сам поспешил представиться самозванке. По воспоминаниям современников, он вел себя с ней как с владетельной особой, появляясь в парадной форме с орденами и строго соблюдая все правила этикета. «Княжна» отнеслась к нему вначале недоверчиво, лишь кратко пересказав свою, известную уже нам, историю, добавив многозначительно при этом, будто в Германии она свела короткое знакомство со многими владетельными князьями, в частности, с графом Лимбургским, что ее безоговорочно поддерживают Швеция, Пруссия и члены Барской конфедерации, почти наверняка она может рассчитывать на Австрию и в скором времени собирается в Стамбул, где в данный момент ее представляет некий преданный перс, владеющий девятью иностранными языками.

Обдумывая план похищения самозванки, Орлов на некоторое время остановился в городе. Вместе с «княжной» стал выезжать в открытом экипаже, осматривать достопримечательности и появляться в опере. Вскоре пошел слух, будто Орлов и «графиня Зелинская» состоят в любовной связи... Однако же по зрелому размышлению Орловым был сделан вывод о невозможности осуществить планируемое похищение в Пизе. И тогда план был изменен.

Действовавший заодно с Орловым английский консул Дик написал командующему русской эскадрой письмо, будто бы в Ливорно происходят столкновения между англичанами и русскими, и для установления мира необходимо присутствие Орлова. Последний немедленно собрался в путь и предложил «княжне» сопровождать его, чтобы самой увидеть российский флот. Орлову и Христинеку удалось уговорить ее не брать с собой всю свиту на столь кратковременную поездку. 22 февраля в сопровождении горничной и нескольких камердинеров, а также Доманского и Чарномского «княжна» направилась в Ливорно.

Прибыв в Ливорно, «княжна» и Алексей Орлов остановились в доме английского консула, который на следующий день дал званый обед в их

честь. Во время обеда разговор зашел о русском флоте, и «княжна», как полагают, направляемая собеседниками, сама пожелала осмотреть корабли. Ее желание немедленно было исполнено, и она со свитой, в сопровождении Орлова и Христинека в шлюпке направилась на адмиральский корабль. На берегу рядом со стоянкой русских военных кораблей собралась толпа. Зеваки жаждали в честь прибытия на борт «русской принцессы» увидеть демонстрацию военных маневров. Эти ожидания не были обмануты. «Княжна» поднялась на палубу, чтобы наблюдать за происходящим, и, увлеченная зрелищем, не заметила, что все окружавшее ее общество во главе с Орловым вдруг куда-то исчезло, кроме бывших рядом с ней слуг и двоих поляков. Подошедший к ним гвардейский капитан Литвинов официально объявил об их аресте. «Княжну» вместе с горничной отвели в каюту. Людей, сопровождавших ее, разделили и перевезли на другие корабли эскадры.

Как водится, арест и похищение «русской принцессы» средь бела дня на глазах ничего не подозревавших обывателей вызвал протесты европейской общественности. По некоторым сведениям, тосканский герцог Леопольд выразил свое возмущение подобным нарушением международного права, однако не получил из России никакого ответа. Его брат Иосиф будто бы отдал в порты приказание задержать корабль с «княжной» на борту. Это не помешало русской эскадре 26 февраля 1775 г. благополучно сняться с якорей и беспрепятственно проследовать к Гибралтару. В середине мая корабли бросили якоря в Кронштадте, и «принцесса Елизавета» была передана в руки следствия.

Расследование этого дела было поручено петербургскому губернатору, фельдмаршалу, князю А. М. Голицыну. По его приказу самозванка была помещена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Начавшиеся бесконечные допросы арестованных не позволили следователям установить ни истинного происхождения самозванки, ни намерений ее политических сообщников. Сама «княжна» не считала себя в чем-либо виновной и на исповеди, умирая, покаялась только в своем безнравственном поведении. 4 декабря 1775 г. она скончалась от чахотки. Тело ее было предано земле в Петропавловской крепости без церковного отпевания, а материалы дознания были строго засекречены. Следственные дела Доманского и Чарномского 13 января 1776 г. были прекращены. Им выдали по 100 рублей каждому и предложили выехать из России.

Но история «княжны Елизаветы» на этом не закончилась. Слухи о содержавшейся в каземате Алексеевского равелина государственной преступнице материализовались в легенду о княжне Таракановой — дочери Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского, якобы погибшей в застенках Петропавловской крепости во время большого разлива Невы 1777 г. Почти век спустя, в 1864 г. в залах Петербургской Академии художеств была выставлена картина Константина

Флавицкого «Княжна Тараканова». Художник с исключительной силой проиллюстрировал сложившуюся в народе легенду. Полотно имело невиданный успех и получило международную известность. Оно взбудоражило русское общество, акцентировала его внимание на жестокости и беззаконии российских самодержцев. Чтобы как-то приглушить нежелательный резонанс в общественном мнении, последовал именной указ императора Александра II вице-президенту Академии художеств Г.Г. Гагарину чтобы в каталоге против картины «Княжна Тараканова» сделать важное замечание о том, что сюжет ее не соответствует исторической истине.

Но эта мера лишь подстегнула интерес к картине. Ее бурное обсуждение в обществе продолжилось. Тогда император вынужден был разрешить публикацию всех документов, относящихся к следствию по делу княжны Таракановой. Это указание было исполнено Министром юстиции Российской империи В.Н. Паниным в 1867 г.

Вот теперь, как кажется, окончательно распрощавшись со всевозможными самозванцами, мы можем приступить к обсуждению собственно основных направлений внешней политики Екатерины II. А их было три: западное, южное и восточное. Первым на повестку дня встал Польский вопрос.

В конце сентября 1763 г. в Речи Посполитой умер король Август III. В стране начались предвыборные раздоры партий. В процесс избрания короля, наряду с другими державами, вмешалась Россия. Одна из шляхетских группировок предложила избрать королем курфюрста Саксонии, сына Августа III. Другая партия, во главе с князьями Чарторыйскими, считала достойным этого высокого поста представителя своей фамилии. В 1764 г. при активном участии России королем Польши был избран ставленник партии Чарторыйских и давний фаворит Екатерины Станислав Понятовский. Однако же это обстоятельство не способствовало прекращению политической борьбы в стране.

Еще раньше наметилось сближение России с Пруссией, что вылилось в оборонительный союз, заключенный между двумя державами в апреле 1764 г. в Петербурге. В договоре были секретные статьи, предусматривающие среди прочих условий (субсидию России от Пруссии в случае войны с Турцией, согласованность действий в Швеции и пр.) недопущение каких-либо изменений в конституции Польши, поскольку обе стороны были заинтересованы в политической слабости последней. Таким образом, русско-прусское соглашение позволяло России влиять на польские дела.

Придя к власти, Станислав Понятовский начал серию реформ в финансах, армии, государственном управлении, вызвавших раздражение значительной части консервативно настроенной польской шляхты. Для противодействия русскому влиянию в Польше в 1768 г. в городе Баре, в Подолии, была созвана конфедерация, провозгласившая своим

лозунгом самостоятельность страны и затем начавшая борьбу с русским влиянием в Речи Посполитой. С другой стороны, польский Сейм, где заседали сторонники Станислава Понятовского, под давлением русского посла Н. В. Репнина в конце 1767 г. — начале 1768 г. подтвердил «кардинальные права», гарантирующие шляхетские свободы и привилегии, и провозгласил уравнение в правах православных и протестантов с католиками. В том же 1768 г. Россия подписала с Речью Посполитой договор, по которому Россия гарантировала сохранение существующего в Польше политического устройства.

Тогда члены Барской конфедерации, недовольные уравнением в правах религиозных конфессий, а также пророссийской ориентацией внешней политики Станислава Понятовского, вступили на путь вооруженной борьбы. Понятовский сначала не хотел открыто идти против конфедератов. Но когда в дальнейшем определился их явно враждебный по отношению к нему образ действий, польское правительство в соответствии с договором 1768 г. обратилось к Екатерине II за помощью. В Польшу были введены русские войска под командованием генералов Апраксина и Кречетникова. Войска Барской конфедерации были разгромлены, а русская армия вместе с польским отрядом гетмана Ксаверия Браницкого заняла столицу конфедератов — город Бар.

Терпя поражение от русских войск, конфедераты обратились за помощью к Турции и Франции. Турция начала войну с Россией и об этом мы поговорим ниже, а Франция помимо денежных средств направила в отряды конфедератов несколько своих офицеров, среди которых широко известным стал полковник Ш.-Ф. Дюмурье. Позже в своих мемуарах он черными красками рисовал тогдашнее политическое положение Польши, а о конфедератах писал, что их предводители проводили время в шумных пирах, что мелкая шляхта, составлявшая войска, ссорилась между собой, пьянствовала, не признавала дисциплины, занималась грабежами. Дюмурье пробовал навести порядок в отрядах конфедератов, но ничего не добился и вернулся во Францию.

Чтобы покончить с шляхетской оппозицией, во главе русских войск, действовавших против конфедератов, был поставлен А. В. Суворов. Он разгромил их в ряде сражений и занял последний оплот — древнюю польскую столицу Краков. После этого Барская конфедерация распалась, а многие ее активные деятели (включая Михаила Огинского) эмигрировали из страны, в большинстве своем во Францию.

Пруссия и Австрия со своей стороны пристально следили за разворачивавшейся гражданской войной в Речи Посполиой и участием в ней русской армии. Их совсем не устраивало усиление русского влияния в Польше. Боясь опоздать, они под предлогом сохранения порядка в 1770 г. ввели свои войска на польскую территорию: Пруссия заняла Померанию и часть Великой Польши, а Австрия оккупировала Галицию. Зная, что между Пруссией и Австрией существует

тайный договор, по которому они намерены захватить западные области Речи Посполитой, Екатерина II дала знать, что она не позволит им сделать никаких приобретений, если последние будут наносить ущерб России. Тогда Фридрих II предложил русской императрице заключить соглашение о разделе Польского государства. Это не входило в планы русской дипломатии, однако же в 1772 г. такой договор между Россией, Австрией и Пруссией был подписан в Петербурге. Состоялся Первый раздел Польши.

В результате Россия получила восточную часть Белоруссии, все Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского воеводств, а также и польскую часть Ливонии (Двинск, Даугавпилс). В Восточной Белоруссии были образованы Могилевская и Псковская (позднее — Полоцкая) губернии. Пруссия по первому разделу Польши получила Померанию и часть Великой Польши (Познани), а Австрия — Галицию, наиболее плодородную и населенную часть Польши.

По итогам этих событий Речь Посполитая утратила почти треть своей территории (из 780 тыс. кв. км у нее осталось 554 тыс. кв. км). Несмотря на многочисленные протесты, Станислав Понятовский вынужден был собрать сейм для утверждения акта раздела и нового устройства Польши. Сейм только в 1773 г. утвердил раздел страны и, согласно проекту держав, установил «кардинальные права» в Речи Посполитой. Гарантами соглашения о разделе Польши были русские войска, стоявшие в Варшаве, в Белоруссии и на Украине.

Первый раздел Речи Посполитой пробудил в части польского дворянства дух патриотизма. Эта патриотическая партия считала необходимым провести реформы в государственном устройстве страны и этим спасти ее от окончательного распада. Обстоятельства как будто благоприятствовали замыслам патриотов, поскольку Екатерина II в союзе с Австрией начала вторую войну с Турцией. Императрица пыталась привлечь и Польшу к этой войне, но новый король Пруссии Фридрих-Вильгельм II убедил польское правительство отказаться от этой затеи. Партия патриотов, к которой присоединился и Станислав Понятовский, особенно настаивала на союзе с Пруссией, так как надеялась при поддержке последней провести задуманные реформы в стране. Полагаясь на прусского короля и воспользовавшись тем, что Россия была в это время занята войной не только с Турцией, но и со Швецией, патриоты вынесли на сейм 1788 г. проект новой конституции Речи Посполитой. Несмотря на сильное противодействие многих дворян, им в конце концов удалось провести свой план в жизнь. 3 мая 1791 г. Сейм принял новую польскую конституцию.

Согласно этому документу, существенно изменялись правила политической жизни в Речи Посполитой. Так, избирательное престолонаследие заменялось наследственным; польский престол после смерти бездетного Понятовского должен был перейти к саксонскому кур-

фюрсту и утвердиться за его потомством. Исполнительная власть предоставлялась королю и министрам. Законодательная власть оставалась за Сеймом, но дела там должны были решаться большинством голосов, а пресловутое правило «*Libertum veto*» отменялось; верховный суд также принадлежал Сейму. Конфедерации упразднялись. За шляхтой были оставлены все права. Города получали право представительства в парламенте, причем богатые горожане могли получать дворянское достоинство.

Тогда противники нововведений во главе с Феликсом Потоцким, великим коронными гетманами Ксаверием Браницким и Северином Ржевуским решили образовать новую конфедерацию. Уже в июле 1791 г. Потоцкий передал Григорию Потемкину записку о плане создания конфедерации, направленной против новой конституции, и просил помощи России. Занятая войной с Турцией, Екатерина II не решалась глубоко вмешиваться в польские дела. Русскому посланнику в Польше И. Булгакову поручено было пока только подбирать среди польских вельмож партию, готовую отстаивать русские интересы.

После подписания мирного договора между Россией и Турцией Потоцкий и Ржевуский прибыли в Петербург и в марте 1792 г. имели тайные переговоры при Дворе. Было решено, что недовольные конституцией польские магнаты составят конфедерацию, а Екатерина II пошлет им в помощь в Польшу свои войска. 18 мая 1792 г. Булгаков вручил польскому правительству декларацию, в которой конституция 3 мая 1792 г. упоминалась как возможный повод для разрыва отношений между Польшей и соседними государствами, а «истинные патриоты» призывались содействовать «великодушным стараниям русской императрицы, имеющей целью возвратить Речи Посполитой свободу и законность». В день вручения декларации русские войска численностью около ста тысяч человек вступили в пределы Польши. Тогда же 18 мая 1792 г. противники польской конституции в местечке Тарговице основали новую конфедерацию. Ее маршалом был избран Потоцкий, а советниками маршала — Браницкий и Ржевуский.

Вслед за Тарговицкой конфедерацией в Польше стали возникать провинциальные конфедерации по воеводствам. Все поляки, не подчинявшиеся конфедерациям, были объявлены врагами отечества. Сам акт составления конституции 3 мая был назван заговором, а Сейм, принявший ее — незаконным. Универсал генеральной конфедерации от 30 мая 1792 г. оправдывал вступление русских войск в пределы Польши. С их успехами связывалась судьба конфедератов. Тем временем русские войска продолжали продвигаться вглубь польской территории. Их пыталась остановить польская армия, которой командовал генерал Тадеуш Костюшко и Иосиф Понятовский (племянник Станислава Понятовского). Однако после нескольких столкновений они были разбиты.

В этой ситуации польское правительство обратилось за помощью к Пруссии. Но Фридрих-Вильгельм II не сдержал своих прежних обещаний. Он отказал в помощи, заявив, что конституция 3 мая была введена без его ведома и согласия. Чтобы спасти положение, Станислав Понятовский пытался вступить в переговоры с Екатериной II. Он предлагал назначить наследником польского престола ее внука — великого князя Константина Павловича. Однако русская императрица оставила это предложение без ответа и потребовала от польского короля присоединиться к Тарговицкой конфедерации. В конце концов, в июле 1792 г. король вынужден был выполнить это требование, чем вызвал новую волну польской эмиграции и отставку многих офицеров и генералов своей армии.

После этого польские правительственные войска были распущены, а русские заняли Варшаву. Король Пруссии тоже двинул свои войска в Польшу, занял города Познань, Торунь, Данциг и так называемую Великую Польшу с городами Калишем и Ченстоховом. 27 марта 1793 г. русский генерал Кречетников в местечке Полонном Волынской губернии объявил декларацию Екатерины II о **Втором разделе Польши**. Следом за Россией аналогичное заявление сделал и прусский король. 17 июня на сейме в Гродно под давлением нового русского посланника в Варшаве графа Я. Е. Сиверса состоялось признание поляками второго раздела их страны.

По второму разделу Речи Посполитой в состав России вошли Восточная Белоруссия с Минском, Волынь и Подолия — они воссоединились с остальной Белоруссией и Украиной. Пруссия удержала за собою земли, занятые ее войсками. Территория Речи Посполитой сократилась до 254 тыс. кв. км.

Второй раздел Речи Посполитой заставил сплотиться сторонников независимости своей страны и предпринять отчаянную попытку восстановить ее суверенитет и территориальную целостность. В авангарде этого движения стояли такие деятели польского освободительного движения, как Игнатий Потоцкий (1741–1809 гг.) и Гуго Коллонтай (1750–1812 гг.). Но главным вдохновителем и вождем восстания стал Тадеуш Костюшко (1746–1817 гг.), чья биография сама по себе достойна приключенческого романа.

Сын небогатого шляхтича Новогродского повета, он получил среднее образование в Варшавской кадетской школе — лучшем учебном заведении тогдашней Польши, где показал выдающиеся способности и завидное трудолюбие. Отец его славился жестокостью по отношению к своим крепостным крестьянам, за что в 1768 г. был ими убит. Это заставило Тадеуша пересмотреть свой взгляд на устоявшиеся в Речи Посполитой порядки. Эти взгляды окончательно оформились после его заграничных путешествий по Европе в 1769–1774 гг. Формально Костюшко совершенствовался в военном и ин-

женерном деле. Но на родину он вернулся, уже исповедуя идеалы свободы совести, равенства граждан перед законом и вынашивая идеи переустройства государства на демократических началах. Не найдя в родном краю должного применения своим силам, молодой офицер вышел в отставку и в 1778 г. вновь отправился за границу, но теперь в Северную Америку, где уже третий год шла война за независимость от Великобритании. Здесь он вступает в американские войска и вскоре становится адъютантом будущего первого президента США Джорджа Вашингтона. Когда закончилась освободительная война, Костюшко получил орден Цинциннати, права американского гражданина и чин бригадного генерала[1].

После Первого Раздела Польши Костюшко вернулся на родину и примкнул к борцам за независимость своей страны. Будучи принят в армию Иосифа Понятовского в чине генерала, он руководил боевыми действиями польских войск против русской армии. Хотя его корпус был разбит русскими под Дубенкой, Костюшко сохранил в глазах польского общественного мнения высокий военный авторитет. После разгрома он вновь эмигрировал во Францию, где был избран руководителем эмиграции для переговоров с правительством Франции. Обратившись к министру иностранных дел Франции, Костюшко передал ему меморандум, в котором изложил план преобразования Польши в республику, которую предполагалось образовать на территории Речи Посполитой в случае успеха национально-освободительного восстания. Французское правительство выразило сочувствие польским проблемам, однако поддержало готовящееся восстание только на словах.

---

[1] Следует сказать, что Костюшко не был единственным генералом армии США, имевшим польское происхождение и опыт сражений с царскими войсками за свободу своей родины. Другим польским героем войны за независимость США стал Казимир Пулавский (1745–1779 гг.). Будучи молодым человеком, он, как и Костюшко, сражался с русскими войсками под знаменами Барской конфедерации, после разгрома эмигрировал в Париж, затем в США. Во время войны за независимость Америки Пулавский создал кавалерию Континентальной армии, превратил ее в боеспособное формирование и в сражении при Брендивайне фактически спас Джорджу Вашингтону жизнь. Он был удостоен звания генерала, продолжил воевать и, в конце концов, погиб от полученных в бою ран. Пулавского похоронили со всеми воинскими почестями, но его секрет остался нераскрытым. Он открылся случайно. В 90-е годы прошлого века было решено снести пришедший в негодность памятник Пулавскому в городе Саванна (штат Джорджия), где он был похоронен. Под ним был обнаружен металлический ящик с человеческими останками. Специалисты из университетов Джорджии и Аризоны провели их анализ. Так вот, к изумлению ученых выяснилось, что антропологические особенности исследуемого скелета однозначно свидетельствуют, что он был... женщиной или имел в равной степени мужские и женские половые признаки. Чтобы исключить возможность того, что исследованные останки принадлежат не генералу, были найдены его дальние родственники, которые согласились пройти тест на ДНК. Сравнение ее с ДНК саваннских останков подтвердило их родство на 98,8%.

Развитие событий опередило планы Костюшко. В начале 1794 г. русский генерал И. А. Игельстром, назначенный Екатериной послом в Польшу вместо Сиверса, приказал польскому генералу Мадалинскому распустить свою бригаду, состоявшую на содержании Польской республики. Магдалинский отказался выполнить этот приказ и через присоединенные к Пруссии польские земли направился со своими войсками к Кракову. Это и послужило поводом к началу восстания. Костюшко, срочно прибывший в Краков, был провозглашен командующим вооруженными силами восставших. Высланный против Костюшки русский отряд генерала Тормасова потерпел неудачу при деревне Рацловицы. Популярность Костюшки быстро росла. Восстание перекинулось в Варшаву и Вильно. Русское командование, не ожидавшее столь быстрого развития событий, оказалось застигнутым врасплох. В развернувшихся боях за Варшаву, русские войска потеряли около 2000 человек, но смогли вырваться из окружения.

Обеспокоенные развитием событий в Польше, Россия и Пруссия направили к Варшаве, занятой польскими инсургентами, значительные воинские силы. Причем прусскими войсками командовал сам король Фридрих-Вильгельм II, а русскими — генерал И. Е. Ферзен. Однако после ряда рекогносцировок наступление на Варшаву пришлось приостановить. В свою очередь, Костюшко, испытывая постоянную потребность в новых пополнениях, намеревался поднять на освободительную борьбу помещичьих крестьян.

Для этого 2 мая 1794 г. Костюшко издал универсал, который требовал от помещиков облегчения барщины для крестьянских семей, члены которых примкнули к восстанию, а 7 мая издал свой знаменитый Полaнецкий универсал, который объявлял всех крестьян Речи Посполитой лично свободными людьми, находящимися под покровительством закона, обеспечивал им владение землею и на время восстания уменьшал их повинности в пользу помещиков. Окончательное решение этого вопроса предоставлялось будущему правительству свободной Польши. Однако, польская шляхта не могла согласиться с этими мерами, подрывавшими ее экономическое благосостояние, и попросту игнорировала их исполнение.

К этому времени Брест заняли части русских войск под командованием А. В. Суворова. Костюшко решил не допустить соединения русских войск Суворова и Ферзена и навязал сражение армии Ферзена при деревне Мациовицы, близ Варшавы. В этом сражении польские революционные силы были разбиты, а сам Костюшко был ранен и попал в плен.

Пленный вождь польского восстания был инкогнито (под именем пана Шиманского) кружным путем доставлен в Санкт-Петербург и помещен в Петропавловскую крепость. Следствие над ним вел генерал-прокурор А. Н. Самойлов. Однако же приговор Костюшко при жизни

Екатерины II оглашен не был. Поэтому режим его содержания был облегчен: он жил в Комендантском доме, имел возможность получать газеты, читать книги. Тем, какую литературу хотел бы почитать заключенный, интересовался лично генерал-прокурор. О состоянии его здоровья регулярно докладывали императрице. После смерти Екатерины II Костюшко посетил Павел I и пообещал скорое освобождение. Новый император даже предложил польскому революционеру поступить на русскую военную службу, однако тот отказался. 30 ноября 1796 г. Костюшко все же вынужден был подписать «Присягу на верность» с обязательством защищать интересы императора и его наследника Александра. После этого он получил свободу. Павел приказал выплатить польскому революционеру 12 000 рублей — сумму, равную стоимости 1000 казенных крепостных душ. Костюшко отправился в Соединенные Штаты Америки, где пробыл до весны 1798 г. Известия о начале наполеоновских войн в Европе и участии в этих походах на стороне французской армии польского корпуса генерала Домбровского побудили его вернуться в Европу. Прибыв во Францию в июне 1798 г., Костюшко встречался с Наполеоном, но не нашел у него понимания.

Когда французские войска подошли к границам Польши, Костюшко написал Наполеону письмо с требованиями гарантий установления шляхетской демократии в воссозданной Речи Посполитой, которые тот проигнорировал. Костюшко призывал к освобождению польских крестьян от феодальной зависимости с предоставлением им земли, но не получил на это никакого ответа. В конце концов, престарелый революционер понял, что создание герцогства Варшавского осуществлялось французским императором из чисто политических соображений и разуверился в том, что Франция принесет Польше свободу.

В феврале 1814 г. Костюшко с энтузиазмом воспринял поражение Наполеона, принимал у себя русских казачьих атаманов и запретил жителям своих владений оказывать сопротивление русским войскам. Он направил царю письмо, в котором просил объявить всеобщую амнистию полякам, участвовавшим в его восстании, провозгласить в Польше и Великом княжестве Литовском конституционную монархию и, наконец, через десять лет отменить крепостное право там, где оно было введено, и наделить всех крестьян землей. В ответ Александр I дважды встречался с Костюшко в Париже и швейцарском Браунау, вероятно, предполагая привлечь престарелого польского патриота к созданию Царства Польского в рамках Российской империи. Однако, Костюшко отказался и умер в Швейцарии 15 октября 1817 г.

Но вернемся к 1795 г. Русские войска под командованием А. В. Суворова после кровопролитного штурма заняли предместье Варшавы — Прагу. Продолжать штурм не пришлось. Столица Речи Посполитой сдалась без боя. Король Станислав Понятовский отрекся от престола и остаток дней провел в Санкт-Петербурге. Его резиденцией стал Мра-

морный дворец. После смерти бывший польский монарх был удостоин королевских почестей и был упокоен в храме святой Екатерины Александрийской на Невском проспекте.

Состоявшийся в 1795 г. **Третий раздел Польши** привел в состав России Западную Белоруссию, территории на западе Волыни, Литву и Курляндию. Австрия захватила Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую области, а Пруссия — оставшиеся польские земли с Варшавой. Польское государство прекратило свое существование более чем на 120 лет. И лишь победа Октябрьской революции в России позволила польскому народу в 1918 г. вернуть свой государственный и политический суверенитет.

Теперь переместимся на южные рубежи Российской империи. Обширные пространства черноземных плодородных земель, отделявшие Россию от побережья Черного моря, продолжали находиться в запустении и именоваться «Диким полем». Его колонизация традиционно сдерживалась набегами крымского хана, властвовавшего над южными степями. Как мы уже обсуждали, когда я рассказывал о XVI и XVII веках русской истории, крымцам зачастую удавалось доходить даже до Москвы. Собственно говоря, следы этих нашествий остались в современной топонимике столицы. Многочисленные московские улицы, именуемые ныне «валами» (Крымский вал, Камер-коллежский вал, Можайский вал и пр.) превратились в улицы лишь в конце XVIII в. по итогам прошедших русско-турецких войн. Это обстоятельство заставляло русские власти строить на границе с «Диким полем» так называемые «засечные черты» — систему крепостей, рвов, засек и застав позволявших отгородиться от опасности, грозившей из Крыма. Последней по времени стала построенная в 1635–1657 гг. Белгородская засечная черта. Под прикрытием этих укреплений исподволь шла русская колонизация южных земель. После включения в состав России Левобережной Украины на заселение Дикого Поля большое влияние оказали миграционные потоки с Замосковной (Слободской) Украины. Беглые украинские крестьяне и казаки также оказывались в пределах «черты» или даже за ней, активно смешивались с русскими колонистами и вели хозяйственное освоение этих территорий.

Несколько раз на протяжении конца XVII — первой половины XVIII веков русские власти пытались решить «Крымский вопрос», но каждый раз безуспешно. Князь Голицын, возглавлявший русские войска во время своих Крымских походов в 1687 г. и 1689 г. даже не смог вступить на территорию полуострова, а в 1737 г. русские войска под командованием генерала Петра Ласси все-таки овладели Крымом, но удержать не смогли. Проблема заключалась в том, что крымский хан являлся вассалом турецкого султана, а сама Османская империя контролировала обширные территории по северному побережью Черного моря. Турецкие владения там защищали крепости Бендеры, Хо-

тин, Очаков, Кинбурн, Измаил и пр. Крымский хан был сувереном центральной и восточной части полуострова. Ему также подчинялись ногайские орды, кочевавшие в причерноморских степях. Южный же берег Крыма и район современной Керчи подчинялся непосредственно османскому султану. Поэтому по факту любое вооруженное противостояние с Крымом оборачивалось угрозой войны или же войной с Османской империей.

Турецкий протекторат предопределил особенности экономики Крымского ханства. Ключевым объектом экспорта здесь были рабы. Как правило, ими становились пленные славяне. Это могли быть русские колонисты в Причерноморье, жители юго-восточных регионов Речи Посполитой, пленные солдаты и казаки. Татарские отряды, вооруженные зачастую одними арканами, ножами и веревками, совершали глубокие рейды в южные, а иногда и центральные районы России, захватывали людей и уводили их массами для перепродажи на главном невольничьем рынке полуострова — в Евпатории (Кафе). Например, в 1659 г. только из Елецкого, Ливенского и Курского уездов было угнано в полон 25448 человек. Масштаб этой работорговли сравним разве что с торговлей чернокожими невольниками, процветавшей в это время в Атлантике. Наиболее печальная участь ждала старых и больных рабов. Их, как правило, просто убивали. Мужчины, способные к работе, продавались на галеры. Мальчики — для наслаждений. Девушки и молодые женщины — в гаремы богатых турецких вельмож и приближенных крымского хана.

При всей остроте положения дел на юге Екатерина II не стремилась к конфликту с Османской империей. Основное ее внимание было поглощено польскими делами. Поэтому Русско-турецкая война, начавшаяся в 1768 г., не была инициирована Россией, а произошла из-за пограничного инцидента. Члены Барской конфедерации, которые после своего создания ощутили на себе силу русского оружия, обратились за помощью к Османской империи и даже пообещали в качестве вознаграждения за участие в войне против России Подолию и Волынь. Слухи о такой сделке очень разозлили население этих районов. Украинские повстанцы-гайдамаки совершили вооруженный налет на приграничный турецкий город Балту и разграбили его. Таким образом, этот налет стал ответом на действия конфедератов, а сама Барская конфедерация — реакцией на русское вмешательство в польские дела. 6 октября 1768 г. османский великий визирь пригласил к себе русского посла А. М. Обрескова, обошелся с ним оскорбительно и приказал заключить его и еще 11 сотрудников русской дипломатической миссии в Семибашенный замок в Константинополе, и это означало объявление войны. Как бы то ни было, пока продолжались неурядицы в Речи Посполитой, Екатерина II не хотела открывать второй фронт. Поэтому инициатива начала боевых действий принадлежала турецкой стороне.

В январе 1769 г. крымские татары предприняли набег в Новороссию, сожгли и разграбили поселения сербских переселенцев в районе современного Харькова, но получили отпор. С русской стороны успехом завершилась экспедиция к Азову: он был занят отрядом русских войск. Однако эти первые небольшие стычки носили с обеих сторон второстепенный характер. Главным театром предстоящих сражений было Днестровско-Бугское направление.

Здесь были сосредоточены две русские армии. 1-я (около 65 000 человек) базировалась в районе Киева, 2-я (около 43 000 человек) ниже Кременчуга. Командующим 1-й армией был назначен генерал-аншеф А. М. Голицын, командующим 2-й армией — П. А. Румянцев. Для руководства ведением войны в Петербурге был создан Военный совет при Высочайшем Дворе. Но при этом командующие армиями пользовались относительной самостоятельностью и в зависимости от обстановки могли сами принимать решения.

В соответствии с планом кампании 1769 г. 1-я армия должна была действовать в направлении на Хотин и овладеть этой сильной крепостью, расположенной на правом берегу Днестра. 2-й армии ставилась задача обеспечить действия 1-й армии и прикрывать юго-западный участок границы России. Однако, командующий 1-й армии вел боевые действия вяло. А. М. Голицын дважды переправлялся на правый берег Днестра и дважды возвращался обратно на левый берег: в первый раз — из-за недостатка в продовольственном снабжении, второй раз — под давлением полевой армии турок. Когда Голицын в третий раз подошел к Хотину, турки перешли в наступление. 29 августа числом около 80 тыс. они форсировали реку и атаковали русскую армию. Русские войска отразили все атаки противника, вынудили его отойти под стены крепости, но преследования не было, в результате чего победа осталась неиспользованной. Голицын придерживался чисто оборонительной тактики. И трудно сказать, как события развивались бы дальше, если бы турки сами не отступили. Они попали в бедственное положение с продовольственным снабжением, и их новый главнокомандующий Молдаванчи-паша отошел сначала к Яссам, а потом к урочищу Рябая Могила на левом берегу Прута. Оставленный в Хотине крымский хан Девлет-гирей после этого тоже ретировался со своими войсками к Рябой Могиле. 9 сентября Хотин был занят русскими войсками фактически без боя.

Одновременно с действиями на суше против Турции начались боевые действия на море. Их инициатором стал Алексей Орлов. Он подал Екатерине мысль напасть на владения Оттоманской империи с юга, для чего снарядить морскую экспедицию в район греческого Морейского архипелага. Эта чрезвычайно рискованная затея должна была решить сразу три задачи: высадкой русского десанта на Морейском полуострове побудить греков и черногорцев, исповедующих

христианскую веру, к восстанию против турок; отвлечь турецкие силы от главного театра военных действий на Днестре; нарушить морские коммуникации, связывающие Турцию с ее ближайшими владениями, и этим способствовать ее ослаблению.

Большой риск и вполне реальная опасность в практическом осуществлении задуманной операции определялись двумя обстоятельствами. Во-первых, русским кораблям предстоял чрезвычайно трудный и опасный путь по Балтийскому и Северному морям, через проливы Па-де-Кале, Ла-Манш и Гибралтар до северо-восточной части Средиземного моря. Опыта столь длительных походов у русского флота еще не было. Во-вторых, французское правительство в Польском вопросе занимало явно враждебную позицию по отношению к России и оказывало всемерную поддержку польским конфедератам. Поэтому, при следовании русских кораблей вокруг Европы можно было ожидать провокаций или реальных боестолкновений с французским или испанским флотами.

Тем не менее, при всех очевидных опасностях, идея этой экспедиции была Екатериной II одобрена и русский флот в составе 8 линейных кораблей, 3 фрегатов, 4 брандера и 5 вспомогательных судов вышел из Кронштадта курсом на Гибралтар. Командовать эскадрой был назначен Г.А. Спиридов, пожалованный перед самым отплытием чином полного адмирала, а также принятый на русскую службу в 1764 г. контр-адмирал С.К. Грейг. А.Г. Орлов находился в тот момент в Ливорно. О том, чем он там занимался, мы уже рассказали выше. Отправке эскадры в Средиземное море предшествовали русско-английские консультации, имевшие целью побудить англичан пропустить русский флот через Гибралтар, который к тому моменту уже был английской колонией.

Поскольку английские интересы в тот момент в Средиземноморье были сконцентрированы на Египте, который находился под властью Османской империи и там англичане конкурировали с Францией, то возможность отвлечь турецкий флот от своих действий в Средиземном море показалось английской дипломатии очень заманчивой идеей. В итоге английское правительство не только предприняло демонстративные передвижения своего военного флота на путях следования русских кораблей, но и решительно заявило в Париже и Мадриде, что отказ русским в проходе в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии.

Эскадра продвигалась двумя отрядами очень медленно — приходилось нередко останавливаться для починок повреждений и устранения разных неисправностей. В первых числах декабря русские корабли собрались у острова Менорка в Средиземном море.

По приказу А. Орлова корабли Спиридова в феврале 1770 г. прибыли в порт Витуло. 10 апреля был занят Наварин — греческий портовый город на юго-западном берегу полуострова Морея. Высадка ограничен-

ных десантов на островах архипелага не принесла ожидаемого эффекта. Турецкие власти без труда подавляли выступления поднявшегося на восстание греческого населения. Наваринский порт стал временной базой русского флота. Турки выслали к Наварину свою эскадру. Морское сражение становилось неизбежным. Орлов, Спиридов и Грейг сначала разработали план, согласно которому решили взорвать Наваринскую крепость, выйти в море и дать сражение турецким судам. Но тут в дело вмешался командир второго отряда кораблей англичанин Джон Эльфинстон, произведенный 29 июня 1770 г. в контр-адмиралы. Столкнувшись с турецкими кораблями во время перехода к Наварину, он пытался их атаковать, хотя не имел для этого достаточных сил. Турки не приняли боя и укрылись в заливе Наполи-ди-Романья, о чем Эльфинстон доложил Орлову. 22 мая Спиридов соединился е Эльфинстоном, и оба адмирала решили начать погоню за выходившим из залива турецким флотом. Общее командование операцией принял на себя Алексей Орлов. Под его началом в тот момент было 9 линейных кораблей, 3 фрегата, бомбардирский корабль, пакетбот и 16 более мелких судов. На этих кораблях насчитывалось 820 орудий разного калибра.

Турецкий флот значительно превосходил русскую флотилию как по количеству судов, так и по вооружению. Нагнав турок, Алексей Орлов насчитал 16 линейных кораблей, 6 фрегатов, несколько бригантин и более мелких судов. Всего на борту турецких судов насчитывалось 1430 пушек. Командовал эскадрой капудан-паша Ибрагим Хосамеддин. Когда преследуемые русским флотом корабли турок вошли в пролив между островом Хиос и побережьем малоазийского полуострова, он решил здесь принять главное сражение. Поэтому в истории бой этот получил название Хиосского.

24 июня 1770 г. в 11 часов Алексей Орлов дал сигнал: всему флоту атаковать неприятеля. Боевой порядок русских кораблей состоял из трех отрядов: «авангарда» (им командовал адмирал Спиридов на корабле «Святой Евстафий»), «кордебаталии» (командир — адмирал Грейг на корабле «Три иерарха») и «арьергарда» во главе с контр-адмиралом Эльфинстоном на корабле «Святослав». Командующий Алексей Орлов находился со Спиридовым на «Святом Евстафии». Между прочим, Орлову непосредственно подчинялся начальник всей артиллерии флотилии цейхмейстер Иван Абрамович Ганнибал — сын арапа Петра Великого, о котором я упоминал в одной из предыдущих лекций.

Командиры русской эскадры применили новую тактику ведения морского боя. Для нанесения решающего удара они начали атаку в линии, перпендикулярной неприятелю. Этот маневр был очень рискованным, так как русские корабли сближались с турецкими в кильватерной колонне почти перпендикулярно курсу движения противника и подвергались при этом продольному огню артиллерии части турец-

ких кораблей, будучи сами лишены возможности отвечать бортовым залпом. Расчет строился на быстром сближении с противником, что позволяло несколько минимизировать потери.

В 11:30 передовой корабль авангарда «Европа» приблизился к центру турецкой линии, и турки открыли по нему ураганный огонь из всех орудий. «Европа» дала по неприятелю три залпа, но вынуждена была выйти из кильваторного строя из-за полученных повреждений. В итоге под огнем оказался линейный корабль «Святой Евстафий». Он сосредоточил огонь на флагмане турецкого флота 80-пушечном линейном корабле «Бурдж-у-Зафер». На «Бурдж-у-Зафер» возник пожар, команда в панике бросилась в море, чтобы вплавь добраться до берега. «Святой Евстафий» к этому моменту также потерял управление из-за повреждений, нанесенных обстрелом турецких кораблей, и его течением несло прямо на неприятельский флагман.

Два корабля столкнулись, бушприт «Бурдж-у-Зафера» оказался между грот и бизань-мачтами «Святого Евстафия». Русские офицеры и матросы по снастям и реям перебежали на неприятельский корабль и вступили в отчаянный абордажный бой с остатками турецкой команды. Победа досталась русским, но пожар на «Бурдж-у-Зафер» потушить не удалось. Пламя перекинулось и на «Святой Евстафий». Горящая грот-мачта «Бурдж-у-Зафера» рухнула на палубу «Святого Евстафия», искры и головни попали в открытый люк порохового погреба, и корабль взорвался. Вслед за ним взлетел на воздух и «Бурдж-у-Зафер. В соответствии с уставом, адмирал Спиридов с остатками экипажа покинул корабль за несколько минут до взрыва. Он перенес свой флаг на линейный корабль «Три святителя».

Между тем, после гибели своего флагмана турецкие корабли спешно покинули поле боя и укрылись в Чесменской бухте, защищенной несколькими береговыми батареями. Русская эскадра заблокировала выход из нее и стала готовиться к продолжению сражения.

В Чесменской бухте основные силы турецкого флота построились в две линии из 8 и 7 линейных кораблей соответственно, остальные заняли позицию между этими линиями и берегом. Как показали последующие события, первая линия заслонила русских от огня второй линии, а слишком тесное построение упростило задачу русской артиллерии и в ходе боя способствовало распространению пожаров от горящих обломков взорванных кораблей.

На военном совете у Алексея Орлова было принято решение придерживаться следующей тактики. Следовало не допустить выхода турецкого флота из бухты и уничтожить его там. Для этого предполагалось использовать брандеры — небольшие корабли-мины, в качестве которых использовались четыре греческих торговых судна. Они должны были подорвать несколько турецких кораблей, стоящих ближе всего к выходу из бухты, спровоцировав тем самым пожар. Подгото-

вить брандеры к бою было поручено цейхмейстеру И.А. Ганнибалу. Командовать подготовкой диверсии и ее осуществлением было поручено адмиралу Грейгу. Ему непосредственно подчинялись 7 кораблей и все брандеры.

В двенадцатом часу ночи с 25 на 26 июня корабли Грейга снялись с якоря и под огнем турецких береговых батарей вошли в бухту, сразу же открыв огонь по первой линии турецких кораблей. Во втором часу ночи, в разгар сражения, Грейг дал приказ выступить брандерам. Два брандера из четырех успешно дошли до цели и подожгли турецкие корабли. Пожар стал быстро распространяться по остальным судам турецкого флота. В итоге из 14 вражеских линейных кораблей, 2 фрегатов и 6 вспомогательных кораблей уцелело лишь одно судно — линейный корабль «Родос», но и тот был захвачен русскими моряками на абордаж, отведен к эскадре и присоединен потом к русскому флоту.

Известие о победе русского флота в Чесменском сражении произвело огромное впечатление как в России, так и в Европе. После Чесмы русские овладели почти всеми островами Морейского архипелага. Екатерина II согласилась с предложением Орлова и Спиридова о необходимости, во всяком случае до заключения мира с Турцией, удерживать острова за собой, а также поддержала идею Алексея Орлова блокировать русскими кораблями Дарданеллы. После этого русский флот больше двух лет оставался в Архипелаге. Для поддержания его боевой готовности на должном уровне, в восточную часть Средиземного моря были отправлены еще две русские морские экспедиции. Они благополучно добрались до цели.

Теперь вернемся на сухопутный театр военных действий. Там произошли важные изменения. Во второй половине 1769 г. А.М. Голицын был отозван в Санкт-Петербург, а его место занял П.А. Румянцев. Он отказался от пассивной тактики своего предшественника и провел ряд успешных наступательных операций. В сражениях у Рябой Могилы, при Ларге и Кагуле русская армия под его непосредственным командованием разгромила войска крымского хана, а затем турецкие, которыми командовал сам великий визирь. После Кагула «за оказанные Ее Величеству и Отечеству верные и усердные услуги» Румянцеву было пожаловано звание генерал-фельдмаршала.

В то же время войска 2-й армии, командующим которой был назначен П.И. Панин, осадила турецкую крепость Бендеры. Ее оборонял сильный гарнизон, насчитывавший свыше 12 тысяч человек, в том числе отборных янычар. Новый главнокомандующий поначалу надеялся принудить город к капитуляции измором и пушечным обстрелом. Осада длилась два месяца. Затем стало очевидно, что без штурма не обойтись. Он был назначен на 15 сентября 1770 г. Перед началом атаки русские саперы сделали подкоп под одну из стен крепости и заложили туда довольно большое количество взрывчатки.

Накануне штурма обстрел усилился, в городе от пушечного огня возник пожар. В ночь с 15 на 16 сентября 1770 г. Панин отдал приказ к штурму, которому предшествовал подрыв стены. Ожесточенный бой в охваченном пламенем городе длился всю ночь. К утру уцелевшие защитники крепости сложили оружие. В ходе штурма было убито около 7 000 турок, остальные были взяты в плен[1]. Русские потери составили 6 тысяч человек убитыми и раненными — треть армии. Таким образом, штурм Бендер стал наиболее кровопролитным сражением этой войны. Такой подход П. И. Панина к ведению боевых действий вызвал раздражение в Санкт-Петербурге, и вскоре он был отправлен в отставку. Главным итогом падения Бендер стал переход под контроль русских войск обширных территорий между реками Днестр и Прут.

После побед, удививших и напугавших Европу, Россия рассчитывала подписать мирный договор с Турцией на своих условиях. Военные действия двух армий и флота требовали огромных расходов. Экономическое положение империи ухудшалось, назревала крестьянская война. Кроме того, чтобы успешно начать новое наступление, русские войска должны были форсировать мощную водную преграду — реку Дунай. Для этого нужны были немалые дополнительные силы и средства. Понятно, что в этих условиях мирные переговоры становились для русского двора более предпочтительными.

На это рассчитывали и основные акторы европейской политики, которые стремились не допустить усиления России в Европе. Поэтому, когда Фридрих II обратился к Екатерине с предложением начать с Турцией мирные переговоры, она не отказалась от них, но поставила ряд условий. Императрица требовала безусловного освобождения русского посла Обрескова и гарантии безопасности греческого населения, выступавшего против турок. Ответ из Константинополя гласил, что султан уже сообщил Австрии и Пруссии о своем желании мира и ждет от них ответа. Тогда Екатерина 9 декабря направила письмо Фридриху II, в котором благодарила короля Пруссии за дружеское участие

[1] Интересный факт: среди захваченных в крепости пленниц были две турецкие девушки-сестры, Сальха и Фатьма, которых майор Муфель подарил своему приятелю помещику Афанасию Ивановичу Бунину. Младшая из сестер, Фатьма, которой было 11 лет, скончалась через год, а ее 16-летняя старшая сестра выжила и родила своему хозяину сына — будущего крупного поэта XIX века Василия Андреевича Жуковского. Очень похожая биография и у основателя династии графов Кутайсовых Ивана Петровича Кутайсова (1759–1834 гг.). Он, будучи маленьким мальчиком-турчонком, был взят в плен кем-то из русских офицеров при штурме Бендер, выкуплен фельдмаршалом Репниным и отослан им Екатерине II. Фамилию Кутайсов маленький пленник получил, по всей вероятности, по месту своего происхождения — городу Кутаиси (который до 1770 г. входил в состав Османской империи). Иван Кутайсов рос и воспитывался при дворе наследника Павла Петровича, исполняя при нем обязанности камердинера. После восшествия Павла на престол бывший камердинер стал одним из ближайших соратников царя, получил титулы барона и графа.

в делах России и еще раз повторила свое требование освободить посла до начала переговоров и сообщила русские условия подписания мира с Турцией.

Предварительный вариант русских условий мира, предложенный Никитой Паниным на Военном совете еще 16 сентября 1770 г., сводился к следующему: Россия удерживает за собою Азов и Таганрог; русские получают право свободного плавания торговых судов из Азовского моря в Черное; Турция объявляет амнистию всем иноверцам, выступавшим против нее с оружием; объявляется независимость Крыма; княжества Молдавское и Валахское удерживаются за Россией на время выплаты ими вознаграждения русским за военные убытки в сумме 25 млн руб.; если русский флот овладеет каким-нибудь островом в Архипелаге, последний должен оставаться за Россией.

Эти условия вызвали плохо скрываемое недовольство прусского короля. В ответном послании он пытался запугать русскую императрицу твердой политикой Австрии, которая тоже не может согласиться с требованиями, выдвигаемыми Россией. На этом попытки заключить мирный договор в 1770 г. закончились, и стороны стали готовиться к новым баталиям.

План кампании 1771 г., принятый Военным советом, предусматривал: для 1-й армии — обеспечить охрану Молдавии, Валахии и Бессарабии; не допускать турок на левый берег Дуная; для выполнения этих задач командующему 1-й армией Румянцеву предоставлялась полная свобода действий; 2-я армия должна была осуществить вторжение в Крым.

Весь 1771 г. армия Румянцева крупных военных действий не вела. Совершались успешные вылазки на правый берег Дуная. Временно были заняты Тульча, Исакчи, Бабадаг. Левый берег Дуная был очищен от неприятеля на расстоянии от Килии до Видина.

Во 2-й армии в конце 1770 г. произошла очередная смена главнокомандующего. Новым главнокомандующим стал князь В. М. Долгоруков — боевой генерал, участник Семилетней войны. 4 июля 1771 г. войска под его командованием разбили 70-тысячное войско крымского хана Селим-Гирея и овладели Перекопом. Вскоре Долгоруков вторично разгромил 95-тысячную армию хана при Кафе (Феодосии) и занял крепости Арабах, Керчь, Еникале, Балаклаву и Тамань. Этим он принудил Селима бежать в Константинополь, а на его место посадил сторонника России — хана Сагиб-Гирея. Турция не могла оказать серьезную помощь крымским татарам, поэтому последние вынуждены были подписать с Долгоруковым договор, по которому Крым объявлялся независимым и признавал покровительство России.

Появление русских войск в Крыму означало свободу для рабов-христиан. Чтобы не раздражать их бывших хозяев в условиях заключенного мира, Долгоруков распорядился выплачивать за каждого

освобожденного мужчину по 100 левков[1], за женщину — 150. Всего было выкуплено 1200 невольников. После того как отдельные русские гарнизоны были оставлены в некоторых городах Крыма, большинство еще невыкупленных рабов сбежали от своих хозяев и укрылись в расположении русских войск. Основной же контингент 2-й армии был отведен на зимние квартиры на Украину.

Новые военные успехи России уже всерьез обеспокоили ее западных соседей. Открыто враждебную по отношению к Петербургу позицию заняла Австрия. В январе 1772 г. в России стало известно о секретной австро-турецкой конвенции, подписанной в Константинополе 6 июля 1771 г. По этому соглашению Австрия обязалась содействовать возвращению Турции всех крепостей и земель, занятых русскими с начала войны, и добиться выгодных для Турции условий мира с Россией. За это Турция должна была выплатить Австрии денежную субсидию в 10 млн пиастров, передать ей Малую Валахию и освободить австрийскую торговлю от всех налогов и сборов. В качестве аванса турки выложили 3 млн пиастров.

После этого у австрийского императора Иосифа II и его канцлера В.А. Кауница возникли разногласия по вопросу о том, что выгоднее для их империи — получить часть соседних земель у Турции (и тогда пусть продолжается русско-турецкая война!) или выторговать у союзников более жирный кусок польской территории (и тогда необходимы, хотя бы внешне, нормальные отношения с Россией и участие Австрии в мирных русско-турецких переговорах в качестве посредника). Верх взяла последняя точка зрения. Австрия приняла участие в разделе Речи Посполитой, вследствие чего ей пришлось отказать туркам в дипломатической и военной поддержке.

12 марта 1772 г. Панин получил известие из Вены, что Турция согласна на заключение перемирия с Россией и готова выслать своих уполномоченных на конгресс в Бухарест. Русская сторона отклонила Бухарест как место встречи, поскольку этот главный город Валахии мог стать источником дополнительных интриг и затянуть переговоры. Согласились собраться в Фокшанах в июне. Уполномоченными представителями России на конгрессе были граф Григорий Орлов и освобожденный турками из заключения русский посол Обресков. Турция была представлена на встрече Османом-эфенди и Яссином-заде-эфенди. Вместе с ними прибыли из Константинополя на конгресс представители Австрии и Пруссии. Переговоры проходили с 27 июля по 28 августа и закончились неудачей.

Инструкции, данные Орлову и Обрескову, предусматривали возможность значительных уступок с русской стороны. Уполномо-

[1] Левки — старорусское название левендальдеров — голландской денежной единицы, аналога немецких талеров.

ченные могли не настаивать на требовании предоставления независимости Молдавии и Валахии, могли уменьшить территориальные претензии к Турции, но Россия решительно требовала предоставления независимости Крымскому ханству и отстаивала для себя право свободного плавания русских кораблей в Черном море и проливах. Турецкие представители, подстрекаемые Францией и поддерживаемые Австрией, возражали против каждого предложения русской стороны. В августе переговоры зашли в тупик. Представители сторон разъехались.

Еще одна попытка договориться была предпринята в сентябре 1772 г. 12 числа П. А. Румянцев получил от визиря письмо, в котором тот предлагал возобновить мирные переговоры в Бухаресте. Предложение было принято, поскольку Россия тоже стремилась к миру. К тому же в Швеции в то время произошел государственный переворот, могущий вызвать новую напряженность в русско-шведских отношениях. Стороны возобновили переговоры 29 октября. Они были более продолжительными, но положительных результатов тоже не дали. 9 марта 1773 г. боевые действия возобновились.

План военной кампании 1773 г., утвержденный Екатериной, предписывал Румянцеву осуществить наступление на правом берегу Дуная, в частности на сильно укрепленную крепость Шумла, где были сосредоточены главные силы турецкой армии. В первых числах апреля Румянцев приступил к подготовке наступления. Он решил рядом отвлекающих ударов сковать противника и отвлечь его от места предстоящего форсирования Дуная главными силами русской армии. Сформированные для этой цели отряды Вейсмана, Салтыкова и только что прибывшего в 1-ю армию Суворова в течение апреля и мая произвели несколько вылазок на правый берег Дуная.

Задача, поставленная перед отрядом Суворова, состояла в том, чтобы скрытно переправиться через реку, внезапно нанести удар по военным укреплениям болгарского города Туртукай и с наименьшими потерями вернуться на исходные позиции. Там находился турецкий гарнизон, численностью около 4000 человек. Размещался он в двух полевых лагерях, расположенных на восточной и западной окраинах этого населенного пункта и прикрытых земляными укреплениями.

В ночь с 9 на 10 мая войска Суворова числом 500 человек пехоты и 200 человек конницы переправились через Дунай и высадились в 3 верстах от Туртукая ниже по течению. Неожиданная русская атака была настолько внезапной и смелой, что среди турок поднялась общая паника. Операция завершилась полным успехом, и отряд Суворова с победными трофеями (в том числе с захваченными 6 знаменами) вернулся на исходные позиции на левый берег реки. Потери русских составили 26 убитыми и 42 ранеными. Турки, согласно реляции Суворова, потеряли 1500 человек.

9 июня сам главнокомандующий Румянцев с главными силами форсировал Дунай в 30 верстах ниже турецкой крепости Силистрия. 18 июня он подошел к ней, захватил передовые укрепления, но овладеть не смог — для этого не хватало сил. Узнав о приближении 30-тысячной армии Нуман-паши, Румянцев отошел обратно, к месту своей переправы через Дунай.

Одновременно с наступлением фельдмаршала на Силистрию отряд Суворова предпринял второй рейд на Туртукай. С Суворовым переправилось на правый берег и приняло участие в бою около 2000 человек при двух орудиях. На этот раз сражение затянулось. Получивший подкрепление противник упорно сопротивлялся и даже контратаковал. В конце концов ситуацию переломила неожиданная атака русской кавалерии. Она обратила турок в бегство и преследовала их на протяжении пяти верст, после чего отряд Суворова вернулся на левый берег Дуная.

Навстречу остановившимся у Кайнарджи турецким войскам выступил генерал-майор О.А. Вейсман со своим отрядом. 22 июня он атаковал неприятеля и разгромил его, хотя сам погиб в бою. Но и после этой победы Румянцев считал себя все-таки недостаточно сильным, чтобы начать генеральное наступление, и вернулся обратно за Дунай. На правом берегу после этого оставался только один пункт, занятый русскими; это был Гирсовский пост. Хорошо понимая его важнейшее стратегическое значение в тех условиях, Румянцев направил туда Суворова. 3 сентября произошел ожесточенный бой с сильным турецким отрядом, попробовавшим атаковать Гирсово. Этот натиск был русскими отбит.

На этом военная кампания 1773 г. завершилась. Зиму армия Румянцева провела на квартирах на левом берегу Дуная. На правом берегу только Гирсовский пост был занят отрядом Суворова.

Боевые действия возобновились лишь в апреле 1774 г. Первыми выступили дивизия генерал-поручика М. Ф. Каменского, переправившаяся в низовья Дуная, и дивизия генерал-поручика А. В. Суворова, сосредоточенная, как мы помним, у Гирсово. Обе дивизии должны были наступать на Базарджик, Козлуджи и Шумлу. 2 июня Каменский занял Базарджик, после чего отошел к деревне Юшенлы. Здесь 9 июня к нему присоединился Суворов. В это же время к городу Козлуджи подошел и встал лагерем 40-тысячный турецкий корпус Хаджи-Абдур-Резака.

Сражение при Козлуджи начала конница Суворова. Однако, столкнувшись с контратакой превосходящих сил турок, она была вынуждена в беспорядке отступить. Стремясь использовать успех, турки атаковали пехоту Суворова. Их натиск встретила плотная линия русского каре, которая нанесла наступающим ощутимые потери. Тогда турецкие войска двинулись в стороны флангов. Но там они встретили отпор частей дивизии Каменского. Потерпев неудачу в попытке про-

бить русскую пехоту и неся большие потери, турки дрогнули и начали отступать. Суворов развивал наступление. Его пехота, поддержанная оправившейся после первой неудачи кавалерией, упорно шла вперед, парируя неприятельские контратаки. Когда русские войска продвинулись на 7–8 верст и приблизились к лагерю турок, 9 орудий русской полевой артиллерии начали артподготовку общего штурма. Войска Хаджи-Абдур-Резака охватила паника. Турки, не дожидаясь штыкового удара, обратились в бегство.

На второй день после победы под Козлуджи на военном совете Суворов и Каменский не смогли выработать единого плана действий. Суворов предлагал продолжать преследовать отступающего противника, а Каменский считал наступление нецелесообразным и даже рискованным. Поссорившись с Каменским, Суворов под предлогом болезни самовольно уехал в Бухарест. Румянцев встретил его холодно, потребовал объяснить неожиданный отъезд из действующей армии, но просьбу об отпуске удовлетворил. Через месяц с небольшим Суворов получил приказ выехать в Москву: его посылали на борьбу с Пугачевым.

После Козлуджи русские войска подошли к Шумле и приступили к ее осаде. Один из русских отрядов захватил важный турецкий опорный пункт Чалыкивак, расположенный между Шумлой и Константинополем. Это вызвало дополнительную панику среди неприятеля. Гарнизон Шумлы поднял мятеж. Везирь быстро расправился с восставшими, но понял, что вверенная ему армия больше не может продолжать сопротивление. Он обратился к русскому командованию с предложением о перемирии.

Румянцев в ответ предъявил ультиматум: или начинаются немедленные переговоры о мире, или он отдает приказ о наступлении русских войск на Константинополь. 4 июля в штаб-квартиру русской армии в местечке Куйчук-Кайнарджи под Силистрией прибыли уполномоченные визиря, и после непродолжительных переговоров 10 июля 1774 г. между Россией и Турцией был подписан Куйчук-Кайнарджийский мирный договор. По его условиям все прежние договоры между Россией и Турцией, кроме конвенции 1700 г. о границах Азовского уезда, объявлялись утратившими силу. Крымское ханство признавалось независимым от Турции. Под власть России переходило Черноморское побережье с крепостями Керчь, Еникале и Кинбурн. Княжества Молдавское и Валашское получали автономию, и Россия приобретала право защиты и покровительства христианам в этих княжествах. Русским консулам предоставлялась возможность выступать в защиту христианского населения Османской империи. Порта признавала свободу русской торговли на тех же условиях, на каких ею пользовались Великобритания и Франция, и обещала покровительство русским купцам в Триполи, Тунисе и Алжире. Русские торговые корабли получали право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы.

За российскими императорами признавался титул, равный падишаху (титул турецких султанов и персидских шахов), чем до этого времени пользовались только французские короли. Согласно секретному приложению к договору, Турция обязалась уплатить России 7,5 млн пиастров (4,5 млн руб.) контрибуции.

Россия, в свою очередь, взамен приобретений на Черноморском побережье возвращала Порте Морейский архипелаг. Русская эскадра в Средиземном море должна была через Гибралтар вернуться домой.

Екатерина щедро наградила своих полководцев, блестяще проявивших себя на войне. Главнокомандующий русским флотом в Средиземном море граф Алексей Орлов получил орден Святого Георгия первой степени и стал именоваться Чесменским. Командующий 2-й армией князь В. М. Долгоруков помимо Святого Георгия прибавил к своему имени титул Крымский. Больших наград удостоился фельдмаршал Петр Румянцев. Он получил орден Андрея Первозванного, фельдмаршалский жезл, украшенный драгоценными камнями, и почетную приставку к своей фамилии — Задунайский. А. В. Суворову была вручена золотая шпага, осыпанная бриллиантами. На празднествах он был представлен императрице.

Успех русской морской экспедиции на Архипелаг возбудил у части греческого населения надежды на освобождение родины от османского ига. Греческая диаспора в России обращалась к Екатерине II с призывом воссоздать греческую государственность на островах Эгейского моря. Первым шагом в этом направлении можно назвать наречение родившегося 27 апреля 1779 г. второго внука императрицы византийским императорским именем Константин. Помощь в восстановлении греческой монархии Екатерина II стремилась получить у союзника России императора Священной Римской империи Иосифа II, которому она писала о своих обязательствах «...поддерживать независимость этой восстановленной монархии от моей». Это, конечно, выглядело довольно смешно: внук вряд ли бы противился бабушке. Чтобы заинтересовать Иосифа II, Екатерина предложила из восточных дунайских княжеств создать буферное государство Дакию, а западные передать Австрии (вместе с которой она и собиралась вытеснять Турцию из Европы). Этот план, получивший название «Греческого проекта» Екатерины II, вызвал переполох в европейских столицах, так как его реализация привела бы к необычайному укреплению и без того сильных позиций России в Средиземноморье. Поэтому европейские державы выступили единым фронтом против плана, нарушавшего, как им казалось, баланс сил в Европе. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда христианские государства Западной Европы поддерживали существование крупнейшей исламской державы, притеснявшей, в свою очередь, христиан на Балканах. Этот полный последующего драматизма сюжет, получивший название «Восточного

вопроса» оставался актуальным для европейской дипломатии весь XIX и начало XX века.

А тогда успешное для России завершение войны с Турцией было не только важным международным событием. Мирный договор способствовал включению в орбиту экономического развития России южных регионов страны, способствовал развитию черноморской торговли. Однако же положение в Крыму продолжало оставаться достаточно сложным. Зафиксировав в мирном договоре свое согласие на независимость Крыма, турецкий султан не мог смириться с этой потерей. К тому же у него оставалось множество рычагов для управления Крымом. Для крымских татар султан Турции оставался верховным халифом — в его руках находилась религиозная власть. Он назначал судей и утверждал имамов. Профиль его по-прежнему чеканился на монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

Крымские христиане (особенно греки) возобновили богослужения в христианских церквях. Вновь по всему Крыму разносился колокольный звон. Россия не спешила с выводом войск, которые хотя и не были определены на постой к местному населению, но требовали от него фураж и дров. Отсутствие притока новых невольников и освобождение старых подорвало экономику ханства. Когда же русские войска (кроме гарнизона Керчи) были в 1775 г. все-таки выведены, началось восстание. Хан Сагиб-гирей был низложен сторонниками турецкой партии. Его брат Девлет-Гирей, утвержденный султаном новым ханом Крыма, в июле 1775 г. высадился с турецким десантом в Алуште. Однако продвинуться туркам в глубь полуострова не удалось.

Ответ Екатерины II был быстр и беспощаден. В Крым была направлена армия, под командованием фельдмаршала А.А. Прозоровского, а через Керченский пролив переправились ногайцы, под командованием калги[1] свергнутого хана и его посла при Екатерине II Шагин-Гирея. После катастрофического разгрома мятежники частью бежали с полуострова, частью укрылись в недоступных горных районах, где гибли зимой от болезней и стужи. Новым ханом был провозглашен Шагин-Гирей.

Это была в своем роде незаурядная личность. Образование он получил в Венеции, хорошо знал итальянский, греческий, арабский и русский языки. Писал стихи на арабском и татарском. Многие его меры — чеканка собственной монеты, упорядочивание системы управления, создание регулярной армии, вооруженной и обученной на европейский манер, выглядели действиями самостоятельного правителя, стремившегося к независимости. Да и отношения с Россией у него были неровные.

[1] Калга — высшее должностное лицо в администрации Крымского ханства.

Наместник Новороссии Светлейший князь Г. А. Потемкин придумал меру, которая должна была оживить экономику полуострова. По его приказу из Крыма было выселено все христианское население — армяне и греки. Исполнителем этого решения стал А. В. Суворов, назначенный после Прозоровского командовать русскими войсками на полуострове. Греков перевезли в только что основанный Мариуполь, а армян — в Ростов-на-Дону. Переселенцы получили в собственность землю и налоговые льготы. Шагин-Гирей пришел в ярость, узнав о переселении христиан из Крыма. Его возмущали два обстоятельства: он не только обнаружил полное отсутствие в своих руках реальной власти, но и лишился подданных, а вместе с ними — важного источника дохода. В знак протеста хан демонстративно прервал отношения с Суворовым, покинул свою столицу Бахчисарай и грозился отправиться с жалобой в Петербург. Но что хуже — он стал в глазах народа выглядеть изменником и вероотступником. Это создавало условия для нового бунта.

Свою лепту в нагнетание обстановки внесла и Турция. В сентябре 1778 г. турецкий флот в составе 170 вымпелов «демонстрировал флаг» у побережья полуострова. В отсутствии флота главнокомандующий русской армией А. В. Суворов вынужден был маневрировать своими войсками по берегу в соответствии с движением турецких судов, страхуясь от высадки десанта, а затем, получив официальную просьбу, он под предлогом античумного карантина запретил туркам высаживаться на берег и не разрешил им набрать на суда пресной воды. Турецкий флот вынужден был поднять паруса и удалиться в Константинополь.

10 марта 1779 г. в Константинополе был наконец ратифицирован Куйчук-Кайнарджийский мирный договор. Турция признала Шагин-Гирея крымским ханом. Екатерина II со своей стороны согласилась вывести почти все русские войска из Крыма и упразднить Кубанскую укрепленную линию. В Крыму оставались только два русских гарнизона войск — в Керчи и Еникале, общей численностью 6 тыс. человек. Вывод остальных частей завершился 10 июня.

Эти события спровоцировали вспыхнувшее в 1781 г. давно зревшее восстание в Крыму. Инициатором бунта стал старший брат Шагин-Гирея — Батыр-Гирей. Он был приверженцем старинных обычаев и жил в Тамани. В начале 1782 г. его публично поддержал крымский муфтий. Шагин-Гирей жестоко расправился с оппозицией — муфтий и еще двое знатных мурз были повешены. Это вызвало всеобщее недовольство татар. Восставшие захватили Бахчисарай. Шагин-Гирею снова пришлось бежать под защиту русских войск в Керчь. А Батыр-Гирей переехал в Кафу и при поддержке Порты был провозглашен ханом Крыма. В это время в Никополе был сформирован новый корпус русских войск, который и направился к Карасу-Базару. Отряд Алим-Гирея, насчитыва-

ющий несколько тысяч мятежных сторонников Батыр-Гирея, пробовал остановить продвижение русских войск. Но в первом же бою татары были рассеяны, а Батыр-Гирей попал в плен. Шагин-Гирей вернулся на ханский престол и начал мстить. С большим трудом русским союзникам удалось спасти от казни лишь его родных братьев.

На этом фоне просьбы татарских мурз принять Крым в русское подданство выглядели благоразумным вариантом. Турецкий же султан в тот момент был скован восстаниями, прокатившимися по стране, и не мог оказать своим крымским сторонникам сколько-нибудь значительной помощи.

Однако же потребовался почти год, прежде чем горячо убеждаемая Потемкиным Екатерина II решилась на этот шаг. На самом деле речь шла не только собственно о Крыме, но и о громадных причерноморских пространствах, которые контролировало Крымское ханство — территориальных приобретениях, беспрецедентных в масштабах Европы. Решение было принято 28 июня 1783 г. Подписанный в этот день императорский манифест привел к присяге крымскую элиту. Полуостров вошел в состав России. В качестве форпоста русского присутствия и базы для будущего черноморского флота был основан Севастополь. Первый камень в основание города был заложен 3 июня 1783 г. контр-адмиралом, англичанином на русской службе Ф. Ф. Маккензи.

Судьба просвещенного тирана Шагин-Гирея сложилась печально. Он был сослан в Таганрог, затем переведен в Воронеж, а еще позже — в Калугу. Не смирившись со статусом почетного пленника, он испросил высочайшего соизволения выехать в Турцию и... получил его. Однако, турецкий султан, перед чьими очами предстал Шагин-Гирей, не простил ему тех услуг, которые он оказал России, и казнил его.

По тому же Манифесту 1783 г. решилась и судьба ногайских кочевых племен, до того формально подчинявшихся крымскому хану. Буджарская орда откочевала на территорию Бессарабии, находившейся под властью Османской империи, а Едисанской, Джамбулуцкой и более мелким ордам было предписано переселиться за Урал. Летом 1783 г., не желая выполнять это предписание, ногайцы восстали, но к 1 октября были разгромлены. Часть их была переселена в Башкирию, а часть — в предгорья Кавказа В итоге огромные степные пространства Причерноморья опустели. Так закончилась история последнего независимого осколка Золотой Орды. Это была окончательная победа над Диким полем и Ордой. Для народов, оказавшихся жертвами этой победы, он стал катастрофой. Масса крымских татар добровольно переселилась в Османскую империю и с тех пор там существует большая и влиятельная крымско-татарская диаспора. От перемены условий обитания погибло множество ногайцев. Крымские христиане, как я уже говорил, тоже в массе своей были насильственно переселены на побережье Азовского моря.

Удивительно, но присоединение Крыма не вызвало для России больших внешнеполитических затруднений. Видимо, это произошло из-за того, что весь «цивилизованный мир» с замиранием сердца следил за другим всемирно-историческим событием. Вхождение Крыма в состав России совпало по времени с окончанием войны за независимость США. По ее итогам главные участники «концерта европейских держав» — Великобритания и Франция были измотаны как в финансовом, так и в военном плане. Правда, Франция выразила Екатерине II свой протест, но русская императрица напомнила французам о недавно аннексированной у Генуи Корсике. Пруссия и Австрия промолчали, ибо были союзниками России по разделу Речи Посполитой, а других государств, с кем следовало бы считаться, не было.

И еще одно важное событие в русской внешней политике на юге произошло в том же 1783 г. Переговоры между Россией и царством Картли и Кахетии, которое тогда возглавлял царь Ираклий II, завершились подписанием Георгиевского трактата — соглашения о покровительстве России над Грузией. Ираклий II пошел на этот шаг из-за постоянной угрозы персидского и турецкого вторжения, висевшей над его страной. По договору царь Ираклий II признавал покровительство России и частично отказывался от самостоятельной внешней политики, обязываясь своими войсками служить российской императрице. Екатерина II со своей стороны выступала гарантом независимости и целостности территорий Картли-Кахетии. Грузии предоставлялась полная внутренняя самостоятельность. Стороны обменялись посланниками. Договор уравнивал в правах грузинских и русских дворян, духовенство и купечество. Россия обязалась защищать Грузию в случае войны, а при ведении мирных переговоров настаивать на возвращении Картлийско-Кахетинскому царству владений, издавна ему принадлежавших (но отторгнутых Турцией). Для этого в Грузии на постоянной основе должен был быть размещен воинский контингент. После заключения Георгиевского трактата для оперативной переброски сил в Закавказье, Россия начала строительство Военно-Грузинской дороги и ряда крепостей на Северном Кавказе. Одной из первых таких крепостей стал Владикавказ, построенный на землях присягнувшего Екатерине II в 1775 г. народа Осетии.

Исключительная роль в превращении прежних владений Крымского ханства в густонаселенные земли с растущими городами принадлежит фавориту Екатерины II князю Григорию Александровичу Потемкину (1739–1791 гг.). Будущий фельдмаршал родился в семье небогатого смоленского дворянина, отставного майора А.В. Потемкина и рано потерял отца. Несмотря на то, что по традиции своего времени он с малолетства был приписан к одному из гвардейских полков, детство будущий устроитель Новороссии провел в родовом имении Чижово, затем был отдан на воспитание в частный пансион Литке в Немец-

кой слободе в Москве. Год проучился в гимназии при Московском университете. В 1756 г. Г.А. Потемкин в числе лучших двенадцати гимназистов Московского университета был представлен императрице Елизавете Петровне, но затем забросил учебу и в 1760 г. был исключен из университета за «нехождение в классы».

Собственно, на действительной военной службе Потемкин оказался лишь в 22 года в чине вахмистра Конногвардейского полка. Переворот 1762 г. сказался на его карьере внеочередным получением звания. Будучи участником заговора, он был представлен от полка к производству из вахмистров в корнеты, но императрица собственноручно подписала возле его фамилии: «быть подпоручиком». 11 декабря 1762 г. он вдобавок был назначен ко Двору камер-юнкером с оставлением в полку и сохранением армейского жалования и получил в собственность 400 душ крестьян. Потемкин постарался оправдать оказанное доверие и в течение пяти последующих лет усердно выполнял самые разные поручения императрицы. Все это время Екатерина II мало обращала внимания на Потемкина как на мужчину. Сердце ее было занято Григорием Орловым и, сменившим его, князем А. В. Васильчиковым.

В 1769 г. Потемкин добровольно отправился на Русско-турецкую войну. Здесь выяснилось, что, помимо качеств добросовестного исполнителя, он обладал способностями волевого командира. Потемкин отличился при взятии Хотина, участвовал в битвах на Ларге и Кагуле. В 1770 г. он был награжден Георгиевским Крестом III степени. Несмотря на то, что, находясь на фронте, он, как камер-юнкер (с 1768 г. камергер) пользовался правом переписки с императрицей, лишь в 1774 г. она обратила на него свое высочайшее внимание и в собственноручном письме настаивала на том, чтобы он напрасно не рисковал жизнью. Через месяц после получения этого письма Потемкин был отозван в Санкт-Петербург, где вскоре стал генерал-адъютантом, подполковником лейб-гвардии Преображенского полка и, по отзывам иностранных послов, «самым влиятельным лицом в России».

Слухи о возможном бракосочетании императрицы и Потемкина циркулировали в придворных кругах с 1775 г. Утверждали, что Екатерина была настолько очарована новым фаворитом, что даже тайно с ним обвенчалась. Косвенным подтверждением этого является тот факт, что Потемкин до конца своих дней так и не обзавелся семьей. Появившегося в 1775 г. в доме Потемкина младенца молва упрямо называла дочерью его и Екатерины II. Девочку крестили под именем Елизавета и дали фамилию Темкина. Ее опекуном был назначен племянник Потемкина Александр Николаевич Самойлов. Позже, в 1780-е годы, в воспитатели Елизаветы Темкиной был определен лейб-медик И. Ф. Бек, лечивший внуков Екатерины II. Затем ее отдали на обучение в пансион Беккера, считавшийся лучшим в Санкт-Петербурге. В 1794 г.

Елизавета Темкина вышла замуж за секунд-майора лейб-гв. Кирасирского полка И.Х. Калагеорги и в этом браке родила десять детей.

В декабре 1775 г. императрице самим же Потемкиным был представлен граф П.В. Завадовский, после чего отношения Екатерины и ее фаворита немного охладились. Многие были уверены, что его звезда закатилась. Но, ко всеобщему удивлению, Потемкин еще не один год оставался в статусе настоящего соправителя и советника императрицы по важнейшим государственным вопросам. Так, своей главной задачей он считал включение в состав России плодородных земель Дикого поля, Причерноморья и Крыма и еще в 1776 г. он подал на рассмотрение Екатерины проект завоевания Крыма. Тогда этот план не был реализован, но именно Потемкина Екатерина назначила губернатором Новороссии, наделив его широчайшими полномочиями в вопросах обустройства и колонизации края. За короткий срок некогда пустынные территории преобразились. Потемкин инициировал массовое колонизационное движение как из внутренних губерний России, так и из-за рубежа. В бывшем Диком поле, на юге России и юго-востоке Малороссии, возникли сотни деревень. Были основаны города Херсон, Екатеринодар (ныне Краснодар), Екатеринослав (ныне г. Днепр в Украине), Мариуполь, Симферополь, Севастополь и др. А в конце 1772 г. в связи с описанными выше событиями вокруг Крыма именно Потемкин обратился к Екатерине II с посланием, в котором предлагал в одностороннем порядке объявить о присоединении Крыма к России. Екатерина II после определенных колебаний последовала этому совету.

Наконец, в 1787 г. состоялось инициированное Г.А. Потемкиным путешествие императрицы по Новороссии и Крыму. Этот замечательный акт царственного туризма стартовал в самом начале года и стал знаменательным событием хотя бы по числу участников. Путешественников было 3000 человек, включая прислугу, чинов Двора и всю императорскую канцелярию. Беспрецедентным был и масштаб дипломатического сопровождения. Вслед за Двором в походе участвовали послы Франции, Австро-Венгрии и Великобритании. Самым высокопоставленным участником поездки стал император Австро-Венгрии Иосиф II, путешествовавший инкогнито под именем Фалькенштейна. По пути к путешественникам присоединился еще один монарх — король Речи Посполитой Станислав Понятовский.

По устоявшемуся зимнему пути участники путешествия на ста двадцати санях (при наличии сорока запасных) доехали до Киева. Там, дождавшись навигации, они продолжили путь на восьмидесяти галерах. Добравшись до Екатеринослава, путешественники пересели на гужевой транспорт. Их путь лежал по местам, где еще десятилетие назад кочевали степные орды. Потемкин старался внушить всем путешественникам, но прежде всего императрице, что за тринадцать

лет после окончания войны с Турцией губернии Новороссии были заселены и освоены. Эти усилия породили подозрения в том, что те деревни, через которые проезжали сановные путешественники были не настоящими, а бутафорскими. Увы, у нас нет убедительных подтверждений этим домыслам. Но о том, что эта постановка была как минимум качественной, говорит тот факт, что британский и французский послы, хотя и отмечали определенные противоречия между заявлениями Потемкина и личными наблюдениями, явной бутафории по мере продвижения к Крыму все же не наблюдали. А то, что дома, верфи, корабли и склады Херсона –настоящие, не подлежало сомнению.

Примечательно, что слухи о мистификациях, организуемых Потемкиным активнее всех распространял в своих депешах секретарь посольства Саксонии при русском дворе Георг фон Хельбиг, который в самой поездке даже не участвовал. Делал он это с каким-то особенным азартом, причем черпал информацию даже не со слов очевидцев, а из великосветских петербургских слухов и сплетен. И хотя все им поведанное европейской общественности не имело очевидных фактических доказательств, история эта настолько впечатлила его корреспондентов и укладывалась в сформировавшееся клише общественного мнения о России, что скоро выражение «потемкинские деревни» превратилось в крылатое и стало обозначать вообще любую политическую мистификацию. Таким образом перед нами тот случай, когда мы точно знаем автора и создателя политического мифа, который и поныне нет-нет, а ассоциируется с нашей страной.

19 мая путешественники пересекли Перекоп. На полуострове русскую императрицу с почтением встречали те, кто еще недавно держал в страхе население южных областей России — почетный конный эскорт из крымско-татарской знати. Они стали проводниками и почетным караулом в дальнейшем путешествии.

Первым пунктом осмотра Крыма стал Бахчисарай — столица уничтоженного Крымского ханства. Екатерина переночевала в ханском дворце. На обратном пути чуть не случилось несчастье. Запряженные в императорскую карету лошади понесли и, если бы не ловкость татарских наездников, все могло бы обернуться большой бедой. В Инкермане во время приема в одном из путевых дворцов были одернуты занавески, и гости увидели корабли Черноморского флота, стоявшие на рейде города, основанного три года назад.

Проезжая Балаклаву, Г.А. Потемкин в разговоре с Екатериной похвалил жен местных греков, якобы храбро боровшихся вместе с мужьями против турок. Императрица выслушала этот рассказ скептически, публично выразила сомнение в боевых качествах крымских гречанок и потребовала от Потемкина доказательств. Князь дал слово, что они будут. Последовал приказ Новороссийского губернатора сформировать роту из благородных жен и дочерей балаклавских греков числом

100 особ. Выполнять это неслыханное по тем временам распоряжение пришлось Балаклавскому пехотному полку, командир которого нашел крайнего — капитана Сарандова, грека по происхождению. Тот назначил командиром женской роты свою супругу — очаровательную Елену, которой к тому времени исполнилось всего 19 лет. Вместе со своей капитаншей Сарандов набрал сотню девиц из пристойных греческих семей. Основным фактором для отбора в роту, видимо, было умение держаться в седле, потому что для грядущего маскарада стрелять или демонстрировать виртуозное владение саблями не требовалось. Да и времени было катастрофически мало — отсилы полтора месяца. Тем не менее пистолетами и облегченными клинками конных воительниц все же вооружили.

Но самым главным был внешний вид. Никто не знал, как должна была выглядеть женская форма русской армии. На это ни средств, ни времени не пожалели. Очевидцы сообщали, что женщин облачили в элегантные зеленые камзолы, малиновые юбки с золотыми галунами и тюрбаны со страусиными перьями вместо головных уборов (они в этот момент «случайно» вошли в моду в Европе).

Греческих амазонок научили держать конный строй. К назначенному сроку все было готово для парада. Предполагалось продемонстрировать императрице передвижение подразделения строем и стрельбу с коней (правда, холостыми патронами). Торжественная встреча должна была состояться у греческого села Кадыковка под Балаклавой.

23 мая 1787 г. к выстроенной роте амазонок подъехала карета. В ней находилась Екатерина II и сопровождавший ее молодой австрийский император Иосиф II. Увидев конных вооруженных красоток, Иосиф II не сумел сдержать эмоций. Он забыл про свою державную попутчицу и бросился осматривать строй красавиц. Утверждают, что он даже поцеловал капитаншу Сарандову в губы. Ее подчиненные не могли стерпеть такую наглость незнакомого мужчины (Иосиф II путешествовал инкогнито) и императору чуть было не досталось от вооруженных гречанок. Но Сарандова, распознав в незнакомце императора, остановила подруг. Во избежание недоразумений Екатерина запретила проводить вторую часть показательных выступлений — стрельбы были отменены. Капитанша Сарандова получила в благодарность за службу перстень с императорской руки, а вверенная ей рота — 10 000 рублей на всех. Вскоре после отъезда императрицы из Крыма, сводное женское подразделение было распущено, но память о нем сохранилась в истории как первый опыт службы женщин в русской армии.

Самое грандиозное зрелище ждало путешественников в городе КарасуБазар — там, где в 1772 г. был подписан договор, отторгнувший Крым от Османской империи. Когда стемнело, гости увидели роскошнейший фейерверк. Склоны одной из гор были опоясаны рвами с залитой туда нефтью. Она горела, а над огненными поясами взлетали

и разрывались тысячи ракет. Вершину же горы украшал горящий императорский вензель. Стремительное развитие юга России настолько впечатлило императрицу, что она даровала Потемкину право добавить к своей фамилии почетную приставку Таврический.

Однако же столкнуться с Османской империей из-за Крыма все же пришлось. Факт присоединения Крыма к России в 1783 г. вызвал ярость в Стамбуле, но султан Абдул-Хамид I тогда ничего не мог противопоставить русским. Казна была пуста, а страну сотрясали восстания. Средств еле хватало, чтобы заплатить жалование янычарам — элите турецкой армии. При этом общественное мнение и ханское окружение требовали реванша.

В 1787 г. Османская империя выдвинула России ультиматум, требуя вернуть Крым под покровительство Турции. Получив отказ, султан объявил войну. В октябре в Крыму высадился турецкий десант. Высадка происходила на Кинбурнской косе. На острие этой косы, далеко вдававшейся в море, располагалась крепость Кинбурн, где в то время располагался русский гарнизон под командованием А. В. Суворова. В ясную погоду с косы отчетливо просматривались минареты Очакова — хорошо укрепленной турецкой крепости, расположенной в трех милях напротив, на крутом противоположном берегу, у самого входа в Днепровский лиман.

Турецкая попытка захватить Кинбурн с треском провалилась. Уже во время бомбардировки кинбурнских укреплений турецкой эскадрой 13 сентября 1787 г. метким ответным огнем русских батарей был потоплен 54-пушечный турецкий линейный корабль. Попытки же высадки десанта пресекались русской пехотой и казаками. Решительный бой состоялся на Кинбурнской косе 1 октября. Причем А. В. Суворов лично принимал участие в штыковой атаке и даже был ранен в бок, но не покинул поле боя. Турецкому десанту не удалось закрепиться на косе. После сражения все поле боя было усеяно трупами. Оставшимся в живых турецким солдатам пришлось ретироваться. Из пятитысячного десанта обратно в Очаков вернулось только 500 человек. А в самом начале 1788 г. до Стамбула дошли известия о том, что между Россией и Австро-Венгрией заключен антитурецкий союз. Война с двумя противниками не входила в планы Абдул-Хамида I, но отступить он уже не мог.

Боевые действия продолжились. Совместное русско-австрийское наступление в районе Черновцов на юге Украины привело к падению турецкой крепости Хотин. Австрийская армия под командованием принца Фридриха Саксен-Кобургского, разбив турок при Батушане, Рогатине и Бойана-Лоси, подошла к Хотину и приступила к осаде крепости. В июле под крепостью появились русские войска под командованием П. А. Румянцева. Он распорядился в помощь австрийцам оставить один армейский корпус и продолжил движение к Яссам.

Турецкие войска сделали попытку прорваться через Яссы, чтобы деблокировать крепость, но были отбиты. После этого гарнизон Хотина капитулировал.

В июне 1788 г. русские войска подошли к Очакову. Крепость была сильно укреплена, а со стороны моря ее прикрывал турецкий флот, вернувшийся после осады Кинбурна с зимней стоянки в Варне. Командовал им капудан-паша Эски-Гасан. Общее командование русской армии осуществлял Г. А. Потемкин. Брать крепость штурмом он не решился. Началась осада, длившаяся более пяти месяцев. Не помогло даже назначение А. В. Суворова, вызванного под Очаков из Кинбурна и назначенного начальником левого фланга осадной армии. Более того, между ним и Потемкиным обнаружились трения, приведшие к конфликту. Суворов, как известно, придерживался наступательной тактики боевых действия, а Потемкин был не столь решителен.

27 июля 1788 г. около двух тысяч янычар и полсотни турецких всадников неожиданно предприняли вылазку из крепости, пробрались лощинами вдоль Очаковского лимана и напали на пикет казаков. Сыграли тревогу. Суворов приказал построить два гренадерских батальона и один из них лично повел в атаку. Она была настолько успешной, что турки отступили до самой земляной насыпи перед наружным рвом. Укрывшись за ним, они стойко сопротивлялись. Подоспевший второй батальон ударил в штыки. Турки побежали. На плечах неприятеля русские ворвались в сады, прилегающие к Очакову. В это время гонец передал Суворову приказ Потемкина немедленно отступить. Генерал-аншеф оставил его без ответа и продолжал атаку. Турки остановились и, собравшись с силами, перешли в контратаку. Последовали второй и третий приказы Потемкина. Они тоже не возымели должного действия. Под Суворовым была убита лошадь, потом пуля ранила его в шею. Только после этого генерал-аншеф вышел наконец из боя, войска пришли в расстройство и понесли большие потери. После перевязки раны Суворову вручили письмо, в котором Потемкин в резкой форме выговаривал ему за самоуправство и неподчинение приказам.

18 июня 1788 г. Севастопольская эскадра контр-адмирала М. И. Войновича вышла наконец по приказу Потемкина в море. 3 июля у острова Фидониси (Змеиного), расположенного против устья Дуная, она встретилась с турецкой эскадрой капудан-паши Эски-Гассана. Войнович имел 2 линейных 66-пушечных корабля, 10 50-пушечных фрегатов и несколько мелких судов. У Эски-Гассана насчитывалось 17 линейных 80-пушечных кораблей, 8 60-пушечных фрегатов и 3 бомбардирских корабля. Силы были неравные, и Войнович не решался вступить в бой. Но капитан бригадирского ранга Федор Ушаков, командовавший авангардом эскадры, состоявшим из линейного корабля и 3 фрегатов, добился у Войновича разрешения начать сражение. Федор Федорович Ушаков, впоследствии выдающийся русский флотоводец, уже тогда

отказался от устаревшей линейной тактики морского боя и в сражении при Фидониси применил свой нестандартный маневр. Он расчленил линейный строй вражеских кораблей, отвлек на себя флагманский корабль и обрушил на него всю огневую мощь своих кораблей. Неприятельский флагман вынужден был выйти из-под огня. Несмотря на то, что очевидной победы ни одна из сторон в этом поединке не одержала, этот первый бой Ушакова в черноморских водах был ценен тем, что лишил турецкий флот возможности оказать поддержку осажденному Очакову.

Стояние под Очаковым продолжалось всю осень. В лагере осаждавших начались проблемы: не хватало топлива, фуража и провианта. Лошади падали от бескормицы. Начались эпидемии. Свирепствовал тиф и цинга. Это ожесточило русских. 6 декабря 1788 г. Потемкин, наконец, отдал приказ штурмовать Очаков. Бой продолжался всего час. Солдаты ворвались в крепость и истребили почти весь гарнизон, который насчитывал 15000 человек. Командующий турецким гарнизоном Гуссейн-паша был взят в плен. Потери русских при штурме были ничтожны в сравнении с теми, какие они понесли от морозов и болезней осенью и в начале зимы. Говорят, что известие о падении Очакова настолько шокировало султана, что он впал в отчаяние и через четыре месяца умер от сердечного приступа.

Новым султаном стал двадцатишестилетний молодой человек, вошедший в историю как султан Селим III. Он не хотел начинать свое правление с капитуляции равно как перед Россией, так и перед Австрией. Ему нужна была хотя бы одна победа. Поэтому война продолжилась.

Огромная турецкая армия под командованием великого везиря Коджа Юсуф-паши летом 1789 г. подошла к Дунаю. Русские и австрийские войска были разделены на несколько армий, находившихся достаточно далеко друг от друга. Везирь решил воспользоваться этим обстоятельством и разбить обе армии поодиночке. Первый удар был нанесен австрийцам. Поэтому 30-тысячная армия под командованием Осман-паши форсировала Дунай и двинулась по направлению к Фокшанам.

Прознав про это, командовавший русской армией А. В. Суворов совершил стремительный марш и объединился с австрийским корпусом принца Саксен-Кобургского у Фокшан. Сражение произошло 21 июля и длилось 10 часов. Осман-паша был разбит. Союзники захватили весь Фокшанский лагерь, 10 пушек и 16 знамен. Осман-паша потерял более полутора тысяч человек. За Фокшанскую викторию Суворов был награжден бриллиантовыми знаками к звезде и кресту ранее полученного ордена Андрея Первозванного. Австрийский император Иосиф II прислал ему табакерку с алмазами.

Узнав о поражении, великий везирь не сделал должных выводов. Он форсировал Дунай во главе стотысячной армии и у реки Рымник

повстречался с неприятелями. Объединенная русско-австрийская армия была впятеро меньше турецкой. Но это не спасло Юсуф-пашу от поражения. В ночь на 11 сентября 1789 г. союзники скрытно подошли к туркам и с восходом солнца атаковали их одновременно с обоих флангов. В лагерях противника поднялась паника. Одни поспешно сворачивали палатки, чтобы отходить по Бухарестской дороге, другие разрозненными кучками пытались оказать сопротивление наступающей пехоте. Через некоторое время турки оправились и даже пробовали контратаковать. Но солдаты Суворова и австрийцы не дали им такой возможности. Даже если янычары с ятаганами и кинжалами прорывались к порядкам наступающих, они тут же гибли от штыков. К полудню, обессилев, турки отступили к лесу. Бой на время, словно по взаимному согласию, прекратился. Однако в час дня Суворов вновь начал атаку: русские ринулись на левый фланг турок, австрийцы — на центр и правый фланг. Артиллерия союзников массированным огнем поддерживала наступление своих войск. На исходе дня общая победа союзников была обеспечена. Чувствуя, что проигрывает сражение, везирь пересел на лошадь и с Кораном в руках пытался остановить своих отступающих солдат. В отчаянии, он даже приказал стрелять в них из пушек. Ничто не помогло. Когда Суворов обогнул лес справа, а Кобург слева, им открылась долина, простиравшаяся на семь верст до реки Рымник. Она являла собой зрелище бегства, беспорядка и гибели турецкой армии. Союзная пехота не поспевала за отступавшими. Их беспощадно преследовала кавалерия союзников. Сам визирь успел переправиться через Рымник, но, не перенеся позора, скончался вскоре в какой-то румельской деревне. Весь его обоз, сто знамен, восемьдесят пушек и даже шатер, богато вышитый золотом, достались союзникам.

За эту победу Суворов был возведен в графское достоинство и получил почетную приставку к своей фамилии — Рымникский. Развивая стратегический успех, русские войска освободили от турок все южное Причерноморье до Дуная. Были заняты Кишинев, Каушаны и Аккерман. 14 сентября пало турецкое укрепление Гаджибей, на месте которого потом возникла Одесса, Армия Потемкина обложила Бендеры. Гарнизон крепости из 16 тыс. человек при 300 пушках сдался 3 ноября без особого сопротивления.

Однако, султан сдаваться не спешил. Надежду на благополучный исход войны, он связывал с возникшим чуть ранее русско-шведским конфликтом и обещанием шведов начать войну с Россией на севере. Об этом я расскажу чуть позже, чтобы не прерываться. В начале 1790 г. скончался австрийский император Иосиф II. Это известие подействовало в Стамбуле ободряюще, тем более что новый император Леопольд II после поражения австрийских войск при Журжи был склонен заключить мир с Османской империей. Однако же на русском фронте ситуация для султана Селима III складывалась печально.

На море весь май и июнь 1790 г. русский флот под командованием теперь уже контр-адмирала Ушакова действовал с целью нарушения коммуникаций противника. Обойдя всю восточную сторону Анатолии и берега Абхазии, корабли русской эскадры бомбардировали Анапу и Синоп — турецкий порт на южном берегу Черного моря. В общей сложности русские моряки сожгли свыше 25 разных военных судов противника и потопили 12 транспортных судов, а 8, груженных пшеницей, привели в Севастополь. В результате снабжение продовольствием Константинополя с моря было прервано.

В июне 1790 г. Селим III сменил командующего черноморским флотом. Вместо Эскин-Гассана им стал молодой капудан-паша Хуссейн. В первых числах июля турецкий флот во главе с новым командующим взял курс на керченский пролив, где предполагалась высадка десанта. Прознав про это, адмирал Ушаков вывел свою эскадру в море. В районе Керчи он обнаружил корабли противника, готовящиеся к высадке десанта. Русский флот с ходу вступил в бой и сорвал десантирование на берег. Турки вынуждены были ретироваться, уводя на буксире свои пострадавшие суда.

Через месяц Хуссейн вновь вывел свои корабли в море. Ушаков узнал об этом 15 августа, а 28 августа турки были обнаружены им между островом Тендра и мысом Гаджибей. Поэтому развернувшееся сражение получило название сражения при мысе Гаджибей. Ушаков насчитал 14 турецких линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 вспомогательных судна при 1400 орудиях. У русских насчитывалось 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 20 вспомогательных судов при 830 орудиях. Тем не менее Ушаков решил атаковать первым.

Турки, однако, не приняли боя и стали уходить к устью Дуная. Погоня за ними продолжалась несколько часов. В ходе преследования последние турецкие суда стали отставать от своего строя. Хуссейн не мог оставить их без защиты и вынужден был принять бой. Флагманский корабль Ушакова, шедший впереди колонны, оказался под ударом трех турецких линейных кораблей, в том числе 80-пушечного флагмана самого капудана-паши. Экипажи остальных русских кораблей, видя, как сражается их адмирал, следовали его примеру. После 5-часового боя, строй турецких судов был разрушен. Они в беспорядке начали отходить. Два отставших корабля, в том числе новенький 74-пушечный «Капитание» с казной на борту, были окружены русскими судами. В результате в плен попал капудан-паша Саид-бей со своей командой, а корабли были потоплены. Флагман турецкого флота затонул от полученных в бою при Гаджибее повреждений на пути в Константинополь. Общие людские потери турецкого флота составили около 2 тыс. человек.

Победы русского флота на море позволили сухопутной армии занять еще ряд приморских турецких крепостей — Тульчу, Исакчу и Килию

21 ноября 1790 г. русские войска осадили с суши крепость Измаил — наиболее укрепленный турецкий форпост на Дунае, считавшийся по тем временам абсолютно неприступным. В плане крепость представляла собой прямоугольный треугольник, обращенный гипотенузой к Килийскому рукаву Дуная. Общая протяженность ее укреплений по обводу составляла 6,5 км. Крепостные укрепления состояли из земляного вала и рва. Глубина рва и высота вала, сложенные вместе, местами превышали 12 м. Ров был наполнен водой, в отдельных местах на глубину до 1 м. Со стороны реки крутизна обрыва достигала 10 м. Основой же турецкой позиции были семь бастионов крепости. Внутри крепостного обвода находился ряд каменных зданий, которые также могли быть использованы для обороны. Всего на валу и бастионах турки установили 265 орудий разного калибра. После боя 20 ноября, когда была уничтожена турецкая флотилия, прикрывавшая Измаил со стороны реки, турки разместили здесь 10 артиллерийских батарей. В крепостном валу было четверо ворот: Бросские и Хотинские в западном направлении, Бендерские и Килийские в северо-восточном. Гарнизон крепости насчитывал до 35 000 человек, из них 17 000 янычар, остальные — конница, татары и вооруженные жители. Обороной Измаила командовал опытный комендант великий сераскер Айдос Мехмет-паша, поклявшийся умереть, но крепость не сдать. С точки зрения военной практики XVIII в. крепость считалась неприступной.

Как известно, штурм Измаила был поручен А. В. Суворову. Прибыв под стены крепости, он в течение шести дней вел подготовку к штурму, обучая войска штурмовать построенные по его приказу макеты высоких валов Измаила. Таковые были выстроены рядом с Измаилом в районе нынешнего села Сафьяны. Солдаты тренировались забрасывать фашинами ров, быстро ставить лестницы, после подъема на стену — колоть и рубить установленные там чучела, имитирующие защитников Измаила. Суворов проинспектировал войска и в целом остался доволен тем, как шли учения, хотя несомненно он понимал всю сложность штурма и его непредсказуемость. Еще в первые дни осады, только прибыв под Измаил, Суворов, объехал крепость по периметру. Вывод был неутешительным. «Крепость без слабых мест», — были его слова штабу по результатам осмотра. Незадолго до штурма Суворов послал свое известное краткое письмо-ультиматум начальнику крепости великому сераскеру Айдос-Мехмет-паше: «Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — и воля. Первый мой выстрел — уже неволя. Штурм — смерть». Ответ великого сераскера был достойным: «Скорее Дунай потечет вспять и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил». Суворову и его штабу было понятно: неприятель будет стоять насмерть, тем более что был известен фирман султана, где он обещал казнить каждого, кто покинет крепость. Кроме того, в Изма-

иле собрались остатки разбитых в Бессарабии турецких войск, которых султан за их неудачи фактически приговорил либо погибнуть с честью в бою с русскими, либо с позором — от своих палачей. В течение двух дней Суворов вел артиллерийскую подготовку, а 22 декабря в 5 часов 30 минут утра начался штурм крепости. К 8 часам утра все укрепления были заняты, но сопротивление на улицах города продолжалось до 16 часов. Турецкие потери составили 29 000 человек убитыми. Потери русской армии составили 4000 человек убитыми и 6000 ранеными. Были захвачены все орудия, 400 знамен, огромные запасы провианта и драгоценностей на 10 миллионов пиастров.

Падение Измаила произвело ошеломляющее впечатление на международную общественность. В это время в местечке Систово (Болгария) под патронатом Англии и Пруссии проходила конференция представителей Австрии и Турции, обсуждавших условия заключения между ними сепаратного мира. Известие о победе русских в Измаиле заставило дипломатов прервать переговоры и поспешно разъехаться. В Константинополе вынуждены были заговорить об укреплении столицы и создании всеобщего ополчения. Путь на Балканы для русских был открыт.

Сменивший Потемкина на посту главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршал Н. В. Репнин перешел Дунай около Битца и 28 июня 1791 г. одержал у Мамина новую победу над турками. Почти одновременно на Кавказе генерал-фельдмаршал И. В. Гудович штурмом взял Анапу. После этого турецкий везирь вступил с Репниным в переговоры о мире. Однако переговоры затянулись.

И тут пришли известия с моря о том, что русский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова 31 июня разгромил турецкую эскадру у мыса Калиакра. 31 июля был праздник Рамадан, и крейсировавший по Черному морю турецкий флот встал на якоря у Варны. Часть судовых команд была отпущена на берег. Этим и решил воспользоваться русский адмирал. Его корабли покинули бухту Севастополя 28 июля и, идя под всеми парусами, совершенно неожиданно появились у Калиакры. Увидев турок, Ушаков не дал себе даже труда перестроиться в боевую линию. Под его командой находилось 15 линейных кораблей, 2 фрегата и 2 бомбардирских корабля (около 1000 орудий).

В походном строю тремя кильватерными колоннами русский флот, нарушая все сложившиеся морские традиции, прошел между османским флотом и мысом (под огнем находящихся на мысе батарей) и стремительно атаковал турок.

Турецкий флот числом 18 линейных кораблей, 10 фрегатов и 7 малых кораблей, совершенно не ожидавший атаки, и из-за маневра Ушакова проигравший ветер, спешно рубил канаты и пытался строить линию. При этом некоторые суда навалились друг на друга, на одном корабле рухнула бизань-мачта, а другой сорвал себе бушприт.

Между тем российский флот тоже перестроился в линию, сблизился с противником и начал бой на минимальной дистанции. К 20 часам турецкие корабли были рассеяны и совершенно разбиты. Кто мог, лег на курс в сторону Константинополя. К 20:30 часам дым застлал все место боя. Ветер постепенно стих, и сражение прекратилось. Еще некоторое время русская эскадра преследовала турецкие корабли, но затем Ушаков подошел к берегу и занялся починкой судов.

Через двое суток он уже доносил Потемкину, что «разбитые реи, стеньги, салинги заменены новыми, пробоины заделаны, и флот опять состоит в хорошем состоянии». Победа при Калиакре заставила турецких переговорщиков заключить перемирие. Ушаков узнал об этом 8 августа, подойдя к Варне. 12 августа его эскадра вернулась на Севастопольский рейд.

Мирный договор России с Турцией, завершивший войну 1787–1791 гг., был подписан в Яссах (Румыния) 29 декабря 1791 г. Договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., Акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествующие русско-турецкие соглашения. Новая граница между странами устанавливалась на юго-западе по Днестру. В соответствии с договором, правительство Турции отказывалось от претензий на Грузию; обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских и кубанских земель; в целях обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполи турки взяли обязательство вознаграждать русских купцов за все убытки, которые могут быть причинены им корсарами. Ясский договор закрепил за Россией право обладания всем Северным Причерноморьем от Днестра до Кубани, включая Крым, и усилил ее политические позиции в отношениях с Турцией.

Теперь, как я обещал, вернемся немного назад и обратим свой взор на север. Шведское королевство с 1772 г. возглавлял молодой, амбициозный король Густав III. В 1773 г., воспользовавшись противостоянием парламентских партий «шапок» (буржуазии) и «шляп» (аристократии) ему удалось провести через риксдаг (парламент) закон, по сути, вводивший в Швеции самодержавие. Россия поддерживала шведских буржуа (партию «шапок»), интересы которых состояли в сохранении мира и развитии торговли с Россией. Однако после монархической реставрации Густава III они, как впрочем, и их оппоненты в парламенте, утратили влияние на внешнюю политику Швеции. Уже в 1775 г. король занялся подготовкой к войне с Россией, которая должна была вернуть Швеции былое господство на Балтике. Эта кампания должна была поправить и шведские финансы: с началом в 1787 г. очередной Русско-турецкой войны правительства Турции и Франции выделяли Швеции крупные субсидии на подготовку войны с Россией. С началом

Великой Французской революции спонсором партии войны в свете побед русского оружия стала Великобритания.

Можно сказать, что применяемые в процессе подготовки и развязывания войны методы Густава III опередили свое время. Посудите сами. Весной 1788 г. для мобилизации общественного мнения и нагнетания военной истерии с подачи короля в Стокгольме был пущен слух о том, что российская эскадра, назначенная для действий в Средиземном море, вооружается для захвата Карлскроны. Это послужило поводом к интенсификации подготовки войны. Екатерина II, долгое время недооценивавшая всей серьезности шведских военных приготовлений, через посла в Стокгольме графа А. К. Разумовского передала министру иностранных дел Швеции сообщение о намерении сохранить мирные отношения сторон и действие всех соглашений, ранее заключенных двумя странами. По недомыслию Разумовского данная записка стала достоянием гласности и была опубликована в шведской печати, что Густав III воспринял как личное оскорбление. Русскому послу было предписано покинуть Швецию в течение трех недель.

Далее события развивались еще интереснее. В том же году ведущий портной Королевской оперы получил заказ на пошив нескольких десятков комплектов российской военной униформы. Информация эта стала достоянием шведской театральной общественности. Театралы не могли взять в толк, зачем опере потребовалось столько русских мундиров при отсутствии в репертуаре на ближайшие месяцы каких-либо постановок, связанных с современной русской военной тематикой.

Русская военная форма действительно понадобилась для театральной постановки, но несколько другого рода. Это была перестрелка (как потом выяснилось инсценированная) с русским патрулем на русско-шведской границе в местечке Пуумала 27 июня 1788 г. Но подлог вскрылся позже, а тогда «нападение» южного соседа убедило риксдаг согласиться на план Густава III по ведению «оборонительной войны» против России. С тех пор подобный «маскарадный» повод для развязывания войн применялся в мире с пугающим постоянством. Последний раз он использовался немецкими фашистами для развязывания Второй мировой войны, когда группа немецких военнослужащих, переодетых в форму польской армии в 1939 году «захватила» помещение радиостанции в пограничном немецком городке Глейвице... Но вернемся в XVIII век.

21 июня 1788 г. шведские войска численностью до 38 000 человек перешли границу в предместье Нейшлота[1] и начали бомбардировку русской крепости. Во главе наступающих находился сам король. Одновременно с началом военных действий Густав III предъявил Ека-

[1] Ныне — город Савонлинна в Финляндии.

терине II следующий ультиматум: наказать русского посла в Стокгольме А. К. Разумовского за происки его, направленные на подрыв мирных отношений между Россией и Швецией; вернуть Швеции все провинции, принадлежавшие ей до Ништадтского мира; уступить Крым турецкому султану; разоружить русский флот, вернув все корабли, вышедшие в Балтийское море.

27 июня, в знаменательный день Полтавской победы, Екатерина II обнародовала манифест о войне со Швецией. Учитывая, что основные силы армии были заняты боевыми действиями на юге, было объявлено о создании народного ополчения. Очень быстро был сформирован добровольный казачий полк. Только одна Москва отправила в Петербург 10 000 добровольцев. Гвардия первая выступила в поход. В общей сложности против шведов было мобилизовано 19 тыс. человек. Во главе русских войск был поставлен генерал В. П. Мусин-Пушкин. Эти войска подошли к Нейшлоту и деблокировали крепость.

6 июля 1788 г. около острова Гогланд произошло сражение шведского флота с русским. Кораблями шведов командовал герцог Зюдерманландский, русскими судами — адмирал С. К. Грейг. Победа осталась за русскими моряками. Потеряв один корабль, шведская эскадра укрылась под стенами Свеаборга.

В 1789 г. русский парусный флот в Финском заливе был усилен гребной флотилией, командовать которой было поручено прибывшему с турецкого театра военных действий адмиралу К. Нассау-Зигену. На место умершего в конце сентября 1788 г. адмирала Грейга был назначен адмирал В. Я. Чичагов. 15 июля его эскадра у острова Эланд встретилась с эскадрой шведов, превосходящей русских по числу кораблей. Чичагов принял бой, трудный и весьма упорный, и заставил вражеские суда отступить к Карлскроне.

26 августа 1789 г. принц Нассау-Зиген, имея 86 гребных судов, атаковал на Роченсальмском рейде (близ города Котка) шведский флот в составе 62 боевых кораблей и 24 транспортов. Атака велась с двух направлений и закончилась победой русских. Шведы потеряли 13 боевых кораблей и все 24 транспорта, потери русских — 2 корабля. Эта победа лишила шведскую армию поддержки с моря и послужила причиной ее отступления на запад. Несколько усиленная русская армия в течение лета заняла значительную часть шведской Финляндии.

2 мая 1790 г. шведская эскадра герцога Зюдерманландского (27 кораблей) атаковала эскадру Чичагова (17 кораблей), стоявшую на Ревельском рейде. Атакующие были встречены сосредоточенным огнем береговых и корабельных батарей, потеряли 2 корабля и отошли за острова Нарген и Вульф. Тогда сам шведский король повел 155 гребных судов к Фридрихсгаму, где зимовала часть флотилии Нассау-Зигена. 4 мая здесь произошло морское сражение, в результате которого русские корабли были оттеснены к Выборгу.

Наконец, 23 мая русская эскадра вице-адмирала А. И. Круза, шедшая на соединение с Чичаговым, встретилась с эскадрой герцога Зюдерманландского вблизи острова Сескар. Завязалось двухдневное сражение, после которого шведские корабли вынуждены были укрыться в Выборгской бухте. 26 мая соединившиеся корабли Чичагова и Круза блокировали шведский флот. Целый месяц шведы пребывали в осаде. 21 и 22 июня, после кровопролитного боя, они наконец вырвались в открытое море, потеряв при этом 10 кораблей. Преследование их продолжалось два дня. Принц Нассау-Зиген так увлекся погоней, что 28 июня 1790 г. при попутном ветре вошел в бухту Свенска-зунд у той же крепости Роченсальм в Финляндии и начал расстреливать вражеский флот в упор. Неожиданно ветер переменился, и преимущество перешло к шведам. В итоге русские потеряли 55 судов, многие из которых были выброшены на камни или подожжены своими же собственными командами[1]. Любопытно отметить, что это сражение считается самой блестящей морской победой в истории Швеции, хотя и не давшей ей никакой реальной пользы в войне (на деле победа эта была достигнута вовсе не талантами шведских флотоводцев, а ошибками русского командования).

Это поражение русского флота, хотя существенно не отразилось на общем соотношении сил воюющих сторон, но сподвигло шведского короля на мирные переговоры. 3 августа 1790 г. в деревне Вереле на реке Кюммене (Финляндия) был подписан мирный договор, не внесший никаких территориальных изменений в отношения между Россией и Швецией. Верельский мирный договор подтвердил существовавшее со времен Ништадтского договора 1721 г. разрешение Швеции покупать хлеб в трех прибалтийских портах России на 50 000 рублей ежегодно без пошлины.

Дальнейшая судьба короля Густава III была печальной. Надо отдать ему должное — он был первым из европейских коронованных особ, кто осознал всю опасность Великой французской революции для монархий Старого Света, начал вести борьбу против якобинцев и склонять к этому остальных европейских правителей. Однако довести дело до конца он не успел и стал жертвой заговора аристократов, не простивших ему переворота 1772 г. Во время бала-маскарада в Шведской королевской опере 16 марта 1792 г. король был смертельно ранен выстрелом в спину, как бы мы сегодня сказали, террористом Якобом Юханом Анкарстремом и умер через несколько дней.

Я это рассказываю потому, что в заключение этой лекции мы поговорим об отношении Екатерины II к революционным событиям

[1] В 1975 г. финские водолазы подняли с глубины 16 метров бухты Свенска-зунд большое количество оружия, снаряжения и частей оснастки русского гребного фрегата «Святой Николай». Останки членов экипажа были позже захоронены на православном кладбище города Котка в Финляндии.

в мире. А их было несколько. Кроме не раз упоминаемой мною на этих страницах Великой французской буржуазной революции, отношение к которой (под влиянием Густава III, или нет) у Екатерины II было резко отрицательным, революционные события происходили и на Североамериканском континенте. А к ним русская дипломатия питала иные чувства.

Итак, когда мы обсуждали Семилетнюю войну, я говорил, что одной из ее причин стали англо-французские противоречия в Северной Америке. Война эта завершилась в 1763 г. Парижским миром, по которому Англия получила Канаду, восточную половину Луизианы до Миссисипи, а также Флориду. В англо-французском конфликте в Северной Америке на стороне англичан кроме регулярных английских войск активно участвовала милиция колоний.

Семилетняя война значительно увеличила государственный долг Англии. Для покрытия этих расходов английское правительство обложило свои колонии новыми налогами. Одновременно для контроля увеличившейся территории в Америке был расквартирован десятитысячный английский военный контингент, вся тяжесть содержания которого также легла на плечи колонистов. Обе меры вызвали их возмущение. Начались уличные беспорядки и отдельные столкновения с представителями английских властей. В 1774 г. в Филадельфии открылся нелегальный конгресс представителей от 12 колоний, который выработал петицию к английскому королю и воззвание к английскому народу: в них признавалась связь Америки с метрополией, но одновременно выставлялось требование справедливого отношения к североамериканцам.

Первое вооруженное столкновение между английскими войсками и американской милицией произошло 19 апреля 1775 г. А 17 июня серьезное сражение имело место под Бостоном. Потери в нем составили: 441 человек американцев и 1500 англичан. До этих событий 10 мая 1775 г. в Филадельфии собрался Второй Континентальный конгресс от 13 колоний; он признал защиту от метрополии национальным делом и принял решение об организации 20-тысячной армии, которую возглавил выдающийся американский политический и военный деятель Джордж Вашингтон. 4 июля 1776 г. Континентальный конгресс единогласно принял написанную Томасом Джефферсоном Декларацию независимости. 23 августа английский король Георг III объявил североамериканские колонии в состоянии мятежа. Так началась освободительная война американского народа за свою независимость.

Англия не располагала столь значительными сухопутными силами, чтобы бороться с повстанцами. Поэтому начавшаяся война с собственными колониями поставила перед английскими властями вопрос о союзниках. Британский посол в Санкт-Петербурге передал Екатерине II послание английского короля с просьбой посылки в Се-

верную Америку русского экспедиционного корпуса численностью 20 000 штыков. Однако Россия ответила отказом. Вторично английская дипломатия пыталась возобновить переговоры о заключении военного союза в 1778 г., но также безуспешно. Таким образом, с самого начала борьбы за независимость Соединенных Штатов Россия проводила политику строго нейтралитета.

Не имея реальной военной силы чтобы победить свои взбунтовавшиеся американские колонии, Англия решила обратиться к инструментам санкционного давления и лишить американских колонистов любых торговых связей с миром. Для этого английский флот, который был самым большим в мире, установил блокаду американского побережья и перехватывал любые суда, шедшие под нейтральными флагами и не обязательно в американские порты. Это вызывало раздражение и недовольство правительств многих стран, в том числе и России.

В 1778 г. Россия предложила Дании общими силами организовать охрану торговых судов, следовавших в русские порты. Весной 1779 г. Россия, Дания и Швеция обратились к странам, принявшим участие в военных действиях на море — Франции, Англии и Испании — с декларацией о мерах, предпринятых ими для защиты нейтральной торговли, и выслали в море по небольшой эскадре. Однако грабежи на морских путях не прекратились. После инцидента, связанного с захватом русских и голландских кораблей, следовавших с грузом русского хлеба в средиземноморские порты, 28 февраля 1780 г. Екатерина II обратилась к Великобритании, Франции и Испании с декларацией, в которой излагались следующие принципы вооруженного нейтралитета: нейтральные корабли могут свободно ходить у берегов воюющих держав; неприятельская собственность под нейтральным флагом (за исключением «заповедных товаров») неприкосновенна; предметами военной контрабанды признаются только оружие и различное военное снаряжение; блокированным считается лишь порт, вход в который практически затруднен в связи с действиями военно-морских сил воюющих держав.

На этой основе Россия заключила конвенции с Данией 9 июля 1780 г. и Швецией 1 августа 1780 г. Подтвердив принципы, изложенные в декларации от 28 февраля 1780 г., договаривающиеся стороны объявили о закрытии Балтийского моря для военных судов воюющих держав и о взаимном обязательстве защищать провозглашенные принципы. Таким образом возник союз трех держав, названный «Первым вооруженным нейтралитетом». К «вооруженному нейтралитету» присоединились позже Нидерланды, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. Франция, Испания и США также признали принципы вооруженного нейтралитета, хотя формально к договору не присоединились. Из крупных морских держав лишь

Великобритания не признала вооруженный нейтралитет. Провозглашение этой политики имело огромное международное значение — она устанавливала твердые правила в международном праве, ограждавшие морскую торговлю нейтральных стран. Предпринятые Россией шаги в вопросе установления «вооруженного нейтралитета» способствовали международному признанию США.

Ко всему сказанному следует добавить, что в 70–80-х гг. XVIII в. на Аляске, Алеутских островах и Тихоокеанском побережье Северной Америки возникли русские торговые фактории. Еще в 1738 г. М. Гвоздев и И. Федоров на боте «Святой Гавриил» достигли побережья Аляски. Спустя девять лет в ходе Второй Камчатской экспедиции В. Беринг и А. Чирков исследовали его. После этого началась русская колонизация этих мест. В 1783 г. там возникла Американская православная епархия. В качестве русского государственного форпоста на Аляске в 1799 г. была основана Михайловская крепость. Вокруг нее возникло поселение, получившее название Ново-Архангельск (ныне г. Ситка. Штат Аляска. США). С 1804 г. он стал играть роль столицы Русской Америки. Общее число поселенцев вместе с гарнизоном крепости составляло около 200 человек. Здесь добывали морского зверя и меха, торговали с индейцами, алеутами и эскимосами. Первоначально основным видом промысла для русских колонистов была охота на каланов[1]. Формально американские владения Российской империи входили в состав Сибирского генерал-губернаторства, но фактически управляла этой территорией основанная в 1798 г. по инициативе купца Григория Шелихова и его зятя дипломата Николая Резанова торговая Русско-американская компания. Она обеспечивала хозяйственное освоение этих земель и, по сути, управляла ими до продажи Аляски в 1869 г., а выплачивала дивиденды своим бывшим акционерам вплоть до 1881 г.

Ну и, наконец, в самом конце жизни Екатерина II намеревалась снарядить экспедиционный корпус в Европу для помощи Австро-Венгрии в борьбе с революцией во Франции. Однако болезнь и смерь императрицы в 1796 г. задержали осуществление этого проекта. К нему вернулся вступивший на престол император Павел I, который в составе очередной уже Второй антифранцузской коалиции направил русские войска под командованием А. В. Суворова в Европу.

В целом, итоги внешней политики Екатерины II можно охарактеризовать как позитивные: успешно включившись в борьбу за господство в Европе, Россия утвердилась как великая европейская держава и существенно расширила свои владения в Европе, Азии и даже в Америке.

---

[1] Калан — хищное млекопитающее, морская выдра. Ценилась в основном из-за ценного меха.

Литература

1. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке: очерки. М.: Воениздат, 1958.
2. *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.
3. *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией в 1788–1790 годах. СПб.: Печатня В. Головина, 1869.
4. Восточный вопрос и рост протекционизма во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
5. *Ганичев В.Н.* Ф.Ф. Ушаков. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1990.
6. *Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России. СПб., 1885–1889.
7. История внешней политики России. Т. 1–5. XVIII век. Т. 2. М., 2000.
8. *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 1992.
9. *Лопатин В.С.* Светлейший князь Потемкин. М., 2005.
10. *Масаев М.В.* Присоединение Крыма к России. Симферополь: Таврия, 1997.
11. *Петелин В.В.* Фельдмаршал Румянцев: документальное повествование. М.: Воениздат, 1989.
12. *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1769 по 1774 год: в 4 т. СПб., 1866–1874.
13. Россия и Турция: 500 лет соседства // Родина. 1998. № 5–6.
14. *Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863.
15. *Тарле Е.В.* Екатерина II и ее дипломатия. Ч. 1–2. М., 1945.
16. *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774. М.: Изд-во АН СССР, 1945.
17. *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1–2. СПб., 1861–1863.

Глава XI
ПАВЕЛ I

Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 г. после внезапного апоплексического удара. Освободившийся престол занял император Павел I (1754–1801 гг.). В наследство ему досталась сильно расширившая свои пределы страна. В ее состав вошли Белоруссия и Правобережная Украина, Литва, часть великопольских земель, Крым, Приазовье и часть Северного Причерноморья. В период царствования Екатерины II численность населения выросла вдвое: с 18 до 36 миллионов человек. И все же Россия оставалась аграрной страной: в городах проживало лишь 4% населения. Большинство жителей, как и раньше, составляли крестьяне, 54% которых принадлежали помещикам, 40% — казне, остальные — дворцовому ведомству. Основу экономики по-прежнему составляло сельское хозяйство. Оно развивалось, в основном, экстенсивно — за счет освоения малонаселенных земель, прежде всего, в Новороссии. Для привлечения сюда населения правительство выделяло участки по 60 десятин всем желающим за исключением крепостных. Из Новороссии даже не возвращали беглых. По причине господства крепостного права, в стране не хватало свободных людей, которые могли бы поселиться в плодородном пустующем крае. Поэтому решающую роль в его заселении играла помещичья колонизация. Помещикам, переселявшим своих крестьян в Причерноморье, правительство выделяло имения от 1,5 тыс. до 12 тыс. десятин. К концу XVIII в. Новороссия стала поставлять зерно на рынок и сбывать его за границу через черноморские порты. В дальнейшем она превратилась в одну из важнейших житниц России.

Происходило и земледельческое освоение восточных районов — Южного Урала и Сибири. Коренное население под влиянием русских переселенцев переходило от кочевого скотоводства к возделыванию пашни. Постепенно внедрялись новые культуры — подсолнечник (в основном на Украине) и картофель. Однако даже в конце XVIII в. картофель был еще мало распространен.

Рост городов, промышленности, внешней торговли втягивал помещичье хозяйство в рыночные отношения. На юге страны, где выгодно

стало производить хлеб на продажу, помещики стремились расширить барскую запашку, сокращая крестьянские наделы. Увеличивалось и время, проводимое крестьянином на барщине (на барщине находились в конце XVIII в. почти 54% всех крепостных, а в черноземных районах — до 90%). Обычно крестьяне отрабатывали «на барина» 3–4 дня в неделю, но иногда — и все 6 дней. В некоторых случаях (правда, до конца XVIII в. сравнительно редких) помещик совсем лишал крепостного крестьянина надела и принуждал всю неделю работать на своем поле, снабжая месячным довольствием. Такая форма зависимости стала называться «месячиной». Месячина превращала крепостного в раба, полностью лишая его собственности. Появление ее свидетельствовало о том, что крепостнический строй достиг пределов своего развития и начал приходить в упадок.

В нечерноземной полосе страны организация собственного земледельческого хозяйства была помещикам невыгодна. Поэтому здесь преобладал денежный оброк. Размеры оброка выросли в 60–90-е гг. XVIII в. с 1–2 руб. до 5–10 руб. с ревизской души. Деньги для выплаты оброка крестьяне добывали, занимаясь отхожими промыслами, уходя на заработки: в плотничьи артели, в бурлаки, в извоз, на мануфактуры. Так нарушалась присущая крепостному хозяйству привязанность работника к земле. Крепостное право оказывалось в противоречии с потребностями экономического развития страны.

Значительные изменения во второй половине XVIII в. произошли в российской промышленности. Число мануфактур выросло и достигло 1200. Увеличилась выплавка чугуна. Успешно развивались парусно-полотняное и суконное производство. Его быстрый рост объяснялся спросом со стороны российской казны и европейских стран.

В металлургии господствовали уральские заводы. В легкой промышленности происходило становление новых центров производства. Сукноделие развивалось на юге, где традиционно разводили овец, полотняные заводы строились в льноводческих районах — под Смоленском, Псковом, Новгородом.

По-прежнему значительная часть мануфактур располагалась в помещичьих вотчинах. В металлургии преобладали посессионные и казенные мануфактуры. Но успешно развивалась и крестьянско-купеческая мануфактура, основанная на вольнонаемном труде. Екатерина II в 1762 г. удовлетворила важнейшее требование помещиков: запретила всем недворянам приобретать крестьян для работы на мануфактурах. Уральские промышленники выходили из положения двояким способом. С одной стороны, некоторые известные купеческие фамилии (Демидовы, Строгановы) переходили в дворянское сословие, что снимало с них все ограничения. С другой — у них уже были десятки тысяч крепостных, которых можно было использовать и на вновь строящихся заводах. А мануфактуристам, открывавшим новые

шелковые, стекольные, бумажные и другие предприятия, пришлось набирать рабочих по вольному найму. Вскоре оказалось, что наемные рабочие работают лучше, производительнее, а конкурентоспособность предприятий, применяющих наемный труд, выше. Вотчинные мануфактуры начали хиреть, не выдерживая конкуренции. Число же наемных рабочих выросло к концу века до 420 000 человек.

Здесь надо особо отметить, что в понятие «наемный рабочий» образца XVIII в. вкладывался принципиально иной смысл, нежели тот, который мы вкладываем в это понятие ныне. Наемными рабочими становились чаще всего крепостные крестьяне-отходники, зарабатывающие оброк для своего помещика. Русский наемный рабочий, таким образом, был вольнонаемным лишь по отношению к заводчику, оставаясь подневольным по отношению к своему барину.

В своей экономической политике Екатерина II исходила из теории естественных прав, к которым относила и право частной собственности. Поэтому она стремилась свести к минимуму правительственное вмешательство в экономику, ограничения и регламентацию хозяйственной деятельности, поощряла свободную конкуренцию.

В 1767 г. были отменены откупы и монополии. В 1775 г. царский манифест разрешил лицам всех сословий, в том числе крестьянам, заниматься любыми видами производства и торговли. Ранее крестьяне были лишены права заводить фабрики, брать подряды, торговать в портах. Русская буржуазия стала пополняться выходцами из крестьян. Начиная обычно с небольшой ткацкой мастерской, наиболее оборотистые крестьяне расширяли производство, нанимали работников, постепенно превращались в крупных мануфактуристов. Таких разбогатевших крестьян называли капиталистыми. Большинство русских промышленников последующего времени происходило именно из крестьян, поскольку купечество предпочитало вкладывать деньги не столько в промышленность, сколько в торговлю, где быстрее достигалась высокая прибыль.

Однако и разбогатев, такой крестьянин оставался крепостным. Подобный крепостной миллионер не мог купить землю (на практике нередко покупал на имя своего барина), не был защищен от помещичьего произвола, должен был платить многотысячный оброк. Лишь немногим капиталистым крестьянам удалось освободиться, уплатив гигантский выкуп.

Усиление специализации различных районов страны, рост промышленного производства, отходничества требовали дальнейшего развития торговли. Крупными центрами внутренней торговли становились ярмарки, такие как Макарьевская, Ирбитская (в Сибири), Оренбургская и некоторые другие. Существовали также многочисленные местные ярмарки и торжки.

Значительно расширилась внешняя торговля. Вывозилось в основном сельскохозяйственное сырье — дерево, лен, пенька, пакля. Но рос и экспорт промышленных изделий: льняных тканей, парусного полотна и особенно железа. Россия становилась также крупным экспортером зерна (раньше хлеб почти не вывозился за границу).

Ввозились сахар, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, металлы, предметы роскоши. Таможенный тариф 1767 г. совсем запретил ввоз товаров, производившихся в достаточном количестве в самой России. Напротив, сырье для промышленности облагалось низкими пошлинами.

Многочисленные войны и рост бюрократического аппарата требовали огромных расходов. Правительство вынуждено было увеличивать налоги. За годы правления Екатерины доходы от налогообложения возросли в 4 раза. И все же денег не хватало. Приходилось прибегать к займам у иностранных банкиров. К концу царствования Екатерины II образовался значительный внешний долг.

Чеканить новые монеты было затратно, поэтому было принято решение выпускать бумажные деньги — ассигнации. После подписания Екатериной соответствующего указа в 1769 г. были созданы Петербургский и Московский ассигнационные банки, которые и стали эмиссионными центрами новых денег. Вместе они напечатали ассигнаций на 2,5 млн рублей, при том что разменный фонд (количество наличных монет в обращении) тогда составлял всего два миллиона. 500 000 новых рублей были ничем не обеспечены. Именно они и пошли на оплату военных операций русской армии в идущей Русско-турецкой войне. Иными словами, бумажные деньги должны были не полностью заменить металлические, а дополнить их. По мере необходимости держатели монет могли менять их на ассигнации и обратно. Однако же выпускались ассигнации только крупным номиналом — 25, 50, 75 и 100 рублей — и для повседневных нужд они явно не подходили.

Вскоре стало ясно, что власти не продумали всех нюансов денежной реформы. Из-за растущих государственных трат, оплачивающихся новыми ассигнациями, их количество пришло в дисбаланс с имеющимися в наличии монетами. Фактически бумажные и металлические деньги получили параллельный самостоятельный оборот. Из-за этого росла денежная масса, а вместе с ней и инфляция. За 27 лет правления Екатерины II было выпущено ассигнаций на 150 млн рублей, а за один серебряный рубль в 1797 г. давали 70 копеек ассигнациями. С этого времени в России существовали две денежные единицы: рубль серебром и рубль ассигнациями. Конечно, утилитарную цель финансирования военных расходов введение ассигнаций решило, но породило инфляцию, которая постоянно росла. В 1810 г. бумажные деньги еще более обесценились: 1 рубль «ассигнациями» по официальному курсу стоил 35 копеек «серебром».

Обстоятельства, связанные с появлением на свет будущего российского императора Павла I, мы обсуждали в одной из предыдущих лекций. Здесь я хочу только напомнить, что сразу после рождения он был взят в покои императрицы Елизаветы, которая сама занялась его воспитанием. Екатерина только в редких случаях могла видеть сына. И это наложило существенный отпечаток на характер их последующих отношений. Елизавета Петровна умерла, когда Павлу было 7 лет. Петр Федорович, номинальный отец Павла, не утруждал себя вопросами воспитания наследника. Попытка Екатерины пригласить французского просветителя д'Аламбера в Россию в качестве воспитателя Павла ни к чему не привела: знаменитый энциклопедист деликатно отказался от оказанной ему чести. Пришлось довольствоваться российскими воспитателями. Главным из них был Никита Иванович Панин, назначенный при цесаревиче обер-гофмейстером Двора. Панин в борьбе придворных партий возглавлял ту, которая хотела объявления императором Павла Петровича и видела место Екатерины лишь как регента при малолетнем императоре. Но Екатерина опиралась на могущественную силу партии Орловых, требовавших ее коронации в качестве императрицы, и не думала уступать малолетнему Павлу свою неограниченную власть. Панин оставался в скрытой оппозиции к императрице до тех пор, пока не получил полной отставки. В силу этого он не мог, будучи воспитателем цесаревича, помирить его с матерью. Напротив, при всяком удобном случае наставник цесаревича возбуждал у него сознание его собственного предназначения, хотя последний до 42 лет не имел должной власти. Все это приводило к тому, что отчужденность между Екатериной и Павлом со временем возрастала и в конце концов перешла в открытую враждебность.

Событие, случившееся летом 1762 г., осталось в памяти Павла на всю жизнь. С юных лет мальчик был подвержен какому-то необъяснимому страху, который научился с возрастом скрывать, но призрак задушенного отца всегда стоял у него перед глазами. Павел рос нервным, скрытным, недоверчивым, подозрительным и даже озлобленным. Панин обозначил весьма обширный круг тем и предметов, в которых, по его мнению, должен был разбираться наследник российского престола. Возможно, именно в соответствии с его рекомендациями был назначен ряд «учителей-предметников». Среди них были митрополит Платон (Закон Божий), Семен Порошин (естественная история), О. Гранже (танцы), Дж. Миллико (музыка) и др. Напротив, общение со сверстниками было достаточно ограничено. До личных контактов с Павлом допускались лишь дети лучших фамилий (Куракины, Строгановы). Особенно близок к цесаревичу был князь Александр Куракин. Начавшиеся еще во времена Елизаветы Петровны, занятия не прекращались ни в краткое правление Петра III, ни при Екатерине II. Императрица приобрела для сына обширную библиотеку академика

Корфа. В программе обучения не было ничего, имеющего отношения к военному делу, что не помешало Павлу им увлечься.

Екатерина прекрасно знала, что сын воспитывается в оппозиционном к ней духе. Учителя великого князя действительно укрепляли в нем сознание собственных прав на престол. Чтобы отвлечь его от этих идей, императрица решила женить сына. После долгих поисков остановились на кандидатурах Софии-Доротеи Вюртембергской и сестер Гессен-Дармштадтских — Амалии, Вильгельмины и Луизы. Но Софии только исполнилось тринадцать лет, а Екатерине срочно нужен был наследник, поэтому императрица была вынуждена остановить свой выбор на принцессах Гессен-Дармштадтских. Встреча цесаревича с ними произошла в Гатчине в июне 1773 г. Павел выбрал Вильгельмину.

15 августа 1773 г. принцесса Вильгельмина после крещения в православную веру получила имя и титул великой княжны Натальи Алексеевны, а на следующий день состоялось и ее обручение с великим князем Павлом Петровичем. Однако семейное счастье великокняжеской семьи было недолгим. Наталия Алексеевна умерла при родах 15 апреля 1776 г. Павел был безутешен. Чтобы вывести сына из этого состояния, Екатерина сообщила ему о том, что знал весь Двор: Наталия Алексеевна обманывала доверчивого мужа с его близким другом, графом Андреем Кирилловичем Разумовским. Но это известие лишь усугубило его страдания и отчуждение от матери.

После смерти первой жены Павла между Фридрихом II и Екатериной II началась оживленная переписка на предмет выбора новой невесты для наследника русского престола. Вскоре они остановили свой выбор на кандидатуре, которая уже рассматривалась при русском дворе, но была отвергнута за малолетством. Это была двоюродная внучка прусского короля шестнадцатилетняя принцессе София-Доротея Вюртембергская. Когда об этом было сказано Павлу, он, не доверяя присланному ему портрету, заявил о своем желании встретиться с невестой и ее родителями до свадьбы. В последних числах мая 1776 г. он выехал в Берлин в сопровождении фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, который имел жесткую инструкцию от Екатерины относительно того, что можно, а чего нельзя позволять жениху во время его пребывания при королевском дворе.

Сватовство русского цесаревича рассматривалось в Пруссии как дело большой политической важности. Поэтому Павлу в Пруссии был оказан радушный прием. В Берлине наследнику все пришлось по душе. Во-первых, ему понравилась София-Доротея. Через два дня он признался ей в горячей любви с первого взгляда и сделал формальное предложение, рассказав, насколько он одинок в жизни. Обрадованная невеста охотно приняла предложение и обещала принести будущему супругу не только душевный покой, но и много детей. Во-вторых, Па-

вел был в восторге от Фридриха, его вымуштрованных войск и вообще от прусских порядков.

Дав королю клятву в вечной дружбе, наследник с невестой в приподнятом настроении вернулся в Петербург. Здесь 26 сентября 1776 г. состоялось бракосочетание Павла с Софией-Доротеей. При крещении она получила православное имя Мария Федоровна. Второй брак для Павла Петровича оказался счастливым. Супруга сдержала слово и родила ему в 1777 г. первенца — Александра, затем в 1779 г. Константина, в 1796 г. Николая и в 1798 г. — Михаила. Всего же в браке с Марией Федоровной у Павла родилось десять детей. По примеру императрицы Елизаветы Петровны Екатерина забрала первых трех внуков на воспитание в свои апартаменты.

Появление в Зимнем дворце Марии Федоровны мало что изменило в отношениях между Екатериной и сыном. В конце концов, разуверившись в возможности поручить ему хоть какую-то толику государственных дел, Екатерина пожаловала ему в полное владение Гатчину — имение, принадлежавшее скончавшемуся в 1783 г. Григорию Орлову и после его смерти отошедшее в казну. Там по проекту известного итальянского архитектора Антонио Ринальди был возведен знаменитый Гатчинский дворец, куда после некоторой перестройки Павел и переехал вместе с семьей.

В Европе XVIII в. после завершения образования считалось своего рода традицией предпринять заграничное путешествие. Вот и Екатерина II предложила наследнику с женой отправиться в такой вояж по Европе. В 1782 г. супруги выехали из России инкогнито под именами графа и графини Северных. Они посетили Австрию, Италию, Францию, Нидерланды, Швейцарию и южную Германию. Помимо личных впечатлений, Павел и его супруга имели множество аудиенций и произвели благоприятное впечатление на правящую элиту тех стран, где побывали.

Вернувшись в Россию, великокняжеская семья уединилась в Гатчину. Там наследник создал свой мир, где действовали только им устанавливаемые законы. Образцом же для подражания Павлом была избрана Пруссия с ее культом порядка, дисциплины, силы, муштры. Не случайно, воплощением этой жизни стали так называемые Гатчинские войска Павла I, одетые и вымуштрованные по уставам Фридриха II. Очень быстро Гатчина приняла вид настоящего военного лагеря с заставами, шлагбаумами, казармами и караулами. Вместе со своей маленькой армией и сам наследник жил суровой жизнью воина и аскета: вставал в 4 часа утра, спешил на учения или маневры войск, производил осмотр казарм и продовольствия. При этом никакая, даже самая мелкая, неисправность не ускользала от его требовательного взгляда, каждое нарушение, каждое отступление от установленного регламента сурово наказывалось. В 10 часов вечера Гатчина уже спала;

слышались только шаги патрулей да окрики часовых. В Гатчине начался стремительный взлет карьеры артиллерийского офицера Алексея Андреевича Аракчеева — он был назначен комендантом, а потом начальником всех войск наследника.

В последнее десятилетие своего правления Екатерина с большим опасением наблюдала за настроениями и поведением Павла. В результате у нее созрело решение лишить его права наследования престола и передать его своему старшему внуку, Александру. Апеллируя к закону о престолонаследии, принятому Петром I, она постаралась привлечь к этому акту Марию Федоровну и самого Александра Павловича. Жена Павла отказалась поставить свою подпись на заготовленном для этого случая документе, но при том не решилась сообщить мужу о возникшем против него заговоре. Девятнадцатилетний Александр повел себя по-другому: он не отказался от предложения бабушки и в то же время дал знать об этом отцу.

Есть многочисленные свидетельства того, что подобное завещание Екатерины существовало. Вместе с тем, мы не располагаем его подлинником. В качестве подтверждения намерений Екатерины лишить сына престола обычно указывают на необычно раннюю женитьбу Александра. Он в шестнадцатилетнем возрасте женился на дочери маркграфа Баденского Луизе Марии Августе, принявшей после обращения в православную веру имя Елизаветы Алексеевны. После этого акта, согласно всем писанным и неписанным традициям, Александр становился совершеннолетним и мог наследовать престол без каких-либо проблем. Отец демонстративно проигнорировал свадьбу собственного сына, а придворные ожидали обнародования манифеста об отстранении Павла от наследования престола, заключении его в эстляндском замке Лоде и провозглашении наследником Александра. Однако этого не случилось. Есть несколько предположений относительно того, кто и при каких обстоятельствах уничтожил тайное завещание Екатерины II, но не суть в том.

Так или иначе, но 17 ноября 1796 г. в возрасте 42 лет Павел I стал императором. Жители Петербурга быстро поняли, что «наступил иной век, иная жизнь», а некоторые перемены сравнивали даже с неприятельским нашествием. На следующий день после смерти Екатерины в Санкт-Петербург вступили гатчинские батальоны под командованием А. А. Аракчеева. Они были одеты в узкие прусские мундиры, шли под барабанный бой и трели флейт «гусиным» прусским шагом. Перед ними около 200 полицейских, солдат и драгун, разделившись на три-четыре отряда, бегали по улицам и во исполнение особого повеления нового императора срывали с прохожих круглые шляпы, у фраков обрезали отложные воротники, жилеты рвали по благоусмотрению начальника подразделения — капитана или унтер-офицера.

Прибыв в Зимний дворец, Павел распорядился сменить охрану на своих «гатчинских» гвардейцев. Вечером того же дня в сопровождении военного губернатора Санкт-Петербурга Н. П. Архарова император лично объехал город и дал первые распоряжения. Многие из них несказанно удивили горожан. Так, Павел распорядился снести деревянное здание оперного театра, что было исполнено в течение суток.

Спустя несколько дней после вступления на престол, по распоряжению нового императора в одном из окон цокольного этажа Зимнего дворца был выставлен деревянный ящик желтого цвета с прорезью на верхней крышке. На ящике красовалась надпись «Для жалоб и предложений». Все желающие могли опустить в ящик свое прошение, письмо или проект и могли быть уверены, что их послание точно не избежит высочайшего внимания. Ключ от ящика был один и хранился он у императора в комнате, где располагалось это окно. Каждое утро в седьмом часу монарх отправлялся туда, собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал их лично или же заставлял одного из своих статс-секретарей прочитывать их себе вслух. Резолюции или ответы на эти прошения всегда делались им лично или были скреплены его подписью, а затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления. Бывали случаи, когда подателю прошения предлагалось обратиться в какое-нибудь судебное место или иное ведомство и затем известить его величество о результатах этого обращения.

Со временем этот начальный вариант «прямой линии» народа с первым лицом государства пришлось прервать: по мере того, как общественность убеждалась в безумности царя, Павел I стал находить в ящике не только просьбы исправить ту или иную несправедливость, но и карикатуры на самого себя, прямые оскорбления, в которых его называли безумным тираном, жалким идиотом, презренным чухонцем (намекая на то, что он вовсе не сын Петра III, что он незаконнорожденный, что он даже не сын Екатерины) и пр. Это, конечно, не способствовало ни становлению нормального диалога власти и общества, ни принятию императором здравых и справедливых решений. Ящик был снят.

Как ни странно, данный опыт социальной коммуникации не исчез в русской истории совсем бесследно. И сегодня во многих государственных и общественных учреждениях, в магазинах и на транспорте можно увидеть «Книгу жалоб и предложений», сама идея которой была рождена императором Павлом I и его желтым ящиком.

19 ноября 1796 г. по повелению Павла I была вскрыта могила погребенного в Александро-Невской Лавре императора Петра III, тело его было помещено в новый великолепный гроб, обитый золотым глазетом и украшенный императорскими гербами. В тот же день, в семь часов пополудни вся императорская семья, включая великих князей,

прибыла в монастырь, где стояло тело в открытом гробу, для панихиды, продолжавшейся несколько дней. У гроба по обе стороны стоял почетный караул. Новый император собственной персоной пять раз побывал на панихиде и при каждом посещении прикладывался к руке покойного. Сегодня трудно представить к чему «прикладывался» царь и заставлял «прикладываться» свою жену и детей. По свидетельству очевидцев в гробу был лишь костный прах и части одежды.

Но на этом странный спектакль не закончился. 25 ноября по разработанному императором в мельчайших деталях ритуалу было совершено сокоронование праха Петра III и тела покойной Екатерины II. Такого еще страна не видела. Церемония была разделена на две части: мужскую и женскую. Утром в Александро-Невском монастыре Павел возложил корону на гроб Петра III. Во втором часу та же церемония в Зимнем дворце была повторена над телом Екатерины II той же короной женой Павла — Марией Федоровной в присутствии женской части двора.

Наконец, 2 декабря 1796 г. жители Петербурга стали свидетелями необычного зрелища. В 11 часов утра из ворот Нижней Благовещенской церкви Александро-Невской лавры медленно двинулся в путь траурный кортеж. Впереди гроба шел герой Чесмы Алексей Орлов и нес на бархатной подушке императорскую корону. За ним в почтительном безмолвии на еле гнущихся от старости ногах следовали другие, еще живые участники знаменательного переворота 1762 года, держа в руках покоящиеся на бархатных подушечках награды покойного самодержца. Позади катафалка в глубоком трауре шествовала вся августейшая фамилия. Если бы в этот момент в Петербурге случайно оказался бы какой-нибудь заезжий иностранец, он мог бы подумать, что хоронят Екатерину II, скончавшуюся за месяц до этого. Но его должно было бы насторожить то обстоятельство, что похоронная процессия двигалась не из дворца на кладбище, а как раз наоборот: с кладбища во дворец. В Зимнем дворце гроб Петра III был установлен рядом с гробом Екатерины II. И только после этого соединенные по прихоти Павла останки бывших царственных супругов по специально наведенному через Неву мосту были перенесены на вечный покой Петропавловскую крепость.

Наконец, 16 апреля 1797 г. состоялась коронация нового императора. Это было первое в истории Российской империи совместное коронование императора и императрицы. После вступления на престол Павел решительно приступил к ломке порядков, заведенных матерью. У современников осталось впечатление, что многие решения новым императором принимались «назло» ее памяти. Питая глубокое отвращение к революционным идеям, Павел, к примеру, вернул свободу радикалам: Радищеву, Новикову и Костюшко (всего 87 человек), а последнему даже разрешил выехать из страны, одарив крупной суммой денег.

В день коронации Павел I публично прочел принятый новый закон о престолонаследии. Это было «Учреждение о Императорской Фамилии» — документ, который должен был покончить с происходившими в течение более полувека дворцовыми переворотами и женским правлением в России. Отныне женщины фактически были отстранены от наследования российского престола, ибо появилось жесткое требование перехода короны по мужской линии (от отца к сыну). Новый закон определял состав императорской фамилии, иерархическое старшинство ее членов, их права и обязанности, устанавливал гербы, титулы, источники и размеры содержания членов императорской фамилии. Для содержания императорской семьи из Казны выделялись особые земли, получившие название «удельных», которые должны были обрабатывать специальные «удельные» крестьяне. Общее управление и надзор за удельными землями, имениями и крестьянами возлагались на возникшее согласно этому узаконению Удельное ведомство, просуществовавшее в России до 1917 г. Также «Учреждение о Императорской Фамилии» устанавливало правила регентства. Для монархов и их наследников сроком совершеннолетия определялись 16 лет, а для прочих членов императорской фамилии — 20 лет от роду.

Ломка всего екатерининского наследия проявилась в огромном количестве указов, узаконений, распоряжений, изданных в короткое царствование Павла. Начиная с первых, распубликованных 6 и 7 ноября 1796 г., и кончая последними шестью законами от 11 марта 1801 г., было издано 2179 законодательных актов, или в среднем 42 в месяц (для сравнения: за 34 с половиной года правления Екатерины II — 5948, в среднем 12 в месяц).

Прежде всего, Павел стал избавляться от вельмож, фаворитов и генералов, олицетворявших прежнее царствование. Только за три года было уволено со службы 7 фельдмаршалов (среди них Суворов и Румянцев), 333 генерала и 2260 офицеров. Одновременно с изгнанием из армии наиболее опытных ее представителей посыпались милости на военачальников, принявших как должное армейскую школу Фридриха II и искавших благоволения Павла. Чин фельдмаршала получили граф Н. И. Салтыков, князь Н. В. Репнин, граф И. Г. Чернышев, а несколько позже — М. Ф. Каменский, И. К. Эльмпт, В. П. Мусин-Пушкин, А. А. Прозоровский, И. П. Салтыков, И. В. Гудович. Командующий гатчинскими войсками императора А. А. Аракчеев был произведен в генералы и назначен комендантом Санкт-Петербурга. С другой стороны, кары обрушились на некоторых приближенных Екатерины. Пострадали даже те, кто уже покинул этот мир. Так, узнав, что гроб с телом скончавшегося в 1791 г. Г. А. Потемкина упокоен в склепе под полом церкви Св. Екатерины в Херсоне, Павел в апреле 1798 г. отдал распоряжение перезахоронить его без «дальнейшей огласки, в самом же том месте, в особую вырытую яму, а погреб засыпать и загладить

землей так, как бы его никогда не было». Даже и самый мавзолей, воздвигнутый под сводом церкви над могилой Потемкина приказано было разрушить.

В первые месяцы царствования наибольшее внимание вызывали у Павла армия и гвардия. Уже 29 ноября 1796 г., то есть через три недели после воцарения, появились воинские уставы о конной и пехотной службе, а 25 февраля — новый морской устав. Все вооруженные силы для удобства управления делились на 11 округов и 7 инспекций.

Бесспорно, при Павле I служить в армии офицерам стало тяжелее, чем раньше. Кончились бесконечные отпуска, которыми широко пользовалось дворянство. Сразу же после его вступления на престол было приказано, чтобы все офицеры, находившиеся в длительном многолетнем отпуске, немедленно были возвращены в строй. Выяснилась прелюбопытная картина: из списочного состава армии в 400 тысяч человек на 1795 г., в строю на 1797 г. оказалось всего 320 тысяч. После этого было издано распоряжение, согласно которому все придворные и гражданские чины, до того числившиеся при полках и получавшие военные оклады, фактически не неся военной службы, от полков были отчислены. Вместе с ними были отчислены и многочисленные дворянские недоросли, записанные в армию в младенчестве и получавшие жалование согласно занимаемой должности, но никогда в своих частях не бывавшие. Офицерам и генералам были запрещены отпуска более одного месяца в год и с 1798 г. запрещено было подавать в отставку тем из них, кто прослужил в действующей армии менее года. В отношении тех дворян, кто уклонялся от несения военной или гражданской службы, было введено судебное преследование. Павел I требовал, чтобы списочный состав подразделений и экипажей равнялся их действительному составу, ибо разница между наличным и числящемся на бумаге составом офицеров в полках достигала 70%. Не хватало и значительного числа солдат. Расхищались целые рекрутские наборы, как это произошло в 1795 г., когда все новобранцы были отосланы в деревни начальствующего офицерского состава и обращены в крепостных (зримый итог коррупционных схем образца XVIII века. — *Д.Г.*).

Вводилась и прусская система подготовки войск, основанная на муштре и шагистике, на многократном повторении одних и тех же упражнений. Таким образом, как казалось, на первый план выдвинулась не собственно боевая подготовка, а подготовка к вахтпараду. Проникаясь с течением времени все больше и больше духом новых уставов, войска вскоре стали видеть венец своей службы в том, чтобы на смотре не сбиться с ноги, чтобы линия фронта не изогнулась, чтобы интервалы и дистанции были в точности соблюдены, чтобы общий вид части при прохождении церемониальным маршем был блестящ. Поведение самого императора в этой связи порой выглядело по меньшей мере смешным. Недовольный плохой выправкой войск, он самолично

принимался за их муштру. В павловское время был распространен слух, который, несмотря на то, что ныне тиражируется даже в фильмах, не имеет документального подтверждения. Якобы один полк, раздосадовавший императора своим неумением перестраиваться на вахтпараде, был им в полном составе отправлен в Сибирь и возвращен оттуда лишь его преемником императором Александром I[1]. Для генералов, покрытых боевой славой при Екатерине II, Павел устроил в Зимнем дворце тактический класс, где подобно образованной им в Гатчине школе унтер-офицеров, под надзором Аракчеева читал лекции по строевой части бывший артиллерист Каннабих, преподаватель упомянутой гатчинской школы.

Справедливости ради здесь надо озвучить и альтернативную точку зрения. Те, кто оправдывает пристрастие императора к строевой подготовке не без оснований указывают, что до широкого внедрения в армии ведущих стран мира пулеметов, наступление и маневрирование войск в XVIII–XIX вв. обычно велось не цепью, как мы это привыкли видеть в военных фильмах, а в сомкнутом строю колоннами или линиями. Как следствие — один неверно выполненный маневр солдата или подразделения мог расстроить весь боевой порядок колонны и сорвать атаку. Отсюда и проистекало столь значительное внимание к строевой подготовке, которая сегодня в такой форме востребована разве что на торжественных построениях и парадах. Другое дело, что полководцы екатерининской эпохи, побеждая неприятеля, никогда не доводили строевую подготовку до уровня бездумной муштры. Но при этом даже А. В. Суворов, весьма неприязненно относившийся к павловским строевым экзерсициям, в своей знаменитой «Науке побеждать» утверждал, что каждый солдат должен знать свой маневр.

Разводы караула в Зимнем дворце превратились в многочасовые, утомительнейшие церемониалы, требовавшие к тому же многочасовой подготовки и известной сноровки. Например, чтобы парадный мундир и лосины не морщинились во время сложных перестроений на дворцовых лестницах, в коридорах и залах, солдаты обильно смачивали их водой. Поэтому фактически они несли караул в мокрой форме. Букли

[1] На самом деле в 1797 г. после проведения очередных войсковых учений были арестованы командир Конногвардейского полка и шесть полковников с формулировкой за «безрассудные их поступки во время маневров». «Безрассудство» командира заключалось в том, что после неудачного выполнения маневра, во время разбирательства прямо перед строем Павел Петрович несколько раз произнес слово «Сибирь». Тогда командир полка скомандовал: «Полк, в Сибирь шагом марш!». К изумлению императора солдаты начали движение, правда, далеко уйти им не дали. Полк был отправлен в Царское Село. Так возникла сплетня об отправленном полку в Сибирь, которую стали воспринимать как реальный факт. Общественное мнение безоговорочно поверило в нее после выхода в свет известного романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1867 г.), где этому сюжету уделено много внимания.

и косы, которые полагалось пудрить, обильно посыпались смоченной же мукой чтобы во время движения пудра не сыпалась на мундир и на пол и т.д. И несмотря на все подобные ухищрения, риск попасть после такого развода на гауптвахту или куда подальше был все равно велик: офицеры брали с собой на дежурство сменный комплект белья на всякий случай.

Войска стали одевать в темно-зеленые мундиры и длинные камзолы. Мундиры шились из толстого сукна с лацканами, отложным воротником и обшлагами кирпичного цвета. Каждому выдавалась шляпа с широким серебряным галуном и черным бантом. Она имела такую замысловатую форму, что едва прикрывала голову. Когда на учениях командовали «Беглым шагом», то шляпы летели с голов. В таких случаях снаряжалась особая команда для подбирания шляп. Шею солдата плотно охватывал черный фланелевый галстук, в качестве обуви выдавали тесные курносые башмаки, и ноги стягивали за коленями так называемыми суконными штиблетами с красными пуговицами вдоль всей ноги. Правда, здесь следует добавить, что к новому павловскому обмундированию в русской армии были впервые введены теплые зимние вещи: специальные теплые жилеты и впервые в военной российской истории — шинель. Эта знаменитая «павловская шинель» в Отечественную войну 1812 г. спасла жизнь тысячам солдат. В зимнюю стужу караул допускалось нести в шубах и валенках. Снаряжение было тяжелым и весьма обременительным.

Рукоприкладство, телесные наказания солдат, процветавшие при Екатерине, сохранились и при Павле, но были строго регламентированы. Причем, в уставе было особо отмечено что «...оные допускать в крайних случаях, памятуя, что служат для исправления нерадивых солдат, а отнюдь не для их калечения». Более того, была введена реальная дисциплинарная и уголовная ответственность офицеров за сохранение жизни и здоровья солдат. За некоторые нарушения полагались и физические наказания перед строем. За эти меры Павла откровенно не любили в офицерских кругах.

С другой стороны, при Павле было объявлено о ряде послаблений для низших чинов. Во-первых, срок их службы вслед за дворянами был сокращен до 25 лет. Прослужившим этот срок солдатам, равно как и отставленным от службы из-за увечий или ранений, назначались пенсии с содержанием в специальных инвалидных ротах. Умерших ветеранов велено было хоронить с воинскими почестями, а для попечения и воспитания оставшихся сирот обоего пола в 1798 г. было основано специальное воспитательное учреждение — Военно-сиротский дом. Во-вторых, для нижних чинов было введено понятие «беспорочная служба». За беспорочную выслугу 20 лет и больше солдаты навсегда освобождались от телесных наказаний. С 1800 г. отставные нижние чины становились однодворцами, получали в собственность 15 де-

сятин земли в Саратовской губернии и по 100 рублей на обзаведение хозяйством. Поэтому современники Павла I отмечали, что импульсивный и даже взбалмошный император, тем не менее, пользовался популярностью у некоторой части солдат своей армии.

Чтобы завершить рассказ о преобразованиях в армии, произведенных Павлом I, я хотел бы привести на этих страницах ряд фактов, хорошо известных военным историкам, но редко упоминаемых при характеристике павловского царствования из-за сложившегося общего негативного образа этого монарха. Тем не менее, как бы к нему не относиться, но именно Павел учредил лазареты при каждом полку, а для их комплектования квалифицированными кадрами своим указом он основал в 1798 г. Медико-хирургическую академию.

Сразу после восшествия на престол император озаботился проблемой нехватки хороших и точных карт в России. Уже 13 ноября 1796 г. он издал указ о создании Его Императорского Величества Чертежной, которая 8 августа 1797 г. была преобразована в Собственное Его Величества Депо карт. Этими мероприятиями было положено начало картографической службы российской армии и флота.

В той же мере можно говорить о том, что именно при Павле I в русской армии возникло первое военно-инженерное подразделение. Им стал Пионерный полк, образованный в 1797 г. и предназначенный для ведения инженерной разведки, подготовки переправ, строительства фортификационных сооружений и пр.

Наконец, с 1797 г. в России существует учрежденная Павлом I фельдъегерская служба. С известными оговорками можно сказать, что это было первое подразделение связи в русской армии, предназначенное для несения военно-курьерской службы и выполнения специальных поручений императора Всероссийского. При своем основании Фельдъегерский корпус (так он тогда назывался) имел одного офицера и 13 фельдъегерей. Первым командиром вновь созданного подразделения стал капитан Шелганин.

Кроме перечисленных выше мер, которые ужесточали дисциплинарную ответственность дворян в армии, Павел принял еще ряд узаконений, объективно ограничивавших их привилегированное положение вне армейских казарм. Так, указом от 18 декабря 1797 г. дворян обязали платить налог на содержание органов местного дворянского самоуправления в губерниях. В том же году было запрещено допускать к участию в выборах на избираемые должности губернских дворянских собраний лиц, уволенных со службы за проступки. Число избирателей было сокращено, и губернаторы получили право вмешиваться в ход выборов. В конце 1796 г. были упразднены надворные, а также все губернские сословные суды, губернские магистраты, верхние расправы, а из уездных — нижние расправы. Из сословного дворянского уездный суд превратился в общесословный суд для населения уезда,

кроме горожан. 2 января 1797 г. Павел отменил статью «Жалованной грамоты дворянам», запрещавшую применять к ним телесные наказания. Среди преступлений, за которые дворянин мог подвергнуться этой экзекуции, были названы: разбои, пьянство, разврат, служебные нарушения. Наконец, в 1799 г. дворяне были обязаны уплачивать подушную подать по 20 рублей «с души».

С другой стороны, ряд законов, принятых в павловское время, объективно способствовал установлению правовых рамок крепостной эксплуатации крестьян. Еще в годы царствования Екатерины II проблема законодательной регламентации крестьянских повинностей стала предметом общественного обсуждения в обстановке относительной гласности. Связано это было с повсеместным распространением в помещичьем хозяйстве барщины, которая в конце концов приводила к предельному закабалению и максимальной эксплуатации крестьян. Рост барщинных повинностей постепенно привел к появлению месячины (ежедневной барщины). Крепостные крестьяне не были законодательно ограждены от произвольной эксплуатации помещиков, принявшей формы, близкие к рабству. Это стимулировало власти к началу обсуждения юридических границ крепостного права. Важную роль в этих дискуссиях сыграла деятельность Уложенной Комиссии и Вольного экономического общества, созданных Екатериной II. Как известно, эти попытки были обречены на провал из-за саботажа помещиков и связанной с ними политической элиты идти на какие-либо уступки в вопросе ограничения крепостного права, а также из-за отсутствия реальной поддержки реформаторских начинаний со стороны народа или власти. Еще до своего воцарения Павел I предпринимал меры для улучшения положения крестьян в своих личных имениях в Гатчине и Павловске. Так, он сократил крестьянские повинности. В его имениях на протяжении ряда лет существовала двухдневная барщина, он разрешил крестьянам уходить на промыслы в свободное от барщинных работ время, выдавал крестьянам ссуды, построил новые дороги в селах, открыл два бесплатных медицинских госпиталя для своих крестьян, построил несколько бесплатных школ и училищ для крестьянских детей, а также несколько новых церквей. Поэтому, став императором, Павел был убежден в необходимости законодательного урегулирования положения крепостных. Не являясь сторонником радикальных реформ в области крестьянского вопроса, он все же допускал возможность некоторого ограничения крепостного права и пресечения его очевидных вопиющих злоупотреблений.

5 апреля 1797 г. был опубликован Манифест о трехдневной барщине — первый законодательный акт, который со времен юридического оформления крепостного права в России, ограничивал использование помещиками труда своих крепостных. Согласно положениям этого манифеста, владелец крепостных крестьян мог использовать их

на барщине не более трех дней в неделю. Запрещалось принуждать крестьян к работе в воскресные и выходные дни. Манифест специально устанавливал, что оставшиеся три рабочих дня предназначались для работы крестьян в собственных интересах.

Отношение к Манифесту о трехдневной барщине после его объявления в обществе было неоднозначным. Его положения поддержали некоторые деятели екатерининского царствования и большинство реформаторов будущей, «александровской» эпохи. М. М. Сперанский назвал павловский манифест «замечательным документом своего времени». С другой стороны, консервативные дворянско-помещичьи круги встретили манифест глухим ропотом и повсеместным бойкотом. Крестьянам, наоборот, он дарил надежду. Пророческим оказалось мнение А. Н. Радищева, высказанное в 1801 г. в статье «Описание моего владения», где он утверждал, что в ситуации неопределенности правового статуса крестьянина и помещика, регламентация крестьянских повинностей изначально была и будет обречена на провал.

Так это и случилось. Стремление императора улучшить тяжелое положение крестьянских масс сочеталось с его упорным нежеланием видеть в крепостном крестьянстве союзника, а то и социальную опору своих антикрепостнических начинаний. Нерешительность самодержавия привела к отсутствию жесткого контроля за соблюдением норм и идей Манифеста и к попустительству его нарушениям. Помещики отнеслись к павловскому Манифесту как к формальности, которою можно не брать в расчет. Они не только не желали устанавливать в своих имениях трехдневную барщину, но и по-прежнему заставляли своих крепостных крестьян работать даже по великим церковным праздникам, считая свою собственную власть над ними безграничной.

Крепостные крестьяне, восприняв Манифест как закон, облегчающий их тяжелое положение, пытались бороться с его бойкотом, обращаясь с жалобами на помещиков в органы государственной власти и судебные инстанции, однако этим жалобам далеко не всегда уделялось должное внимание. Таким образом, слабость редакции Манифеста, отсутствие эффективных подходов к его реализации, жесткая оппозиция помещичьих кругов и нерешительность самодержавия привели к почти полному провалу реализации этого закона еще при Павле I. Впрочем, ситуация мало изменилась и при последующих императорах — Александре I и Николае I.

Кроме Манифеста о трехдневной барщине здесь можно назвать еще несколько узаконений павловского царствования, которые частично улучшали жизнь крестьян. Так, в 1798 г. было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли, разделять семьи при продаже. Указом от 19 сентября 1797 г. для крестьян отменена повинность держать лошадей для армии и давать продовольствие. Вместо этого стали брать «по 15 копеек с души, надбавку к подушному окладу». Нако-

нец, указом от 21 октября 1797 г. было подтверждено право казенных крестьян записываться в купечество и мещанство.

Панически опасаясь распространения влияния идей Великой французской революции, Павел в 1800 г. запретил ввоз иностранных книг и отправку молодых докторантов за границу для приготовления к профессорскому званию, которая практиковалась в России со времен основания Московского университета. Только на Рижской таможне было конфисковано 552 тома различных изданий, предназначенных для ввоза в Россию. В немилость попали Гете, Шиллер, Кант, Свифт и другие выдающиеся иностранные авторы, заподозренные императором в излишнем либерализме. Все частные типографии в стране были закрыты. Объем печатных изданий за четыре года павловского правления составил 875 названий, т.е. уменьшился на треть по сравнению с последними четырьмя годами правления Екатерины. Цензурные ограничения коснулись даже употребления ряда слов русского языка, имевших иностранное происхождение: революция, конституция, гражданин, названия месяцев французского революционного календаря и пр. Павел не одобрял также и французский покрой платья. В то же время он дал приют высокопоставленным французским эмигрантам, включая графа де Лилль (будущего короля Франции Людовика XVIII), и последнего принца Конде.

Одновременно с борьбой против революции вовне страны, император странным образом, шел по пути веротерпимости и либерализации религиозных отношений в Российской империи. Так, 12 марта 1798 г. Павел издал указ, разрешающий строительство старообрядческих храмов во всех епархиях российского государства. В 1800 г. окончательно было утверждено положение о единоверческих церквях[1]. С тех пор старообрядцы особо чтут память Павла I. В 1796 г. была объявлена амнистия участникам Польского восстания 1794 г., а 18 марта 1797 г. был издан Манифест о свободе вероисповедания в Польше для католиков и православных, что также снизило градус напряженности в этнорелигиозных отношениях в русской части Польши.

Таким образом, при всей импульсивности действий и неоднозначности личности самого императора, основное направление его внутренней политики очевидно. Он пытался навести порядок в армии в преддверии большой европейской войны, признаки которой были уже очевидны, и вообще в государственном управлении. В этом смысле особое значение он придавал возрождению дворянства, которое к концу правления Екатерины окончательно превратилось в привилегированное сословие, все более утрачивавшее желание и возмож-

[1] Единоверие — течение в старообрядчестве, адепты которого при соблюдении традиций и канонов старообрядческого богослужения признают иерархическую юрисдикцию официальной православной церкви.

ность служить опорой престола. А поскольку основой экономики страны оставалось крепостное помещичье хозяйство, то в свете революционных потрясений на западе Европы (как, впрочем, и памятуя о Пугачевском бунте) император пытался юридически-правовыми способами гармонизировать отношения между крепостными крестьянами и их владельцами.

Реализация же этих вполне рациональных задач затруднялась целым рядом обстоятельств. Во-первых, избранная императором в качестве образца прусская модель военного строя и государственного управления, воспринимаемая некритически и механически переносимая на русскую почву, вызывала непонимание армии, отторжение государственного аппарата и бойкот широких кругов дворянства. Во-вторых, нежелание видеть в крестьянстве естественного союзника в борьбе с крепостными извращениями помещиков лишало планы императора широкой социальной поддержки. В-третьих, страх перед дворянско-помещичьей фрондой, равно как и возможным распространением революционных идей в России, боязнь остаться один на один с армиями революционной Европы делали политические шаги Павла непоследовательными и импульсивными, а от этого малопредсказуемыми. В этой ситуации фигура императора выглядит страшно одинокой, а в глазах окружающих он, вдобавок, казался и не вполне нормальным.

Между тем, события в Европе оправдывали самые худшие опасения Павла I. В 1794 г. во Франции пала якобинская диктатура. Это знаменовало собой начало последнего этапа Великой Французской революции — периода Директории. 22 августа 1795 г. французский Конвент принял новую Конституцию, призванную учредить либеральную республику путем создания Директории — первого в истории Франции двухпалатного парламента. Исполнительная власть Директории состояла из пяти директоров, а законодательная власть из двух палат парламента — Совета старейшин и Совета пятисот.

Во внешней политике обновленной Французской республике удалось заключить Базельский мир с Пруссией, а затем Сан-Ильдефонский договор о наступательном и оборонительном союзе с Испанией. Этими дипломатическими победами был положен конец созданной еще в 1791 г. Первой антифранцузской коалиции. В конце 1795 г. между Россией, Англией и Австрией был заключен новый контрреволюционный тройственный союз. Именно тогда по приказу Екатерины II в России началась подготовка 60-тысячного экспедиционного корпуса для действий против Франции в Европе. Однако смерть императрицы задержала русские войска дома на несколько лет.

В 1795 г. французские войска вторглись на территорию Нидерландов. На оккупированной территории была провозглашена т.н. Батавская республика, с которой Франция заключила союзный договор.

Согласно этому документу, оккупанты получили 100 млн флоринов контрибуции и разместили на территории союзного государства свой 25-тысячный экспедиционный корпус. В октябре того же года Франция аннексировала южные провинции Нидерландов (будущая территория Бельгии). Эти действия привели в 1798 г. к восстанию населения аннексированных провинций, жестоко подавленному французскими войсками.

В 1796 г. Франция нанесла сокрушительный удар по Австрии и Пьемонту. Главные силы французов были сосредоточены на Рейне. Они должны были вторгнуться в южную Германию и двигаться по направлению к Вене. Однако Рейнская армия под командованием генерала Жана Виктора Моро была разбита. Исход военной кампании, вопреки ожиданию, решила армия, действовавшая в Северной Италии. Ею командовал молодой генерал Наполеон Бонапарт. Именно тогда впервые и проявился его полководческий талант. В течение нескольких недель Бонапарт разгромил выдвинутые против него силы австрийцев и пьемонтцев и уже в мае заставил Пьемонт заключить с Францией мир. Затем его войска заняли всю Северную Италию вплоть до Венеции на востоке и папских владений на юге. На оккупированной территории были образованы марионеточные государства: Цизальпинская (т.е. расположенная «по эту сторону» Альпийских гор) и Лигурийская (бывшая Генуэзская) республики. В конце концов, Австрия сложила оружие и в октябре 1797 г. подписала с Францией мирный договор близ местечка Кампоформио. Она признала французские завоевания на левом берегу Рейна, в Северной Италии, в Нидерландах, а также на Ионических островах Средиземного моря, включая остров Корфу. Границей с Францией был признан левый берег Рейна. Спустя несколько месяцев после подписания этого соглашения в апреле 1798 г., французы заняли Швейцарию. Она была расчленена и частично аннексирована. Из оставшихся кантонов была создана союзная Франции Гельветическая республика.

Эти победы вскружили голову и Бонапарту, и Директории, которые решили поставить на колени последнего еще не сложившего оружия противника в Европе — Великобританию. Было решено нанести удар по «владычице морей» там, где она менее всего ожидала — в Египте. Формально Египет находился под властью мамлюкских султанов, которые, в свою очередь, подчинялись верховной власти Османской империи. Но через египетские земли шел кратчайший путь из Европы к сердцу британской колониальной империи — Индии. Завоевав его, Франция надеялась не только угрожать британским владениям в Южной Азии, но и компенсировать свои потери, в том числе и колониальные, в войнах XVIII в.

19 мая 1798 г. французский флот, имея на борту 40 000 солдат, вышел из Тулона. По пути французы захватили остров Мальту, которым

владели рыцари-иоанниты, наследники военно-духовного рыцарского ордена Святого Иоанна Иерусалимского, более известные ныне как мальтийские рыцари. Хорошо осведомленный о положении устава Ордена, согласно которому мальтийские братья во Христе не имеют права поднимать руку на христиан, Наполеон бросил якоря своего флота в бухте Валетты, сошел на берег и 12 июня 1798 г. заставил мальтийцев подписать Конвенцию, согласно которой Мальта переходила под суверенитет Франции.

Мальтийский орден изначально к острову Мальта не имел никакого отношения. Он возник в 1180 г. в Иерусалиме накануне эпохи Крестовых походов вокруг странноприимного дома, учрежденного купцами итальянского города Амальфи. В ходе Первого Крестового похода эта организация превратилась в монашеский духовно-рыцарский орден со всеми присущими подобным объединениям атрибутами. Братья-рыцари и братья-сержанты принимали активное участие в боевых операциях крестоносцев на Ближнем Востоке вплоть до падения образованного крестоносцами Иерусалимского королевства в 1291 г.

После изгнания из Палестины госпитальеры сначала обосновались в городе Лимасол на Кипре, а в 1309 г. захватили остров Родос у Византии и сделали его орденским государством. Тогда же они стали именовать себя родосскими рыцарями. После падения Константинополя в 1453 г. и до конца XVIII в. иоанниты, по сути, оставались единственной реальной силой, которая противостояла турецкой экспансии на море. В 1523 г. турки все же выбили их с Родоса, и в 1530 г. рыцари с разрешения короля Испании Карла V, заняли Мальту[1]. Тогда-то и возникло название Мальтийский орден. Турки предприняли ряд попыток выбить мальтийских рыцарей и с нового места их дислокации, однако же добиться этой цели не смогли. Первое сражение у берегов Мальты, закончившееся поражением турок, состоялось в 1551 г. В 1565 г. братья-рыцари общим числом 700 человек, имея под командой 7000 солдат, выдержали осаду стотысячной турецкой армии и флота. В 1571 г. флот ордена в составе испано-венецианской коалиции нанес поражение турецкому флоту при Лепанто. Причем, огромный вклад в разгром турок внесла галерная флотилия, действовавшая под командованием мальтийских братьев.

В конце XVII в. Орден стал независимой державой с собственным флотом. Правда, когда граница между Османской империей и европейскими государствами стабилизировалась, Мальтийский орден утратил основной стимул своего существования. Начался упадок ордена. В это время на Мальте была учреждена лучшая в мире морская академия. Многие правители отправляли своих сыновей проходить там курс

[1] Согласно заключенному договору, мальтийские рыцари выплачивали Карлу V ежегодную символическую дань — одного мальтийского сокола в год.

обучения. Монархи европейских стран брали к себе на службу адмиралов и капитанов Мальтийской академии. Однако же при этом хроники морской истории Средиземноморья XVII века пестрят сообщениями о пиратах и корсарах, некоторые из которых кичились принадлежностью к мальтийским рыцарям.

Первые русские гардемарины появились на Мальте после решения Петра Великого об организации собственного российского флота. В 1764 г. несколько мальтийских рыцарей были приняты на русскую службу для организации в России галерного флота. Екатерина II во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. пробовала даже привлечь Мальту к борьбе с турками, но тогда мальтийцы предпочли не связывать себе руки союзом с Россией. Известно, что историей Мальтийского ордена в молодости увлекался и наследник престола Павел Петрович. В 1776 г. он даже учредил на Каменном острове в Санкт-Петербурге инвалидный дом в честь ордена: над входом в него красовался мальтийский крест.

Великая Французская революция тяжело отразилась на материальном положении Мальтийского ордена. Декретом 1792 г. была конфискована вся его собственность во Франции, а затем действие декрета было распространено и на другие страны Европы, оккупированные французскими войсками. В надежде защититься от захватчиков Капитул ордена еще в августе 1797 г. учредил новое великое приорство (особую провинцию) в России, а 16 декабря того же года избрал великим магистром российского императора Павла I. И это был своего рода исторический нонсенс. Русский император не только не принимал монашеских обетов, но был даже не католиком, а православным. К тому же по уставу духовных рыцарских орденов, их верховным главой является Папа Римский. Сложно себе представить, что, принимая на себя бремя главы Мальтийского ордена, Павел собирался согласовывать свои действия со Святым Престолом. Да и российские законы никоим образом не регламентировали возможность русского православного императора возглавлять католический монашеский орден.

Вместе со знаками магистерского достоинства Павлу I были переданы главные реликвии Мальтийского ордена[1]. Это были: ковчег с десницей Святого Иоанна Крестителя, частица древа Животворящего креста Господня и икона Филермской Богоматери — Одигитрии.

---

[1] Не в последнюю очередь благодаря книге известного советского писателя-фантаста Е. Парнова «Ларец Марии Медичи», по мотивам которой киностудия им. А. М. Горького выпустила одноименный фильм, вот уже несколько поколений наших сограждан априорно уверены, что, перебравшись в Россию, иоанниты привезли сюда львиную долю своих несметных сокровищ, накопленных ими со времен Крестовых походов. На самом деле все ликвидное имущество Мальтийского ордена было реквизировано Наполеоном для обращения его в финансовые средства на поддержку Египетской экспедиции.

Когда Наполеон захватил Мальту, рыцарям дали всего три дня, чтобы покинуть остров. И они отбыли в Россию. Резиденцией Капитула ордена в Санкт-Петербурге стал бывший Воронцовский дворец на Большой Садовой улице. Для его обустройства под нужды ордена, придворный архитектор Джакомо Кваренги пристроил к его главному корпусу католическую часовню (капеллу), которая была освящена 17 июня 1800 г. После отъезда Мальтийского ордена из России в Воронцовском дворце разместился Его Величества Пажеский корпус — одно из самых привилегированных учебных заведений царской России, а Мальтийская капелла была превращена в православную церковь. От мальтийцев русские пажи унаследовали заповеди братьев-рыцарей, а также отличительный знак. Маленький мальтийский крестик выдавался всем выпускникам этого учебного заведения.

Знак Мальтийского ордена в русском приорстве — знаменитый мальтийский крест — остался без изменений. Более того, Павел I даже ввел его изображение в государственный герб России. Мальтийский крест был также введен в систему наград Российской империи. Он официально именовался орденом Святого Иоанна Иерусалимского и им награждались представители российского потомственного дворянства за военную и гражданскую службу. Знаки ордена были трех степеней. Предусматривались и женские награды. Для них были установлены две степени — Большой и Малый кресты. Кроме того, мальтийские кресты стали отличительным знаком Лейб-гвардии Кавалергардского полка.

По инициативе Павла I начались сложные переговоры с англичанами о судьбе Мальты после изгнания оттуда французов. Однако, несмотря на обещания, когда 5 сентября 1800 г. французский гарнизон Мальты капитулировал, англичане не пошли навстречу пожеланиям Великого магистра Мальтийского ордена и не допустили рыцарей обратно на остров. Забегая вперед, могу сказать, что это обстоятельство стало одной из веских причин, по которой Павел рассорился с Англией и решил заключить союз с Наполеоном. Несмотря на то, что в 1802 г. его суверенные права на остров были подтверждены Амьенским договором, на Мальту члены ордена Святого Иоанна Иерусалимского так и не вернулись. В конце концов после десятилетий скитаний Орден в 1834 г. осел в Риме, где ему сегодня на правах экстерриториальной собственности принадлежит несколько дворцов и вилл. В 1998 г. Правительство Мальты передало Мальтийскому ордену в долгосрочную аренду на условиях экстерриториальности один из фортов, расположенных на острове — Сен-Анжело. Между прочим, орденские власти даже назначили туда губернатора, хотя распоряжается он, по сути, одной скалой.

После смерти отца новый император Александр I отказался быть Великим магистром Мальтийского ордена, оставив себе лишь звание

Протектора. 18 апреля 1801 г. Великий магистр был исключен из титула российского императора, а 26 апреля того же года именным указом императора мальтийский крест был изъят и из герба Российской империи. В 1817 г. был упразднен и российский орден Святого Иоанна Иерусалимского.

Реликвии Мальтийского ордена остались в России, однако же из-за перипетий отечественной истории ныне хранятся за ее пределами. Их послереволюционная судьба вполне могла бы стать сюжетом для приключенческого романа. Осенью 1917 г. все предметы религиозного культа из Зимнего дворца, включая святыни с Мальты, были перевезены в Архангельский собор Московского Кремля. Однако менее чем через год, в августе 1918 г. с благословения Святейшего патриарха Тихона они, вместе с некоторыми другими предметами, перевозятся обратно в Петроград, а оттуда — в Гатчину. Разбитые под Петроградом отступавшие войска белогвардейского генерала Юденича забрали их с собой в Эстонию. Какое-то время реликвии находились в кафедральном православном соборе в Таллине, но затем были перевезены в Данию и переданы вдовствующей императрице Марии Федоровне. После ее кончины святыни оказались вначале в Берлине, где великие княгини Ксения и Ольга передали их главе Русской Православной Церкви заграницей Митрополиту Антонию (Храповицкому). Затем они обнаружились у короля Георга II Греческого, который передал их югославскому королю Александру Карагеоргиевичу. В Белграде они хранились в специальной часовне в королевском дворце. После оккупации Югославии войсками Гитлера и Муссолини в 1941 г. король Петр II Карагеоргиевич перед тем, как покинуть страну успел отправить их в один из дальних монастырей. Считалось, что следы мальтийских реликвий затерялись окончательно. Однако уже в период социалистической Югославии они были обнаружены в православном Острижском монастыре в Черногории и переданы на государственное хранение в музей города Цетинье, где и находятся до сих пор.

Но вернемся в 1798 г. После Мальты Наполеон высадился в Египте и 21 июля разбил армию мамлюков в знаменитой битве у пирамид. Победа при пирамидах не на шутку встревожила все без исключения великие европейские державы, равно как и Османскую империю, во владениях которой и разворачивались все эти события. Английский флот в Средиземном море блокировал французскую эскадру у Абукира и 2 августа уничтожил ее. Это предопределило неудачу похода французских войск в Сирию, куда они направились после завоевания Египта.

Как только армия Бонапарта высадилась в Египте, Османская империя объявила войну Франции и обратилась к России с просьбой о помощи. 25 июля 1798 г., еще до официального объявления о союзе с Портой, последовал высочайший приказ адмиралу Ф. Ф. Ушакову «немедленно отправиться в крейсерство около Дарданелл,

послав предварительно авизу[1] из легких судов» к русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре. Дальше Ушакову предлагалось ждать извещения посланника о том, что Порта просит русской помощи против французов, а, получив его, пройти через Босфор и действовать совместно с турецким флотом против французов.

Уже 24 августа 1798 г. русская эскадра прошла Дарданеллы и день спустя бросила якоря в бухте Золотой Рог перед Буюкдере. На следующий день султан прислал к Ушакову драгомана адмиралтейства с изъявлением полного своего благорасположения и бриллиантовой табакеркой в подарок. 28 августа состоялась первая конференция Ушакова с представителями Порты. Турецкие власти согласились выделить под верховное командование Ушакова 4 линейных корабля, 10 фрегатов и около 30 кораблей сопровождения. Объединенная русско-турецкая эскадра должна была направиться к Морейскому архипелагу, а оттуда — прямо к Ионическим островам, где предполагалась встреча с французскими оккупационными силами.

Доложив о достигнутых договоренностях в Санкт-Петербург, Ушаков получил директиву, согласно которой пределы действий эскадры ограничивались районом Египта, Крита, Мореи и Венецианского залива, «смотря по нужде и обстоятельствам». В зависимости от последних предлагалось также оказывать содействие находящейся в Средиземном море английской эскадре.

В ряде последующих совещаний, кроме русских (Ушакова и Томары) и турок (великого визиря, рейс-эффенди и др.), принял участие также английский представитель Спенсер Смит. Ушаков, судя по всему, ставил себе в этих совещаниях две цели: во-первых, получить в возможно лучшем виде вспомогательную турецкую эскадру; во-вторых, все же не брать на себя точных обязательств, в случае успешного изгнания французов присоединить Ионические острова к владениям султана, которому они вовсе не принадлежали, но который очень хотел их получить. И то, и другое Ушакову удалось. Он получил под свое командование турецкую эскадру, а насчет Ионических островов ничем определенным не обязался. Турция получала лишь совместный с Россией протекторат над островами, да и то временный.

По итогам этих переговоров Ушаков вдобавок добился обязательства турецких властей снабжать русский флот продовольствием и в случае надобности материалами для ремонта судов. Затем командующий флотом со своими офицерами осмотрел турецкие корабли. С чисто технической стороны эти суда произвели на него благоприятное впечатление, однако же нашлись изъяны в подготовке и комплектовании экипажей. Как сообщал Ушаков русскому посланнику

[1] Авизо — класс легких быстроходных военных судов XVII–XIX вв., использовавшихся для разведки или в посыльных целях.

в Константинополе, «экипаж турецкий был очень плох, набирались люди из невольников и просто с улицы, часто насильственным путем и по окончании похода снова выгонялись на улицу. Нет ни малейшей выучки у офицеров, нет карт, нет приборов, даже компас бывает лишь на одном адмиральском корабле. Медицинского обслуживания нет вовсе: какой-то беглый русский солдат Кондратий сделался из коновала главным штаб-лекарем на турецком флоте».

Ионические острова, бывшие целью русско-турецкой экспедиции, с давних пор именуемые также «Семь островов», включали в себя следующие острова: Корфу, Кефалония, Св. Мавра, Итака, Занте, Цериго, Паксо. Ряд других, более мелких островов[1], тоже входящих в этот архипелаг, очень редко упоминаются в документах.

28 сентября 1798 г. Ушаков подошел к острову Цериго. На берег был высажен десант, который занял крепость Св. Николая. Французы укрылись в крепости Капсала. 1 октября она подверглась комбинированной атаке со стороны десанта, поддержанного артиллерийским огнем с трех русских фрегатов. Французы сопротивлялись упорно, но не очень долго. Через несколько часов гарнизон капитулировал. По приказу Ушакова пленных отпустили под честное слово не сражаться в эту войну против России. Им было позволено выехать в итальянский порт Анкона на берегу Адриатического моря, занятый тогда французским гарнизоном, или в Марсель.

13 октября 1798 г. союзная эскадра появилась на траверзе острова Занте. Здесь французский гарнизон засел в крепости на крутой горе и, кроме того, выстроил несколько батарей на берегу. Ушаков приказал капитан-лейтенанту И.А. Шостаку разгромить батареи и высадить десант. Для этой операции были выделены два фрегата и гребные суда. После оживленной перестрелки Шостак подавил батареи и начал высадку десанта. Жители острова толпами стали сбегаться к берегу, восторженно приветствуя русские войска. Произошло, правда, некоторое замешательство, когда вместе с русскими стали высаживаться и турки, потому что греки боялись их еще больше, чем французов. Но уже очень скоро они поняли, что главой предприятия является Ушаков, и успокоились. После этого Шостак отправил во французскую цитадель парламентера с требованием сдаться. Взяв время на некоторое раздумье, комендант крепости полковник Лукас изъявил желание договориться.

Переговоры проходили поздно вечером в тот же день в доме одного из старшин города, грека Макри. Шостак обещал французскому коменданту почетную сдачу крепости с воинскими почестями. Оружие должно было быть сдано полностью. Имущество у французов было обещано не отнимать, но они должны были возвратить все награбленное

[1] Речь идет об островах Фано, Каламо, Меганисси, Касперо, Цериготто, Антипаксо и группе мелких островков Строфады.

у населения. Русские обязались не преследовать тех греков, кто стал в свое время на сторону французов. На следующий день над Заной был поднят русский флаг. В конце концов, пленные были отправлены в Константинополь, а восемнадцати семейным офицерам Ушаков разрешил выехать с семьями в Анкону.

Еще до ухода от берегов Занте адмирал получил известие, что отправленный им для овладения островом Кефалония капитан 2 ранга И. С. Поскочин успешно выполнил поручение. Когда русские корабли показались на горизонте, жители Кефалонии подняли мятеж против оккупантов. Гарнизон острова, оказавшись перед лицом русских пушек с одной стороны и восставших греков с другой, бросив береговые укрепления, попытался укрыться в крепости. Но не успел. Восставшие жители острова и русский десант перехватили их на пути к цитадели. Остров был освобожден 17 октября 1798 г. После краткой остановки на Кефалонии Ушаков отбыл в направлении острова Корфу.

Уже в пути он получил известие, которое заставило его внезапно изменить курс в направлении острова Св. Мавры. Направленный к этому острову небольшой отряд кораблей под командованием капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина, извещал, что французский гарнизон намерен серьезно сопротивляться, имеет сильную артиллерию и засел в крепости очень хорошо защищенной со всех сторон. Кроме того, внезапно возникло очень неприятное осложнение: Али-паша Янинский — наместник Порты и фактически самостоятельный властитель части Эпира и Албании — вошел в тайные сношения с французским комендантом острова полковником Миолеттом, обещая последнему за сдачу 30 000 червонцев и немедленное отправление всего французского гарнизона в Анкону или любой другой порт, находящийся во власти Франции. Одновременно Али-паша подослал лазутчиков к влиятельным жителям острова, обещая им полную безопасность и всякие блага. Ушаков решил во что бы то ни стало как можно скорее овладеть островом.

Еще до прибытия Ушакова Сенявин высадился на берегу острова Св. Мавры и на близлежащий албанский берег, установил там батареи и начал обстрел крепости. Поскольку помощи французскому гарнизону ждать в сложившихся условиях было неоткуда, то его положение становилось безвыходным. Если до десанта Сенявина еще можно было рассчитывать уйти с острова на судах, которые обещал дать Али-паша, то теперь, когда русские уже высадились и бомбардировали крепость, о реальной помощи со стороны Янинского паши нечего было и думать.

Французы дали знать, что они согласны сдаться, если Ушаков их отправит в Анкону на своих судах. Но адмирал категорически отказался. Осада продолжилась. К Сенявину явились «старшины» острова, заявившие, что они собрали 8000 вооруженных добровольцев и просят позволения принять участие в готовящемся штурме крепости. Но до штурма дело не дошло. 1 ноября над французской цитаделью был

поднят белый флаг. Гарнизон в составе 46 офицеров и 466 солдат капитулировал. В крепости было взято 2 знамени, 59 пушек, много боевых запасов и провизии.

9 ноября 1798 г. эскадра Ушакова прибыла к острову Корфу и стала на якоря в бухте Мисанги. Столица острова — город Керкира считался главной базой французского флота в регионе. Его гарнизон был не в пример больше, да к тому же его крепостные укрепления были гораздо мощнее всего того, что союзному флоту приходилось штурмовать до этого. В момент прибытия русских к Корфу французских солдат на острове числилось около 3000 человек. Они обороняли две крепости на острове Корфу и одну на маленьком близлежащем островке Видо. Вооружение у французов было достаточное, провианта же было запасено на продолжительный срок. Командовавший французским гарнизоном генерал Шабо — человек храбрый и решительный.

Русская и турецкая части эскадры расположились полукругом по внешнюю сторону острова Видо, причем русские корабли заняли фланги этой линии и находились против старой и новой крепостей. Но что было делать дальше? Сил для штурма крепостных укреплений у Ушакова было совершенно недостаточно. Часть эскадры была им направлена к порту Гуино, находившемуся в нескольких километрах от крепости, и здесь была произведена первая высадка русского десанта. Поскольку французский гарнизон предпочитал отсиживаться за крепостными стенами, высадка совершилась благополучно. В Гуино и в окрестностях местное население приняло русских не менее радушно, чем на других греческих островах. Самый город был разрушен французами основательно перед отходом в крепость, но все же русские моряки в течение своей долгой стоянки неплохо проводили здесь время. Греки и итальянцы относились к русским доброжелательно.

О том, чтобы заставить Ушакова снять блокаду, французы, конечно, и думать не могли, но осада затягивалась, так как для штурма ее не хватало десантных войск. Поэтому-то Ушакову и пришлось пойти на трудный и неприятный шаг — обратиться за помощью к Али-паше. Сначала переговоры шли, по-видимому, не очень гладко. Али-паша, отчаявшись в возможности утвердиться на каком-либо из Ионических островов, требовал, чтобы Ушаков после взятия Корфу выдал ему в награду за помощь половину французской артиллерии и все мелкие французские суда, стоявшие на рейде. В конце концов он согласился в качестве помощи прислать Ушакову 3000 албанцев, слывших во всем восточном Средиземноморье отъявленными головорезами и пиратами. Правда, по факту их под знамена Ушакова прибыло на 500 человек меньше, но это все же была какая-никакая помощь. Сам Али-паша прибыл на Корфу вместе с ними.

С прибытием присланного Али-пашой албанского отряда, а также небольших отрядов других пашей, командующий объединенной

эскадрой ускорил приготовления к штурму. Всего у Ф. Ушакова было в наличии: 4250 человек «албанцев», кроме того, на кораблях русской эскадры насчитывалось около 1700 морских гренадер Черноморских и Балтийских морских батальонов. Было принято решение использовать во время штурма часть команд кораблей, которые проходили для этого соответствующую подготовку. Около 2000 солдат было получено от греков-повстанцев на острове. Ушаков велел усилить бомбардировку крепостных укреплений.

Пока шли эти приготовления, 3 января 1799 г. русско-турецкие переговоры в Константинополе завершились подписанием союзного договора. Главные обязательства обеих сторон (России — направить для обороны Турции эскадру военных кораблей, Турции — на время войны с Францией разрешить свободный проход русского военного флота через Босфор) к этому времени были уже выполнены. Этот договор был юридическим выражением новых отношений между Россией и Османской империей. Россия теперь выступала отчасти в роли спасительницы, а отчасти и покровительницы Порты, в то время как Франция — в прошлом ее традиционный союзник — стала врагом. Договор был подписан на 8 лет. Обе стороны в качестве общей цели провозглашали обеспечение целостности своих владений, а также сохранение спокойствия, безопасности и политического равновесия между странами. Предусматривалось также, что, в случае если Франция усилит «неприязненные действия» против Турции, Россия пошлет на помощь Турции 75–80-тысячный корпус, расходы на содержание которого после перехода через Днестр возлагались на Порту. К русско-турецкому союзному договору присоединилась Англия. Таким образом, на Ближнем Востоке был создан мощный антифранцузский блок трех держав. Вскоре он дополнился еще и Неаполитанским королевством.

Но вернемся на Корфу. На военном совете 17 февраля 1799 г., был разработан план операции. Было принято решение силами корабельной артиллерии подавить береговые батареи противника и высадить десант на остров Видо — ключ к обороне Корфу. 18 февраля в семь часов утра корабли флота заняли свои места согласно диспозиции. Против каждой из пяти батарей противника действовала заранее определенная группа кораблей, которые должны были сломить их сопротивление и тем обеспечить высадку десанта. Французы энергично и упорно сопротивлялись. Пользуясь близостью русских кораблей, подошедших к берегу на дистанцию картечного выстрела, противник попытался стрелять каленными ядрами с целью вызывать на кораблях пожары, однако под массированным ответным огнем французы вынуждены были отказаться от этого сравнительно медленного способа стрельбы и перейти на обыкновенные ядра.

Поддержку острову Видо попытались оказать французский линейный корабль «Леандр» и фрегат «Ла-Брюн», но, получив повреждения,

они были вынуждены отойти под защиту батарей Корфу. В 11 часов на Видо с двух сторон был высажен десант в количестве 2160 человек. После двухчасового боя остров был взят. Из 800 человек, его оборонявших, 200 человек было убито, в плен было взято 402 солдата, 20 офицеров и комендант острова бригадный генерал Пиврон. Около 150 солдат гарнизона смогли вплавь добраться до Корфу. Русские потери составили 31 человек убитыми и 100 ранеными.

Оставалось овладеть еще двумя крепостями на самом острове Корфу — Старой и Новой — с их мощными бастионами. Расположившиеся на захваченном острове русские батареи открыли огонь по укреплениям обеих крепостей. Их поддержали пушки у деревни Мандуккио и с холма Святого Пантелеймона, а также корабли эскадры. Затем начался штурм. Албанцы, русские войска, усиленные десантом с кораблей, решительно атаковали укрепление бастиона Св. Рока и, преодолев рвы, при помощи штурмовых лестниц ворвались внутрь. Поняв невозможность противостоять стремительной атаке, французы, заклепав пушки и взорвав погреба, отступили на бастион Св. Сальвадора, где намеревались организовать упорную оборону. Однако, ворвавшиеся на их плечах солдаты и матросы быстро сломили их сопротивление, и через полчаса в результате ожесточенной рукопашной схватки французы в беспорядке бежали и отсюда. Та же участь постигла и укрепление Св. Авраама. Через полтора часа после начала штурма все передовые укрепления Новой крепости были в руках русских.

С штурмом бастиона Св. Рока связана одна занятная история. Дело в том, что накануне начала штурма, чтобы мотивировать албанцев, которые должны были идти на приступ впереди русских штурмовых рот, Ушаков посулил им по 10 червонцев за голову каждого француза. Адмирал, безусловно, имел в виду «каждого пленного француза», но албанцы поняли это буквально. Поэтому, когда они ворвались на бастион, то вместо того, чтобы брать в плен сдававшегося неприятеля и продолжать атаку, стали резать всех, попадавшихся им под руку французских солдат. Увидев это, русские морские гренадеры, которые следующей волной ворвались в крепость, вынуждены были построиться каре вокруг пленных и обезумевших от страха французов и отбивать яростные атаки союзников, пока их подоспевшие командиры не навели должный порядок.

На 19 февраля был назначен штурм цитаделей старой и новой крепостей, но утром неприятель прислал парламентеров для обсуждения условий капитуляции. После переговоров 20 февраля 1799 г. она была принята на почетных условиях. Согласно достигнутым договоренностям, французы могли покинуть остров с обещанием не участвовать в боевых действиях в течение 18 месяцев.

Взятие Корфу завершило освобождение Ионических островов из-под власти французов, что имело большое военно-политическое

(затем его сменил Моро), имевшая в своем составе 58 000 солдат, половина которых была разбросана гарнизонами в крепостях. В Южной Италии располагалась вторая французская армия (Неаполитанская) под началом генерала Жака Макдональда — 34 000 человек. Еще около 25 000 солдат стояли гарнизонами в различных пунктах и городах Ломбардии, Пьемонта и Генуэзской области.

Чтобы упредить прибытие русских войск на помощь австрийцам, Директория приказала Шереру начать наступление, форсировать реку Адиджу в районе Вероны и оттеснить противника за Бренту и Пьяве. В марте 1799 г. французские войска форсировали реку Минчио. Генерал Шерер полагал, что основные силы австрийской армии расположены на левом фланге, между Вероной и Гардским озером. Он планировал сначала разбить противника, а затем уже форсировать Адиджу. В результате он распылил свои силы: направил дивизию Монришара к Леньяго, двинул Моро с двумя дивизиями против Вероны, а сам с тремя дивизиями двинулся против укрепленного лагеря при Пастренго. Со своей стороны, Край, считая, что главные силы Шерера направятся к Вероне, собрал большую часть своих войск к центру и левому своему флангу.

В итоге французские войска были распылены, имели плохую связь, а австрийцы, наоборот, сконцентрировали основные силы. Это привело к стратегическому поражению французов. Но тем не менее, их главные силы легко овладели укрепленным австрийским лагерем при Пастренго и заставили врага отступить в беспорядке на левую сторону реки Адиджа с потерей 1500 человек пленными и 12 орудий. Но Шерер не мог форсировать Адиджу и идти на Пьяве, так как надо было штурмовать Верону, что требовало времени, а ее обход по горам был почти невозможен из-за отсутствия хороших коммуникаций. Австрийцы же легко опрокинули дивизию Монришара, и французы вынуждены были отступить в сторону Мантуи. Генерал Моро, в центре, вступил в бои с австрийскими войсками у Сан-Массимо, и устоял.

Французский главнокомандующий снова распылил силы: на левую сторону Адиджы направил дивизию Серюрье, чтобы отвлечь внимание противника, а сам с главными силами решился переправиться через Адиджу у Ронко и выйти на сообщения австрийской армии. В это время Край с главными силами австрийской армии шел от Вероны вверх по левому берегу реки, атаковал и разбил дивизию Серюрье. 25 марта 1799 г. армия Края разбила войска Шерера в сражение при Вероне (или Маньяно). Французы потеряли до 4 000 человек убитыми и ранеными, столько же пленными, и 25 орудий. Потери австрийской армии также были тяжелыми — около 4 000 убитыми и ранеными, 1900 человек пленными. Разбитая французская армия отступила за реку Минчио, оставив гарнизоны в крепостях Мантуя и Пескьера.

Итальянский поход русской армии начался в начале марта 1799 г. Русские войска быстрыми маршами двинулись в Италию, и 7 апреля колонна генерала Я. И. Повало-Швейковского соединилась на реке Минчио с австрийской армией. 3 апреля 1799 г. Суворов прибыл в Верону, где был хорошо встречен местными жителями. 4 апреля он был уже в Валеджо, где располагалась главная квартира австрийской армии. Здесь Суворов поблагодарил генерала Края, заявив, что его действия открыли путь к победе. Также фельдмаршал издал воззвание к итальянским народам, побуждая их восстать против французов для защиты веры и законного правительства. До 7 апреля русский полководец пробыл в Валеджо, ожидая подхода корпуса генерала А. Г. Розенберга и одновременно обучая австрийских офицеров своей тактике.

Имея под своим началом около 50 000 союзных войск, Суворов решил перейти в решительное наступление, не считаясь с инструкциями верховного австрийского командования. Начальник штаба союзной армии маркиз Шателер предлагал сначала провести разведку. Суворов ответил решительным отказом. «Колонны, штыки, натиск — вот мои рекогносцировки», — заявил он.

С прибытием в Валеджо дивизии Повало-Швейковского войска Суворова выступили в поход, проходя в день по 28 верст. 10 апреля отряду генерала Края, шедшего в составе авангарда генерала П. И. Багратиона, после незначительной перестрелки сдалась крепость Брешиа. Было захвачено в плен около тысячи человек и 46 орудий. На генерала Края с его отрядом была возложена осада крепостей на Минчио. 13 апреля русские казаки с налета взяли Бергамо. Французские войска отступили за реку Адда. 15–17 апреля 1799 г. русско-австрийская и французская армии сошлись в сражении на реке Адда.

Пьемонтская армия генерала Шерера численностью 28 000 человек была рассредоточена по правому берегу Адды от озера Комо до ее впадения в реку По. Адда представляла собой сильную естественную преграду, но Суворов принял решение форсировать реку, учитывая численное превосходство своих сил и ошибочную расстановку сил противника: не зная точного места переправы, французы растянули линию обороны почти на 50 км.

15 апреля генерал Шерер был сменен на посту командующего армией генералом Жаном Виктором Моро, одним из наиболее талантливых полководцев Франции. Пытаясь исправить ошибку своего предшественника, он начал стягивать силы армии с флангов к центральному участку обороняемого рубежа. Но было уже поздно. 16 апреля русско-австрийские войска на широком фронте форсировали Адду и нанесли тяжелое поражение противнику. Французы потеряли 27 орудий, 2500 человек убитыми и ранеными и 5000 пленными. Потери союзников составили 2000 убитыми и ранеными. Генерал Моро спешно

отступил за реку Тичино. Войска Суворова 17 апреля заняли Милан — столицу провинции Ломбардия.

В Милане Суворов дал трехдневный отдых своим войскам, а сам составлял план дальнейшей кампании. 20 апреля он отправил план в Вену. Первая часть плана относилась к действиям самого Суворова на Итальянском театре военных действий. Неправильные данные разведки, имевшиеся у командующего, говорили о подходе в ближайшее время войск Макдональда (что не соответствовало действительности), а также содержали неправильную информацию о потерях армии Моро и утрате ею должной боеспособности. Считая, таким образом, Макдональда своим основным противником, Суворов решил с главными силами идти ему навстречу на правый берег реки По, а войскам генерала Края ставилась задача овладеть крепостью Мантуя. Против Моро выдвигались лишь небольшие заслоны.

Вторая часть плана касалась ведения войны в целом. В ней Суворов отстаивал свою прежнюю идею нанесения Франции решительного удара более мощным наступлением на ее жизненные центры. Он считал необходимым, чтобы другие группировки союзных войск своим охватывающим наступлением нанесли поражение Швейцарской армии генерала Массены. В дальнейшем план предполагал совместное наступление Итальянской и Тирольской армий союзников через Альпы севернее Женевского озера с выходом в глубь Франции.

Суворов приступил к реализации своего плана, не дожидаясь известий из Вены. 20 апреля он направил главные силы на правый берег По. Но развить дальше это наступление ему не пришлось, поскольку вскоре выяснилось, что Макдональд продолжает оставаться далеко на юге, а Моро сосредоточил свою армию между крепостями Валенца и Алессандрия — в треугольнике, образуемом слиянием рек По и Танаро. Тогда Суворов до полного выяснения обстановки решил занять положение между французскими армиями на обоих берегах По, в районе Тортона — Павия, с тем, чтобы при необходимости можно было действовать против Моро или Макдональда.

15 мая армия Суворова овладела Турином — столицей Пьемонта. Этим завершалось выполнение основной политической задачи кампании — освобождения Северной Италии. В арсенале города союзники обнаружили 382 пушки, 15 мортир и 20 000 ружей. В Турине командующий, наконец, получил ответ из Вены. В нем император Франц II категорически отвергал основную часть суворовского плана. Наступление на правом берегу реки По не разрешалось. Только в виде исключения главнокомандующему дозволялось овладеть какой-нибудь крепостью, расположенной на правом берегу реки По «в недалеком от нее расстоянии». Вдогонку Суворов получил еще один рескрипт австрийского императора. В нем в категорической форме требовалось направить все усилия на овладение оставшимися у него в тылу крепостями, и прежде

всего Мантуей. Документ содержал также оскорбительный для фельдмаршала выговор за самоуправство и нарушение прежних указаний.

К концу мая обстановка на театре военных действий в северной Италии начала меняться в неблагоприятную для союзных сил сторону. Моро в третьей декаде мая сосредоточился в Генуэзской Ривьере с армией численностью до 26 000 человек. Макдональд со своими войсками около 29 000 человек к 18 мая прибыл в район Флоренция — Лукка. Теперь французы получили возможность соединить свои силы. По разработанному ими плану Макдональд должен был выступить сначала в направлении на Болонью — Модену, угрожая сообщениям союзников и осадному корпусу Края у Мантуи, а затем повернуть на запад и двигаться правым берегом реки По. Моро несколько позже должен был выйти к Тортоне, где, соединившись, французы рассчитывали захватить в клещи и разгромить войска союзников. Макдональд начал наступление 29 мая, а Моро должен был выступить 6 июня.

Союзные русско-австрийские войска к моменту выступления Макдональда занимали следующее положение: главные силы численностью 21 700 человек под командованием самого Суворова стояли в Турине; в районе Асти было две дивизии численностью около 8 000 штыков; третья группа союзных войск (18 600 человек) под командованием австрийского генерала Бельгарда занимала район Алессандрии, Акви, Тортоны и Нови. Осадный корпус Края (15 000 чел.) оставался у Мантуи. От него на правый берег реки По, к Модене, для наблюдения за французами с юга были выдвинуты отряды Гогенцоллерна и Кленау общей численностью 9 000 человек. И наконец, со стороны Швейцарии были поставлены заслоны союзников численностью около 16 000 человек. При таком расположении войска Суворова казались слишком разбросанными. Но это было не совсем так: в любой момент за два-три перехода командующий мог собрать большую часть своих сил в один кулак в любом угрожающем районе.

Войска Макдональда, согласно его плану, несколькими колоннами перешли через Апеннины и 1 июня атаковали у Модены отряд Гогенцоллерна. Разбитый наголову втрое превосходящими силами французов, последний отступил за реку По. Кленау в свою очередь отступил на восток, в направлении на Феррару. Продолжая выполнять задуманное, Макдональд повернул на запад и через Парму — Пьяченцу направился к Тортоне, присоединив к своей армии одну из дивизий Моро.

Узнав об этом, Суворов с русскими войсками и одним австрийским кавалерийским полком утром 30 мая выступил из Турина и в полдень 1 июня был в Алессандрии. Теперь в районе Лети –Алессандрия — Тортона фельдмаршал располагал 37 000 человек. Если к этому добавить части, не успевшие подойти из других районов, то общая численность союзных войск должна была возрасти до 50 000. Оставив 15-тысячный отряд в качестве заслона от возможных действий

Моро, Суворов с оставшимися войсками 4 июня вечером выступил навстречу Макдональду.

Сражение двух армий произошло на рубежах рек Тидоне и Треббии, оно длилось с 6 по 8 июня и получило название сражения при Треббии. Столкновение главных сил имело место 7 июня. К вечеру французы были отброшены за Треббию, но еще не разбиты. Однако к исходу следующего дня Макдональд понял невозможность продолжать сопротивление и отдал приказ к отходу. В ночь с 8 на 9 июня французы начали отступление. Их преследование велось до реки Адды, после чего Суворов с главными силами вернулся к Алессандрии.

За три дня боев при Треббии Макдональд потерял от 16 000 до 18 000 человек, из них более 12 000 — пленными. У французов было взято 6 орудий, большую часть их обоза пришлось уничтожить. Потери союзников, по донесениям Суворова, составляли; убитыми — 934 человека, ранеными — 4 000 человек. Пропали без вести около 500 солдат.

Разбитые при Треббии войска Макдональда в конце июня перешли через Аппенины и по прибрежной дороге прошли к Генуе. Обстановка после Треббии и соотношение сил противоборствующих сторон позволяли союзной армии наступлением на Генуэзскую Ривьеру довершить разгром французов и этим добиться полного освобождения Италии. После такого наступления Суворов считал необходимым пройти вдоль побережья Средиземного моря к Лиону, а оттуда начать движение на Париж. Однако эти планы не находили понимания в Вене, что обрекало вверенные ему войска к бездействию, длившемуся почти полтора месяца.

Освобождение всей Италии и большая кампания во Франции не были целью австрийского руководства. Императора Франца II более заботил вопрос закрепления за собой освобожденных Суворовым от французов североитальянских территорий. Одновременно он боялся усиления военного, а вслед за тем и политического влияния России в Европе. Также австрийского союзника беспокоили успехи русской морской эскадры в Средиземном море (об этом см. выше).

Австрийское верховное командование постоянно вмешивалось в прерогативы русского главнокомандующего, что вызывало у него закономерный протест. Суворов даже написал письмо Павлу I с прошением об отставке. Но Павел рассудил по-иному. Отставку он не принял, но в письме к императору Францу II он предупредил, что вмешательство гофкригсрата в руководство войсками, порученными Суворову, может привести к гибельным последствиям.

Пока шла эта переписка русские войска проводили локальные операции в северной Италии. Три месяца держал оборону от пятнадцатитысячного австрийского корпуса генерала Края французский гарнизон крепости Мантуя. Крепость имела стратегическое значение, так как через нее проходила дорога на генуэзскую ривьеру. Но 18 июля и она

капитулировала. Путь на Геную был открыт. Союзникам достались богатые трофеи: 685 орудий и целая флотилия канонерских лодок. Павел I отметил вклад Суворова в эти победы присвоением ему почетного титула князя Италийского.

Пока союзники праздновали победу, французская армия генерала Моро получила значительные подкрепления. Ее численность возросла до 43 000 человек. 24 июля в Геную прибыл молодой генерал Бартелеми Жубер, сменивший Моро. 1 августа французские войска вышли на равнину и заняли город Акви на реке Бормиди. 3 августа, имея под своими знаменами 34 000 штыков, Жубер подошел к городу Нови.

Здесь 4 августа 1799 г. состоялось ожесточенное сражение, получившее название битвы при Нови. Битва длилась 15 часов и по кровопролитности уступала лишь штурму Суворовым Измаила. Князь Рымникский с армией численностью в 30 000 человек подошел к Нови и атаковал французов. В ходе сражения Жубер был убит и командование вновь принял генерал Моро. Исход битвы решила жаркая штыковая схватка, которая окончилась беспорядочным отступлением французов. Потери союзников составили 8 000 человек, французы потеряли 10 000, при этом погибли командующий армией, а также дивизионный генерал Ватрен и бригадный генерал Гаро. Среди 4600 пленных французов оказалось еще 4 генерала.

Преследование обескровленного противника могло быстро привести к полному уничтожению французской армии. Именно такое решение принял Суворов и отдал приказ начать 4 августа преследование Моро. Однако затем последовал рескрипт императора Франца II, предписывающий Суворову отложить наступление на Генуэзскую Ривьеру без указания каких-либо причин. В связи с этим фельдмаршал отвел свои главные силы к Асти и расположился там лагерем в ожидании последующих указаний. В середине августа 1799 г. главнокомандующий получил рескрипты императоров Павла I и Франца II, извещавшие его о принятом ими новом плане дальнейшего ведения войны. Согласно этому плану, Суворов должен был с русскими войсками покинуть Италию и направиться в Швейцарию. Наступление на Геную отменялось, таким образом, окончательно. Итальянская кампания, во время которой победы Суворова высоко подняли авторитет русской армии, на этом была закончена.

Разработке нового плана военной кампании предшествовали русско-английские переговоры, закончившиеся заключением договора о посылке в Голландию смешанной русско-английской десантной экспедиции. Предполагалось соединить находившийся на марше в германских землях русский корпус генерала А. М. Римского-Корсакова численностью 27 000 человек, который двигался в северную часть Швейцарии, и италийскую армию Суворова. В то время в Швейцарии находились австрийские войска под командованием

эрцгерцога Карла Австрийского. Они должны были быть переброшены к голландской границе для поддержки планируемого русско-английского десанта. Павел I согласился на этот план, но поставил условием предварительное очищение Швейцарии от французов. Австрийский кабинет этого условия не выполнил.

29 августа 1799 г. австрийская армия начала отход из Швейцарии. Понимая, в какое отчаянное положение его уход ставит русские войска, эрцгерцог Карл под свою ответственность временно, до прибытия Суворова, оставил в Швейцарии 22-тысячный австрийский отряд под командованием генерала Фридриха фон Готце. У французов в Швейцарии сохранялось примерно полуторакратное превосходство в численности. Объединенные силы Римского-Корсакова и Готце насчитывали 36 000 человек против 60 000 человек французской армии генерала Андре Массены. Французское наступление было только вопросом времени.

Суворов скептически относился к плану, диктуемому ему обоими императорами. После тщетных попыток добиться его корректировки, он вынужден был подчиниться и отдать приказ о выступлении своей армии по направлению к Швейцарии. Так начался **Швейцарский поход русской армии.**

10 сентября войска Суворова выступили в поход. Двумя колоннами они выдвигались к подошве Сен-Готарда. С самого начала появились проблемы — австрийцы должны были подготовить вьючных животных, провиант и фураж. Но когда русская армия подошла к горам, выяснилось, что ничего не было сделано, пришлось потратить несколько дней на сбор недостающего продовольствия, фуража, амуниции. Учитывая, что весь поход длился 17 дней, потеря этого времени была очень важной.

12 сентября русские силы атаковали французские войска правого крыла, которые обороняли Сен-Готард, и долину реки Рейс, ими командовал генерал К. Ж. Лекурб. Непосредственно бой против русских войск вели бригада Гюдена (4,3 тыс. человек) и поддерживающая ее бригада Луазона (такой же численности). Русские заняли Сен-Готард. В это время А. Г. Розенберг (он командовал передовой колонной), начав движение на рассвете 13 сентября из Тавеча, шел по Рейской долине, тесня французские войска, и к вечеру отогнал их к деревне Урзерн.

14 сентября, после соединения с колонной Розенберга в Урзерне, Суворов направил на левый берег реки Рейс полк под командованием генерала Каменского. Его задачей было выйти в тыл противнику у Чертова моста. Полководец повел свои силы правым берегом на север, но встретил природные преграды — так называемую Урзернскую дыру и Чертов мост. Урзернская дыра представляла собой узкую и низкую галерею, которую пробили в обрамляющих Рейс скалах, длиной 64 метра и шириной, позволяющей пройти только одному человеку с поклажей.

Затем дорога круто спускалась к мосту — узкой каменной арке без перил двадцатиметровой длины, перекинутой через реку также на высоте около 20 метров. Но солдаты полковника Трубникова смогли обойти охраняемый французами тоннель по горам через ущелье и внезапным ударом разбили французский отряд. Тогда французы, находившиеся на противоположном берегу, стали разрушать мост. Но полностью его сломать они не успели, поскольку в тылу появились гренадеры Каменского. Русские солдаты разобрали находившийся поблизости сарай и бревнами закрыли провал. Первым, кто вступил на эту переправу, был офицер П. С. Мещерский-третий. Его сразил огонь французов, но остановить его солдат неприятель не смог. Под огнем противника они форсировали преграду и отбросили врага. Затем Чертов мост за несколько часов отремонтировали полностью, и по нему стали переправляться основные силы Суворова.

5 сентября уставшие, замерзшие и голодные русские части, согласно плану, прибыли в местечко Альтдорф. Там их ждали новые неприятности. Оказалось, что отсюда дальше дороги просто нет! Ее не уничтожили французы и не разрушила природная стихия — дороги никогда и не было, а австрийские союзники просто «забыли» проинформировать об этом Суворова. Швица, куда шла армия, можно было достичь лишь по Люцернскому озеру, но на нем французы уничтожили все плавсредства. Из Альтдорфа существовали только две дороги: из Шахенской долины к верховьям реки Линт и из Мадеранской долины к верховьям Рейна. Но ни та, ни другая дороги не вели к Швицу на соединение с корпусом Римского-Корсакова.

Положение было критическим. Правда, Суворов узнал о наличии двух горных троп, по которым в настоящее время можно ходить только с альпинистским снаряжением. Они вели через перевалы Роуз-Альп-Кульм (2172 м) и Кинциг-Кульм (2073 м) через снеговой хребет Рошток к деревне Мутен, а оттуда шла дорога к западу на Швиц. Это был тяжелый выбор: запасы провианта подходили к концу, обувь солдат — изношена, люди утомлены недельным маршем и боями в горах. Нужна была стальная воля, бесстрашие и уверенность в своих силах и людях — все это у Александра Васильевича было. Суворов принимает решение идти по кратчайшей тропе — 18 км через перевал Кинциг-Кульм.

С рассветом 16 сентября русская армия выступила в поход. С авангардом шел Багратион, за ним следовали части генералов Дерфельдена и Ауфенберга, потом вьюки. Тыл остался прикрывать Розенберг. И не зря. Части Розенберга в процессе перехода основных сил Суворова отразили два нападения французского корпуса Лекурба. Части Розенберга двумя колоннами вышли 17 и 18 сентября, и французы только утром 18 поняли, куда ушла армия Суворова.

Через 12 часов русский авангард вышел к деревне Мутен и без боя захватил французский пост (150 человек). К вечеру 17 подошел

и хвост армии. Последние части арьергарда Розенберга пришли в Мутенскую долину 18 сентября. В этот же день Суворов получил письменное донесение генерала Линкена о поражении четырьмя днями ранее корпуса Римского-Корсакова и австрийского отряда Хотце. Получилось, что, совершив беспримерный подвиг, армия оказалась на грани гибели или позорной сдачи в плен. Корпус Римского-Корсакова был в отчаянной двухдневной битве с превосходящими силами противника разбит.

Идти к Швицу, занятому главными французскими силами, было бессмысленно. Русская армия была окружена в Мутенской долине, один на один с превосходящими силами врага, с ограниченным количеством боеприпасов и продовольствия, измученная трудным переходом через горы. Суворов в трапезной женского францисканского монастыря Святого Иосифа провел военный совет. Там было принято решение пробиваться из окружения к местечку Гларус.

18 сентября армия двинулась: австрийская бригада Ауфенберга взошла на Брагельберг, сбила французские охранные подразделения и спустилась в Клентальскую долину, за ней двинулись части Багратиона, дивизия Швейковского и основные силы. Розенберг с 4 тысячами стоял у Мутена и прикрывал тылы.

Французы были воодушевлены своими успехами, и в войсках царили победные настроения. Массена планировал прочно запереть русскую армию в долине, а затем вынудить к сдаче. Часть французских сил была направлена к выходу из Клентальской долины. Сам полководец с корпусом в 18 000 штыков направился на Швиц, чтобы нанести удар на Мутен, по тылу армии Суворова.

19 сентября австрийская бригада Ауфенберга вступила в бой с французской бригадой генерала Габриэля Молитора и оказалась на грани поражения. Но ее выручил Багратион: французов разгромили, они в беспорядке отступили, а более 200 человек утонули в озере Рутен. 20 сентября произошел встречный бой примерно равных сил. Французы были разбиты, понесли большие потери и путь на Гларус был открыт. Но вскоре ситуация изменилась: к разгромленному Молитору подошла дивизия Газана. Теперь французы имели превосходство в силах и сражение разгорелось с новой силой. Деревня Нефельс 5–6 раз переходила из рук в руки, но в итоге осталась за Багратионом.

Суворов, чтобы избежать больших потерь, приказал Багратиону отойти к Нецсталю. Вечером 20 сентября основные силы русской армии были сосредоточены у Гларуса.

В это же время в тылу шло сражение между силами Розенберга и войсками Андрэ Массены. 19 сентября силы Массены числом 10 000 человек атаковали четырехтысячный отряд Розенберга. Первая русская линия под командованием Максима Ребиндера остановила противника; когда подошла вторая линия — под командовани-

ем Михаила Милорадовича — русские войска пошли в контратаку. Французов опрокинули и гнали 5 километров и остановились лишь у Швица.

Ночью в Мутен с перевала спустили последние припасы и подошли три полка. Силы Розенберга в итоге выросли до 7 000 штыков. 20 сентября Массена решил нанести новый решающий удар и бросил в бой около 15 000 человек. Они наступали тремя колоннами, имея впереди густую цепь стрелков. Русский передовой отряд под командованием Милорадовича вел с противником перестрелку и отступал. Неожиданно этот отряд разошелся в стороны, и перед французами оказались главные силы. Они были построены в две линии по три шеренги каждая на расстоянии 300 метров друг от друга. В резерве было два полка. И тут же русские атаковали ошеломленных французов. Они стремительно ликвидировали разрыв, и начался рукопашный бой. Атаковали так яростно и отчаянно, что некоторые батальоны второй линии опередили первую линию. Французы не выдержали натиска, их охватила паника, а бой перерос в истребление французских войск. Самого Массену чуть не пленили: унтер-офицер Иван Махотин сдернул его с лошади и схватил за воротник. Генерала спасло только то обстоятельство, что на Махотина напал ординарец Массены и пока Махотин сражался с ним, командующий армией сбежал, оставив в руках унтера свой золотой эполет.

Это был полный разгром. Французские солдаты, преследуемые казаками, сдавались в плен десятками. Потери французлв составили только убитыми 6 000 человек, пленных было более тысячи. Русские потери составили около 700 человек убитыми и раненными. Потрясенный Массена не решился организовать новую атаку.

Розенберг еще и ввел Массену в заблуждение: он дал указ населению Швица о заготовке провианта на двое суток для вступления русских сил числом 12 000 человек. Французский главнокомандующий знал об овладении Гларусом, но решил, что это вспомогательный удар, а главный удар будет через Швиц на Цюрих. Поэтому он передал командование под Швицем генералу Сульту и отправился под Цюрих, чтобы организовать оборону от удара восстановленного корпуса Римского-Корсакова. В итоге Массена, обладавший значительным численным превосходством, отказался от активных действий. Розенберг смог трое суток, без преследования противником, идти на соединение с Суворовым.

Прибыв в Гларус, Суворов увидел, что исчезла последняя надежда на помощь и содействие австрийских сил. Австрийский генерал Линкен со своим отрядом без всякой на то причины ушел из долины Линта и отступил в Граубюнден. 21 сентября от сил Суворова отделилась и отступила за Линкеном бригада Ауфенберга. Тогда с целью спасения своих войск фельдмаршал решил повернуть на юг и уходить к городку

Иланц через Шванден, Эльм, Рингенкопф, в долину реки Рейн. Окончательно это решение было принято на военном совете 23 сентября. Армия выступила в ночь того же дня.

К 25 сентября войска добрались до перевала Ригенкопф, а после полуночи более не преследуемые врагом, начали переход. Это было очень тяжело: по тропинке можно было идти только в одиночку, стоял густой туман. Шли при снегопаде и сильном ветре. Снежный покров достигал полуметра. При переходе погибло до 200 русских солдат и до 1400 пленных французов. Пришлось бросить все орудия. Ночевать пришлось прямо на перевале. 26 сентября начали спуск. Вечером русские войска достигли Иланца, а 27 сентября — города Кур. Там люди смогли отдохнуть и нормально поесть.

Общие потери русской армии составили 5 100 человек. Из них убиты в ходе боевых действий — 2500 человек, 1600 солдат умерли от ран, замерзли, разбились при переходе через перевалы и пр. Раненных было около тысячи человек. Учитывая, что выступившая в поход армия насчитывала 21 000 человек, то получается, что из окружения Суворов вывел более 3/4 своих солдат. А это и сегодня считается большим военным успехом.

На этом Швейцарский поход закончился. Удачное его завершение было отмечено императором. Сам А. В. Суворов был произведен в генералиссимусы. Были награждены и другие участники похода: орденами или денежными наградами отмечены многие генералы. Всем нижним чинам Павел приказал выдать по 2 руб. серебром каждому.

Правда, учитывая разгром корпуса Римского-Корсакова, о прежнем австро-англо-русском плане кампании в Голландии можно было забыть. К тому же Павел был в ярости от поведения австрийских союзников. Вывод австрийских войск из Швейцарии, ставший главной причиной неудач русских войск в Альпах, откровенно эгоистическая политика венского двора в Пьемонте и Ломбардии в ущерб стратегическим интересам коалиции, привели к разрыву русско-австрийского союза. Павел I отозвал Суворова в Россию и в апреле 1800 г. порвал с Австрией дипломатические отношения.

Назревал конфликт между Россией и другим союзником по Второй коалиции — Англией. Павел был недоволен тем, что Англия в 1799 г. поддержала притязания Австрии на Пьемонт и Ломбардию и предложение австрийцев перебросить войска Суворова из Италии в Швейцарию. Обусловленный этим решением провал совместной экспедиции в Голландию еще больше ударил по русско-английским отношениям. Англия со своей стороны выступала против усиления влияния России в Восточном Средиземноморье, в частности на Ионических островах. Наконец, кризис в отношениях осложнялся отказом английских властей пустить обратно на остров Мальту, отбитый англичанами у французов в 1800 г., прежних хозяев — мальтийских

рыцарей. Павел I, как великий магистр Ордена мальтийских рыцарей, сам намеревался овладеть этой стратегически важной точкой на карте Европы[1]. Россия не могла мириться также с агрессивными действиями британского флота и каперов против торговых судов балтийских государств.

Осенью 1800 г. конфликт принял открытую форму. Английским кораблям было запрещено заходить в русские порты, русско-английская торговля была прервана, а на имущество английских подданных, находившееся в России, наложен секвестр. Для защиты морской торговли нейтральных держав Россия в декабре 1800 г. заключила с Данией, Швецией и Пруссией конвенцию о возобновлении системы вооруженного нейтралитета, хорошо зарекомендовавшей себя еще при Екатерине II. Россия, Швеция и Дания образовали Северную лигу, направленную против Англии.

В конце 1800 г. Павел I послал со специальным поручением в Париж русского дипломат С.А. Колычева, бывшего посланника в Берлине, Гааге и Вене. Для переговоров Павел вручил Колычеву секретную инструкцию, в которой, среди прочего, содержалось предложение союза против Австрии при условии восстановления гарантий независимости острова Мальта. Это требование должно было войти во все будущие переговоры о мире между Францией и Англией. Кроме того, Франция должна была отозвать свои войска из Египта и вернуть его Порте с целью «предохранить оную от англичан». Русский император предоставлял французской стороне свободу действий относительно торговли, «с тем, чтобы Россия и Франция по взаимности открыли ее».

При исполнении всех этих условий Павел был готов признать Францию республикой и «сноситься с нею прямо обо всем, что будет нужно». Переговоры с Францией велись не только о мире, но и о военном союзе против Англии. Рассматривались варианты десанта на Британские острова. Кроме того, Бонапарт предложил Павлу организовать совместный поход в Индию, который должен был стать важной составной частью в их борьбе с Англией. Свой план похода Бонапарт прислал в Россию через генерала Дюрока. Русский император ответил согласием и на эту бессмысленную авантюру.

В силу своего импульсивного характера Павел решил действовать немедленно. 12 января 1801 г. он отправил атаману Донского войска

---

[1] В Календаре на 1800 г., издаваемом по поручению императора Российской Академией наук, по высочайшему указанию остров Мальта был обозначен не иначе, как «Губерния Российской империи». Павел I хотел сделать звание гроссмейстера Мальтийского ордена наследственным, а саму Мальту присоединить к России. На острове император планировал создать военно-морскую базу для обеспечения интересов Российской империи в Средиземном море и на юге Европы.

приказ выступить со всем войском в поход на Индию. Через месяц с небольшим казаки выступили в количестве 22 500 человек с 24 пушками, без обоза, без припасов и без какого-либо продуманного плана. Все войско делилось на 4 эшелона, одним из которых командовал будущий герой Отечественной войны 1812 г. атаман М. И. Платов. Поход сопровождался страшными лишениями и был прерван только со смертью Павла.

Сближение с Францией привело Россию к военному конфликту с Англией. В марте 1801 г. в Балтийское море была направлена английская военная эскадра, британский адмирал Нельсон намеревался уничтожить русские корабли, находившиеся в Ревеле и Кронштадте. Над Петербургом нависла реальная угроза. Но в этот момент в русской столице произошел дворцовый переворот, коренным образом изменивший русско-английские отношения.

В 1797–1799 гг., как это видно и по некоторым опубликованным, но не систематизированным материалам, существовала и развивалась так называемая «антипавловская конспирация», в которой участвовали наследник Александр, его жена Елизавета Алексеевна, А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, В. П. Кочубей. Связь с наследником и его друзьями поддерживали Л. А. Безбородко и Д. П. Трощинский в России, а также бывший учитель наследника Лагарп из-за границы. На своих тайных собраниях эти люди толковали о политических делах в стране, искали наилучших форм для ее переустройства; при этом были составлены два документа: секретный «Манифест» о будущем конституционном устройстве России (Чарторыйский в 1797 г.) и записка Безбородко «О потребностях империи Российской» (1798 г.), защищавшая принципы просвещенного абсолютизма. Конспирация 1797–1799 гг. не была решительно настроенным «тайным обществом», однако ее субъективные намерения, направленные против самодержца, питались нарастающим духом дворянского сопротивления вышеперечисленным павловским мерам, направленным на поднятие дисциплины и ограничение вседозволенности дворянства. Этот заговор не дал каких-либо заметных результатов, и в 1799 г. его деятельность пошла на убыль. Участники его собраний один за другим попали в опалу и либо были высланы за границу, либо получили отставку. Участие в деятельности этих придворных заговорщиков наследника престола убедительно свидетельствует против распространенной версии о том, что, якобы, Александра чуть ли не насильственно заставили участвовать в покушении на своего отца в 1801 г.

По всей вероятности, скорее чувствуя опасность, нежели рационально осознавая ее источник, император с 1799 г. стал замыкаться

в себе[1] и подозревать всех, включая свою жену Марию Федоровну и сыновей. Ему казалось, что все вокруг ему недостаточно преданы и вынашивают замыслы отстранения его от престола. Тяготясь пребыванием в Зимнем дворце — месте, стены и залы которого хранили память о насильственном отрешении от власти многих его предшественников (включая собственного отца) — Павел форсировал строительство своей новой резиденции.

Ею должен был стать Михайловский (Инженерный) замок, замысел которого император вынашивал, еще будучи наследником престола. В процессе проектирования, который длился почти 12 лет, он обращался к различным архитектурным образцам, увиденным им во время заграничного путешествия 1781–1782 гг. Окончательный проект был выполнен архитектором В. И. Баженовым. Указ о возведении новой резиденции был подписан Павлом в первый же месяц его царствования в 1796 г. Само строительство началось на следующий год и было поручено не менее талантливому итальянскому зодчему, придворному архитектору Винченцо Бренна. По мысли императора его новая парадная резиденция должна была сочетать удобство и роскошь современного дворца с неприступностью замка. Местом его возведения был выбран исток реки Мойки из Фонтанки. По первоначальному плану замок был со всех сторон окружен водой: с севера и востока — реками Мойкой и Фонтанкой, а с юга и запада — Церковным и Вознесенским каналами (ныне засыпанными), которые превращали территорию Михайловского замка в искусственный остров. Попасть в него можно было только через разводные мосты, охранявшиеся часовыми.

По распоряжению императора строительство велось днем и ночью (при свете фонарей и факелов), так как он требовал отстроить замок вчерне в том же 1797 г. Число рабочих, трудившихся на стройке, доходило до 6000 человек одновременно. Однако же перебои с финансированием и разнообразные технические трудности задержали возведение дворца на три года. Михайловский замок принял своих венценосных обитателей за сорок дней до убийства Павла. На фоне одолеваемых императора подозрений, метания во внешней политике и страхов перед революционной опасностью, некоторые поступки и приказы императора граничили с самодурством. Это формировало

[1] Согласно одной из бытующих вокруг смерти Павла I легенд, за несколько месяцев до смерти императора появилась в Петербурге юродивая (по некоторым версиям – Ксения Петербургская), которая предрекла, что жить ему столько лет, сколько букв в надписи над Воскресенскими воротами нового дворца. В библейском афоризме «ДОМУ ТВОЕМУ ПОДОБАЕТЪ СВЯТЫНЯ ГОСПОДНЯ ВЪ ДОЛГОТУ ДНЕЙ», начертанном в поле фриза над Воскресенскими воротами замка, сорок семь символов. Сорок седьмой год шел Павлу, когда он был убит. Впоследствии надпись с фриза была удалена и восстановлена уже в наше время в ходе последней реставрации Михайловского замка.

в обществе устойчивое мнение о помешательстве монарха. Так, во время очередного приступа гнева, Павел захотел отправить под арест адмирала П. В. Чичагова. Однако тот напомнил, что согласно статусу ордена Святого Георгия, император не в праве отправлять его под арест. Павел пришел в ярость и велел дежурному генералу сорвать Георгиевский крест с адмиральского мундира. Чичагов сбросил мундир и пошел в крепость в одном жилете. В другой раз Павел распорядился отправить в Шлиссельбург группу офицеров, застигнутых им за карточной игрой. Известно, что они пробыли под арестом с февраля по ноябрь 1799 г. Реакция общества на эти поступки монарха была в корне противоположной той, на которую он рассчитывал. Число его скрытых и явных недоброжелателей множилось.

С 1800 г. против Павла выступили новые заговорщики. Ими были: Никита Петрович Панин, Ольга Александровна Жеребцова и английский посол лорд Витворт. Н. П. Панин, племянник канцлера Н. И. Панина и сын его родного брата генерала Петра Панина делал блестящую карьеру на дипломатическом поприще. В 29 лет он стал тайным советником, а в 1799 г., осенью, по прибытии из Берлина получил высокий пост вице-президента Коллегии иностранных дел (т.е. стал вторым человеком в ведомстве, определявшим внешнюю политику Российской империи. Президентом коллегии был Ф. В. Ростопчин).

Ольга Александровна Жеребцова была родной сестрой последнего фаворита Екатерины II Платона Александровича Зубова и его братьев Николая и Валериана, пребывавших после воцарения Павла в опале. В возрасте 15 лет она вышла замуж за родовитого и ничем не примечательного камергера Александра Алексеевича Жеребцова, что было довольно странным, ибо современники отмечали ее красоту и образованность, а самые знатные вельможи боролись за честь подать ей оброненный платок. Муж занимал в ее жизни столь незначительное место, что многие еще при его жизни считали Ольгу Александровну вдовой. Она слыла близкой подругой английского посла графа Уитворта. По словам того же Ф. В. Ростопчина, «не владея ни даром пения, ни обольстительным словом», она удерживала графа Витворта в своем доме, «как Армида».

Наконец, сам граф Чарльз Уитворт — английский дипломат, исполнявший с 1788 г. по 1800 г. обязанности английского посланника в России. После разрыва русско-английских отношений в 1799 г. Уитворта не без оснований подозревали в организации финансирования складывающегося придворного заговора. Прямых доказательств тому нет, да и во время самого переворота английский посланник был далеко — в Дании, где деятельно препятствовал созданию планируемого антианглийского русско-датского союза. Однако посланник Великобритании был на удивление хорошо осведомлен о планах заговорщиков.

Еще одним высокопоставленным заговорщиком в 1800 г. стал итальянец на русской службе адмирал Осип Михайлович Дерибас. С его именем обычно связывают строительство порта и города Одессы (в его честь названа широко известная в народном фольклоре Дерибасовская улица в Одессе). Но в практическую плоскость замыслы заговорщиков стали воплощаться лишь с появлением в их кругу военного губернатора Санкт-Петербурга и ближайшего доверенного лица императора графа Петра Алексеевича Палена (1745–1826 гг.). Он происходил из курляндских дворян и с 1760 г. проходил службу в Конногвардейском полку. Участвовал в обеих Русско-турецких войнах. Отличился при штурме Бендер в 1770 г., где был ранен и награжден за храбрость Георгиевским крестом 4 степени. Второй Георгиевский крест он получил в 1790 г. за штурм Очакова.

С 1792 г. П.А. Пален был назначен наместником Риги, а с 1795 г. — губернатором Курляндии. В 1796 г. он попал в немилость к Павлу I в обстоятельствах, наглядно демонстрирующих методы павловского управления страной. В Риге по приказанию императора была приготовлена торжественная встреча для бывшего польского короля Станислава Понятовского, ехавшего в Петербург. В назначенный день на улицах расставили почетный караул, приготовили торжественный обед. Но король задержался в пути и в срок не приехал. По случайному стечению обстоятельств, как раз в этот день через Ригу проезжал к месту ссылки опальный граф Платон Зубов, высланный императором из Петербурга. Увидев русского генерала, почетный караул отдал ему честь, Зубову же достался и королевский обед. За этот проступок в январе 1797 г. Пален был уволен от должности губернатора «за почести и встречи, делаемые партикулярным людям, как-то при проезде князя Зубова» и отправлен в отставку от всех своих военных постов. Однако уже 20 сентября 1797 г. он был восстановлен на службе, определен командиром Конногвардейского полка, а затем был назначен на должность Инспектора кавалерии Санкт-Петербургской и Финляндской дивизий. В следующем 1798 г. приказом от 31 марта он был пожалован чином генерала от кавалерии, а 28 июля — столичным военным губернатором. 22 февраля 1799 г. Пален был возведен в графское достоинство. Не считая свое положение при Дворе прочным и учитывая изменчивое настроение императора, Пален легко позволил графу Никите Петровичу Панину увлечь себя участием в заговоре.

Именно благодаря деятельной активности Палена удалось создать особый в своем роде широкий заговор, участников которого, как оказалось, насчитывалось около 300 человек. Однако же при этом никто из них, кроме самого Палена и узкого круга его доверенных лиц, до самого последнего дня не знал ни одного из соучастников того дела, к которому принадлежал.

Стремясь подстраховаться в случае неудачи, Панин и Пален установили контакты с наследником престола. Логика тут была такая: если их заговор будет раскрыт, то участие в нем члена царствующей семьи, как минимум, смягчит им наказание за преступление. А то, что они идут именно на преступление, заговорщики хорошо понимали.

Александр Павлович колебался. Пален убеждал его доводами о «страдающем Отечестве», об опасности новой и, возможно, неконтролируемой ими, «конспирации». Приводил и зарубежные примеры. В Европе над безумными монархами учреждали регентство, не прибегая к насилию или убийству. Обезумевший английский король Георг III (1738–1820 гг.) был отрешен от власти, а фактическим главой монархии являлся его сын — будущий Георг IV. Гораздо ранее психически неуравновешенный король Дании Кристиан VII (1588–1648 гг.) также правил лишь номинально. Ключевые решения принимал специально учрежденный совет. Такое же регентство Александру предлагал установить над отцом П. Н. Панин.

В конечном счете им удалось склонить наследника к участию в заговоре, правда, многие историки считают, что организаторы переворота изначально планировали физическое устранение императора, а не просто арест или установление над ним опеки сына. Такой план, скорее всего, вынашивал Пален. Даже Никита Панин не был в курсе предполагающейся кровавой развязки. На ужине, предшествующем перевороту поздно ночью 12 марта 1801 г., обсуждался вопрос о том, как поступить с императором после ареста. Пален отвечал на все очень уклончиво. Уже тогда можно было заподозрить, что он планирует убийство государя.

Следующим шагом заговорщиков было инициирование широкой амнистии в честь четвертой годовщины вступления Павла на престол. Последовал именной указ от 1 ноября 1800 г., который разрешал всем отчисленным от государственной службы лицам, исключая «тех, которые по сентенции военного суда выбыли», вернуться в строй и прибыть в Санкт-Петербург для личной аудиенции императору. Этот указ вернул ко Двору многих недоброжелателей Павла, которые еще до опалы вступили в ряды заговорщиков или же сделали это сразу после. Так, в столицу был возвращен Платон Зубов и его братья Николай и Валериан, а также будущий герой войны 1812 г. и деятельный заговорщик Леонтий Беннигсен. Причем 23 ноября Платон Зубов был назначен директором Первого кадетского корпуса.

С другой стороны, заговорщики понесли первые потери. В середине ноября 1800 г. без объяснения причин был отставлен от должности в коллегии Иностранных дел, а в декабре выслан в свое имение Дугино граф Н. П. Панин. 2 декабря в возрасте 50 лет неожиданно скончался адмирал О. М. Дерибас. Вокруг его скоропостижной смерти ходило множество слухов. Дело в том, что, как и многие бывшие

деятели екатерининского царствования, после смерти императрицы он был лишен всех своих прежних постов в Новороссии, но не отправлен в ссылку, а назначен генерал-кригскомиссаром. В этой должности он занимался закупкой провианта для армии. Честность Дерибаса импонировала Павлу, и его карьера шла в гору: 8 мая 1799 г. он был произведен в полные адмиралы, 7 сентября того же года назначен управляющим лесным департаментом — по его докладу по берегам рек стали высаживать дубовые рощи для нужд Адмиралтейства; 3 декабря 1799 г. его наградили командорским орденом Св. Иоанна Иерусалимского.

1 марта 1800 г. его неожиданно отстранили от службы. Причиной называли злоупотребления в лесном департаменте. Именно эта опала спровоцировала Дерибаса к действиям против императора. Есть свидетельства современников, что он был одним из активных организаторов заговора против Павла и даже рекомендовал заговорщикам прибегнуть к «традиционным итальянским средствам — к яду и кинжалу».

Но опала, как это часто бывало в период царствования Павла, сменилась новыми милостями. Уже 30 октября 1800 г. Дерибас был вновь восстановлен на службе. Ему было поручено составить план реконструкции укреплений Кронштадта. А 12 ноября 1800 г. он был назначен «докладывать по делам Адмиралтейств-коллегии его Императорскому Величеству»

Императорские милости к Дерибасу могли изменить его отношение к Павлу и насторожить заговорщиков, которые опасались, что адмирал, фактически ставший президентом Адмиралтейств-коллегии и осыпанный прочими знаками высочайшего расположения, может погубить их, выдав их планы. Дерибас неожиданно тяжело заболел. Существует гипотеза, что он был отравлен графом Паленом, находившимся у постели больного в ночь его смерти и следившим, чтобы умирающий в беспамятстве не наговорил лишнего.

Между тем зимой 1800 г. к заговору присоединился командир Преображенского полка 33-летний генерал-лейтенант П.А. Талызин — убежденный противник павловской муштры. Вслед за ним к заговору были привлечены также многие другие офицеры Преображенского, а затем и Семеновского полков: первые через Талызина, вторые через наследника Александра, бывшего Шефом Семеновского полка и близко знавшего многих семеновцев. Напряжение при Дворе нарастало. Этому способствовало прибытие к русскому двору тринадцатилетнего племянника Марии Федоровны, принца Евгения Вюртембергского. Павел не только устроил ему неожиданно пышную встречу, несоизмеримую с его династической ролью, но и в дальнейшем оказывал мальчику особое внимание. Это породило разнообразные слухи. Говорили, например, что император решил женить его на своей дочери Екатерине. Потом начались разговоры, что Павел намерен подготовить Евгению дорогу к русскому трону и в связи с этим обещает в ближай-

шем будущем императрицу Марию Федоровну сослать в Холмогоры, а своих сыновей заточить: Александра — в Шлиссельбургскую крепость, а Константина — в Петропавловскую крепость. По Петербургу ходил слух, что Семеновский полк за преданность наследнику будет скоро разослан по сибирским гарнизонам.

Толчком к осуществлению заговора послужил доклад императору генерал-прокурора П.Х. Обольянинова 9 марта 1801 г., в котором он доложил Павлу о существовании в столице заговора против монарха. Утром, во время доклада Палена, Павел сообщил ему, что «с ним хотят повторить 1762 год». Пален, проявив чудеса самообладания, не дрогнув, быстро нашел, что ответить: «Да, я знаю. Я сам — заговорщик». Удивлению императора не было предела. Тогда Пален объяснил, что, якобы, в целях безопасности самодержца и установления зачинщиков заговора, он специально проник в ряды заговорщиков и теперь держит все в своих руках. И добавил: «Пока я буду там присутствовать, Вам можно не беспокоиться. И скоро станет Вам известно». Павел поверил этому, а Пален решил про себя, что надо немедленно действовать.

Первым делом он срочно встретился с наследником, чтобы принять окончательное решение. От имени всех заговорщиков Пален поклялся Александру, что они не желают убивать царя, что их цель — всего лишь добиться от Павла отречения от престола и получил добро на дальнейшие действия. Исполнение плана было назначено на 11 марта, когда дежурным в замке будет батальон Семеновского полка — на него можно было положиться.

Между тем императорская семья продолжала обустраиваться в недостроенном Михайловском замке. Несмотря на все увещевания архитектора Бренна относительно того, что замок еще не готов, стены не просохли, а художники еще не выполнили свою часть работ по оформлению части залов, император требовал скорейшего заселения. 1 февраля 1801 г. императорская семья переехала в новый дворец. В день святого архангела Михаила, в 9 часов 45 минут утра Павел I, вместе с семьей и свитой начал церемониальное шествие от Зимнего дворца по направлению к замку. На всем пути его следования были расставлены гвардейские полки. Торжественная процессия сопровождалась пальбой пушек и музыкой полковых оркестров. В замке государя уже ожидали чины первых пяти классов, высшие военачальники, а также иностранные послы и министры. К этому времени половина помещений новой императорской резиденции была не готова. По свидетельствам очевидцев, в залах «стоял такой густой туман, что, несмотря на тысячи восковых свечей, едва мерцавших сквозь мглу, всюду господствовала темнота и видны были следы сырости. А в задних, еще неоткрытых взору гостей комнатах, на наборных паркетных полах раскладывали листы железа, на которых разводили костры, горевшие день и ночь, чтобы быстрее просушить помещения.

11 марта 1801 г. был понедельник. Император встал рано — около пяти часов утра. На разводе он придрался к семеновскому караулу и упрекнул присутствовавшего на разводе Александра — шефа полка. Он сказал сыну: «Вашему Высочеству свиньями надо командовать, а не людьми». Один из государственных деятелей (Яков де Санглен) в своих мемуарах писал, что тогда Павел заставил всю императорскую семью, за исключением малолетних, поклясться ему не вступать в связь с заговорщиками.

Существует несколько свидетельств тому, что император предчувствовал свою скорую смерть. В среде краеведов Северной столицы широко известна легенда, источником которой являются воспоминания баронессы фон Оберкирх, о том, что якобы Павел I еще в бытность свою наследником, как-то вечером гуляя по Санкт-Петербургу в компании с князем А. Б. Куракиным, заметил странную фигуру человека, закутанную в плащ. Казалось, она поджидала путников и, когда те приблизились, двинулась рядом с ними. Павел поинтересовался, не замечает ли Куракин кого-то еще рядом. Однако тот ничего не видел и пытался убедить в этом великого князя. Вдруг призрак заговорил: «Павел! Бедный Павел! Я тот, кто принимает в тебе участие». Затем он обогнал путников, как бы ведя их за собой, и, подойдя к середине площади, сказал: «Прощай, Павел. Ты снова увидишь меня здесь», — и указал место будущему памятнику, известному ныне как «Медный всадник». Когда, удаляясь, призрак приподнял шляпу, Павел с ужасом разглядел лицо Петра Великого. По словам автора воспоминаний, этот рассказ был записан ею со слов самого императора. А поскольку баронесса фон Оберкирх была близкой подругой и фрейлиной супруги Павла Марии Федоровны, часто посещала императорскую семью, у нас нет резонов сомневаться в том, что она услышала эту историю именно со слов самого императора. Ну а о том, что же на самом деле тогда видел Павел, нам остается только догадываться.

Есть и другие свидетельства. В день убийства он подходил к зеркалам во дворце и отмечал, что его лицо отражается искаженным. Придворные тогда не придали этому никакого значения. В тот же день он имел беседу с будущим героем войны 1812 г. Михаилом Илларионовичем Кутузовым. Разговор зашел о смерти. Прощальными словами императора русскому полководцу была фраза: «На тот свет ходить — не котомки шить».

Вечером 11 марта Павел позволил своим сыновьям поужинать с ним. В девять часов он приступил к ужину. Приглашены были Константин и Александр с женами, Мария Павловна, статс-дама Пален и ее дочь, М. И. Кутузов и еще несколько придворных. Ужин императора всегда оканчивался в половину десятого, а в десять он уже был в постели. Было так заведено, что все присутствовавшие выходили в другую комнату и прощались с царем. В злополучный вечер перед

убийством Павел I вышел в соседнюю комнату, но не стал ни с кем прощаться, а только сказал, что чему быть, тому не миновать.

В тот же вечер заговорщики по приглашению Палена стали собираться на квартире командира Преображенского полка П. А. Талызина. Число собравшихся, по оценкам присутствовавших, колебалось от 40 до 60 человек. Это были генералы и обер-офицеры. Шампанское лилось рекой. Здесь впервые Пален провозгласил тост за здоровье нового императора Александра I. Только тогда собравшиеся поняли то, что каждый знал по отдельности. Все они состояли в заговоре, имевшим целью свержение действующего императора. Участники ужина спрашивали Палена о будущей судьбе Павла, но на все вопросы об этом тот отвечал уклончиво и пространными фразами. Незадолго до полуночи Пален предложил собравшимся разделиться на две группы примерно по 25–30 человек. Группа Зубова — Беннигсена шла к Рождественским воротам Михайловского замка, а другая (под руководством самого Палена) направлялась к главному входу. Ровно в полночь участники заговора с двух сторон проникли во дворец.

Шум, поднятый пьяными офицерами, привлек внимание часовых. Они попытались поднять тревогу. Однако их командиры, осведомленные о происходящем, не дали им этого сделать. Заговорщики беспрепятственно поднялись на второй этаж и начали поиски спальни императора. Услышав подозрительный шум, топот сапог и ругательства, Павел сначала бросился к двери в комнаты Марии Федоровны, но она оказалась запертой. Тогда он спрятался за портьерой. В половину первого ночи 12 марта заговорщикам удалось ворваться в спальню императора. Преступники растерялись, когда не нашли царя в постели. Платон Зубов на французском сказал, что «птичка упорхнула», но Беннигсен пощупал постель и сказал, что «гнездо еще теплое», то есть «птичка улетела недалеко».

Комнату обыскали. Павла нашли и потребовали подписать отречение от престола. Император отказался. Тогда ему объявили, что он арестован. В спальню набилось много народа. Пьяные офицеры шумели и требовали, чтобы царь отрекся. Монарх отчаянно кричал и жестикулировал. В это время шталмейстер Николай Зубов (брат Платона Зубова и зять А. В. Суворова) ударил Павла по руке и спросил: «Что ты так кричишь?» Павел с негодованием оттолкнул его. Тогда последний, сжимая в руке массивную золотую табакерку, со всей силы ударил императора в левый висок. Павел упал и потерял сознание. Началась беспорядочная свалка. Заговорщики повалили ширму, которая в свою очередь погасила лампу. Спальня погрузилась во тьму. Л. Бенигсен вышел в коридор, чтобы принести огня, но когда он вернулся со светом, то обнаружил лежащего на полу императора, удушенного шарфом, с изуродованным и окровавленным лицом. Ответ на вопрос, кто душил императора и чей это был шарф, у разных участников этого действа

разнится. Большинство приписывают сомнительную честь цареубийства офицеру Измайловского полка Скарятину. Шарф же принадлежал либо самому Павлу, либо Скарятину, либо Беннигсену.

Если верить воспоминаниям, то, когда Пален сообщил Александру о смерти отца, тот горько заплакал и отказался принимать на себя бремя императорской власти. Тогда, взяв его руку, Пален будто бы сказал: «Ваше Величество, довольно ребячествовать! Идите царствовать!»

Всю ночь придворный медик Вилье обрабатывал труп императора, чтобы скрыть следы насильственной смерти. Тело наутро хотели показать солдатам. Нужно было доказать, что царь действительно мертв, так что следует присягать новому императору. Но синие и черные пятна на лице покойника не удалось скрыть. Некоторые источники сообщают, что даже был вызван придворный живописец, чтобы гримировать труп. Когда Павел лежал в гробу, его шляпа была надвинута на лоб, чтобы закрыть левый глаз и висок.

Наутро был издан Манифест, в котором сообщалось, что Всероссийский император скончался минувшей ночью от апоплексического удара. Если верить свидетельствам очевидцев, на улицах столицы начались стихийные народные торжества. Незнакомые люди целовались и обнимались, все поздравляли друг друга с таким «счастьем». Правда, было немало и тех, кто все же испытывали омерзение к произошедшим событиям.

Та же версия смерти императора была сообщена и иностранным послам. Когда через посредство французского посланника в Санкт-Петербурге Армана де Коленкура это известие достигло Парижа, Наполеон, якобы, сказал: «Русские могли бы быть более изобретательны в объяснении причин смерти своих императоров».

Императорская семья покинула стены Михайловского замка буквально на следующий день после убийства. В дальнейшем этот памятник русского зодчества и истории неоднократно перестраивался и приспособлялся под нужды располагавшихся в нем учреждений. В начале 1820-х гг. здание было передано Главному Инженерному училищу. В феврале 1823 г. оно получило новое название — Инженерный замок. С тех пор почти век он служил для размещения военных учебных заведений: Николаевской инженерной академии и училища при нем. Кстати, сразу после своего вселения в замок кадеты Николаевского училища стали подмечать присутствие в нем призрака почившего императора. Он ходил по гулким коридорам замка и издавал громкий стон. В конце концов в 1857 г. по указанию Императора Александра II в помещении покоев Павла I была обустроена домовая церковь Николаевского инженерного училища. Работы проводились по проекту архитектора К. А. Ухтомского на личные средства Вел. кн. Николая Николаевича (старшего). Алтарь церкви был помещен на месте кровати, где совершилось цареубийство. На дополнитель-

ружженной стенке находился иконостас. Это казалось наиболее твенной мерой, чтобы упокоить душу убитого самодержца. Как но судить по воспоминаниям, перестройка возымела определенное твие и призрак стал заявлять о себе меньше. Однако же, по уве-ям нынешних сотрудников Русского музея, куда с 1991 г. входит айловский замок, дух императора иногда и сегодня продолжает щать свою резиденцию.

итература

Бескровный Л.Г. Итальянский и швейцарский походы А.В. Суворова // Военно-исторический журнал. 1974. № 8. С. 98–103.

Гармаш П.Е. Штурм Корфу. М.: Воениздат, 1990.

Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2000.

Емельянов Ю.Н. Средиземноморская экспедиция Ф.Ф. Ушакова // Свободная мысль. 2011. № 6 (1625). С. 181–192.

Оболенский Г.Л. Император Павел I. М.: Наука, 2001.

Песков А.Н. Павел I. Неоконченная биография. М.: Наука, 1989.

Сорокин Ю.А. Исторический портрет императора Павла I. СПб.: Питер, 2007.

Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800) // *Тарле Е.В.* Соч. в 12 т. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 95–227.

Терещук А.В. Павел I. Жизнь и царствование. М., 2011.

Томсинов В.А. Законодательство Павла I. М.: Эксмо, 2008.

Глава XII
РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII ВЕКА

Кардинальные изменения всех сторон жизни, произошедшие в России в начале XVIII в., не могли не вызвать перемен и в области культуры. Традиционному, длившемуся почти десять веков, диктату церкви был положен конец. В полной мере это можно отнести и к искусству. Существенная трансформация всей жизни страны, появление многочисленных новых отраслей хозяйства, рост промышленного производства, изменения в социальной структуре, появление новых профессиональных групп населения сформировали запрос на активное использование имеющихся и аккумулирование новых знаний. На этот процесс большое влияние оказал опыт европейских стран, насаждавшийся как Петром Великим, так и его преемниками на русском троне. Однако это ни в коей мере не умаляет большой значимости для развития страны в рассматриваемое столетие процесса формирования русской национальной культуры, науки и образовательной системы.

Как и многие другие аспекты истории XVIII в., история отечественной культуры определяется философией Просвещения с ее идеей главенства разума в жизни людей, вниманием к человеческой личности. Мысль о равенстве всех людей не только перед Богом, но и перед законом была интерпретирована в России не персоналистски, как на Западе, но как необходимость регламентировать жизнь каждой общественной группы и уничтожить все противные человеческому достоинству уродливые явления повседневной жизни. Эти просветительские идеи стали толчком к формированию в России ко второй половине XVIII в. общественного мнения, которое впервые озвучило критику отдельных сторон политического и общественного строя в стране. Открытие России миру в ходе трансформаций начала XVIII в. также способствовало расширению культурных взаимосвязей с Европой и росту их устойчивости.

В рамках истории русской культуры XVIII столетия обычно принято выделять два периода. Первый охватывает первую четверть XVIII в., характеризующуюся становлением новой культуры. Второй период охватывает середину и вторую половину века — время развития и рас-

цвета преимущественно светской культуры дворянства и традиционной крестьянской культуры, продолжавшей носить патриархальный характер.

Изменения в быту

Стремясь максимально сблизить Россию с Европой, Петр I пытался ликвидировать даже внешние отличия русских от европейцев. Поэтому первые и наиболее разительные изменения коснулись повседневного быта русских людей. Это проявлялось в основном в образе жизни господствующих слоев общества. Но и в повседневном быту простых людей тоже не обошлось без перемен.

Еще в 1686 г. после возвращения из Великого посольства царь издал указ, предписывавший подданным обязательное бритье бород. Исключения составляли лишь лица духовного звания и те, кто за ношение бороды готов был платить специальный налог. Интересно, что налог был дифференцирован: для придворных, дворян и чиновников он составлял 60 рублей в год; для купцов в зависимости от гильдии — от 60 до 100 рублей в год; мещане, извозчики, слуги и прочие городские жители должны были платить по 30 рублей, а крестьяне — посуточно при въезде и выезде из города по 2 копейки с бороды в сутки. Уплатившему налог вручалась медная бляха (ее носили на шее), удостоверявшая, что ее обладатель — добросовестный налогоплательщик. Система была очень гибкой: при оплате этого налога допускалась рассрочка, оплата по месяцам, неделям и пр.

Далее последовал указ об обязательном ношении немецкого или венгерского платья. В иноземную одежду, которая по старомосковским меркам была откровенно неприличной, должны были переодеться также дворянские жены и дочери. И эти нововведения не замедлили сказаться не только на внешнем виде россиян, но и на всем их облике: манере ходить, сидеть, приветствовать друг друга и пр. Наиболее радикально эти изменения отразились в облике господствующего класса.

К примеру, в мужском костюме, из-за обуженных панталон и натянутых чулок, поддерживавшихся круглой подвязкой из тесьмы, было затруднено сгибание ног. Вместо свободных поз, столь свойственных XVI–XVII столетиям, появляется необходимость стоять прямо. Движения мужчины становятся строгими и подтянутыми, особенно у военных. Появляется, что называется, военная выправка. Облегающие камзол и кафтан стесняли движения. Рукава с широкими манжетами мешали держать руки опущенными вниз. Если все же руки опускали, то их держали немного разведенными в стороны. Кисть и пальцы в этом положении были свободны. Спину и голову держали прямо — собственно отсюда проистекает идеал современной правильной осанки.

Мужчины обычно придерживали полы кафтана на уровне груди, закладывали большие пальцы в нижние карманы камзола.

Непременным атрибутом мужского образа стала трость. На нее слегка опирались при ходьбе, иногда ее несли в руках, применяли для указания направления, для отдачи распоряжений, и т.п. Такой головной убор как треуголка в разных вариантах также сохраняла свою актуальность для мужского костюма почти весь век Просвещения. Она надевалась на голову так, чтобы от бровей до полей шляпы было расстояние в толщину указательного пальца. Это положение было парадным. Но кроме своего прямого назначения, этот головной убор мог играть и роль средства коммуникации. К примеру, мужчины, держа треуголку в руке в полупоклоне, выполняли ею своеобразный жест приветствия или прощания.

Основу женского образа рассматриваемой эпохи создавал корсет. Он обеспечивал осанку, но при этом стеснял движения. А затянутая талия затрудняла дыхание. Отягощенная большой прической голова была почти неподвижной и чуть откинутой назад. Кринолин мешал женщине опустить руки вниз, поэтому их держали довольно высоко. Кисти рук, поддерживавшие шаль, державшие веер, лорнет или зонт, почти всегда были чуть выше локтей. Если женщина уставала держать приподнятые руки, она опускала их в полусогнутом положении так, чтобы кисти свободно свешивались вниз, а пальцы расслаблялись. Руки как бы огибали кринолин, но не прикасались к нему. Осанка характеризовалась несколько выгнутой назад линией спины, подтянутым животом и приподнятой грудью. Перед тем как сесть, женщины должны были двумя руками с боков приподнять верхний обруч кринолина сзади, с тем чтобы не сесть на него. Второй обруч при этом обязательно упирался в передние ножки стула и занимал пространство впереди сидящей. Если кринолин был большой, то близко подойти к женщине, не наступив ей на платье, было проблематично. Я сознательно детально описываю, как себя чувствовала настоящая женщина в настоящем костюме XVIII века, для того, чтобы современные зрители кинематографических версий исторических приключений отчетливо осознавали отсутствие границ фантазий их создателей. Одетая в такой костюм женщина вряд ли была способна с налета вскочить на коня, пробежать хотя бы десять шагов и вообще исполнить десятую часть тех эквилибров, которые нам, зачастую, предлагают нынешние творцы эпических саг о прошлом.

До воцарения Петра III приветствие по отношению к вышестоящим лицам выражалось легким поклоном. Специальным указом новый император потребовал от женщин приветствовать себя реверансом. Впрочем, мужчины сохранили право приветствовать монарха по-старому. Поклоном же полагалось здороваться с равными или нижестоящими

людьми. Здесь регламентации было меньше. Приветствия могли обозначаться жестом, поворотом головы и кивком.

На ассамблеях, званых приемах, балах и в театрах было жарко из-за большого количества свечей и ламп, а туалеты дам были настолько тяжелы, что потребность в опахивании веером была насущной необходимостью. Некоторые мужчины также пользовались маленькими веерами. Я не буду на этих страницах распространяться про тайный язык этого аксессуара. Положение веера в руке дамы могло нести много информации ее тайному конфиденту. Хороший тон допускал любой вид обмахивания, если женщина была одна или в приятельской компании, и не допускал движений веером в случаях, когда велась официальная беседа или происходила какая-либо церемония. В этих случаях, так же как при поклонах и приветственных жестах, веер был закрыт.

Отдельными узаконениями царь в 1698 г. предписал подданным употреблять в обязательном порядке кофе и курить табак. Уже к концу сентября 1699 г. в Россию было ввезено полтора миллиона фунтов табака. Огромная страна закурила. В 1705 г. Петр сам учредил две табачные фабрики: одну в Санкт-Петербурге, другую — в городе Ахтырка (правда, сырье было привозное!). Продавать курительное зелье было разрешено в «светлицах при кабаках». Кофейный же напиток поначалу употребляли лишь иностранцы, коих в столице молодой Российской империи было довольно много. С целью удовлетворения их спроса к 1724 г. в Санкт-Петербурге было открыто целых 15 трактиров (говоря современным языком, кофеен) для иностранцев, подававших кофе различных видов и способов приготовления.

В Россию завезли и стали выращивать новые сельскохозяйственные культуры, такие как картофель, томаты, кукуруза, новые сорта фруктовых деревьев, виноградную лозу. В связи с этим в русской кухне появились и новые блюда из этих овощей и фруктов. Тут следует добавить, что русские аристократы, посещавшие Западную Европу, стали привозить с собой из-за границы и иностранных поваров. Русское меню пополнилось блюдами из измельченного мяса (котлеты, запеканки, паштеты, рулеты), появляются иностранные (шведские, немецкие, французские) супы (молочные, овощные, протертые). Вполне естественно, что иностранные повара готовили не русские, а свои национальные блюда, которые гармонично вписались в русскую кухню. Также пришли с Запада дотоле неизвестные на русском столе немецкие колбасы, сосиски, сливочное масло, французские и голландские сыры, а с ними и бутерброды.

Результатом стремления Петра I максимально сблизить в культурном плане Россию с Западной Европой стало и принудительное введение среди русской знати новых форм досуга, — так называемых ассамблей (собраний, ставших прообразом дворянского бала). Указ, регламентирующий порядок их проведения, а также правила пове-

дения участников мероприятия, был подписан царем в 1718 г. Я уже неоднократно говорил, что участвовать в этих собраниях должны были не только сами приглашенные царедворцы, сенаторы и приближенные царя, но и их жены и дети. Присутствие на этих высоких собраниях требовало умения танцевать, знания политеса, иностранных языков. Этим целям должно было служить увидевшее свет в 1717 г. «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» — литературно-педагогический памятник, подготовленный по указанию самого Петра Великого и содержащий наставления юношеству по этикету. Автор этого сочинения неизвестен. Есть гипотеза, что им мог быть епископ Рязанский и Муромский Гавриил (Бужинский). Принято считать, что данное руководство представляет собой компиляцию из западноевропейских (в основном немецких) изданий аналогичного содержания, возможно, дополненных лично царем. «Юности честное зерцало» на долгие годы стало пособием по правилам хорошего тона и поведения в обществе. Популярность издания у современников была так велика, что после выхода в свет первого тиража, в том же 1717 г. книга была перевыпущена еще дважды.

Наряду с ассамблеями в моду вошли и другие общественные празднества. 1700 г. был отмечен переходом с византийского на Юлианский календарь и высочайшим повелением царя отмечать Новый год со столь привычными нам нарядными елками, новогодними подарками, маскарадами и святочными гуляниями. Победы русского оружия в Северной войне ознаменовывались триумфальными шествиями, морскими и сухопутными парадами и фейерверками. В честь подобных событий стали строить Триумфальные арки. Коронация Петра I как императора положила начало традиции проведения в России коронационных торжеств.

Разительно изменились жилища знати. Для петровской эпохи вообще характерно преобладание гражданского каменного строительства над культовым. Только в основанной в 1703 г. новой столице — Санкт-Петербурге по проекту иностранных архитекторов были построены дошедшие до наших дней Летний дворец, Меншиков Дворец и ряд общественных сооружений — здание Двенадцати коллегий, Адмиралтейство, Кунсткамера, Петропавловская крепость. Мода устраивать свое жилище на европейский манер вскоре распространилась и на провинцию. Помещичьи усадьбы стали все больше походить на городские дома и дворцы, наполняться дорогой мебелью и предметами роскоши. Богатые дворяне стали выписывать из-за границы гувернеров, поваров, парикмахеров, имели многочисленную дворню, собственных портных и музыкантов.

Настолько же разительно, насколько изменился быт господствующих сословий, оставалась неизменной на протяжении века жизнь

крестьян. В XVIII в. основная масса крестьян продолжала жить в избах, топившихся по-черному. Правда, по сравнению с предыдущим веком, несколько изменилась конструкция крестьянского жилища: появились деревянный пол и потолок. В избе зимой вместе с людьми находился скот. Скученность и отсутствие гигиены приводили к высокому риску эпидемий и как следствие — смертности населения, особенно, детской.

Конечно же, кое-какие изменения проникали и в крестьянский быт. Они были, на первый взгляд, незначительными. Так, помимо традиционных для России серпов, в арсенал русских сельскохозяйственных орудий стали проникать европейские косы и грабли. Использование их ускоряло жатву и сокращало потери урожая. Но в целом, жили по старинке.

Крестьянский досуг, который обычно появлялся в зимнее время после завершения сельскохозяйственных работ, заполнялся традиционными развлечениями — хороводами, посиделками, катанием с ледяных горок. Традиционными оставались и семейные отношения. Несмотря на петровские узаконения, решение о браке принимали обычно родители жениха и невесты, а то и барин.

Просвещение и общественная мысль

Преобразования в экономике, военном деле и государственном управлении требовали во все более возрастающем количестве образованных людей. Функционирующее единственное в стране к началу петровских преобразований учебное заведение — Славяно-греколатинская академия не могла решить эти задачи хотя бы в силу своей изначальной гуманитарно-теологической природы. Уже в 1698 г. первая группа молодых дворян была направлена на обучение за границу. Эта практика сохранялась и в последующие годы, однако же не решала кадрового голода. Поэтому в начале XVIII в. в Москве в Сухаревой башне открылись новые учебные заведения: в 1701 г. — Школа математических и навигацких наук (в 1715 г. после перевода в новую столицу на ее базе была открыта Морская академия); в 1712 г. при этом учебном заведении были открыты инженерные классы и специально сформированный Артиллерийский полк со специализированной школой при нем. Возглавил новое военно-учебное заведение генерал-майор артиллерии И. Я. Гинтер. После создания Морской академии оба этих подразделения были из нее выделены и образовали самостоятельные Инженерную и Артиллерийскую школы. С 1707 г. в Москве функционировала Медицинская школа, для нормальной работы которой царем еще в 1706 г. был заложен первый Ботанический сад в Москве (ныне — Аптекарский огород МГУ, самый старый ботанический сад в России). Посаженная там лично Петром лиственница жива до сих пор.

По уставу открытой в 1724 г. Российской академии наук в ее составе был создан академический университет, призванный, по мысли Петра I, готовить будущих академиков для работы в стенах академии. Несмотря на, прямо скажем, весьма сомнительные с точки зрения современного человека цели, именно в стенах университета закладывались основы русской традиции высшего образования, формировался круг ее будущих отцов-основателей, учились многие из будущих профессоров, оттачивался их педагогический талант. Среди сотрудников и выпускников академического университета можно назвать таких деятелей русского просвещения, как М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников, А. А. Барсов, Н. Н. Поповский, И. И. Лепехин и др.

Для провинциальных дворян в различных городах страны были открыты 42 цифирные школы. Я, кажется, уже упоминал, рассказывая о петровских реформах, что нежелание дворян учиться заставило царя-преобразователя издать указ о запрещении дворянам жениться до получения образования. Правда, этот указ по факту не выполнялся.

Новые задачи, стоявшие перед страной, и расширение числа светских учебных заведений требовали изменения содержания образования. Богословские и гуманитарные предметы (за исключением новых иностранных языков) отошли на второй план и были заменены математикой, физикой, астрономией, инженерными науками и другими техническими дисциплинами. Это потребовало издания новых учебных пособий, а те, в свою очередь, — упрощения процесса обучения чтению. В итоге в 1708 г. была проведена, первая после своего создания преподобными Кириллом и Мефодием, реформа русского алфавита. Она касалась изменения состава азбуки и нового начертания букв. Приближенный по графике к западноевропейскому, новый шрифт был задуман для упрощения типографского набора на печатных станках, изготовленных в Западной Европе. Новый — гражданский — шрифт был предназначен для печати светских изданий: официальных публикаций и периодики, технической, военной, научной, учебной и художественной литературы. Помимо введения нового рисунка букв подвергся пересмотру и состав алфавита: исключены надстрочные знаки и некоторые дублетные буквы, узаконена буква Э, появилась буква Я вместо малого юса (Ѧ), утверждены европейские (арабские) цифры вместо буквенных обозначений чисел, упорядочена пунктуация и применение прописных литер в наборе. Применение полуустава было ограничено сферой богослужебной литературы. В этой связи хочу подчеркнуть, что и после осуществления данной реформы состав русской азбуки и ее графика продолжали изменяться. Алфавит устоялся к середине XVIII века и держался в таком виде вплоть до реформ алфавита, проведенных Советским правительством уже в 1918 г.

Так или иначе, но реформа алфавита привела к началу масштабной книгоиздательской деятельности и выходу в свет большого числа

учебников. Среди них была знаменитая «Арифметика сиречь наука числительная» Леонтия Магницкого, «Букварь» Федора Поликарпова, были переведены с иностранных языков и изданы многие иностранные руководства по изучению различных естественнонаучных и инженерных дисциплин и пр. Как известно, с 1703 г. начала выходить первая русская газета «Ведомости», редактируемая начальником Московского печатного двора Ф. И. Поликарповым-Орловым (сначала на церковнославянском языке, а с 1710 г. — на основе нового, гражданского алфавита).

Эти тенденции в области просвещения укрепились и получили свое развитие и в дальнейшем. На протяжении всего XVIII в. формирующаяся образовательная система России в значительной степени продолжала сохранять сословный характер. В 30-е годы XVIII в. число военных учебных заведений для дворян расширилось за счет шляхетских Сухопутного (1732 г.) и Морского (1752 г.) корпусов. При Екатерине II к этим двум учебным заведениям добавились Артиллерийский и Инженерный шляхетские кадетские корпуса. Пятым и самым привилегированным из перечисленных сословных дворянских учебных заведений стал основанный в 1759 г. Его Императорского Величества Пажеский корпус — учебное заведение, ставившее своей целью подготовку будущих чинов Императорского Двора и высшей бюрократии. В 1764 г. в России появилось первое в России женское учебное заведение. Им стал Смольный институт благородных девиц, который должен был давать образование молодым дворянкам. Год спустя при институте открылось отделение «для мещанских девиц» (недворянских сословий, кроме крепостных крестьян).

Но подлинным прорывом в образовательной сфере было основание в 1755 г. Московского университета. М. В. Ломоносов после возвращения на Родину был принят в штат Российской академии наук и довольно много времени уделял преподаванию в академическом университете. Несмотря на принятый в 1747 г. новый Устав этого университета, декларировавший отдельные элементы автономии, реализовать программу создания настоящего классического университета там не удавалось. Поэтому Ломоносов, который был одержим идеей создания всесословного учебного заведения для общего блага страны, а не отдельных групп ее жителей, стал искать возможность открытия нового университета вне столицы. Я уже подробно останавливался на этом вопросе, когда мы говорили о правлении императрицы Елизаветы Петровны. В данной связи только напомню, что Ломоносов нашел ценного сотрудника и союзника при Дворе императрицы Елизаветы, коим был ее фаворит И. И. Шувалов. Вместе им удалось пробить все бюрократические препоны и открыть в 1755 г. Московский университет в составе десяти кафедр, объединенных в три факультета, и гимназии. Новая образовательная институция имела выраженные элементы уни-

верситетского самоуправления — управлялась директором, которому помогала университетская конференция в составе трех профессоров и трех асессоров по выбору. Правительственный надзор над университетом осуществлял куратор. Первым куратором Московского университета стал И. И. Шувалов. В отличие от большинства российских учебных заведений рассматриваемой эпохи, поступать в Московский университет могли представители всех сословий. Правда, в 1779 г. при университете возник один из первых, учрежденных в России по проекту И. И. Бецкого, благородный пансион. Он предполагал обучение исключительно лиц дворянского происхождения и предполагал не только прохождение в течение 12 лет университетского курса наук, но и получение идеального воспитания, соответствующего идее Екатерины II о выведении новой «породы людей».

Другим воплощением этой же идеи, но для недворянских сословий, стало формирование в стране под руководством того же Бецкого, а затем и Янковича де Мириево сети низших и средних учебных заведений. В 1764 г. по инициативе Бецкого в Москве был открыт Воспитательный дом для сирот и незаконнорожденных детей. Инициатор проекта предполагал через воспитание таких детей создать третье сословие — среднее между привилегированным и податным; причем было определено, что «все дети и их потомство на вечное время — вольные». В середине 80-х гг. XVIII в. в губернских городах были созданы четырехклассные, а в уездных — двухклассные народные училища. Для этих учебных заведений были впервые утверждены государственные программы обучения, написаны учебные и методические пособия. В первых классах этих учебных заведений давались начала грамотности, навыки счета и письма. В старших классах преподавали историю, географию, геометрию, физику и ряд других предметов. К концу XVIII в. в 288 низших и средних училищах по стране обучалось более 22 000 молодых людей.

На развитие книгоиздания большое влияние оказал указ Екатерины II «О вольных типографиях» 1783 г., разрешавший частным лицам заниматься издательской деятельностью. Уже через несколько лет в Санкт-Петербурге насчитывалось около 20 частных типографий; крупнейшей среди них была типография И. К. Шнора, выпустившая свыше 230 изданий на русском языке. Оборудование этих типографий закупалось за границей, шрифты частично отливались в Санкт-Петербурге. Тиражи колебались от 100 до 20 тыс. экземпляров.

Владельцами частных типографий чаще всего становились профессиональные книгоиздатели, книгопродавцы, литераторы (К. В. Миллер, И. П. и М. П. Глазуновы, П. И. Богданович, И. А. Крылов, И. Г. Рахманинов, А. Н. Радищев и др.). Наиболее известна издательская деятельность Н. И. Новикова, который руководил несколькими типографиями в Москве: университетской, которую он арендовал; собственной вольной типографией; типографией, организованной

Типографической компанией и др. Основной продукцией частных типографий были сказки, авантюрные романы, сонники, книги по домоводству, руководства по гаданию, учебная литература.

Новиков издавал во множестве учебники, словари, научные работы, детскую, переводную художественную литературу для легкого чтения.. Одним из ценнейших его начинаний стало издание «Древней русской вивлиофики» — собрания источников по древнерусской истории. Именно благодаря Н. И. Новикову и издаваемым им сатирическим журналам «Трутень» и «Живописец», полемизировавшим с проправительственным журналом «Всякая всячина», в России развернулась первая журнальная полемика, способствовавшая началу формирования общественного мнения. Подробнее об этом мы говорили в одной из лекций, посвященной правлению Екатерины II.

Также мы уже ранее подробно освещали и трагическую судьбу автора первого антикрепостнического сочинения в России А. Н. Радищева, удостоенного Екатериной II характеристики «бунтовщик, хуже Пугачева». Здесь я хочу лишь отметить, что он не был единственным критиком самодержавия. Другим, гораздо более осторожным, но не менее проницательным критиком царизма был М. М. Щербатов (1733–1790 гг.). Правда, он принадлежал к лагерю консерваторов, поэтому порицал существующий строй за излишний, как бы мы сейчас сказали, либерализм и отступление от вековых традиций. Так, в своем памфлете «О повреждении нравов в России», Щербатов выступал за безусловное сохранение крепостного права и расширение привилегий дворянства. При этом он требовал ограничить доступ в дворянское сословие выходцам из других слоев общества, которые лишены «природной» дворянской чести и потому компрометируют высшее сословие. Саму Екатерину II Щербатов порицал за безнравственность и деспотизм, проявлявшиеся, по его мнению, в ущемлении дворянских привилегий и наделении чрезмерными правами государственных чиновников в ущерб дворянскому корпоративному самоуправлению. За свои взгляды Щербатов, в отличие от Радищева, никак не пострадал. Более того, он успешно продвигался по служебной лестнице, дослужившись до должности сенатора и действительного тайного советника. Очевидно, что его воззрения отражали настроения значительной части российского дворянства.

В связи с расширением круга читателей, в обществе обозначился интерес к покупке известных книжных коллекций. Пример тут подавала императрица Екатерина II, которая любила чтение, сама неплохо владела пером и ценила литературу. Именно из ее коллекции книг выросла Эрмитажная библиотека. Благодаря усилиям таких меценатов, как И. И. Шувалов и прямым монаршим указаниям, это собрание постоянно пополнялась ценнейшими книжными собраниями. Так, по смерти Вольтера его библиотека была куплена у наследников по пря-

мому указанию Екатерины II за 30 000 рублей через И. И. Шувалова и Ф.-М. Гримма и в 1779 году была доставлениа в Санкт-Петербург. Местом ее хранения и стала Эрмитажная библиотека Зимнего дворца.

Более драматично развивалась история с приобретением библиотеки другого известного французского просветителя — Дени Дидро. Строго говоря, Дидро решил расстаться со своим книжным собранием еще в начале 60-х гг. XVIII века. На такой шаг знаменитый французский философ решился, чтобы поправить материальное положение своей многочисленной семьи и обеспечить приданным дочь. Единственным условием продажи была возможность пожизненного пользования Дидро своим книжным собранием. Из-за этого условия покупателей на его библиотеку не было. Об этом узнал все тот же Ф.-М. Гримм и сообщил через И. И. Бецкого Екатерине II. Ценность библиотеки Дидро в масштабах того времени была такова, что, когда стало известно о желании русской императрицы купить ее, Дидро пришлось согласовывать эту сделку с французским Двором.

В конце концов согласие было получено и Екатерина II приобрела библиотеку за очень значительную для Дидро сумму — 15 000 ливров. Книги перевезли в специально арендованный дом в Париже с правом писателя пользоваться ими, а он сам получил титул «библиотекаря Её Императорского Величества» с ежегодным содержанием в 1000 ливров. Однако же, своей зарплаты Дидро не получал полтора года, но когда он все же решился напомнить о себе венценосной хозяйке библиотеки, то сразу же получил жалование на 50 лет вперед (!). Утверждают, что Дидро был настолько поражен этой щедростью, что сутки пребывал в состоянии ступора. Но на этом история не закончилась.

Переписка между Екатериной и Дидро велась со времени ее вступления на престол и интенсифицировалась после приобретения библиотеки. Екатерина поручала своему библиотекарю отслеживать рынок культурных ценностей во Франции и покупать произведения искусства для Эрмитажа. Собственно, из-за этого в поле зрения Дидро попал талантливый французский скульптор Этьен Фальконе, которого он рекомендовал Екатерине для создания памятника Петру Великому. Императрица неоднократно приглашала французского энциклопедиста в Петербург, но он отказывался под различными предлогами. В 1773 году Дидро всё-таки посетил Россию и пробыл до марта 1774 года. Ну библиотека Дидро заняла свое место в книжном собрании Эрмитажа после смерти философа в 1785 году.

К этому рассказу мне остается добавить, что в 1795 г. Екатерина II распорядилась основать библиотечную коллекцию для публичного использования и о строительстве для ее удобного размещения на углу Невской перспективы и Сенной (нынешней Садовой) улицы в Санкт-Петербурге специального здания Императорской публичной библиотеки. Автором проекта здания этой библиотеки стал архитектор

Е. Соколов. Сооружение его затянулось до 1801 г., а первых читателей библиотека приняла лишь в 1814 г.

Наука и техника

Еще до основания Петербургской академии наук для того чтобы вызвать у подданных интерес к знаниям, Петр I основал первый в России музей — Кунсткамеру, где были собраны древности, технические приспособления, анатомические коллекции и пр. При Кунсткамере имелась богатая библиотека с собранием научной литературы. Но решительный шаг в деле появления и развития затем в России культуры и практики научных исследований был сделан в 1725 г. с открытием Академии наук. Для работы в ней из стран Европы был приглашен целый ряд исследователей, заложивших основы научных изысканий в России. Среди них были такие знаменитости как математики Л. Эйлер и Д. Бернули, историки Г. Байер и Г. Миллер и ряд других.

Особое место среди первых академиков Петербургской академии наук принадлежит Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711–1765 гг.). Причудливые повороты его биографии поистине завораживают. Рассказ о жизни этого человека вполне может лечь в основу как авантюрного романа, так и эпической саги о превращении простого крестьянского юноши в великого ученого и просветителя.

Уроженец Куростровской общины под Холмогорами сын помора В.Д. Ломоносова Михайло Ломоносов ушел из дома без разрешения отца, который, узнав, где он находится, настаивал на его возвращении домой. Сын ослушался отцовской воли, упросил приказчика рыбного обоза взять его с собой в Москву. Там у юного помора не было никаких знакомых и первое время он ночевал в санях у Рыбного ряда. Затем его приютил кто-то из архангелогородских приказчиков, торговавших на этих рядах.

В Славяно-греко-латинскую академию Ломоносов попал по протекции караванного приказчика, который водил знакомство с неким монахом из Заиконоспасского монастыря. Возможно, что по совету именно этого человека, Ломоносов скрыл свое крестьянское происхождение, назвавшись дворянином. Подлог, впрочем, довольно быстро открылся, и будущий академик был подвергнут допросу. Результаты этого расследования, к сожалению, до нас не дошли, а сам факт такового известен лишь со слов самого Ломоносова. Вторично он скрыл свое происхождение, назвавшись сыном священника, когда хотел отправиться в Оренбургскую экспедицию И.К. Кириллова. И вновь был подвергнут допросу с пристрастием. Несмотря на официально зафиксированный факт сообщения ложных сведений о себе и вскрывшееся крестьянское происхождение, Михайло Ломоносов не был отчислен

и продолжил обучение в академии, хотя в экспедицию так и не попал. Вопрос «почему?» до сего дня остается открытым.

В стенах Славяно-греко-латинской академии М. Ломоносов пробыл без малого пять лет (с января 1731 г. по ноябрь 1735 г.). За эти годы он дошел до класса философии, т.е. в течение 4–5 лет прошел курс, на который обычно затрачивалось 7–8 лет. Лето 1735 г. он провел в Киево-Могилянской академии в Киеве. Затем вернулся в Москву. Особенные успехи, по словам первого биографа Ломоносова Я. Штелина, он делал в латыни. Ее он изучил настолько, что мог уже на латыни сочинять стихи.

2 января 1736 г. он в числе 12 студентов Славяно-греко-латинской академии, которые, по словам архимандрита Спасского монастыря, были «остроумия... не последнего», прибыл в Санкт-Петербург, в распоряжение Академии наук и зачислен в число студентов Академического университета. В это время Академией готовилась Великая Сибирская экспедиция и в ее составе не хватало геолога. Обнаружив большие способности к наукам, Михайло Ломоносов попал в число трех студентов, которых направляли в Фрейбург для изучения горного дела. Вместе с ним в Германию за казенный кошт были командированы студенты Д. И. Виноградов и Г. У. Рейзер.

Однако сначала троица приехала в Марбург, где проходила подготовительный курс наук под руководством известного немецкого ученого, просветителя, профессора Х. Вольфа. Вольфу же перечислялось денежное содержание русских студентов. Делалось это крайне нерегулярно. Часть этих денег шла на оплату обучения университету, часть — самому Вольфу и часть ежемесячно выдавалась русским студентам в качестве стипендии. И здесь начались первые трудности. Будучи занесенным 17 ноября 1736 г. в матрикулы (списки студентов. — *Д.Г.*) Марбургского университета, Ломоносов «прописался» в студенческой корпорации, угостив своих новых сокурсников бочкой пива. На это ушла вся стипендия за ноябрь. Последующие траты с точки зрения куратора Ломоносова были также вызывающими. Он стал оплачивать уроки фехтования, много денег уходило на одежду, азартные игры и пр. Когда средств катастрофически не хватало, Ломоносов участвовал в кулачных боях. В итоге Вольф стал ограничивать Ломоносова в средствах, выдавая деньги только на перья и бумагу и требуя, чтобы русские студенты столовались у него (удерживая у них плату за обед). За это время они изучали немецкий, французский и итальянский языки, математику, геометрию, химию и практическую механику.

В конце концов из-за участившихся конфликтов Х. Вольф предложил Ломоносову в 1737 г. переехать на квартиру в дом вдовы почетного профессора Марбургского университета (и известного марбургского пивовара) Иоганна Цильха. Вольф из денег, присылавшихся из Санкт-Петербурга, оплачивал Ломоносову квартиру и обед у вдовы. Однако

через некоторое время живот дочери фрау Цильх Елизаветы подозрительно округлился и 8 февраля 1739 г. на свет появилась девочка, нареченная при рождении Екатериной. Ломоносов признал дочь, но вместо свадьбы срочно уехал во Фрейбург для продолжения обучения у профессора Генкеля. Согласно контракту, подписанному Академией наук с немецкой стороной, в случае заключения русскими студентами брака, договоры на их обучение незамедлительно разрывались. Ломоносов бежал из Марбурга.

Около года Ломоносов изучал горное дело под руководством профессора Генкеля во Фрейбурге. В мае 1740 г. он все же обвенчался с Елизаветой Цильх и узаконил свое отцовство. Жизнь налаживалась, но обучение было неожиданно прервано крупным конфликтом между студентом и его руководителем. Ломоносов обвинил уважаемого немецкого профессора в некомпетентности. Генкель отказался далее обучать русского нахала, и Михаил Васильевич попытался уехать на родину. Однако же на пути в ближайшее русское представительство в Амстердаме он был обманом завербован в прусскую армию и год провел в казармах Веймарского гусарского полка. Сделал несколько попыток сбежать из расположения части, пока, наконец, не смог уйти от преследователей.

И лишь летом 1741 г. через Арнгейм, Утрехт, Гаагу, Амстердам и Любек он отправился в Россию. Тут тоже не обошлось без приключений. По дороге в Амстердам ему пришлось пережить ограбление. На Ломоносова напало восемь (!) разбойников, от которых он сумел отбиться.

Несмотря на то, что по возвращении в стены Петербургской академии наук Ломоносов не представил никакого документа, удостоверяющего получение им высшего образования, он был принят в штат и работал под руководством И. Аммана над составлением каталога минералогической коллекции. Написал «Физико-химическое рассуждение о соответствии серебра и ртути» для получения звания адъюнкта.

После защиты диссертации в 1742 г. Михаил Васильевич был определен адъюнктом Физического класса в университет при Академии наук с жалованием в 360 руб. в год (включая квартиру, дрова и свечи). 1 сентября он начал читать лекции по естественной истории, физической географии и химии минералов. И тогда же он стал ходатайствовать о разрешении для написания докторской диссертации.

Докторская диссертация Ломоносова по химии называлась «О цветности металлов» и была им защищена 25 июля 1745 г. 12 августа того же года М. В. Ломоносов впервые участвовал в работе Академической конференции в качестве профессора и действительного члена Академии. Дальнейшая плодотворная работа ученого продолжалась около четверти века.

Наследие, которое оставил первый русский академик, огромно и разнообразно. Это научные труды по различным отраслям естественных и гуманитарных знаний, поэтические произведения, работы в области живописи и мозаики, и, наконец, плоды его организационно-административной деятельности. В рамках краткого рассказа совершенно невозможно оценить все достижения ученого, поэтому попытаемся охарактеризовать самые основные.

Он создал в Академии наук первую в стране химическую лабораторию, где составил оригинальный рецепт русского цветного стекла — смальты. М. В. Ломоносов разработал основы атомно-молекулярного учения. Ломоносов-астроном наблюдал прохождение Венеры по солнечному диску, совершил ряд открытий, имеющих отношение к атмосферному электричеству. Разработанная им и воплощенная в многочисленных одах и стихотворных произведениях силлабо-тектоническая система русского стихосложения признана одним из его действительных, ярчайших достижений и поныне служит российской литературе. Его «Русская грамматика» выдержала 14 изданий. Его перу принадлежат первые отечественные работы в области демографии, геологии и географии. Как я уже говорил ранее, непреходящее значение имели усилия Ломоносова по созданию системы высшего образования в России.

В 40–50-е годы XVIII в. Академия наук стала пополняться молодыми русскими учеными, прибывшими после окончания образования из-за границы. С их появлением конкуренция между немецкими и русскими членами Академии существенно обострилась, а вместе с ней повысились профессиональные критерии оценки научной работы, расширились рамки научных изысканий.

Еще в первой четверти XVIII в. было начато изучение природных условий России и началось картографирование страны. Были открыты богатейшие рудные залежи на Урале, позволившие обеспечить растущую металлургическую промышленность необходимым сырьем. Велась разведка залежей каменного угля на Донбассе и нефти в Баку. Обследовались внутренние районы Сибири, побережья Северного Ледовитого океана, Каспия и Аральского моря. Эти работы подготовили издание географом И. К. Кирилловым «Атласа Российского» (1724–1737 гг.). Экспедиция В. Беринга достигла пролива между Азией и Америкой, получившего его имя (1728 г.). Не менее значимый вклад в развитие географии России внес и С. П. Крашенинников, побывавший на Камчатке и составивший «Описание земли Камчатки» (1755 г.). Большой вклад в изучение географии России внесли С. И. Челюскин и братья Лаптевы, чьим именем названо море. Практика снаряжения географических экспедиций для описания различных районов страны продолжилась и во второй половине XVIII века. Благодаря организованным Петербургской академией наук экспедициям С. Г. Гмелина,

И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Г.-Ф. Миллера появились подробные описания природы и образа жизни народов Поволжья, Урала и Сибири.

Большое научное значение имело создание академиками Г.-Х. Миллером, А. Л. Шлецером и Г. Байером так называемой «норманской теории» о происхождении древнерусского государства. Полемика между ними и М. В. Ломоносовым стала первой научной дискуссией по исторической проблематике в России. В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и И. Н. Болтин своими исследованиями также заложили основы русской исторической науки.

Огромную роль в появлении, распространении и популяризации в стране экономических знаний сыграло основание в 1765 г. в Санкт-Петербурге Вольного экономического общества — первого научного общества в России. Тогда же был объявлен и первый открытый научный конкурс о возможных путях освобождения крестьян. Я уже подробно касался этого сюжета, рассказывая о политике просвещенного абсолютизма (см. Глава VIII), поэтому здесь повторяться не буду. Однако скажу, что это начинание Екатерины II надолго пережило свою создательницу. На протяжении вот уже более 250 лет при разных правителях и разных политических режимах это общество продолжает координировать исследования в России по экономической тематике. Ныне оно носит название «Вольное экономическое общество России».

Ученый-механик А. К. Нартов сконструировал ряд оригинальных станков и механизмов. Изобретатель-самоучка И. П. Кулибин спроектировал 300-метровый одноарочный мост через Неву, а также создал ряд прототипов технических и транспортных средств (оптический телеграф, лифт, самодвижущуюся коляску). «Механическая нога», которую изобретатель сконструировал для потерявшего конечность при штурме Очакова офицера, послужила прототипом будущих протезов. Другой не менее известный изобретатель — И. И. Ползунов сумел усовершенствовать паровую машину и создать первый в истории двухцилиндровый двигатель с работой цилиндров на один общий вал. Его двигатель работал без какого-либо использования гидравлической энергии, что было огромным шагом вперед по сравнению с существовавшими тогда паровыми машинами, не способными обходиться без вспомогательного гидравлического привода. Подобная машина была создана английским инженером Д. Уаттом лишь в 1784 г. — т.е. на 20 лет позже И. Ползунова.

Архитектура

Я уже говорил о том, что вместе с петровскими реформами, русские архитекторы стали осваивать строительство новых типов зданий личного и общественного назначения — дворцы, присутственные места,

здания учебных заведений, казармы, арсеналы, новые типы защитных и фортификационных сооружений и пр. Однако же одним из наиболее существенных приобретений русской архитектуры петровской эпохи стало градостроительство. Заложенный в 1698 г. Таганрог и в 1703 г. Санкт-Петербург строились по заранее разработанным планам, составлявшимися известными архитекторами своей эпохи и утверждавшиеся царем. Иноземные инженеры Г. Лаваль, Э. Боргсдорф, Р. Трузин и Ю. Франк спроектировали порт и крепость Таганрог и заложили основы регулярной планировки этого города. Видные представители архитектуры европейского барокко Ж. Леблон и Д. Трезини создавали Генеральный план Санкт-Петербурга и построили в новой столице немало знаковых сооружений.

Развивая практику регулярной застройки, Петр I создал специальную Комиссию каменных строений, которая курировала каменное строительство в столицах и составила около 400 проектов перепланировки старых русских городов.

В Москве в первой половине XVIII в. также было построено немало известных зданий, которые ныне считаются памятниками архитектуры. Это Меншикова башня на Чистых прудах и церковь Иоанна Воина на Якиманке, построенные по проекту Ивана Зарудного. В этих постройках элементы средневековой архитектуры переплетаются со светскими — здания напоминают дворцы или башни, увенчанные крестами. Из других известных московских построек этого периода можно назвать здание Арсенала в Кремле, здания Суконного и Монетного дворов, а также не сохранившиеся до наших дней мосты — Старый Каменный через Москву-реку и Кузнецкий — через Неглинку.

Поскольку строительство Санкт-Петербурга тесно связано с ходом Северной войны, то закономерно одним из первых каменных сооружений на берегах Невы стала Петропавловская крепость, сооруженная по проекту самого Петра и французского инженера Ж. Г. Ламбера. В мае 1714 г. на месте старой деревянной церкви, находившейся в периметре стен крепости архитектором Доменико Трезини был заложен знаменитый собор Петра и Павла, ставший впоследствии усыпальницей русских императоров. Поскольку по утвержденному Петром Генеральному плану Санкт-Петербурга, центром города должен был стать Васильевский остров, то и большинство знаковых строений первых десятилетий существования новой столицы расположены именно там. Среди них еще раз назовем здание Двенадцати коллегий (заложено в 1722 г.) того же Трезини и Меншиков дворец работы архитекторов Д. Фонтана и Г. Шенделя, а также здание Кунсткамеры (1718–1734, архитектор Г. И. Матарнови).

Из памятников этой эпохи, построенных в других частях города, можно назвать Летний дворец Петра (архитектор Д. Трезини), располагающийся в одноименном саду. Он проектировался не как дворец, но

как жилой дом императора и его семьи, и в нем не предусматривалось парадных помещений. Такой подход вовсе не недостатком средств, а принципами целесообразности, строгости и простоты, которые исповедовал царь. Действительно, прямоугольный в плане двухэтажный дом почти кубической формы, перекрытый высокой четырехскатной крышей, больше походил на жилище богатого голландского бюргера, чем на дворец главы всесильного русского государства. Именно Петр был и автором идеи одной из нынешних достопримечательностей северной столицы — Летнего сада. Он служил дополнением дворца и именно там проходило большинство светских мероприятий и «затей», автором которых выступал сам царь. Летний сад стал одним из первых публичных пространств нового города.

Постепенно вкусы Петра стали отклоняться от добротного утилитаризма в сторону величавой пышности абсолютистской Франции. Это нашло отражение при строительстве Петергофа, ставшего своего рода ответом Петра Версалю. Петергоф был задуман им как «соединение вод источников и моря». Оригинальный ансамбль, в создание которого внес свою лепту художник европейского масштаба Жан Батист Леблон, соединил в себе черты «большого стиля» Людовика XIV, итальянского ренессанса и голландской архитектуры.

После смерти создателя Северной Пальмиры в качестве господствующего стиля русской дворцовой архитектуры утвердилось барокко. Для него характерна монументальность постройки в сочетании с пышным декором, внешним великолепием и эмоциональной возвышенностью. Крупнейшим представителем этого стиля в России стал русский архитектор итальянского происхождения В. В. Растрелли (1700–1771 гг.). Им были построены Зимний дворец и Смольный институт в Санкт-Петербурге, Екатерининский дворец в Царском Селе и закончен Петергофский дворец, Андреевская церковь и Мариинский дворец в Киеве и ряд других зданий.

Во второй половине XVIII в. на смену барокко пришел строгий и величественный стиль — классицизм. Его характеризовала ясность и законченность форм, простота и монументальность, которые имели своим источником классические, древнегреческие и римские архитектурные образцы. Классицизм утверждал величие и силу государства, универсальность имперской власти и призван был подчеркнуть могущество Российской империи. Крупнейшими представителями этого архитектурного стиля в России были В. И. Баженов (1736–1799 гг.), И. Е. Старов (1745–1808 гг.) и М. Ф. Казаков (1736–1812 гг.).

Санкт-Петербург в это время принимал строгий и стройный вид. И. Е. Старов возвел в 1789 г. Таврический дворец, а также Троицкий собор Александро-Невской лавры. В. И. Баженов — Каменноостровский дворец, Арсенал и Михайловский замок. Свою лепту в создание архитектурного образа Санкт-Петербурга в XVIII в. внесли и другие

архитекторы. А. Ф. Кокорин, Ж. Б. Деламот и Ю. М. Фельтен возвели здание Академии художеств на Васильевском острове. А. Ринальди — Мраморный дворец, Д. Кваренги — Академию наук. Ю. М. Фельтен спроектировал набережную Невы и решетку Летнего сада. Так складывался неповторимый облик Санкт-Петербурга, каким мы его знаем сегодня.

В Москве В. И. Баженов построил знаменитое здание дома Пашкова, которое ныне занимает Российская государственная библиотека. Однако же два других крупных проекта — здание Большого Кремлевского Дворца и усадьбы Царицыно осуществить в силу разных причин не удалось. Более счастливой была профессиональная судьба М. Ф. Казакова, который построил в Москве большое количество особняков и общественных зданий, часть которых сохранились до наших дней. Это здание Сената в Кремле, Дом Благородного собрания (ныне Дом Союзов), здание Голицынской (ныне 1-й градской) больницы, а также не сохранившееся здание Московского университета на Моховой улице (сгорело при пожаре 1812 г.).

Традиция русского деревянного зодчества была продолжена созданием в начале XVIII в. знаменитого ансамбля церквей на одном из островов Онежского озера — Кижи с 22-главым Преображенским собором.

Изобразительное искусство

В первой половине XVIII в. ведущим жанром русской живописи становится портрет. Этот жанр, сменивший господствовавшую в XVII в. парсуну, наиболее осязаемо характеризует победу в изобразительном искусстве светского начала. Наиболее известными художниками этого времени были А. Т. Матвеев и И. Н. Никитин. «Автопортрет с женой» А. Матвеева, а также портреты Петра Великого, канцлера Г. И. Головкина, графа А. Г. Строганова, выполненные Никитиным не только передают внешний облик этих людей, но и позволяют представить черты их характеров и внутренний мир.

Традиции русского портрета были продолжены в работах художника А. П. Антропова (портрет А. М. Измайловой, императора Петра III), И. П. Аргунова («Неизвестная крестьянка», «Калмычка Аннушка» и др., Ф. С. Рокотова (портрет поэта В. И. Майкова, семейный портрет Суровцевых и др.). Крупнейшим портретистом второй половины XVIII в. был Д. Г. Левицкий. В его портретах издателя Н. И. Новикова, мецената П. А. Демидова, просветителя Д. Дидро ярко переданы многогранность натуры и внутренний мир этих людей. Влияние сентиментализма явственно чувствуется в полотнах еще одного известного портретиста конца XVIII в. — В. Л. Боровиковского (портреты М. И. Лопухиной, князя А. Б. Куракина и др.)

В XVIII в. развивался не только портретный жанр. Г. Н. Теплов написал первый натюрморт. А. П. Лосенко создал первую картину в историческом жанре. Его начинания продолжили ученики — П. И. Соколов, Г. И. Угрюмов и М. И. Пучинов. Бытовая живопись стала заметным явлением в русском изобразительном искусстве благодаря творчеству бывшего крепостного М. Шибанова. Полотна о жизни русских крестьян писал И. А. Ерменев. Он был сыном конюха, окончил Академию художеств, учился в Париже. Кисти Ерменева принадлежала целая серия картин «Нищие».

Еще одним новшеством для XVIII в. стал городской пейзаж. Основоположником этого жанра считается С. Ф. Щедрин, а продолжателем этой традиции — живописец Ф. Я. Алексеев.

В XVIII в. в корне изменилось само отношение к живописи. Работа художника становилась профессией. В 1757 г. усилиями И. И. Шувалова в Санкт-Петербурге открылась Академия художеств, где обучали изобразительным искусствам и архитектуре. Она была создана по примеру школ, уже существовавших в Болонье, Милане, Париже, Берлине и Вене. Изначально в Академии преподавали лишь иностранцы, поэтому воспитанникам приходилось учить языки своих наставников. Первыми выпускниками учебного заведения стали Ф. С. Рокотов, А. П. Лосенко, В. И. Баженов, И. Е. Старов, Ф. И. Шубин.

При Петре I появились и первые частные коллекции живописи. Полотна собирали А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, князья Голицыны. Императрица Елизавета Петровна создала первые картинные галереи при Дворе. Новый этап в создании государственных коллекций живописи наступил в правление Екатерины II. Иностранных мастеров приглашали ко Двору, картины скупали через российских дипломатов за рубежом. В итоге императрица собрала достойную коллекцию западноевропейского искусства. Именно на ее основе к концу века был сформирован один из богатейших фондов европейской живописи в мире — Эрмитаж.

Все, что мы говорили о живописи, в полной мере касается и скульптуры. Еще один выходец из поморов, крестьянский сын Ф. И. Шубин фактически повторил жизненный путь М. В. Ломоносова. Он приехал в Петербург и поступил в только что открывшуюся Академию художеств, которую окончил по классу скульптуры с золотой медалью. Затем он обучался в Париже и Риме. Ф. И. Шубин создал ныне хрестоматийные скульптурные портреты В. М. Ломоносова, А. М. Голицына, Г. А. Потемкина, П. А. Румянцева, императора Павла I и др.

Выдающимся скульптором рассматриваемой эпохи был М. И. Козловский. Он прославил свой талант памятником А. В. Суворову в Санкт-Петербурге, выполненным в образе древнеримского бога войны Марса. Он же является автором центральной статуи Самсона

в каскаде фонтанов в Петергофе, статуи «Геркулес на коне» и ряда других замечательных произведений.

Подлинным символом Санкт-Петербурга стал памятник Петру Великому, более известный как «Медный всадник» (1762 г.) Он по сей день украшает Сенатскую площадь северной столицы. Я уже упоминал о роли французсого философа Дени Дидро в приглашении скульптора Э. М. Фальконе для выполнения этого проекта. Здесь же я хотел бы добавить, что и сама идея установки памятника Петру Великому в Санкт-Петербурге изначально была высказана Екатерине II именно Дидро.

Наконец, еще одним известным скульптором XVIII в., о котором невозможно не упомянуть на этих страницах, был И. П. Мартос. Он более всего известен как автор первого скульптурного памятника, установленного в Москве в 1818 г. — памятника К. Минину и Д. Пожарскому. Между тем, первые выдающиеся свои работы Мартос создал еще в XVIII в. — скульптуры «Андемион спящий», «Геркулес, отдыхающий от трудов» и др.

В 1730 г. императрица Анна Иоанновна велела отлить в Москве новый Царь-колокол взамен прежнего, созданного в 1652 г. литейным мастером Пушечного Двора Александром Григорьевым. Колокол весил 160 тонн и висел на звоннице Ивана Великого до 1701 г. Тогда в ходе пожара этот шедевр литейного искусства сильно пострадал. И вот монаршим указом было объявлено о создании нового колокольного гиганта.

За дело взялись мастера литейного дела Иван Моторин и его сын. Вес нового колокола должен был составить 200 тонн, высота от основания юбки до завершения — 6,24 метра, а наибольший диаметр — 6,6 метра. Работа проводилась в специально вырытой яме, оснащенной деревянными строительными лесами, и была завершена уже к 1735 г. Иван Моторин умер где-то через год после начала работ. Доводил дело до конца его сын Михаил Иванович. Когда металл остыл, началась работа по нанесению декоративных украшений и надписей. Но колокол так и оставался в земле. По мнению современных экспертов, специалистов литейного дела, из-за нарушения технологии уже в ходе отливки произошел скол юбки колокола. Скорее всего, поэтому колокол довольно долго не поднимали на поверхность, боясь, что брак вскроется.

По другой версии, произошедший в 1737 г. сильный пожар в Москве уничтожил деревянные леса вокруг колокола и раскалил металл. Вода, которой тушили пожар, попала на него и колокол треснул. Как известно, от него отделился немаленький кусок.

Почти век Царь-колокол так и пролежал в земле, пережив пожар Москвы и французскую оккупацию 1812 г. Проект его подъема и установки на постаменте разработал архитектор И. Мироновский в 1827–1831 гг. Осуществить подъем было поручено французскому инженеру

и архитектору О. Монферрану. На подготовительные работы ушло полгода. Первый подъем завершился неудачно: из-за тяжести колокола в разное время лопнули четыре каната и сломался один из блоков. Работникам пришлось подложить под колокол бревна и вернуть его на прежнее место. Для второй попытки заказали новые канаты, число вóротов увеличили до 20. 23 июня 1836 г. начался второй подъем. Он продолжался 42 минуты. Когда колокол подняли, яму накрыли помостом из бревен, поставили полозья на катках и опустили на них колокол. За три дня колокол передвинули и установили на постамент рядом с колокольней Ивана Великого. Там он находится и по сей день.

Несмотря на то, что проект создания Царь-колокола оказался неудачным, он и сегодня остается признанным и в чем-то непревзойденным[1] шедевром русского литейного искусства. Сразу после своей установки на постамент Царь-колокол стал одной из достопримечательностей Москвы.

Литература

Реформа языка, расширение сети образовательных учреждений увеличили число читателей, а увеличение числа типографий (в т.ч. и частных) привело к увеличению тиражей, расширению ассортимента и разнообразию жанров издаваемой в России литературы. Важнейшим направлением в русской литературе, сформировавшимся в середине XVIII в., был классицизм. Особенностями этого жанра применительно к литературному творчеству является использование античных сюжетов и сложившихся литературно-поэтических форм. В частности, при Дворе были востребованы поэтические оды и сатиры, драматические трагедии и комедии. Наиболее известными авторами поэтических произведений первой половины XVIII в. были В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, А. Кантемир. Во второй половине века раскрылся поэтический талант Г. Р. Державина, особенно прославившийся адресованной Екатерине II одой «Фелица».

Значительный вклад в развитие литературы XVIII века внес Василий Кириллович Тредиаковский. Это был замечательный поэт и филолог своего времени. Он сформулировал основные принципы стихосложения в русском языке. Его принцип силлабо-тонического стихосложения заключался в чередовании ударных и безударных слогов в строке. В 1739 г. эта реформа русского стихосложения была развита и завершена Михаилом Васильевичем Ломоносовым. В связи с успехами русских

[1] Современные технологии позволяют отливать колокола и больших размеров. Однако при ударе такого колокола большая часть звуковых волн окажется в инфразвуковом диапазоне, который способен вызвать приступ паники у людей и животных. Как утверждает современная акустика, оптимальный вес для тяжелых колоколов, при котором звук колокола максимально распространяется в звуковом диапазоне, 32 тонны.

войск на русско-турецком фронте, находившийся тогдав в Германии Ломоносов, прислал в Академию Наук свою известную оду «На взятие Хотина», и сопроводил ее «Письмом о правилах российского стихотворства». В нем он развил принципы Тредиаковского, которые тот ограничивал лишь длинными (одиннцати- и тринадцатистопными) стихами на все стихотворные размеры. Это сделало силлаботонический принцип универсальным для русской поэтики. И до сих пор он остается основным способом стихосложения в русском языке.

М. В. Ломоносов создал свой поэтический стиль – торжественную оду. Наиболее известными из них являются оды «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны», «На день восшествия на престол императрице Екатерины Алексеевны», «На рождение Великого Княза Павла Петровича» и др. Поэзия Ломоносова – поэзия больших государственных дел. Каждая из од – обобщение задач, стоявших перед страной, создание образа идеального просвещенного монарха. Чтобы подчеркнуть величие государей и стоявших перед ними задач Ломоносов использовал слова в высоком стиле: славянизмы, библеизмы, риторические фигуры (восклицания, вопросы ораторского характера).

К концу XVIII века жанр оды претерпевает существенную трансформацию. Усилиями Державина в нее вводится элемент сатиры, живой речи. Начиная с середины 90-х годов Державин все более обращается к разработке короткого, легкого интимно-лирического стихотворения, которое сам он называл «анакреонтической» одой. В его одах появились выражения, слова, обороты, непривычные для поэтической речи его предшественников, а в серьезной лирике считавшимися недопустимыми, выражения разговорной речи. В мир поэзии вторглись быт, описание природы, подлинный факт, ходячая сплетня, изменив в этом жанре все прежние привычные и законные соотношения вещей.

Наиболее полное выражение на русской почве классицизм нашел в творчестве А. П. Сумарокова. Он завершил формирование этого стиля в России и как поэт, и как теоретик литературы. Основа конкретной поэтики Сумарокова – требование простоты, естественности, ясности поэтического языка, – была направлена против ломоносовского «великолепия». Сумароков написал 9 трагедий, 12 комедий, песни, элегии, идиллии, эклоги, притчи, басни, сатиры, мадригалы и др. Поэтическое наследие Сумарокова делится на лирику в собственном смысле слова и на сатирическую поэзию. В лирике поэт использовал все широчайшие возможности тонического стиха. В своих баснях, сатирах, комедиях, статьях нападал на существующие порядки, в результате чего был очень нелюбим ни при одном дворе. В 1756 г. был назначен директором вновь учрежденного постоянного русского театра, с января 1759 г. начал издание собственного журнала «Трудолюбивая пчела», где печатал собственные произведения и своих сторонников.

С конца 1750-х годов образовалась литературная группа из учеников Сумарокова во главе с М. М. Херасковым: А. А. Ржевский, А. В. Нарышкин, С. В. Нарышкин, В. И. Майков, И. Ф. Богданович и ряд других. Центром их общественно-литературной работы оказался Московский университет, где они начали издавать ряд литературных журналов.

Отчасти к классицизму могут быть причислены комедии Д. И. Фонвизщина «Бригадир» и «Недоросль». Композиция этих произведений соответствует требованиям жанра — соблюдено единство места и времени действия, а фамилии героев характеризуют их личностные качества. Но в то же время, герои Фонвизина — живые люди, отличающиеся не только классическими отрицательными или положительными чертами, но и индивидуальными особенностями, характеризующими пороки современного им русского общества.

Классицизм в русской литературе во второй половине XVIII века не был единственным стилем. В среде мещан и купцов популярностью пользовались произведения более близкие им по языку. Не представляя высокой художественной ценности, очень популярными были романы Ф. А. Эмина, плутовские и бытовые повести, восходящие как к аналогичным новеллам Запада, так и к русскому фольклору, в частности «Жизнь и приключения Ваньки Каина», произведения В. И. Лукина, М. Д. Чулкова (особенно роман «Пригожая повариха или похождения развратной женщины», сборник «Пересмешник» или славенские сказки), М. И. Попова («Анюта»).

Наконец, еще раз вспомним А. Н. Радищева. В 1790 году из печати вышло его «Путешествие из Петербурга в Москву». Являясь по сути политическим манифестом, оно было облечено в форму литературного произведения. Максимальная правдивость изображения жизни в нем полностью преодолела схематизм эстетики классицизма. Радищев вообще отрицал возможность рецептов в искусстве, в частности риторику, теорию словесности как нормативную дисциплину, выступал против ограничений индивидуальности в творчестве. Реалистическим новаторством в «Путешествии» явились зарисовки быта и жизни простых людей, хотя задачи формирования какого-либо нового литературного стиля автор перед собой не ставил.

В конце XVIII в. начинает складываться новое направление в русской литературе — сентиментализм. Для него характерно внимание к внутренним переживаниям и чувствам героев. Проникнув в Россию через переводные иностранные произведения, этот стиль вскоре получил развитие в сочинениях русских авторов. Наиболее известным произведением русской литературы в стиле сентиментализма была повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Вообще, фигура Н. М. Карамзина является знаковой для русской литературы хотя бы потому, что это был первый русский писатель, сделавший литературное ремесло своей основной профессией. Не занимаясь излишним теоретизированием,

как его именитые предшественники, он фактически реформировал русскую литературу, избавившись от использования архаизмов и введя в литературный обиход множество новых слов (общественность, влюбленность, промышленность и др.), чем сблизил язык литературы с живым языком дворянской интеллигенции. Читателю Карамзин открыл до того недоступный им мир внутренних человеческих чувств и переживаний.

Театр и музыка

XVIII в. стал исходным пунктом для рождения русского театра. Первая профессиональная театральная труппа возникла в 1750 г. по инициативе ярославского купца Ф. Г. Волкова. Спустя два года его театр переехал в Санкт-Петербург, а в 1756 г. императорским указом был преобразован в Российский театр.

При дворе Екатерины II ставились любительские спектакли в Эрмитажном театре, а особенной популярностью пользовались спектакли, в которых играли люди из высшего общества. Это объективно популяризировало театральное искусство и приводило к тому, что в домах богатых вельмож, да и некоторых помещиков создавались собственные домашние или «вотчинные» театры, актерами в которых выступали крепостные крестьяне. По подсчетам историков, таких театров насчитывалось только в Московской губернии около 50. Наибольшую известность снискал московский театр графа Н. П. Шереметева в Останкине, который прославился игрой знаменитых крепостных актрис П. И. Жемчуговой и Т. В. Шлыковой. С 1756 г. регулярные спектакли давались театром Московского университета, где актерами выступали студенты. На сцене этого театра были поставлены первые пьесы известного русского драматурга XVIII в. (и Директора университета) М. М. Хераскова. С 1759 г. спектакли этого театра стали публичными — билеты на них продавались в канцелярии университета.

В 1757 году в Москве также открылась итальянская опера под управлением популярного в те годы антрепренера Локателли, и с этим событием связывают становление профессионального театра в Москве. Позже театральная труппа Московского университета и оперный театр Локателли объединились для взаимовыгодного сотрудничества. По соглашению Локателли получал покровительство Московского университета, а в обмен обязан был обучать актерскому мастерству студентов университетского театра.

Итальянские и французские оперные труппы гастролировали в России со второй четверти XVIII в., но лишь в 1755 г. на российской сцене была поставлена первая опера, написанная на оригинальный русский текст и исполненная только русскими артистами, под названием «Цефал и Прокрис». Музыку написал знаменитый в то время композитор

неаполитанской школы Ф. Фрайя, либретто (текст) — «придворный» драматург-классицист А. П. Сумароков. Первая же собственно русская одноактная опера под названием «Анюта» была поставлена на подмостках царскосельского Китайского театра в 1772 г. Затем последовали комическая опера «Мельник-колдун, обманщик и сват» М. М. Соколовского (1779 г.) и «Ямщики на подставе» В. И. Фомина (1788 г.) и др. Популярным автором русских опер был Е. Фомин (1761–1800) — первый русский композитор-трагик. Он написал оркестровую увертюру к мелодраме «Орфей и Эвридика» (1792) на текст Я. Княжнина, которая оказалась первым примером русской драматической симфонии.

Во второй четверти XVIII в. было положено начало балетному искусству в России. В 1738 г. в Санкт-Петербурге открылась первая балетная школа.

Первые оркестры в России появились по указу Петра Великого от 19 февраля 1700 г. «О создании военно-оркестровой службы» и довольно долго обслуживали исключительно потребности создаваемой русской армии. С 1705 года в каждом полку появился свой оркестр, состоящий по большей части из труб, гобоев, литавр, валторн и барабанов. В 1715 году были утверждены единообразные штаты полковых военных оркестров. Многочисленные новые военные церемониалы, парады и триумфы привели к созданию первых образцов русских военных маршей. Первым и старейшим из них считается марш Лейб-гвардии Преображенского полка. В связи с победами русского оружия в солдатской среде зародился еще один новый жанр отечественной военной музыки: «панегирический кант» — приветственный гимн на три голоса с бравурными трубными мелодиями (иногда его называли виват-кант — со слова «виват!». Однако в связи с объявлением России империей, появлением Императорского двора с многочисленными церемониями, требующими участия музыкантов, а также после введения ассамблей и танцев на них, военным музыкантам пришлось время от времени менять репертуар. Широкое же распространение в России со второй четверти XVIII в. театральных, балетных и, особенно, оперных постановок привело к появлению гражданских музыкальных коллективов. Поначалу это были инструментальные, музыкальные капеллы, состоявшие по преимуществу из иностранных музыкантов. Прославились на весь Петербург концерты, проводившиеся еженедельно в доме тайного советника Бассевича. На них представляла репертуар европейских композиторов XVIII века частная капелла герцога Голштинского.

Участие в ассамблеях объективно способствовало появлению и развитию любительского исполнительства и занятием музыкой в дворянской среде. Среди молодых дворян стало входить в моду обучение игре на на клавесине, виоле, арфе, флейте, гитаре, клавикордах, сочинялись и исполнялись лирические канты, так называемые «арии» — прообразы

будущих романсов. Именно с распространением любительского («салонного») музицирования в русской музыке XVIII века тесно связано развитие так называемой камерной музыки. Самыми популярными на домашних концертах были различные танцевальные пьесы — менуэты, полонезы, экоссезы, аглезы, контрдансы и др. Не меньшей любовью пользовались и вариации на темы народных песен. Большое количество таких вариаций для скрипки написал и издал первый композитор И. Е. Хандошкин (1747–1804).

В 1763 году императрицей Елизаветой Петровной организована Придворная певческая капелла. Хористами там были и будущие русские композиторы М. С. Березовский и Д. С. Бортнянский. Они полностью реформировали русскую хоровую музыку, связав национальные особенности русского многоголосного пения с достижениями европейской музыкальной культуры. Д. С. Бортнянский был послан на обучение в Италию и после своего возвращения возглавил придворную капеллу. Сам он вошел в историю русской музыки как первый русский композитор классического направления, прославившийся сочинением опер на французский текст, квинтетов, концертных симфоний и большого количества сонат и пьес для фортепиано.

Параллельно с певческой капеллой при дворе существовал особый оркестр, играющий только для императорских и приближенных к ним особ. Этот опыт был подхвачен владельцами частных театров. Так, в Москве широкую известность имели оркестры при крепостных театрах Н. П. Шереметева и А. Р. Воронцова. Свой оркестр был и у Московского университета. С 1730-х годов в Петербурге существовал придворный итальянский театр с оркестром, для которого работали такие композиторы, как Б. Галуппи и Д. Чимароза. С 1783 г. музыкальные спектакли ставились в Санкт-Петербурге в Каменном театре. К концу века свои оркестры стали появляться и в провинциальных театрах.

Распространению музыкального образования и популяризации музыки в обществе способствовало появление в XVIII веке технологии печати нотных записей. В 1730 году впервые в стране типографским способом были напечатаны нотные записи и партитуры с гравировальных досок, а в 1766 году изобретатель С. И. Башковский разработал способ наборного воспроизведения нот.

Литература

1. *Белютин Э.М., Молева Н.* Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1965.
2. *Вдовин Г.В.* Персона – Индивидуальность – Личность. Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005.
3. *Виппер Б.Р.* Архитектура русского барокко. М.: Наука,1978.

4. *Власов В.Г.* Искусство России в пространстве Евразии. Т. 2. Классическая архитектура и русский классицизм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
5. *Воронов А.Ф.И.* Янкович-де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858.
6. *Голлербах Э.* Портретная живопись в России. XVIII век. М., 1923.
7. *Евангулова О.С., Карев А.А.* Портретная живопись в России второй половины XVIII века. М., 1994.
8. *Западов А.В.* История русской журналистики XVIII–XIX вв. 3-е изд., испр. М., 1973.
9. *Коваленская Н.* История русского искусства XVIII века. М., 1962.
10. *Краснобаев Б.И.* Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987.
11. *Ливанова Т.Н.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: исследования и материалы: в 2 т. М.: Музгиз, 1952–1953.
12. Мастера русской скульптуры. Т. 1. Русская скульптура XVIII–XIX вв. М.: Белый город, 2008.
13. *Овсянников Ю.М.* Великие зодчие Санкт-Петербурга. Трезини. Растрелли. Росси. 2-е изд. СПб.: Искусство-СПб., 2001.
14. Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1–3. М.: МГУ, 1985–1988.
15. *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М.: Русское слово, 1997.
16. *Старикова Л.М.* Театр в России XVIII века. Опыт документального исследования. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 1997.
17. *Старикова Л.М.* Театральная жизнь старинной Москвы. Эпоха. Быт. Нравы. М.: Искусство, 1988.
18. *Шубинский В.* М.В. Ломоносов. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2010.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько вводных замечаний 3

Глава I. В начале славных дел 10

Глава II. Внешняя политика России в первой четверти XVIII века 33

Глава III. Реформы Петра Великого 62

Глава IV. Болезнь и смерть Петра I. Начало эпохи дворцовых переворотов 100

Глава V. Россия во второй четверти XVIII века (от Петра II до Анны Иоанновны) 115

Глава VI. Россия в середине XVIII века (от Анны Леопольдовны до Елизаветы Петровны) 143

Глава VII. Итоги социально-экономического развития России во второй четверти XVIII века. Петр III и Екатерина II. Дворцовый переворот 1762 г. 179

Глава VIII. Императрица Екатерина II. Начало царствования. «Просвещенный абсолютизм» 199

Глава IX. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева и реформы второй половины царствования Екатерины II 223

Глава X. Внешняя политика Екатерины II 257

Глава XI. Павел I 308

Глава XII. Русская культура XVIII века 363

Дмитрий Алексеевич Гутнов – доктор исторических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова и МГК имени П. И. Чайковского. Автор нескольких монографий и большого числа статей по различным аспектам истории России.

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII в.

Учебное пособие

Книга представляет собой публикацию авторского курса лекций по русской истории, охватывающего события XVIII в. Может использоваться как учебное пособие для абитуриентов и студентов высших учебных заведений при подготовке к экзамену по отечественной истории. Обилие интересных и малоизвестных исторических фактов с учетом известных сведений, накопленных исторической наукой, вкупе с доступной формой изложения материала позволяет рекомендовать это издание всем, кто интересуется историей России.

Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 651-62-62
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org
•ПРОСПЕКТ•

9 785392 342815